К. В. КЕЙРАМ

ПЕРВЫЙ АМЕРИКАНЕЦ

Загадка индейцев доколумбовой эпохи

К. В. КЕЙРАМ ПЕРВЫЙ АМЕРИКАНЕЦ

C. W. CERAM

DER ERSTE AMERIKANER

DAS RÄTSEL DES VOR-KOLUMBISCHEN INDIANERS

Hamburg
1972

К. В. КЕРАМ

ПЕРВЫЙ АМЕРИКАНЕЦ

Загадка индейцев доколумбовой эпохи

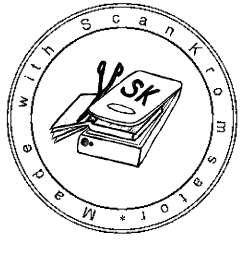
Перевод с немецкого
М. В. ВОРОНКОВСКОЙ
и Н. А. САВИНКОВА
Под редакцией и с послесловием
доктора исторических наук
В. И. ГУЛЯЕВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРОГРЕСС»
1979

Редактор *Новакова М. М.*

Редакция литературы по истории

©
Перевод на русский язык
и послесловие. Издательство
«Прогресс», 1979



Scan AAW

К $\frac{10603-619}{006(01)-79}$ 47-79

0507000000

СОДЕРЖАНИЕ

О чем рассказывает эта книга 11

Вступление 14

Президент и необычные курганы 14

Джефферсон открывает стратиграфию. О чем может поведать человеческий скелет. Как впервые возник вопрос о происхождении первых американцев?

КНИГА ПЕРВАЯ

1. *Колумб, викинги и скрелинги* 25

Необычная географическая карта. Была ли Северная Америка открыта Колумбом? Колумб — первый антрополог? «Кенсингтонский камень» — подлинник или подделка? Сомнений больше нет — Северную Америку открыли викинги. Свидетельство Хельге Ингстадта. Фурия Фрейдис. Снорри — первый белый североамериканец. «Сморщенные крикуны».

2. *Семь городов Сиболы* 40

Лас Касас обвиняет. Северная Америка была завоевана с юга. Полное приключений путешествие человека по фамилии Кабеса де Вака («Коровья голова»). Мучения, продолжавшиеся восемь лет. Первое описание бизона. Священник из Ниццы. Эстебанико, мавр из Асамора, открывает Сиболу. Коронадо завоевывает первые пуэбло. «Капитан Усы». Жизнь в пуэбло.

3. *Гимн Юго-Западу — от Бандельеье до Киддера* 69

Человек, который путешествовал пешком. «Дикий» Юго-Запад. Первые исследователи. Кашинг — «тепличное растение». Тепличное растение защищается. Бандельеье — ученик Моргана. Его смерть — «невосполнимая утрата». Его «научный роман». Киддер в Пекосе. «Вы поступите правильно, раздобыв себе пару лошадей». «Слово «теория» неприменимо к антропологии». Последние пять жителей Пекоса. Первая относительная хронология.

4. *Возвышение и упадок пуэбло Ацтек* 90

Пожилой мужчина вспоминает... Ацтеки никогда не жили в Ацтеке. Вундеркинды. Эрл Моррис ведет рас-

копки. Не слишком ли успешны результаты раскопок? Кива — место собраний тайного клуба мужчин. 352 помещения и 1500 жителей. Ацтек заселялся дважды. После 1252 г. н. э.— город призраков.

5. *Мумии, мумии...* 102

Благоразумная и рассудительная миссис Моррис. Когда кива не является кивой? Хорошо сохранившаяся «маленькая Алиса». Когда мумия является мумией? Мумия собаки получает на одной из выставок «голубую ленту». Заботливо сшитый мужчина. Башмаки без ног, ожерелье без шеи... Детская эпидемия. В доколумбовой Северной Америке не было захватнических войн. Легенды о здоровой жизни первобытных народов. Ящик для хранения мумий и четыре флейты.

КНИГА ВТОРАЯ

6. *Что представляет собой археология и ради чего ее изучают* 115

Антропология — наука о человеке. Археология — наука о том, что оставил после себя человек. Проблема оказывается сложнее, чем казалось. Тем не менее «надо вдохновенно мечтать, но выполнять задуманное спокойно». Особое положение североамериканской археологии. В Северной Америке археологию можно изучать в 137 университетах и колледжах. В 536 музеях имеются постоянно экспонируемые коллекции предметов индейской культуры. Северная Америка как «лаборатория» развития людей каменного века.

7. *Слои и черепки* 123

Киддер рассказывает и бросает вызов законам стратиграфии. Как возникают слои? 38 слоев содержат сведения о периоде в 8860 лет. Человеческая цивилизация начинается с керамики. Кто обнаружил ее? Бобо и доисторическое жаркое из свинины. Термолюминесцентный метод позволяет датировать керамику.

8. *Без времени* 133

Пятьдесят четыре науки помогают археологии. Уиллард Ф. Либби и углерод. Так называемый полураспад. Все мы радиоактивны! Самая интересная лаборатория в мире. Первые результаты явились сенсацией для мировой археологии. Всегда ли точны даты? О том, как водородная бомба помешала археологам. Нобелевская премия за вспомогательное средство для археологии.

9. *Нескончаемое древо* 142

Доктор Дуглас и солнечные пятна. 1929 г. открывает новую эпоху. Что произошло между 1650 и 1725 гг. н. э.? Так называемое «наложение». Насколько точна датировка по годичным кольцам деревьев? Пуэбло Бонито

и «трудные» люди — индейцы. Два рулона лилового бархата. Применение датировки по годичным кольцам деревьев в других местах — даже в Трирском соборе.

КНИГА ТРЕТЬЯ

10. *Вдоль по улице...* 155

Абсолютная хронология для пуэбло и баскет-мейкер («корзинщиков»). Краткая характеристика эпохи баскет-мейкер I—III и эпохи пуэбло I—V. Ожерелье из 5700 пластинок, изготовленных из раковин. Служба национальных парков и карликовые музеи. Каса-Гранде, замок Монтесумы, Бетатакин. Колтон основывает музей. Плодородные «черные пески». 800 развалин вокруг Вупатки. Ораиби старше Берлина. Гёте об Америке. Потерянный город Лукачукай.

11. *Любопытные братья из Меса-Верде* 176

Убийство Ричарда Уэзерилла. Потрясенные европейцы. «Пещерный дворец». Фотограф В. Х. Джексон. 322 444 посетителя за одно лето. Реактивный самолет подвергает руины опасности. Киддер идет по следам Уэзериллов. Кто жил до баскет-мейкер?

12. *Индейцы культур кочисе, могольон и хохокам — «исчезнувшие бесследно»* 182

Кто пришел первым? Хронологическая таблица. Семь стадий развития культуры хохокам. Змеиный город. Хаури ведет повторные раскопки. Южное влияние? Игра в мяч. За 500 лет до Дюрера один из представителей народа хохокам открыл травление. Битая керамика. Величайшие строители каналов в Америке.

13. *История маиса* 193

Основной вопрос всякого одомашнивания. Где возникло земледелие? Величайшие открытия человечества. Каин и Авель жили как раз накануне одомашнивания. Приключение с индюками. Бомбы против птиц. Что же в действительности было одомашнено в Северной Америке? Странствия картофеля и томатов. Золотые початки. Маис не может распространяться самостоятельно. Куда же он двинулся теперь? Ископаемая подделка. Загадка разрешена.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

14. *Открытие маундов* 207

8816 кубометров грунта. Объем работ, больший, чем при строительстве египетских пирамид. Пишут первооткрыватели. Девятый президент Соединенных Штатов. Генералы и духовенство. Кавалерийский офицер в пешем строю. Разрушения. Смитсоновский институт. Три книги.

15. *Бредовые теории: от Атлантиды до страны Му* . . . 217

«Индейцы вовсе не являются людьми». Теория «охотника за ведьмами». «Десять исчезнувших племен Израилевых». Мормоны. По мнению епископа Ашера, мир был сотворен в 4004 г. до рождества Христова. Жители Атлантиды и их «парящие в воздухе суда». Му, насчитывающая 64 млн. жителей. К психологии дилетантов.

16. *Загадка маундов решена* 224

Необычная площадка для игры в гольф. «Змеиный курган» в Огайо. Пирамиды в США. 2700 лет с момента возведения курганов. Адена и Хоупвелл. Площадь кургана Кахокиа больше, чем у пирамиды Хеопса. Поиски сокровищ. Жемчуг на два миллиона долларов. Ложный век железа. Великое Солнце и «вонючки».

17. *Американский Голиаф* 242

Фермер и священник заключают пари. Пять тонн гипса обретают форму. Величайший ископаемый предмет в мире. Эмерсон заявляет: «Вне всякого сомнения, это древность!» Из цирка в музей. Поэт сомневается относительно черепа из Калаверас. Пилтдаунский скандал. Существовали ли в Северной Америке люди ледникового периода?

КНИГА ПЯТАЯ

18. *Фолсомский человек* 251

Черный ковбой находит кость. Открытие становится всемирно знаменитым. Первый след людей ледникового периода в Северной Америке. Фиггинс находит доказательство. Киддер и Робертс подтверждают его. Фолсомский человек охотился на зверей, вымерших 10 000 лет назад. Почему у скелетов бизонов не хватало кончиков хвоста?

19. *Человек Сандиа* 254

Пыльная пещера. Несколько бойскаутов задают головоломку. Коготь гигантского ленивца. Человеческие следы в пятом слое? «И тогда мы нашли его!» Всего лишь остатки оружия, а не останки человека! Спор о возрасте людей Сандиа.

20. *Мир первобытных охотников* 266

Влиятельный человек. Кинопродюсер пишет о первобытных охотниках. Открытие на ферме Линденмейер. 6000 каменных орудий. Первые игральные фишки Америки. Наконечники Кловис. Гипсовый блок в лаборатории. Спор геологов с физиками. Девять детенышей мамонта с фермы Ленер. Трудности датировки. Кострище Тьюл Спрингс. Ортега-и-Гассет о людях. Древнейшая обувная фабрика мира.

21. *Вымирание больших животных* 271

Старик из Кау-Рей-Кау-Соу-Кау. Сколько требуется времени, чтобы изготовить наконечник дротика? Красота оружия. Атлатль — первое чудо-оружие человека. Описание охоты на бизона. Огонь против зверей. Когда и почему вымерли мамонт, бизон и другие большие животные? Человек как охотник и добыча.

22. *Башни молчания* 279

Фермер открывает редкие строения. 500 башен. Война и смерть. Зловещая находка. Мумии... Чешущий палец, Детина и Бесстрашная Титания. Что представлял собой этот народ и кем он был уничтожен?

23. *Первый американец, или Девушки из Мидленда и Лагуны* 285

«Человек из Небраски» оказывается пекари. «Мамочка из Миннесоты». Мидлендский и тепешпанский человек относятся к виду Homo sapiens. Противоречивые мнения. Человек в Африке появился 1 750 000 лет назад? Неандерталец — тупиковая ветвь. Наш прямой предок — кроманьонец. «Если бы вы ехали в метро и в вагон вошел кроманьонец, вы, вероятнее всего, не обратили бы на него внимания!» Подросток находит череп. Череп путешествует по свету. Доктор Бергер устанавливает возраст: черепу 17 150 лет!

24. *Путь через Берингов пролив* 293

25. *Эпилог. Последний человек каменного века в США* 298

У забора бойни. Человек, не владевший ни одним из известных языков. «Сивини» — первое слово. Террор против последних людей каменного века. Один из людей каменного века становится привратником в музее. Иши учится и учит. Трудное искусство добывания огня. Последний человек каменного века Северной Америки был похоронен вместе со своим оружием в 1916 г.

Послесловие 309

Примечания 325

Археолог может отыскать бочку, но при этом не заметить Диогена.

Сэр Мортимер Уилер

Мы стремимся взять у прошлого пламя, а не золу.

Жан Жорес

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ ЭТА КНИГА

Для развития и сохранения культуры особое значение имеют приключения.

Альфред Норт Уайтхед, математик и философ в «Приключениях идей», 1933 г.

Это история североамериканской археологии, точнее, археологии сегодняшних Соединенных Штатов. В то же время это и история древних индейских культур Северной Америки.

Каждый знает, что около пятисот лет назад в Центральной и Южной Америке испанцы уничтожили высокоразвитые индейские культуры, в том числе ацтеков и инков. Менее известно другое, что в итоге работ, которые длятся уже почти сто лет, археологам удалось открыть и в Северной Америке следы существования высоких цивилизаций *; что здесь они также имели дело с исследованием «пирамид» (маундов), мумий, открытиями кладов, представляющих собой не только огромную научную, но и материальную ценность; что археологи сумели проследить жизнь первых американцев вплоть до ледникового периода, до времен охотников на мамонта.

Как и в других моих книгах, я прослеживаю здесь, чаще всего в хронологической последовательности, открытия археологии. При этом сама собой восстанавливается панорама сменяющих друг друга цивилизаций и их истории в том виде, как слой за слоем их открывали археологи. Моя книга не конкурирует с наукой, поскольку речь пойдет не о занятии наукой, а лишь о том, чтобы привлечь к ней внимание. Книги такого рода предполагают существование определенного интереса у читателя. Моя же призвана пробудить такой интерес у множества людей, которые пока либо вообще ничего не знают, либо имеют самое смутное представление о сокровищах прошлого.

Моя книга — не научно-популярная работа в общепринятом смысле. Напротив, это труд глубоко увлеченного писателя, который изменил принцип, сформулированный французскими натуралистами: «Видеть не природу, а науку через призму характера».

Этот принцип дает право на довольно дерзкое обращение с историческим материалом и на сокращения, которые вряд ли когда-либо мог себе позволить специалист-ученый, а если бы он и отважился на это, чтобы внести хоть какой-то порядок в безбрежный материал, то наверняка извинился бы.

В книге могли быть всесторонне представлены лишь отдельные археологи и их труды, многие — лишь упомянуты. А имена ряда других ученых, чьи работы, проводившиеся, например, на

* Советские ученые понимают под «цивилизацией» культуру классового общества со сложившимся государством. До такой ступени развития ни одно из индейских племен Северной Америки к моменту открытия европейцами Нового Света еще не дошло. (Звездочкой отмечены примечания редактора.)

территории северо-запада США и Аляски, имеют не меньшее значение, даже не названы, поскольку я не хотел отклоняться от основной темы, которая проходит через все повествование.

В то же время настоящая книга содержит значительную информацию, которой не найти в специальной литературе. Это неизбежно, когда работаешь как писатель, а не как ученый. В таких случаях, как правило, целиком отдаешься поиску интересного, необыкновенного, и прежде всего человеческого, начала в «сухой» науке. Я с удовлетворением могу заявить, что мне нельзя предъявить обвинений в насильственной романтизации, в чрезмерном подчеркивании приключенческого элемента, детективного поиска, которые так часто предшествовали научным открытиям и сопровождали их.

Однако этот приключенческий аспект никогда не должен затенять главного: утомительной, упорной, полной самоотречения, чисто научной кропотливой работы в поле и в музее. Темперамент автора не может служить оправданием ни для недостатка внимания к фактам, ни для малейшего их искажения. Потому сведения, содержащиеся в данной книге, основываются только на фактах и никогда — на вымысле. И поскольку многие вопросы, особенно датировка и толкование фактов, пока еще являются предметом научных споров, автор везде, где это только возможно, стремился осветить различные стороны каждой проблемы, постоянно подкрепляя излагаемые взгляды цитатами с указанием источников.

Во время работы я пользовался ценными советами и особым расположением Эмиля В. Хаури, выдающегося преподавателя Аризонского университета, который проводил раскопки Снейктауна и многих других объектов. Он первым прочитал всю рукопись и внес в нее важные поправки. Ему я приношу особую благодарность, такую же, как и Фредерику Джонсону из Фонда Пибоди в Андовере, который предоставил мне возможность ознакомиться с богатыми, ранее не публиковавшимися материалами и внимательно прочел всю рукопись. Генри Клайд Шетрон, автор одного из классических трудов по североамериканской археологии, говорил: «Автор обращается к снисходительности своих читателей, особенно тех, которые благодаря своим знаниям и опыту в состоянии заметить его ошибки». Я присоединяюсь к этим словам.

Эмиль В. Хаури организовал мне многочисленные встречи с ведущими специалистами, в том числе со сменившим его на посту директора музея штата Аризона в Тусоне Раймондом Х. Томпсоном, руководителем радиуглеродной лаборатории Полем Дамоном и директором дендрохронологической лаборатории Брайантом Баннистером. Большую помощь оказали мне в вопросах датировки Райнер Бергер из Калифорнийского университета, который внимательно ознакомился с главой книги, в которой речь идет о методе C^{14}, а также Эрнст Холлсштайн, проинформировавший

меня о немецком методе датировки по годичным кольцам деревьев.

Во Флагстаффе я получил на редкость плодотворную помощь директора Музея Северной Аризоны Эдварда Б. Дэнсона и основателя этого музея Гарольда С. Колтона, который, несмотря на свои восемьдесят четыре года, целых полдня с величайшим воодушевлением показывал мне «свои» развалины. Этот показ в дальнейшем продолжил Джордж Гумерман.

Такую же поддержку я встретил в Альбукерке со стороны Френка С. Хиббена, а также со стороны Альфреда И. Диттерта из Антропологической лаборатории в Санта-Фе.

Я глубоко обязан Шерин Брисак за помощь, которую она оказала в приобретении многочисленных фотоснимков. Неоценимую помощь оказал мой друг, директор библиотеки Лонгайлендского университета Натан Резник. Он выполнял мои самые сложные просьбы как читателя и специально просматривал множество научных периодических изданий. Благодаря этому я познакомился с работами, которые при других обстоятельствах наверняка так и остались бы мне неизвестны.

Я должен поблагодарить доктора Вольфганга Хаберланда из Гамбургского этнологического * музея за перевод многочисленных цитат из английских источников.

Моему издателю и лучшему другу на протяжении двадцати лет Генриху Марии Лединг-Ровольт я признателен за личное горячее участие в литературном редактировании книги.

Особой, самой глубокой благодарности по праву заслуживает моя жена Ханнелора Марек. В те моменты, когда, подавленный обилием материала, я начал сомневаться в собственных силах и даже склонен был прекратить дальнейшую работу, она на протяжении долгих четырех с половиной лет всегда находила слова ободрения и постоянно, терпеливо поддерживала во мне веру в успех. Такую же благодарность по праву заслужили мой друг Феликс Гуггенхейм в Биверли-Хиллз и мои умудренные опытом коллеги-писатели Роберт Пик и Мануэль Комрофф в Вудстоке.

К. В. Керам

Вудсток, штат Нью-Йорк.
1972 г.

---

* Этнология — синоним термина «этнография»: наука о народах-этносах (от древнегреческого «этнос» — «народ» и «графо» — «пишу», «логос» — «понятие, мысль, разум, учение»). Зарубежные ученые (прежде всего западные) часто разграничивают эти два понятия, рассматривая этнографию как описательную, региональную дисциплину, а этнологию — как теоретическую, обобщающую науку. В нашей стране такого разграничения нет, но предпочтение отдается первому термину, поскольку слово «этнология» употреблялось в советской историографии лишь эпизодически. Подробнее об этом см.: Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., «Наука», 1973.

ВСТУПЛЕНИЕ

ПРЕЗИДЕНТ И НЕОБЫЧНЫЕ КУРГАНЫ

В 1781 г. в штате Виргиния, одном из тринадцати тогдашних Соединенных Штатов Америки, появилась совершенно необычная книга. Название этой получившей широкую известность работы звучит в переводе как «Заметки о штате Виргиния». Написанная в 1781 г., немного исправленная и дополненная зимой следующего 1782 г., книга была адресована какому-то знатному иностранцу как ответ на определенные, поставленные им вопросы. За заголовком следовали двадцать три длиннейшие главы.

Самое необычное в книге — ее автор. Загруженный на протяжении десятка лет сверх всякой меры работой, он был известен широкой публике исключительно как политический деятель. Здесь же, кроме того, он проявил себя как человек энциклопедических знаний и превосходный стилист. Двадцать три главы «Заметок» содержат не простое, а энциклопедическое описание его родной страны. Причем делается это с такой тщательностью, которую в то время нельзя было встретить ни в одном из имевшихся описаний любого географического района нашей планеты, а уж тем более ни одного района новой, неосвоенной, едва обретшей свободу страны.

Автор писал о топографии и геологии, об экономике и политике, зоологии и ботанике. В книге сообщаются детальные сведения о реках и гаванях, полезных растениях и диких зверях. Попутно он вступает в спор с известнейшим авторитетом своего времени — французским естествоиспытателем Бюффоном. Он пишет о минералах и военно-морских силах (3 кораблях с 16 пушками и двух или трех вооруженных судах, «почти готовых приступить к действиям»). В одиннадцатой главе, в разделе «Древние обитатели», содержится сообщение об одном из начинаний автора, в то время совершенно уникальном. Можно говорить о том, что автор книги Томас Джефферсон, который двадцатью годами позже стал третьим по счету президентом Соединенных Штатов Америки, описывает здесь не что иное, как первую попытку научно обоснованных и тщательно продуманных археологических раскопок.

К тому времени раскопки в Европе имели уже довольно продолжительную историю. Однако с научным подходом дело обстояло не лучшим образом. Случай и жажда наживы руководили

людьми, взявшими в руки лопаты. В 1674 г. много путешествовавший по Малой Азии и Греции врач Якоб Спон вложил новое значение в слово «археология» (в соответствии с греческим значением слова — наука о вещественных памятниках минувших веков). Однако и после этого вплоть до XIX столетия оно, за редкими исключениями, означало не больше, чем изучение искусства древности, по преимуществу греческого и римского. В 1764 г. Иоганн Иоахим Винкельман (1717—1768), которого археологи всего мира поныне чтут как «основоположника археологии», опубликовал свою составившую эпоху «Историю искусства древности». Весьма вероятно, что много читавший и владевший, пожалуй, самой ценной частной библиотекой Америки того времени Джефферсон был знаком с этим трудом. Однако труд Винкельмана целиком посвящен истории искусства, особенно скульптуры, но никак не истории всеобщей культуры, раскрытие, описание и истолкование которой сегодня составляет главную цель археологии *. Кроме того, сам Винкельман никогда не занимался раскопками. Те, кто с 1711 г. первыми приступили к раскопкам Геркуланума и Помпей, на чьих находках Винкельман разрабатывал свои теории, выполняли заказы королей главным образом как искатели сокровищ, в первую очередь произведений искусства. Применявшиеся этими людьми методы раскопок привели бы современного археолога, вздумай он воспользоваться ими, к немедленному отстранению от должности. Фактически они разрушали больше, чем им удавалось спасти из тысячелетиями скапливавшегося хлама.

И вот в 1781 г. американский политик и фермер сообщает о раскопках, которые он предпринял из чистой любознательности. В 1954 г., 173 года спустя, примененный им метод раскопок позволил заявить знаменитому английскому археологу сэру Мортимеру Уилеру: «Мы сталкиваемся здесь отнюдь не со второстепенным увлечением, а, напротив — с трудом, которому этот чрезмерно обремененный делами государственный деятель придавал самое серьезное значение» [1].

Томас Джефферсон (1743—1826) был одним из самых необычных людей своего времени — времени, чрезвычайно богатого выдающимися умами. Рядом с Джефферсоном жили и трудились Джордж Вашингтон, Бенджамин Франклин, Александр Гамильтон, Джеймс Мэдиссон, Джон Адамс, Томас Пейн. Джефферсон выделяется среди них как автор одного из самых значительных политических документов американской истории — Декларации независимости (1776). Собственно, этот факт, не говоря уже о пребывании Джефферсона на посту президента США, оказавший наибольшее влияние на общественную жизнь, был вершиной его карьеры.

---

* См. Послесловие.

Он был сыном владельца табачных плантаций, мирового судьи и полковника ополчения. Его отец получил свои земли, превышавшие 60 моргенов *, просто в обмен на огромную бочку пунша. Детство Джефферсона прошло в роскошном доме поместья одного из покойных друзей отца. Томас изучал право и рано занялся политической деятельностью. В 26 лет он стал депутатом законодательного собрания Виргинии — первого буржуазного представительного органа на американской земле. Одновременно Джефферсон глубоко изучал искусство, литературу и естественные науки, музицировал, читал в подлиннике древних греческих и латинских классиков. Он сам спроектировал и руководил строительством прекрасного, получившего известность во всем мире загородного поместья Монтичелло. Оно стало центром, где на протяжении десятилетий встречались виднейшие представители духовной культуры той эпохи. Отсюда изливался поток его страстных полемических, наполненных передовыми идеями писем, число которых к концу жизни их автора достигло 18 000. Среди них были письма по негритянскому вопросу (хотя сам он еще владел рабами), о религии (он выступал за свободу вероисповедания, во имя которой на протяжении всей жизни настаивал на отделении от церкви и государства), по проблеме индейцев. В одном из писем, обращенных к делаварам, могиканам и мунриэс, он писал в 1808 г.: «Вы смешаетесь с нами, ваша кровь будет течь в наших жилах и вместе с нами распространится по этому великому острову» [2] — совершенно чудовищная, невероятная мысль для его времени, если учесть, что он говорил об этом отнюдь не в аллегорическом смысле. И все это в еще совершенно девственной стране, где было невозможно найти хотя бы одну-единственную приличную дорогу. В стране, большинство жителей которой ютилось в бревенчатых хижинах, носило мокасины и енотовые шапки, одежду из домотканой материи и было совершенно неграмотно!

На склоне лет Джефферсон столкнулся с финансовыми трудностями. Ему пришлось расстаться с библиотекой, которую он продал за 23 тыс. долл. конгрессу. Она составила основу Библиотеки конгресса, являющейся сегодня одним из крупнейших книгохранилищ мира. Но этим дело не ограничилось. Опасность нависла над Монтичелло. Тогда в штатах стихийно начался сбор денежных средств, и таким образом благодаря добровольным пожертвованиям граждан удалось сохранить для великого старца его любимое поместье.

Он увенчал свою деятельность основанием Виргинского университета. Джефферсон открыл университет, когда ему исполнилось 82 года. Он сам набросал текст собственного надгробия: «Здесь похоронен Томас Джефферсон, автор американской Декла-

* 60 моргенов земли равны примерно 160 га.

рации независимости, Виргинского статута о свободе вероисповеданий, отец Виргинского университета». Он скончался 4 июля 1826 г.— в тот самый день, в который за пятьдесят лет до этого была провозглашена составленная им Декларация независимости и который является национальным праздником народа США.

В начале 80-х годов XVIII в. в результате возникших разногласий Джефферсон вынужден был оставить пост губернатора Виргинии и временно отойти от политических дел. Именно в этот столь редкий для него период досуга он создал свои «Заметки о штате Виргиния». Еще при жизни автора вышло 16 изданий книги. Одно из них — 200 экз.— увидело свет в 1782 г. в Париже. Пять лет спустя книга была опубликована в Лондоне, а в 1789 г.— в Лейпциге.

В книге на нескольких страницах излагаются факты, которые ставят имя этого выдающегося человека на одно из первых мест в ряду имен основоположников североамериканской археологии. Поэтому-то рассказом о нем я и открываю свою книгу [3].

Как ни странно, но Джефферсон начинает свое повествование с в высшей степени обескураживающего заявления: «Мне ничего не известно ни о каких предметах, которые могли бы рассматриваться в качестве вещественных памятников индейцев. Ибо к ним я не могу отнести наконечники стрел, каменные топоры, глиняные трубки и грубо выполненные скульптуры».

Но тут же он допускает исключение: «Такими памятниками могут служить искусственные холмы из числа тех, что во множестве рассеяны по всей стране». И далее он дает описание этих холмов, пользуясь для их обозначения старинным словом «барроу», вместо которого сегодня мы употребляем слово «маунд». «Они имеют различную величину. Некоторые из них сооружены из земли. Другие сложены из ничем не скрепленных между собой камней. Каждому ясно, что когда-то они являлись местом последнего успокоения умерших. Некоторые считают, что под ними скрыты бренные останки тех, кто пал в сражениях, происходивших в этих краях. Другие, напротив, связывают их происхождение с имевшим, по-видимому, широкое распространение обычаем индейцев сносить в определенное время в одно место останки всех умерших сородичей, даже в том случае, если в первое после смерти время они хранились в других местах».

Чтобы покончить с этими разногласиями и удовлетворить собственную любознательность, он приходит к следующему решению: «Поскольку один из таких маундов был расположен поблизости, я захотел убедиться в том, какое именно из этих мнений соответствует действительности. С этой целью я решил вскрыть и тщательно исследовать всю насыпь».

Он начинает с точного описания местности, тщательность и методичность которого вряд ли удалось бы превзойти даже современ-

ному археологу. Маунд был расположен на низменной равнине, и по соседству находились другие холмы, на которых сохранились остатки индейских поселений. Он имел куполообразную форму и диаметр основания, равный 13 м. В прошлом маунд, возможно, достигал 4 м в высоту. Такой вывод делает Джефферсон, принимая во внимание, что в последние 12 лет вследствие распашки окрестных земель наблюдался снос слоя почвы толщиной до 2,5 м. Сохранившиеся следы позволили ему установить, что до этого «окультуривания» на маунде росли внушительных размеров деревья со стволами до 30 см толщиной.

После этого он приступил к самому процессу раскопок. Джефферсон ни словом не упоминает о чувствах, которые наверняка владели им перед тем, как первый удар лопаты нарушил тайну загадочного прошлого. Он ведет рассказ так хладнокровно и рассудительно, будто всю жизнь ничем иным, кроме раскопок, не занимался.

«Сначала я вскрыл верхний слой земли в нескольких местах маунда и на глубине от 15 до 90 см стал встречать человеческие кости. Они лежали в полном беспорядке, словно на свалке: вертикально, наклонно, по диагонали, затем опять вертикально. Они были обращены в различные стороны света. Все перепутано и перемешано и удерживалось вместе лишь землей».

Джефферсон не удовлетворился простой констатацией хаоса. Он детально описывает расположение человеческих останков в маунде и постепенно приходит к ряду убедительных выводов. «Кости самых различных частей скелетов лежали вперемешку друг с другом. Так, например, мелкие кости ног оказались в полости одного из черепов. Многие черепа соприкасались друг с другом и были обращены лицом вниз, в стороны, лежали на затылке, вверху и внизу. Создавалось впечатление, будто кости с полнейшим безразличием были высыпаны из мешка или корзины, а затем присыпаны землей без малейшей заботы о том, чтобы сохранить целость скелетов. Чаще всего попадались черепа, нижние челюсти, зубы, а также кости верхней части бедер, голени, стоп, предплечий, кистей рук. Сохранилось очень немного ребер, шейных и спинных позвонков... и только один-единственный экземпляр костей, образующих основу позвоночника. Черепа были настолько хрупки, что в большинстве случаев рассыпались от малейшего прикосновения. Остальные кости были прочнее. Попадались зубы, которые были слишком малы, чтобы их можно было приписать взрослому человеку. Был обнаружен череп, который на первый взгляд принадлежал ребенку. Однако он развалился на части, когда его поднимали на поверхность, так, будто бы хотел избежать более тщательного исследования. Чуть дальше было обнаружено ребро и часть нижней челюсти подростка. Далее — еще одно детское ребро и обломок детской челюсти, в которой еще не выросли зубы.

Эта последняя находка убедительно свидетельствовала, что здесь были захоронены дети. Поэтому я уделил ей особое внимание. Это была часть правой половины нижней челюсти. Отростки, соединявшие ее с височной костью, полностью сохранились. Сама кость была твердой вплоть до места перелома. Перелом, как я смог определить несколько позже, находился примерно в области глазного зуба. Верхний край кости, в котором обычно находятся зубные лунки, был совершенно гладким. Сначала я измерил длину обломка по нижней челюсти взрослого человека. Затем наложил друг на друга отростки суставов и короновидные отростки челюстей. Таким путем мне удалось установить, что кусок челюсти ребенка местом своего перелома доходил до предпоследнего коренного зуба челюсти взрослого. Эта кость имела белый, тогда как все остальные — песочный цвет. Поскольку детские кости были мягче, они, вероятно, разрушались быстрее. В этом, видимо, состояла причина того, что здесь их было найдено так мало».

И вот Джефферсону приходит в голову новая идея: «Тогда я решил проложить через курган вертикальный разрез, чтобы исследовать его внутреннее строение».

Это решение кладет начало одному из специальных археологических методов.

Для нас с вами и для нашей повести об истории североамериканской археологии теперь важно не то, что предстоит открыть Джефферсону в его маунде. Нам важно, как он это сделает, к каким выводам придет. Для нас с вами важно узнать, каким образом ему удастся вдохнуть жизнь в сложенный из костей мертвый холм, открыв в нем фактор времени и, следовательно, элемент развития. «Разрез проходил примерно на расстоянии метра от середины холма. Он был прорыт вплоть до древней поверхности, на которой стоял курган, и настолько широк, что в нем мог передвигаться человек и обследовать его стены. На дне... я обнаружил кости, над ними пару камней, принесенных с откоса, который был удален отсюда на расстояние 400 м, и из реки, протекавшей в 200 м. Затем шел толстый слой земли, над ним слой костей и так далее. В одном из концов разреза наружу отчетливо выступали четыре слоя костей. В другом конце — три таких же слоя. Причем слои в обеих частях разреза лежали в различных плоскостях. Кости, ближе всего лежавшие к поверхности кургана, истлели в наименьшей степени. В костях мне не удалось обнаружить никаких следов, которые обычно оставляют после себя пули, стрелы и другие виды оружия. По моим предположениям, в кургане лежало до тысячи скелетов. Приведенные факты позволяют опровергнуть мнение, будто в кургане покоятся останки павших воинов... Исследование со всей очевидностью доказало, что маунд обязан своим возникновением обычаю собирать останки умерших и хоронить их в одном месте. Оно показало, что первый слой костей был прос-

то-напросто положен на ровной поверхности, обложен несколькими камнями, а затем присыпан слоем земли и что второй слой костей был положен поверх первого. Оно показало, далее, что нижний слой в большей или меньшей мере сместился после того, как на него были положены и засыпаны землей многочисленные кости верхнего слоя и так далее. Такая картина вырисовывается, в частности, благодаря обнаруженным в могильнике:

1) множеству костей;

2) их беспорядочному, хаотическому расположению;

3) наличию костей в различных слоях;

4) несовпадению слоев, расположенных в различных частях кургана;

5) различной степени разложения костей в этих слоях, что, как представляется, указывает на различное время отдельных захоронений;

6) наличию в кургане детских костей».

В этом кратком обзоре, сделанном в 1781 г. (в этом году им был написан первый вариант книги), Джефферсон применил то, что стало с тех пор важнейшим методологическим оружием всех археологов независимо от того, работают ли они на Дальнем Востоке, в Двуречье или Египте, на Юкатане или в Аризоне,— метод стратиграфии. Этот метод позволяет по наслоениям остатков древних культур делать заключения относительно их возраста, иными словами, составлять хронологию их развития. Звучит это необыкновенно просто. Однако вплоть до сегодняшнего дня, когда благодаря достижениям атомной физики и других естественных наук археология получила в свое распоряжение в высшей степени точные вспомогательные средства для определения возраста материальных остатков древних культур, стратиграфия не утратила своего значения. Она продолжает оставаться «высшей школой» для любого археолога, школой мастерства, которое на протяжении всей жизни должны совершенствовать даже самые выдающиеся специалисты.

Отметим попутно, что этот незаурядный человек не только заложил основы стратиграфического метода (к его необыкновенному искусству мы еще возвратимся в ходе нашего повествования), но и дал ему наименование. Однако понадобилось почти сто лет, чтобы это наименование стало общеупотребительным в учебных заведениях, которые готовят археологов. В этом классическом отрывке Джефферсон шесть раз употребляет слово «стратум» вместо «слой». И еще одно попутное замечание. Разработанный им во время первых научно организованных раскопок метод в наши дни прошел такое испытание, которое даже не снилось Джефферсону. Он сам стал, образно говоря, объектом археологических раскопок. Известный своими многочисленными успехами американский археолог-любитель Роланд Уэллс Роббинс с 1954 г. вел поиск следов или остатков давно исчезнувшего дома, в котором родился Джеффер-

сон. Он разыскал и извлек их на свет, применив стратиграфический метод, который открыл человек, живший в этом доме ребенком.

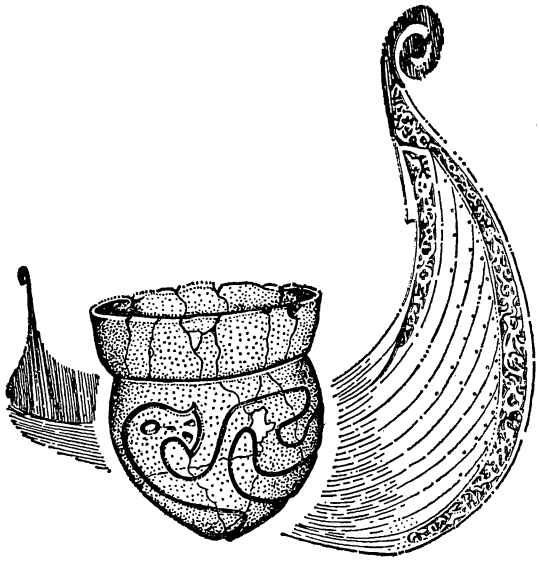
Как следует сегодня оценивать значение сделанного Джефферсоном открытия, его метода, работу, проведенную им на этом виргинском холме? Европейские историки археологии, за единственным исключением, вплоть до сегодняшнего дня вообще не упоминают имени Джефферсона. Только наш современник сэр Мортимер Уилер, директор ряда археологических институтов и один из наиболее упорных исследователей, известный своими раскопками в Англии и Индии, четко указывает на значение работы Джефферсона: «Он дает описание положения холма, на котором ведутся раскопки, в неразрывной связи с окружающим его природным ландшафтом и следами человеческого обитания. Он открывает в материале, из которого сложен курган, элементы, представляющие интерес в геологическом отношении, и прослеживает путь их появления. Он показывает стратиграфические этапы образования кургана. Он точно фиксирует имеющие первостепенное значение особенности размещения костей скелетов. И он вдумчиво сопоставляет добытый фактический материал с широко распространенными гипотезами». «Подумать только, что это произошло в 1784 г.!» — восклицает сэр М. Уилер, ошибаясь при этом лишь в дате, ибо все, о чем он пишет, произошло тремя годами раньше [4].

Джефферсон не мог знать, насколько древним был и что представлял собой народ, который сооружал эти маунды. Ему было известно о существовании множества таких маундов. Но он не предполагал, что только в долине рек Миссисипи и Огайо будут найдены тысячи таких же маундов, единственных на земле, имевших самую причудливую форму, нередко напоминавшую животных. Он без колебаний поставил решающий вопрос — вопрос о первых американцах, о том, откуда явились эти люди, оставившие после себя такие сооружения. И Джефферсон дает на него принципиально верный ответ: они пришли сюда северным путем из Азии! Однако понадобилось более 150 лет, в течение которых было выдвинуто множество ошибочных теорий, прежде чем удалось неопровержимо доказать выдвинутую Джефферсоном гипотезу. История поисков этих доказательств, поисков первых американцев и является темой данной книги.

Разумеется, отнюдь не существование маундов, являвшихся своеобразными памятниками строительного искусства загадочного прошлого, послужило толчком для возникновения первых вопросов. И это понятно, поскольку Северная Америка была завоевана не с Востока, а с Юга, и не сыновьями отцов-пилигримов после 1620 г., а почти за сто лет до этого испанцами, которые вторглись сюда из Мексики. Испанцы столкнулись здесь с удивительнейшими постройками. Но они не проявили к ним ни малейшего интереса,

ибо гнались только за золотом. Завоеватели открыли «пуэбло» — небоскребы индейцев, но их влекли к себе сказочные дали, может быть, «семь городов Сиболы», улицы которых были вымощены чистым золотом. С крестом и мечом испанцы врывались в пуэбло и упустили единственную в своем роде возможность — протянуть руку дружбы доисторическому * народу. Они могли, если бы захотели, заняться созиданием вместо грабежей. Они могли обогатить нас бесценными открытиями, оставить потомкам точные сведения об одной из ранних цивилизаций. Ведь испанцы еще застали пуэбло, в которых люди жили непрерывно на протяжении пятисот лет! Завоеватели все же протянули этим смиренным «дикарям», этим «язычникам» свою руку. Но эта рука все больше и больше обагрялась кровью!

* «Доистория», «доисторический период»— этот термин впервые появился во Франции (1833 г.) и Англии (1851 г.) для обозначения эпохи развития человечества, предшествующей появлению письменности. Он имеет широкое хождение в зарубежной археологии, где большинство исследователей использует его только в узком, хронологическом значении слова — для наименования «дописьменного» периода. Однако в советской историографии термин «доистория» не употребляется ввиду его неточности и расплывчатости. Во-первых, появление письменности как рубеж между «доисторией» и «историей» хронологически не одновременно для разных стран, и, следовательно, конец «доистории» будет приходиться в разных районах на разное время. Во-вторых, этот термин, в политическом и общефилософском смысле, носит обидный и уничижительный оттенок в приложении ко множеству бесписьменных племен и народов нашей планеты: получается, что у них не было и нет своей истории. Поэтому при переводе зарубежной археологической литературы на русский язык обычно в качестве эквивалента понятию «доисторический» используют слово «древний».



КНИГА ПЕРВАЯ

1. КОЛУМБ, ВИКИНГИ И СКРЕЛИНГИ

День 12 октября отмечается в Соединенных Штатах Америки как национальный праздник. В этот день в 1492 г. Колумб открыл Новый Свет. Поскольку он думал, что открыл Индию, то назвал местных жителей «индиос», индейцами. Название «Америка» было дано новому континенту гораздо позже — по имени путешественника Америго Веспуччи.

В честь Колумба в США названы многие города, гора, река, университет и бесчисленное множество улиц, кинотеатров, аптек. День Колумба — день парадов и веселья. Но ни в одну годовщину не было таких бурных демонстраций, как в 1965 г. Одна из газет писала: «На улицах Нью-Йорка в течение пяти часов царил транспортный хаос». В демонстрациях участвовали в основном американцы итальянского происхождения, протестовавшие против одной давно известной теории, внезапно получившей новые доказательства в свое подтверждение, к которым следовало отнестись со всей серьезностью. Как раз за два дня до Дня Колумба в «Нью-Йорк таймс» не без расчета была опубликована статья, взбудоражившая умы италоамериканцев, которые никак не хотели уступать приоритет своего генуэзца Колумба. Ибо статья, датированная «Нью-Хейвен. 10 октября», начиналась сенсационным утверждением:

«Ученые Йельского университета сообщили сегодня утром о самом поразительном картографическом открытии века — находке единственной доколумбовой географической карты тех стран Нового Света, которые были открыты в XI в. Лейфом Эриксоном». Рядом со статьей была опубликована карта. Никаких сомнений: в левом верхнем углу отчетливо было обозначено — «Винланд» (название, под которым, как теперь точно установлено, имеется в виду часть Северной Америки). Ученые Йельского университета относили время создания карты «примерно к 1440 г.», то есть к периоду, более чем на пятьдесят лет предшествовавшему открытию Колумба. А то, что они избрали датой первой публикации карты для сведения общественности в «Нью-Йорк таймс» именно вторник 12 октября — День Колумба, особенно возмутило Итальянское историческое общество Америки, увидевшее в этом не только открытый вызов, но и бестактность.

Откуда же внезапно появилась эта удивительная карта?

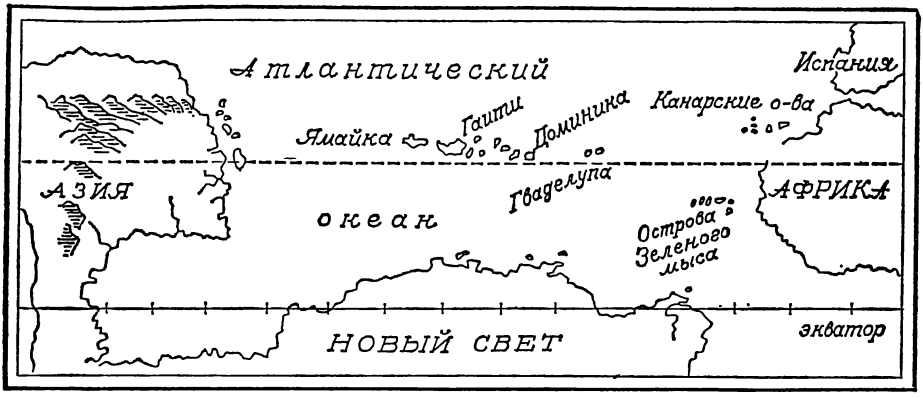
О том, что Северную Америку открыл не Колумб, а викинги — за 500 лет до него, на протяжении нескольких десятилетий говорят все школьные учебники. Но то, что 10—15 млн. жителей Северной Америки итальянского происхождения сбрасывают со счетов путешествия викингов, объявляя их всего лишь легендами, и продолжают ежегодно чествовать Колумба, не лишено иронии. Поскольку, во-первых, твердо не установлено, был ли вообще Колумб итальянцем, и, во-вторых, поскольку твердо установлено, что Колумб не только не ступал на землю североамериканского континента, но ни разу даже издали не видел его. Он открыл лишь острова, лежащие перед Центральной Америкой. Да и сам южноамериканский континент он увидел только во время своего третьего путешествия, в 1498 г. Однако за год до этого — 24 июня 1497 г.— Джон Кабот из Англии действительно вновь открыл Северную Америку. Он высадился на мысе Болд в Ньюфаундленде, затем обошел под парусами мыс Рейс, но вопреки тому, что долгое время утверждали многие историки, он так и не смог исследовать побережье Северной Америки до мыса Хаттерас и вынужден был возвратиться за недостатком времени (согласно последним научным данным, которые письменно сообщил автору этих строк адмирал С. Е. Морисон из Кембриджа 3 декабря 1969 г.).

Если бы кого и следовало чествовать как первооткрывателя Северной Америки (не принимая при этом во внимание ни викингов, ни других мореплавателей более позднего времени), то им должен был бы быть Джон Кабот и уж ни в коем случае не Колумб. Весь комизм ситуации состоит в том, что итальянцы с большим основанием могли бы гордиться Джоном Каботом, поскольку в действительности его звали Джованни Кабото и был он итальянцем, состоявшим на английской службе.

Что же касается Колумба, то вопрос о его национальности в общем не совсем ясен. Вероятно, он родился в Генуе. Но нет никакой уверенности в том, что его родители были итальянцами. Первым известным нам событием его жизни было морское сражение у мыса Святого Винсента, в котором он принимал участие четырнадцатилетним юношей, причем на стороне португальцев против Генуи. Позже он всегда называл себя по-испански — Кристобаль Колон и никогда на итальянский манер — Кристофоро Коломбо. Ни в одном из оставшихся после него документов нет ни строчки, написанной им по-итальянски. Даже письма братьям и генуэзским властям написаны им по-испански. К тому же его братья называли себя сами испанскими именами Бартоломе и Диего.

Следует заметить, что все эти версии лишены доказательств, а потому составители школьных учебников и члены Итальянского исторического общества Америки могут не беспокоиться — никто не собирается отнимать у них Колумба. Хотя Колумб никогда не

видел североамериканского континента и до конца своих дней полагал, что открыл Индию, он вместе с тем остается главной фигурой эпохи Великих географических открытий. Значимость его открытий перед историей намного выше, чем заслуги викингов. Но чтобы это понять, следует немного подробнее рассказать о норманнах.



Карта мира времен Колумба (1503 г.). Заблуждение Колумба, считавшего, что он открыл Индию, разделяет и картограф: на карте Новый Свет соединен с Азией.

Однако вначале еще раз о Колумбе, чтобы объяснить, почему нашу книгу о первых американцах мы начинаем именно с него. Колумб был первым, по чьему приказу было проведено подробное изучение вновь открытых земель и их населения, причем такое основательное, что еще в 1906 г. американский антрополог Эдвард Гейлорд Бурн назвал его, быть может впадая в чрезмерное преувеличение, «основоположником американской антропологии».

Эта для нас одна из наиболее интересных сторон жизни Колумба известна очень мало. Мы хотели бы проиллюстрировать ее лишь одним примером — высказыванием, взятым из биографии Фернандо Колона, сына Колумба, в котором дословно передается рассказ великого мореплавателя[1].

«Мне стоило большого труда разобраться в том, во что верят островитяне и знают ли они, куда попадут после смерти. Особенно меня заинтересовал Каонабо — верховный вождь Эспаньолы *— пожилой мужчина, обладавший обширными знаниями и живым умом. Он и его соотечественники полагают, что после смерти попадут в заветную долину, о которой каждый уважаемый касик знает, что она находится на его прародине. Они думают, что встретят там своих отцов и остальных предков. Будут иметь яства и

* Современный о. Гаити в группе Больших Антильских островов.

женщин, а их жизнь будет полна веселья и радости. Все это изложил подробнее в своем докладе некий брат Рамон (Рамон Пане), знавший их язык. По моему приказу он описал их обычаи и собрал сведения о событиях прошлых дней. И хотя многое в его описании переплетается с мифами и нет в нем никакой пользы, все же важно, что каждый из них верит в свою судьбу и в бессмертие души».

Можно предположить, что эти слова Колумба и сообщения упомянутого брата Рамона Пане во многом способствовали тому, что их католические величества и церковь поторопились объявить индейцев «людьми». В наши дни это звучит невероятно, но, поскольку существование «краснокожих» нельзя было объяснить с помощью Библии, вначале существовали большие сомнения в том, можно ли вообще считать индейцев людьми.

Однако вернемся к карте Винланда. Ее находка явилась чистейшей случайностью. Как сообщил Томас Марстон из Йельского университета: «В октябре 1957 г. антиквар Лоуренс Уиттен из Нью-Хейвена показал моему коллеге Александру О. Вайтору и мне тонкий томик, заново переплетенный в телячью кожу. В нем была карта мира, включавшая Исландию, Гренландию и Винланд, а также неизвестное до сих пор описание посольства Иоанна Плано де Карпини к монголам в 1245—1247 гг. Мистер Уиттен рассказал, что приобрел книгу из европейской частной коллекции»[2].

Рукопись, содержавшая описание путешествия в Монголию, так называемое «Сообщение о татарах», в данном случае нас не интересует. Изучением карты специалисты занимались около 8 лет. Затем, незадолго до Дня Колумба, они сделали сенсационную публикацию. Причем умы читателя особенно взволновал текст, находившийся в левой верхней части карты. Он гласил: «С божьей помощью спутники Бьярни и Лейф Эрикссон после долгого путешествия, предпринятого ими с острова Гренландия в южном направлении, в самые отдаленные части Западного океана, прошли под парусами через льды и открыли новую очень плодородную страну, где растет даже виноградная лоза, и потому назвали ее Винланд...»

В предисловии к публикации 1965 г., носившей название «Карта Винланда», Вайтор пишет: «Карта Винланда представляет собой древнейшее из известных и сохранившихся до наших дней картографических изображений всех частей обеих Америк. На ней удивительно точно нанесены очертания Гренландии, и можно полагать, что сделано это на основе конкретных данных. Если, как предполагает мистер Скилтон, эта часть карты была составлена на севере, возможно в Исландии, то она представляет собой единственный сохранившийся образец средневековой скандинавской картографии. Согласиться с этими выводами — значит допустить далеко идущие последствия, имеющие значение как для истории картографии, так и для истории мореплавания викингов».

«Согласиться с этими выводами...»— пишет Вайтор. Неужели после восьмилетнего изучения карты еще возникали сомнения? Он добавляет: «Поскольку история создания карты полностью не выяснена, нет абсолютного и неопровержимого доказательства, что она не является позднейшей подделкой». И далее он пишет: «Были применены все доступные методы исследования, не ведущие к повреждению или уничтожению рукописи», а затем выражает свое и коллег глубокое убеждение в том, что карта, с ее ясными очертаниями побережья, является подлинной, что составлена она около 1440 г. и, вероятно, основывается на еще более древних источниках.

Крайняя осторожность ученого — особенно в деле изучения истории викингов — имеет основания. В свое время появилась подделка (а может быть, и нет), вызвавшая большую сенсацию и многолетние научные споры: так называемый «Кенсингтонский камень».

Факт открытия викингами Северной Америки до Колумба был признан еще в прошлом столетии, хотя это признание опиралось только на средневековые скандинавские саги, передававшиеся из уст в уста и впервые записанные в тринадцатом столетии.

Всех удивило, что содержание саг вдруг было подкреплено «каменным» документом, свидетельствовавшим, что норманны задолго до Колумба побывали на североамериканском континенте.

В конце 1898 г. шведский эмигрант фермер Олаф Охман недалеко от Кенсингтона в штате Миннесота нашел под корнями осины большой обтесанный камень. Камень имел приблизительно 75 см в высоту, 40 см в ширину и толщину около 15 см. Он напоминал могильную плиту. Десятилетний сын фермера первым заметил, что на камне высечены странные письмена. Для экспертизы пригласили соседа, и началась затянувшаяся до наших дней дискуссия о «Кенсингтонском камне». В ней с энтузиазмом приняли участие люди самых различных стран — специалисты и любители, профессионалы и непрофессионалы. Надпись на камне — скандинавские руны — вскоре расшифровали. Она гласила: «[Нас] 8 готов [то есть шведов] и 22 норвежца [участников] разведывательного плавания из Винланда на запад. Мы остановились у двух шхер в одном дне пути к северу от этого камня. Мы [ушли] на один день и ловили рыбу. Потом мы вернулись, нашли 10 [наших] людей окровавленными и мертвыми. [Благоденствуй, Дева Мария], избавь нас от зла! Десять человек из нашего отряда остались у моря, чтобы присматривать за нашими кораблями [или за нашим кораблем], в 14 днях пути от этого острова. Год 1362».

С самого начала мнения резко разделились. Одна группа со всей категоричностью заявляла, что камень — это подделка. Другая с неменьшей категоричностью признала его подлинным. В то время появилось множество совершенно фантастических, но снаб-

женных «достоверными» доказательствами историй о высадках викингов. По этому поводу Лоуренс Стифил, профессор истории в Миннесотском университете, проживавший недалеко от места находки камня, сказал в 1965 г., что спор очень напоминает ему метод творчества, изложенный великим юмористом Марком Твеном в предисловии к рассказу «Притча о лошади». «Я снабдил эту книгу некоторыми анахронизмами, выдуманными историческими событиями и т. п., чтобы помочь себе в изложении трудных мест. Это не моя идея. Я заимствовал ее у Геродота. Геродот говорил — во всяком случае, так пишет Марк Твен,— что лишь очень немногие события происходят в нужное время, а масса событий и вовсе не происходит. Поэтому задача сознательного историка состоит в том, чтобы втихомолку устранять эти недостатки»[3].

Не входя в рассмотрение детальной и часто весьма остроумной аргументации приверженцев обеих сторон, сообщим читателю лишь о двух из многих опубликованных к настоящему времени книгах, где собраны и яростно защищаются все «за» и «против». «За» выступает Ялмар Род Холанд, ставший в 1907 г. владельцем «Кенсингтонского камня» и посвятивший всю свою жизнь защите его подлинности. Он написал о камне много книг и самую значительную из них назвал: «Доколумбов крестовый поход в Америку» (Нью-Йорк, 1962 г.). Наиболее солидная работа, направленная «против», вышла из-под пера профессора скандинавских языков Калифорнийского университета Эрика Валгрена, скандинава по происхождению, подчинившего свои национальные чувства научной добросовестности. Его книга называется: «Кенсингтонский камень — разгаданная тайна».

В наши дни большинство компетентных ученых считают «Кенсингтонский камень» подделкой и относят его не к 1362 г., а к XIX столетию. Их доводы солидны и убедительны. Но следует иметь в виду, что это всего-навсего косвенные улики. Прямого доказательства подделки камня добросовестный Валгрен так и не смог привести, ибо он не сумел ответить на вопрос: кто и зачем подделал камень? Особый интерес представляет вопрос «зачем», то есть о возможных мотивах подделки.

Как бы то ни было, мы сегодня спокойно можем отложить документы, относящиеся к этому спору, и фактами, а именно археологическими, доказать, что викинги высаживались и селились в Северной Америке до Колумба и Кабота. Предварительно же попытаемся сделать краткий обзор того, о чем рассказывают саги.

Деяния викингов никак не вмещаются в наши представления о «культуре» или «высокой цивилизации». Это был народ разбойников, высшей формой объединения которого являлся клан. На великолепных кораблях с превосходным оружием викинги плыли за моря и океаны: на запад — в Америку, на юг — до Сицилии, на восток — вдоль всего течения Волги. Там, где ступала их нога,

пылали города, рекой лилась кровь и трупами был отмечен их путь.

Их дела стали легендой, о них на протяжении столетий вели речь у очагов стран Северной Европы сказители саг, пока они наконец не были записаны.

Содержание саг чрезвычайно сухо: перечисляются факты и полностью отсутствует эпический размах поэм Гомера. Величие и слава героев воспеваются очень сдержанно. В сагах нисколько не затушевываются отрицательные моменты. Например, в них говорится, что викинги в Исландии были согласны принимать крещение только в горячих источниках, поскольку отважные воины «очень не любили холодную воду». Или другой пример. Из саг мы узнаем о том, что Эйрик Рыжий, возвратившись с открытого им острова, который собирался заселить в ближайшие годы, сообщил своим соотечественникам, что открыл Грюнланд (Зеленую страну — Гренландию). Он сознательно дал такое красивое название этому почти полностью покрытому льдом острову, дабы привлечь туда будущих поселенцев. В наши дни к помощи такого трюка сплошь и рядом прибегают маклеры по продаже земельных участков.

Для нас особенно важны прежде всего «Гренландская сага» и «Сага об Эйрике Рыжем», ибо именно в них идет речь об открытии Америки и о первой встрече викингов с коренным населением. Как повествуют саги, это было открытие «Винланда» — страны винограда.

Важно отметить, что оно было сделано совсем не так, как открытие Колумба, а, образно говоря, скачками. Исходным пунктом была Норвегия. Скачки же следовали через Фарерские острова, Исландию и Гренландию. Первым викингом, увидевшим Гренландию, был, вероятно, человек по имени Гуннбьерн, которого загнал на запад неблагоприятный ветер. Первым же осел в Гренландии Эйрик Рыжий. Он поселился в бухте, названной Эйриксфиорд, где основал укрепление Братталид. Мы знаем достоверно о существовании двух укреплений — «Западного поселка» и «Восточного поселка». Последний был назван не совсем удачно, ибо был расположен в той же части острова, что и «Западный поселок», но лишь западней мыса Фарвель, южной оконечности Гренландии.

Эйрик Рыжий приплыл в Гренландию, будучи изгнан из Исландии за многочисленные убийства. Его сын Лейф Эйрикссон учился в Норвегии и вернулся в Гренландию, имея на руках королевский указ крестить поселенцев. Это ему великолепно удалось сделать с помощью матери — она построила первую церковь в Западном полушарии. С отцом же, называвшим патеров не иначе как тунеядцами (в английском переводе это звучит даже как «пакостники» и, еще короче, как «паразиты»), ему повезло меньше.

Остатки этой первой церкви были обнаружены датским археологом Кнудом Крогом, а в 1967 г. мировую прессу обошли фотографии обнаруженных там скелетов, без сомнения принадлежавших проживавшим там викингам, которые и открыли Америку. Удивляет лишь сразу высказанное утверждение, будто один из скелетов представлял собой останки Лейфа Эйрикссона — первого путешественника на Американский континент, который после своего открытия возвратился умереть на родину.

Согласно саге, Лейф первым открыл Новый Свет, после того как другой норманн — Бьярни, сын Херьюлфа,— его увидел. В сопровождении 35 спутников, одним из которых был «южанин», возможно, немец по имени Тюркер или, во всяком случае, человек, говоривший по-немецки, Лейф в 1000 г. н. э. отправился под парусами на разведку. Сначала он увидел каменистое побережье, названное им «Хеллуланд» (Валунная земля). Это была Баффинова Земля. Далее он двинулся на юг и открыл побережье, сильно заросшее лесом. Он назвал эту землю «Маркланд» — Лесная земля (теперешний Лабрадор). Затем он поплыл дальше на юг и достиг третьей земли, которую нарек «Винланд». Впрочем, история ее названия заслуживает особого внимания.

Когда путешественники прибыли в эту третью по счету страну, она показалась им настолько красивой и плодородной, что викинги остановились там и построили дома. Через короткое время они двинулись дальше. Однажды человек по имени Тюркер исчез. Лейф отправился на розыски. Они продолжались недолго. Вскоре он встретил Тюркера. Тот вел себя очень странно и корчил гримасы. Короче говоря, он производил впечатление совершенно пьяного человека. На вопрос, чем вызвано такое поведение, тот сообщил удивительную новость: он обнаружил виноград. Когда в его рассказе усомнились, Тюркер возмущенно заявил, что он как-никак южанин и знает толк в винограде. Поэтому Лейф назвал страну Винланд.

Независимо от того, был ли виноград или его не было, Тюркер, надо полагать, был шутником, ибо никому еще не удавалось опьянеть от винограда. Но мы еще вернемся к этому вопросу.

Во всяком случае, по поводу названия «Винланд» разгорелся многолетний спор ученых. Как известно, дикий виноград не растет в этих северных районах Америки. И что бы ни думали по поводу возможной высадки викингов сомневающиеся критики, следует помнить, что он растет намного южней — на широте штата Массачусетс. Вот так, без каких-либо оснований, но с претензиями на научность кое-кто определил, что так называемый Винланд раскинулся по всему восточному побережью Северной Америки — до самой Флориды. Пришла пора вмешаться в этот спор человеку, который, вместо того чтобы заниматься полемикой, еще раз непредвзято изучил бы дошедшие до нас сведения. И этот человек явился.

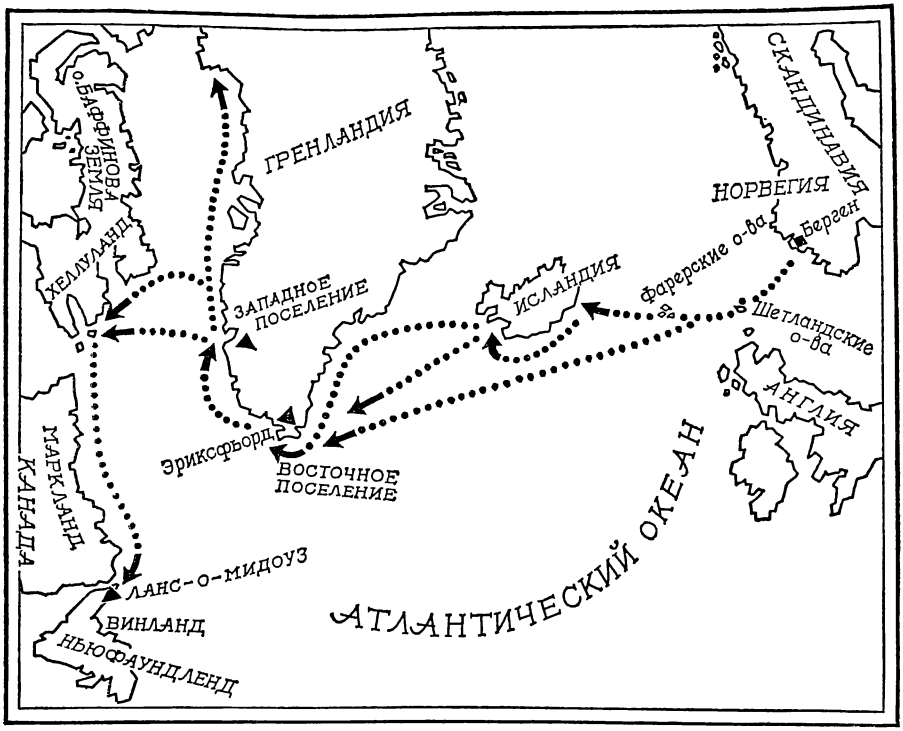
Как поведал о нем позже читателям своей книги Эйрик, граф Оксенстерна, этот исследователь истории викингов[4] «явился, полный энергии первооткрывателя, жажды приключений и внимательной любознательности». Первое же, что предпринял седовласый норвежец, не имело ничего общего ни с открытиями, ни с приключениями. Он поехал на самом обычном рейсовом автобусе из Нью-Йорка в Род-Айленд и начал свои исследования с прогулки.

Хельге Ингстад, о котором идет здесь речь, до этого занимался исследованием Гренландии и выдвинул гипотезу о том, где следует искать Винланд. Когда в 1960 г. он собрался в свою первую экспедицию на поиски остатков поселений викингов (до 1964 г. он совершил 5 таких экспедиций совместно с учеными 5 стран), компетентные специалисты подняли его, как всякого новичка, на смех. Поиски поселения, являвшегося, всего вероятнее, единственным на всем побережье протяженностью 2500 км, сравнивали с поисками иголки в стоге сена. Но уже его скромная автобусная поездка в Род-Айленд дала первый результат. Там в давно заброшенном угольном шурфе он нашел кусок антрацита, совершенно схожий по качеству с другим таким же куском, который был до этого обнаружен археологами в самом глубоком нижнем слое одного из домов в Гренландии — в доме викинга Торфинна Карлсефни, жившего на острове около 1000 г. н. э. Этот кусок антрацита был для ученых загадкой, поскольку антрацита в Гренландии нет. Может быть, Торфинн привез его из Род-Айленда? А почему бы и нет?

Ингстад поехал отнюдь не наугад, как думали многие. Он разработал план поисков, включавший с самого начала обследование Ньюфаундленда. Он еще раз задумался над происхождением слова «Винланд» и беспристрастно поставил вопрос: действительно ли слово «Винланд» должно означать «Страна вина».

Ингстад обнаружил в сагах так много противоречий (к их числу относится и сомнительный рассказ Тюркера о вине), что сразу же смог установить, что вино можно приготовить (а его именно так и готовили!) из так называемой тыквенной ягоды, растущей на побережье Америки намного северней мест произрастания винограда, а также из смородины, которая даже называется по-шведски «винная ягода». Он сделал еще один решительный шаг в избранном направлении. Ингстад поставил под сомнение весьма распространенную точку зрения о том, будто «вин» обязательно означает «вино». Он доказал, что «вин» в переносном смысле издавна означало «богатая страна», «плодородная земля», «страна лугов и пастбищ». В плодородных районах Норвегии и Дании названия многих местностей начинаются со слога «вин», хотя там вообще никогда не произрастал виноград.

В сопровождении своей жены Анны Стайн и дочери Бенедикты Ингстад часто отправлялся на север США. Иногда он путешество-



Походы викингов (около 1000 г. н. э.). Маршруты, нанесенные на карту, свидетельствуют, что викинги, в противоположность Колумбу, достигли Нового Света не сразу, а продвигаясь от острова к острову.

вал в собственном боте, спроектированном судостроителем, который построил знаменитый полярный корабль Нансена «Фрам», мимо мыса Код, Бостона вплоть до Мэна и Новой Шотландии. И нигде он не обнаружил условий, сходных с теми, что были описаны в сагах. Так продолжалось до тех пор, пока он не добрался до Ньюфаундленда!

Не имея возможности подробно рассказать здесь о его многолетнем упорном труде, я должен ограничить себя коротким сообщением о заключительном этапе, позволившем решить проблему «Винланда» * . На северной оконечности Ньюфаундленда, около крошечной рыбачьей деревушки со странным названием «Ланс-о-Мидоуз», Ингстад обнаружил развалины, которые, вне сомнения, не принадлежали ни индейцам, ни эскимосам, ни старым ки-

* Есть русский перевод книги Х. Ингстада. См.: Х. Ингстад. По следам Лейва Счастливого, Л., «Гидрометеоиздат», 1969.

тобоям. Полуфранцузское-полуанглийское название деревни означает в переводе «Бухта среди лугов». Ее положение совпадает с описанием места высадки викингов, содержащимся в сагах, хотя деревня и нанесена на карты только в прошлом столетии.

Ингстад раскопал восемь больших и малых домов, вернее, остатки их фундаментов. Кроме них, он обнаружил кузницу и яму для выжигания угля. Так называемый «длинный дом» имел много помещений площадью 20 на 16 м. Было найдено очень мало предметов обихода, но с археологической точки зрения они говорили о многом. Он нашел обработанное железо, полученное из так называемой болотной руды, встречающейся кусками в озерах, ручьях или на заболоченных лугах. Она превращается в железо в ходе металлургического процесса, хорошо знакомого скандинавам и совершенно неизвестного ни индейцам, ни эскимосам. Кроме того, Ингстад обнаружил сплав меди, также неизвестный коренным жителям Америки, обрабатывавшим медь только ковкой. Когда же нашли самый важный предмет, участники раскопок на радостях обнялись. Этим предметом было маленькое пряслице из мыльного камня (стеатита). Такие же пряслица для веретен применялись ранее в Гренландии и Норвегии.

Не менее двенадцати раз с помощью метода радиоуглеродного датирования (или, как его еще называют, с помощью радиоактивного углерода — C^{14}, подробнее о нем см. гл. 8) определялся возраст обнаруженного древесного угля. Результаты каждый раз были приблизительно одинаковы: остатки угля появились около 1000 г. н. э. Это была дата, упоминавшаяся в сагах о путешествии Лейфа.

Больше не было сомнений, что «длинный дом» — это дом Лейфа Эрикссона. Оттуда он уходил на рыбную ловлю и охоту. У этого очага (место печи было определено точно) он ужинал в кругу своей дружины. Здесь рассказывали о подвигах, и эти сведения, переходя из уст в уста, попадали в Гренландию и Исландию, в Норвегию, где в конце концов становились сагами. Этот дом он оставил родственникам, когда возвратился в Гренландию, чтобы умереть на родине. Но однажды дом был объят пламенем. На это указывает большое количество сохранившихся остатков древесного угля. Может быть, к тому времени он уже был покинут хозяевами? Может быть, его сожгли аборигены? Этого мы не знаем.

Хельге Ингстад, потомок норманнов и удачливый археолог, в конце своего доклада сообщает с осторожностью ученого, оставляющего проблему открытой:

«По совокупности обнаруженного материала можно заключить, что норманны, проживавшие около тысячи лет назад в Ланс-о-Мидоуз, идентичны первооткрывателям Винланда, описанным в исландских сагах. Также вероятно, что они проживали там, где Лейф Эрикссон построил свои «большие дома». Мы предполага-

Викинг, сражающийся с гренландским «пигмеем». Рисунок — чистейшая фантазия Олауса Магнуса (XVI в.)

ем, что Винланд, описанный в сагах, являлся северным Ньюфаундлендом» [5].

Так считает ученый. Отцы же города Бостона предвосхитили этот вывод — еще в 1887 г. они воздвигли в нем памятник Лейфу Эйрикссону.

Нетерпеливый читатель может спросить: когда же наконец мы перейдем к американской археологии, об истории которой обещали рассказать в нашей книге. Отвечу на это: во-первых, упомянув о раскопках Джефферсона и поисках в Ланс-о-Мидоуз, мы уже указали на два примера археологических работ, проведенных в Америке. Во-вторых, такая предыстория необходима нам, поскольку американская археология (вернее, археология в Америке) находится в особом положении. В отличие от европейской археологии она является подразделом антропологии — науки о людях вообще, в то время как археология в Европе началась с изучения памятников материальной культуры и письменности и ее в любом случае следует считать подразделом всеобщей истории *.

Своеобразие американской археологии и тот факт, что своими истоками она уходит в антропологию, заставляют нас начать повествование с рассказа о первом знакомстве с культурами, значительно позже пробудившими к себе археологический интерес. В коротком рассказе о деяниях Колумба мы цитировали слова энтузиаста-ученого, назвавшего Колумба первым американским антропологом, поскольку тот сразу же приступил к описанию нравов и обычаев коренного населения. Именно в связи с деятельностью Колумба, против которого в наши дни так часто пытаются использовать викингов, уместно задать вопрос: а что, собственно, смогли рассказать нам о коренном населении Винланда эти отчаянные мореплаватели и первые европейские поселенцы Америки?

Ответ гласит: чрезвычайно мало! Они назвали аборигенов непонятным именем, а их сообщения неясны и малоутешительны.

После Лейфа в Америку прибыли: Торфинн Карлсефни, Торвальд Эйрикссон и его жена, женщина-фурия по имени Фрейдис, дочь Эйрика Рыжего. Экспедиция, предпринятая Торвальдом Эйрикссоном, закончилась неудачей.

---

* См. Послесловие.

Брат Лейфа Торвальд отплыл на его корабле в Ньюфаундленд, там он перезимовал в доме Лейфа и предпринял несколько разведывательных экспедиций. Однажды на морском берегу норманны наткнулись на три перевернутые лодки, под которыми скрывались девять аборигенов. Викинги без промедления напали на них и всех перебили. Только одному аборигену удалось бежать. Этот непостижимый поступок можно объяснить лишь характером норманнов. Он не имеет ничего общего с разумом. Как и следовало ожидать, этот безрассудный поступок принес свои горькие плоды. Аборигены приплыли на множестве лодок, сделанных из шкур, напали на викингов и осыпали их градом стрел. Одна из них вонзилась в грудь Торвальда. Он выдернул стрелу, приказал спутникам отступить и умер.

Это почти все, что мы знаем о первой встрече «бледнолицых» с коренными жителями, которых пришельцы назвали странным именем — «скрелинги».

Торвальда, вероятнее всего, убили в 1007 г. н. э. В 1020 г. один из викингов по имени Торфинн Карлсефни, прибывший в Гренландию из Норвегии, отправился в Винланд. Его сопровождали 60 мужчин, 5 женщин и много скота. Сохранились различные данные, но в любом случае надо полагать, что это была самая крупная экспедиция. Вероятно, норманны собирались основать большое поселение. Они перезимовали в доме Лейфа Эйрикссона, а на следующее лето вновь встретились со скрелингами. Когда первый скрелинг появился из леса, скот начал мычать. Это так напугало пришельцев, что они в панике бросились бежать, но не обратно в лес, а в ближайшие дома викингов, вокруг которых стояла охрана. Далее встреча проходила мирно. Завязалась даже меновая торговля. Сначала скрелинги хотели заполучить чудесное оружие викингов, но потом довольствовались молоком, которое им очень понравилось. Сами они предлагали для обмена в основном шкуры.

Но Карлсефни был недоверчив и построил вокруг своего дома частокол. Вскоре у него родился сын — первый белый американец, имя которого дошло до нас. Его звали Снорри!

Скрелинги пришли вновь. На этот раз они были многочисленней и назойливей. Когда один из скрелингов попытался украсть оружие, он был убит воином Карлсефни. Викинги сразу же стали готовиться к бою, ибо теперь они ждали нападения. В саге говорится:

«Вскоре скрелинги пришли на место, которое тот (Карлсефни) выбрал для боя. Началась битва, и много скрелингов полегло. Среди них был один высокий и видный мужчина, и Торфинн подумал, что это их предводитель. Вдруг один из скрелингов поднял топор и на мгновение остановил на нем взгляд. Затем он размахнулся и ударил топором одного из своих. Тот упал мертвым. Тогда

высокий мужчина взял топор, посмотрел на него и забросил далеко в озеро. Затем скрелинги что есть мочи бежали в лес. Так закончился бой с ними».

Согласно «Гренландской саге», Карлсефни пробыл в Винланде два, а согласно «Саге об Эйрике Рыжем» — три года.

Последняя экспедиция в Винланд, о которой нам рассказывает «Гренландская сага», была, без сомнения, самой драматичной. Из саги мы узнаем о прямо-таки нечеловеческой злобе женщины, носившей имя Фрейдис. Надо полагать, у ее мужа был слабый характер, ибо именно Фрейдис уговорила его и двух своих братьев, прибывших из Норвегии вскоре после возвращения Карлсефни в Гренландию, отправиться на поиски приключений. Они поплыли на Ньюфаундленд, где вскоре после прибытия началась ссора Фрейдис с братьями. Она хотела завладеть большим кораблем братьев. Однажды ночью она нарочно полураздетая посетила братьев, разбудила их и мирно поговорила с удивленными мужчинами о кораблях. Затем она вернулась к мужу.

«Она легла в постель с холодными ногами. Торвальд проснулся и спросил: почему ты такая холодная и мокрая? Она взволнованно отвечала: — «Я только что была у братьев, чтобы поговорить с ними о продаже их корабля потому, что очень хотела бы иметь больший корабль. Но они рассердились, избили меня и надругались надо мной. А ты, тряпка, не сумеешь отомстить ни за мой, ни за свой позор. Как жаль, что мы далеко от Гренландии. Но я расстанусь с тобой, если ты за меня не отплатишь».

Торвальд не выдержал упреков. Он разбудил своих людей и призвал их к оружию. Те повиновались и пошли к дому братьев. Ворвавшись туда, они напали на спящих, связали их, а затем вывели одного за другим во двор. Выходивших по приказу Фрейдис тут же убивали. Вскоре все схваченные мужчины были мертвы. В живых остались только женщины. Их никто не хотел убивать. Тогда Фрейдис сказала: «Дайте мне топор». Ей повиновались. Она зарубила пятерых оставшихся в живых женщин и ушла только тогда, когда все они были мертвы.

Отвратительная история. Пережившие эту драму вернулись домой. И хотя Фрейдис подкупила своих дружинников, один из них рассказал о совершенном преступлении. Лейф узнал правду, приказав подвергнуть пытке ее спутников. После этого Фрейдис изгнали.

Эта кровавая история рассказана здесь только потому, что она завершает путешествия в Винланд. Так по крайней мере рассказывается в сагах. О самом же важном для нас — об аборигенах — эпизод с Фрейдис ровным счетом ничего не говорит.

Кем же были эти скрелинги?

Если собрать воедино все высказывания ученых, сделанные о них за последние десятилетия, то получится объемистая книга.

Если же взять только то, о чем рассказывают саги, то не наберется и страницы.

Проблема остается открытой. Речь идет о вопросе, представляющем большой интерес для антропологов и этнологов: кем же были скрелинги? Индейцами или эскимосами?

«Сага об Эйрике Рыжем» описывает их так: «Это были маленькие и коварные людишки. У них были большие глаза, скуластые лица и жесткая шевелюра».

Во время одного из путешествий на север Карлсефни нашел пятерых спавших скрелингов и, как повелось у викингов, сразу же перебил их. Он обнаружил у убитых деревянные сосуды, наполненные смесью крови и костного мозга. Это блюдо считалось лакомством у эскимосов. Но Ингстад пишет, что видел такую же еду и у североканадских индейцев. Стрелы же, которыми осыпали викингов, свидетельствуют в пользу индейцев.

Слово «скрелинг» само по себе ничего не говорит, хотя в норвежском и исландском языках встречаются подобные слова: scraela — крик или scraelna — сморщить. Шутки ради это слово можно было бы перевести как «сморщенный крикун». Но это не поможет установить принадлежность аборигенов к какому-либо определенному народу. Проще всего предположить, что викинги не делали никакого различия между индейцами и эскимосами и любого встречного аборигена называли скрелингом.

Вопрос остается открытым.

Без ответа остается также вопрос о том, сколько викингов, или хотя бы один из них, добрались до Америки в следующие столетия. Ведь они жили в Гренландии около 500 лет, прежде чем по неизвестной причине исчезли оттуда *. В истории открытий успехи приходят волнами. Весьма вероятно, что попытки решить проблему «викинги в Америке», которая за десять лет неожиданно получила такой импульс, вскоре дадут удивительные результаты.

Сегодня же мы можем сказать только одно: высадки викингов в Америке интересны со многих точек зрения. Но они не изменили ни мировоззрения, ни экономических условий жизни коренных жителей Американского континента. Это сделал Колумб, это сделали завоевавшие с юга североамериканский континент испанцы, речь о которых пойдет в следующей главе.

И может быть, брат Лейфа, Торвальд, был провидцем, когда, вырвав стрелу из смертельной раны, произнес свои последние слова. Он сказал: «Вижу, что на моей талии слишком много жира. Мы открыли плодородную страну, но она не принесет нам счастья!»[7]

---

* Подробнее о судьбе гренландских норманнов см.: Г. И. Анохин. Судьба гренландских норманнов. — «Советская этнография», 1967, № 3, с. 113—124, и Л. А. Файнберг. Очерки этнической истории зарубежного Севера. М., «Наука», 1971, с. 155—162.

2. СЕМЬ ГОРОДОВ СИБОЛЫ

Среди испанских завоевателей, вторгшихся в Америку, нашелся один-единственный человек, осмелившийся поднять голос против чудовищных преступлений, которые творились захватчиками в отношении краснокожих. Это был епископ Бартоломе де Лас Касас, написавший в 1552 г. свое «Краткое донесение о разорении Индий».

Только этот человек видел в индейцах равноправных людей, признавал их добродетели, считался с их традициями. Только он отмечал самобытность их культуры, которая по крайней мере в империи ацтеков Мексики и в империи инков Перу была во многом выше и тоньше культуры захватчиков, являвшихся худшими представителями своей страны и своей церкви.

За первооткрывателем Колумбом двинулись завоеватели. Эрнандо Кортес с горсткой тяжеловооруженных всадников * начиная с 1519 г. в течение двух лет сумел разрушить цветущую империю Монтесумы (по словам Шпенглера, он сделал это «подобно тому, как прохожий мимоходом сшибает головку подсолнечнику») и захватил несметные сокровища. Не меньше золота награбил и Франсиско Писарро, уничтоживший в 1533 г. империю Атауальны. Под сенью креста наместники испанской короны творили самые невероятные насилия, убивая и грабя аборигенов.

Лас Касас (1474—1566), который на протяжении сорока лет непосредственно наблюдал эти зверства, говорит об индейцах: «Это люди хрупкого телосложения. Они не переносят тяжелых болезней и быстро гибнут от малейшего недомогания».

Что же делают с ними испанцы? Сначала они крестят их. Затем превращают в рабов и отправляют закованными в цепи — мужчин, женщин, детей — на плантации в рудники. «На протяжении сорока лет они заняты лишь тем, что терзают, душат, истязают, пытают и мучают их. С помощью тысяч столь же новых, сколь редких пыток, которых прежде никому и нигде не доводилось видеть, о которых не приходилось ни слышать, ни читать, они самым зверским образом сживают их со света. Таким путем они добились того, что из населения острова Эспаньола, еще недавно насчитывавшего более 3 млн. **, которых я видел собственными глазами, сегодня осталось менее чем триста человек. Мы можем счи-

---

* Отряд Кортеса в начале его похода на столицу ацтеков — Теночтитлан насчитывал 15 всадников, 400 пехотинцев и несколько тысяч союзных индейских воинов из Семпоалы.

** По самым максимальным оценкам современных исследователей, население Эспаньолы (о. Гаити) составляло к моменту испанского завоевания не более 1 млн.— 1,2 млн. человек.

тать достоверно установленным, что на протяжении упоминавшихся сорока лет путем тиранического и дьявольского обращения со стороны христиан, о котором шла речь выше, более двенадцати миллионов мужчин, женщин, детей были уничтожены самым жестоким и гнусным образом. Христиане заключали пари друг с другом о том, кто из них сможет одним ударом меча рассечь человека пополам, проколоть ему пикой голову или вырвать внутренности из живота. Они за ноги отрывали новорожденных от груди матерей и разбивали им головы о скалы. Они сооружали также широкие виселицы, на каждой из которых подвешивали во славу Спасителя и двенадцати апостолов по тринадцать индейцев, затем снизу подкладывали дрова и сжигали всех заживо. Случалось, что некоторые христиане либо из сострадания, а чаще всего из желания прослыть великодушными оставляли в живых отдельных детей и сажали их позади себя на лошадь. Тогда другие испанцы, приблизившись сзади, прокалывали этих несчастных своими копьями или сбрасывали их на землю и отрубали им ноги своими мечами. Однажды индейцы пришли к нам в гости, принесли с собой провизию и другие подарки... Но вдруг в христиан вселился дьявол, и они без какой-либо причины или малейшего повода изрубили в моем присутствии более трех тысяч мужчин, женщин, детей, сидевших вокруг нас на земле. Сверх того, они повесили более двухсот индейцев, чтобы удовлетворить ненасытную жестокость одного-единственного человека — хорошо знакомого мне испанца, который был самым отъявленным злодеем среди других варваров» (настойчивые исследования позволили точно установить имя этого варвара, которое не называет Лас Касас,— Родриго Альбукерке).

Иллюстрация из прошения о лучшем обращении. Оно было подано мексиканскими индейцами испанским властям в 1570 г. (после того как испанцы уже уничтожили миллионы коренных жителей).

Один преследуемый ими касик (старейшина) по имени Хатуэй прибегнул к помощи весьма мрачной символики. Узнав, что у него мало надежды на спасение, он собрал вокруг себя уцелевшую от гибели горстку своих людей и спросил их: «Почему так жестоки испанцы?» И тут же сам дал на него следующий ответ: «Они тако-

вы не только потому, что природа создала их злобными и жестокими. Особая роль здесь принадлежит их богу, которому они поклоняются и которому мы тоже должны усердно молиться...» «Смотрите,— сказал он,— указывая на стоявшую подле него корзинку, до краев наполненную золотом и драгоценными камнями,— вот он бог христиан! Представьте себе это хорошенько, и мы исполним в его честь арейтос (род танца). Возможно, тогда он сжалится над нами и прика ет христианам не мучить нас». «Правильно! Правильно!» — закричали радостно остальные индейцы и тут же начали танец в честь христианского бога и исполняли его до полного изнеможения. Тогда Хатуэй сказал: «Решайте, мы можем поступить с христианским богом, как захотим. Мы можем оставить его у себя, но тогда придут испанцы и все равно отберут его, а нас убьют. Давайте лучше выбросим его в реку!» И тогда они решили похоронить христианского бога — золото в волнах. Надо ли добавлять, что после этого Хатуэй был убит» [1].

Впоследствии прежде всего испанские историки особенно старались выдать Лас Касаса за лжеца. Они объявляли его душевнобольным, вульгарным демагогом, просто ненормальным. Еще в 1963 г. упоминавшийся нами историк Р. Менендес Пидаль называет его «величайшим безумцем и параноиком». При жизни он подвергался гонениям. С трудом ему удалось добиться у Фердинанда V и Карла V отдельных призрачных успехов в защите индейцев. После этого гонения вновь и вновь обрушиваются на него. Он был величайшим из Дон Кихотов. Некоторые из приводимых им цифр могут не выдержать проверки, но новейшие исследования (неиспанских авторов) считают вполне вероятным, что в период конкисты было уничтожено от 15 до 19 млн. индейцев. Даже если обе цифры не являются абсолютно точными, ясно одно: речь идет о миллионах.

Единственным побудительным мотивом этого величайшего в истории человечества массового уничтожения людей являлась жажда золота. Она направлялась и поддерживалась из Испании, королевская власть которой безнадежно погрязла в долгах. Именно эта жажда золота превращала самых благородных, самых искренних и, возможно, руководствовавшихся лучшими стремлениями к мирной колонизации людей в чудовищ, как только их нога ступала на землю Нового Света. О чем, например, совершенно откровенно заявил Кортес, когда после его прибытия в Новый Свет губернатор хотел предложить ему земли для колонизации? «Я прибыл сюда, чтобы добыть золото, а не тащиться, как крестьянин за плугом».

Все, о чем сообщает Лас Касас, происходило в Центральной Америке. Погоня за золотом оправдывалась существованием «Эльдорадо» — легендарной страны золота, которая влекла завоевателей на юг. Однако для искателей приключений, которые, слов-

но волны нескончаемого потока, выплескивались из чрева кораблей на берег, это была осязаемая реальность. Когда Писарро в стране инков захватил столько золота, что смог заполнить им целую комнату, никому из них не пришло в голову, что это и есть подлинное Эльдорадо. Предпринимались все новые и новые поиски, продолжавшиеся еще и в XVIII в.

И разве стоит удивляться тому, что вскоре после завоевания Кортесом ацтекских городов с их великолепными храмами и дворцами, полные ожиданий взоры обратились также к Северу? Никто не имел ни малейшего представления (как выяснилось позже, его не имели и индейцы Мексики) о том, что могло находиться севернее Мехико: пустыня или горы, плодородные земли или какой-нибудь новый континент или же там простиралось бескрайнее море? А может быть, новые дворцы и храмы? И снова разгоряченная тропиками фантазия рождала грезы, которые подстегивались неудовлетворенной страстью наживы. Там, на неизведанном Севере, должны находиться «семь городов Сиболы», улицы которых вымощены золотом, а двери многоэтажных домов украшены драгоценными камнями.

Название «Сибола» встречается в различных вариантах. Оно известно также как Сеуола или Севола. Как ни странно, но испанцы принесли с собой этот миф о семи городах из Европы. В нем говорится, будто в восьмом столетии один епископ в страхе перед нашествием арабов бежал из Лиссабона за море на Запад и основал там семь цветущих городов. Эта легенда столкнулась, очевидно, с таким же древним индейским мифом, распространенным в Мексике. В нем сообщалось о «семи пещерах», с которыми некоторые племена связывали свое происхождение. В одной из многочисленных ранних «историй» фигурирует слово «чикомосток», которое образовано от слова языка науатль «чиком-осток», что приблизительно означает «семь пещер». Оба мифа слились в легенду и в конце концов превратились в представлявшееся достоверным сообщение о том, что где-то на Севере можно было отыскать эти золотые города. И разве тому или иному рассказчику не доводилось встречать товарища, который был знаком с другим, уже побывавшим там? «Семь городов Сиболы» — слово «Сибола» передавалось из уст в уста, от таверны к таверне — превратились в символ, означавший золото, богатство, власть.

Позже один солдат, который должен был знать об этом лучше, чем кто-либо другой, некий Педро де Кастаньеда, состоявший на службе у завоевателя Коронадо, напишет следующее:

«В 1530 г. Нуньесу де Гусману, правителю Новой Испании *, принадлежал раб-индеец из числа индейцев, обитавших в долине

* Вице-королевство Новая Испания со столицей в г. Мехико было создано в 1535 г. из испанских владений в Мексике и Центральной Америке.

или долинах Ошитипар... Этот индеец рассказывал ему, будто бы он являлся сыном одного давно умершего купца, который, когда тот (индеец) был еще совсем ребенком, совершал многочисленные поездки в различные уголки внутренней части страны, торгуя роскошными перьями, которые индейцы используют для своих головных уборов. Возвращаясь, он привозил с собой много золота и серебра, полученных в обмен на перья. Оба металла в той местности встречались очень часто. К этому он добавил, будто один или два раза сам сопровождал отца в поездках и видел города, которые можно сравнить по величине с Мехико вместе с его предместьями. Существовало будто бы семь таких городов, а в них целые кварталы были заняты мастерскими золотых и серебряных дел мастеров. Кроме того, по его словам, чтобы добраться до этих городов, надо было в течение сорока дней двигаться через пустыню, в которой не было никакой растительности, кроме короткой травы высотой пять дюймов. Он говорил, что двигаться следует в северном направлении между обоими океанами» [2].

Упоминания Сиболы в сообщениях того времени бесчисленны. Первым, кто 350 лет спустя подверг их тщательному научному анализу и сумел на основе содержавшихся в них фактов определить место расположения Сиболы (это не были города, полные золота и серебра, но тем не менее весьма своеобразные и примечательные во многих других отношениях), был ставший позже знаменитым Адольф Ф. Банделье. Этот выдающийся первооткрыватель, пионер антропологии и археологии в юго-западной части Северной Америки, в то время не смог даже найти американского издателя для своего обстоятельного труда. Так возник курьез, состоявший в том, что первое научное сообщение о Сиболе хотя и увидело свет в Северной Америке, но на немецком языке. Оно было опубликовано в «Газете Нью-Йорк» в 1885—1886 гг. [3].

Позже Банделье ввел в научный оборот источники, которым было суждено впервые познакомить людей Запада не только с самими древними обитателями Северной Америки, но и с фактами их истории. Главное место среди этих источников принадлежит испанским отчетам о путешествиях, в особенности двум, повествующим о совершенно необычных приключениях, которые даже в столь необычные времена конкисты вызывали сенсации и волнения. Де Вака догадывался, Маркос увидел, а Коронадо позже завоевал первые из расположенных в пустыне древнейших «городов» североамериканских индейцев — таинственные пуэбло.

Первым белым, которому удалось пересечь Северную Америку с востока на запад, хотя и не в самой ее широкой части, но все же от океана до океана, был не кровавый завоеватель, гнавший перед собой скованных попарно индейцев. Напротив, он сам был гонимым, преследуемым, порой попадавшим в рабство человеком. Это путешествие явилось, по образному определению одного

из его позднейших биографов, «путешествием во тьму» [4]. И эту тьму в дальнейшем впервые позволили рассеять его дневники.

Человек со странной фамилией Кабеса де Вака (что значит «Коровья голова») впервые поведал западному миру о таких могучих животных, как бизон и отвратительный чешуйчатый ядовитый ящер. Именно этому человеку мир обязан первыми достоверными сведениями о том, что Америка значительно расширяется к северу и, следовательно, вне всякого сомнения, представляет собой континент. Что же могло лежать там дальше, в глубине этого континента? Несомненно, «семь городов Сиболы»!

Путешествие «Коровьей головы», бесспорно, является одним из наиболее ярких и богатых приключениями за всю историю географических открытий *. Оно продолжалось восемь лет. Причем поводом для него явилось несчастное стечение обстоятельств. За этими странствиями не стояло ни чьего-либо приказа, ни поручения, ни четкой цели (за исключением той, которая потерпела полный провал в самом начале). Его участники на протяжении всех восьми долгих лет скитаний руководствовались одним желанием — выжить, выжить во что бы то ни стало.

Своей необычной фамилией герой путешествия был обязан одному из предков, который был всего-навсего пастухом в те времена, когда после 1200 г. король Наваррский развернул борьбу против мавров. Этот пастух открыл королевским войскам существование горной тропы, которая вела в тыл врага. И чтобы указать ее двигавшимся позади него отрядам короля, он поставил у горного прохода укрепленную на шесте коровью голову. Король одержал победу. Пастух был вознагражден. Его роду было предоставлено право носить фамилию Кабеса де Вака — «Коровья голова».

Наш герой — Альвар Нуньес Кабеса де Вака (один из многих малоизвестных героев открытия Северной Америки, чьи имена были оттеснены на задний план именами таких людей, как Коронадо и де Сото) являлся казначеем одной из экспедиций, отправившейся, подобно многим другим, под командованием Панфило де Нарваэса на покорение неизведанных земель, лежавших на Севере. В апреле 1528 г. корабли экспедиции достигли побережья Флориды неподалеку от нынешнего района Тампа-Бей. Но Нарваэс не был крупным полководцем из числа тех, кому довелось вершить историю в ходе завоевания континента. Будучи человеком самовлюбленным, он в то же время ничем не превосходил окружающих. Будучи жестоким, он был совершенно лишен мужества; напористый, он не обладал ни расчетливостью, ни осмотритель-

---

* Имеется русский перевод воспоминаний Кабесы де Баки о своем поразительном путешествии: Кабеса де Вака. Кораблекрушения. М., «Мысль», 1975.

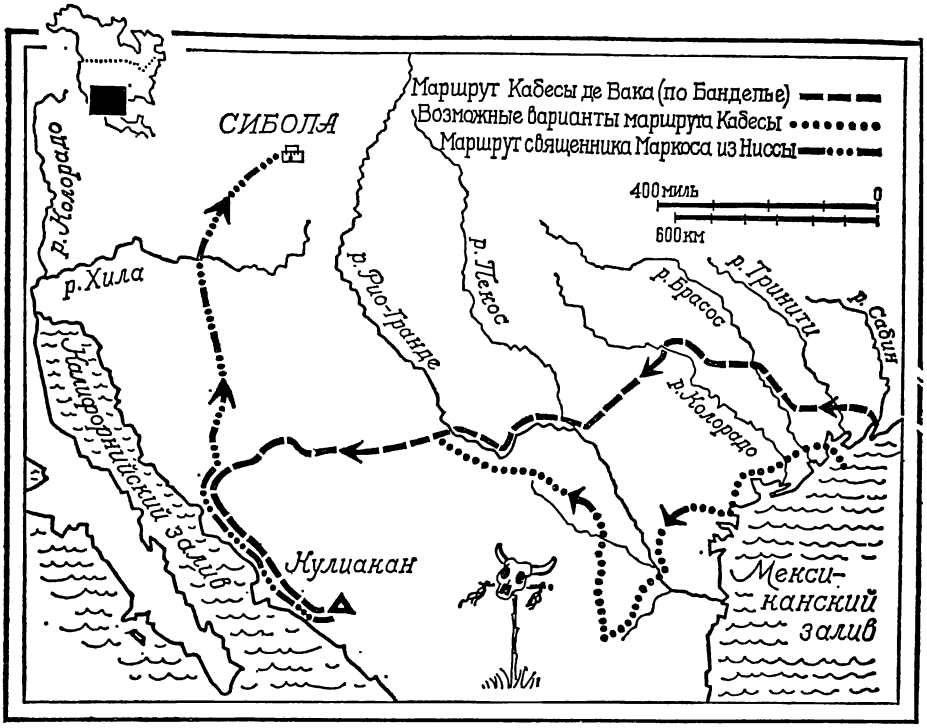
ностью. Получив весьма неопределенные сведения, будто где-то на Севере живет могущественный народ, владеющий несметным количеством золота, он приказал войскам покинуть корабли и двинулся с ними в глубь континента, не задумываясь о последствиях, которые может повлечь за собой такой шаг. Здесь не место описывать катастрофу, которую потерпела эта безумная экспедиция. 260 пехотинцев и 40 конников погибли один за другим, не выдержав невероятных тягот перехода по джунглям. И не удивительно. И сегодня почти невозможно съехать с шоссе № 41, чтобы не оказаться в дебрях совершенно дикого леса. Подобно тому, как случай сохранил нам имя ребенка викингов — Снорри, который был первым белым человеком, родившимся в Северной Америке, точно так же случай сохранил нам и имя первого испанца, погибшего на пути к мифической «Стране Золота», лежавшей на Севере. Во время переправы через одну из рек утонул Хуан Веласкес.

Корабли экспедиции не последовали за войсками. Когда значительно поредевший отряд опять вышел к морю, Нарваэс заставил людей приступить к постройке новых кораблей (невероятный поступок, если иметь в виду, что из всех участников экспедиции лишь один-единственный человек был знаком с плотничьим делом, а каждый гвоздь им приходилось выковывать). В сентябре этот флот вышел в море. Его корабли то приставали к берегу в бухтах, то к расположенным вдоль побережья островам, встречая в одних местах враждебно, а в других — доброжелательно настроенных индейцев.

Невозможно описать все тяготы, выпавшие на долю участников экспедиции. Бури разметали корабли в разные концы. Однако за сорок лет до де Сото им удалось пересечь устье Миссисипи. В конце октября раздался призыв: «Спасайся кто может!» Все корабли оказались окончательно оторванными друг от друга, и никто не знает, где, когда и в каких мучениях пришлось окончить жизнь Нарваэсу и его спутникам.

Среди уцелевших оказался Кабеса де Вака. И вот тут и начинается одиссея, которой суждено было обессмертить его имя. Им казалось, что во время перехода через Флориду и плавания на кораблях они прошли через все круги ада, через все испытания, которые только может вынести человек. Однако то, что ждало их впереди, было еще ужасней.

Де Вака был не один. Выброшенные на берег подобно Робинзону, оборванные и голодные, рядом с ним стояли на техасском побережье, скорее всего на полуострове Веласко, юго-западнее нынешнего Галвестона, еще три спасшихся участника экспедиции. Это были Андрес Дорантес, Алонсо дель Кастильо Мальдонадо и напоминавший призрак, пожалуй, самый удивительный из всех — черный Эстебанико, мавр из Асамора, который, видимо, был



Кабеса де Вака, или «Коровья голова», солдат, искатель приключений, был первым, кто во время восьмилетнего путешествия (с 1528 по 1536 г.) пересек южную часть североамериканского континента с востока на запад. Позднее мавр Эстебанико, товарищ Кабесы де Вака по этому путешествию, вместе со священником Маркосом из Ниссы достигли места, откуда открывался вид на сказочные «семь городов Сиболы».

рабом Дорантеса. Именно ему в дальнейшем предстояло сыграть весьма необычную и значительную роль.

Они были в отчаянии, но приняли вызов судьбы. С самого начала выяснилось, что де Вака был прирожденным руководителем. Но куда же следовало ему вести своих товарищей по несчастью? Они наверняка покончили бы с собой либо, изголодавшись и лишившись надежды на помощь, просто легли бы на землю, чтобы умереть, если бы только знали, что их одиссее суждено продлиться восемь долгих лет. И разве тогда хоть как-то могло повлиять на их чувства даже предположение о том, что после этих восьми лет на их долю отчасти выпадет слава первых европейцев, которым удалось пересечь североамериканский континент от Флориды до Калифорнии?

Этапы проделанного ими пути могут быть восстановлены лишь в самых общих чертах. Предпринимались многочисленные по-

пытки воспроизвести маршрут путешествия на карте (мы приводим здесь два примера). Однако сделать это с полной достоверностью никогда не удавалось, поскольку ландшафты, подобные тем, описание которых оставил де Вака, встречаются во многих местах, а расстояния он почти всегда определял такой крайне неопределенной мерой, как пройденный за день путь. Банделье, который в восьмидесятых годах прошлого столетия прошел по следам де Ваки в тех местах, не раз категорически заявлял: «Я докажу, что Кабеса де Вака и его спутники никогда не ступали на земли Нью-Мексико, что они не принесли с собой в Новую Испанию никаких конкретных сведений об индейцах пуэбло, обитавших на этой территории» [5].

Им сразу же пришлось соприкоснуться с индейскими племенами, часть которых была настроена дружественно, а другая — враждебно. У различных племен, придерживавшихся самых различных обычаев и говоривших на самых различных языках, они обнаружили вместо золота лишь отчаянную нищету. Четверых путников использовали в качестве рабов. Ударами палок их заставляли выполнять самую грязную и тяжелую работу. А некоторые индейцы развлекались тем, что выщипывали волосы из их бород. Единственным средством общения с туземцами для них являлся язык знаков (им редко приходилось оставаться долгое время в одном и том же племени). Все четверо, особенно мавр Эстебанико, овладели этим языком настолько, что получили возможность обмениваться с индейцами сообщениями. Их судьба беспрестанно менялась. Рабы, подвергавшиеся наказаниям в одном племени (однажды они принадлежали семье, все члены которой были одноглазыми), они становились друзьями в соседнем. Их постоянно мучили голод и мысли о бегстве, бегстве назад — к испанской цивилизации. Дичь попадалась редко. Не будучи ни опытными охотниками, ни искусными рыболовами, они находились в постоянной зависимости то от своих хозяев, то от своих друзей. На протяжении многих месяцев им приходилось питаться лишь корнями растений, земляными червями, пауками, улитками. Не раз они заболевали смертельными недугами, покрывались язвами, в которых копошились мухи, тряслись в лихорадке, которую приносили с собой мириады москитов. Но самым тяжким испытанием было то, что чаще всего они были разделены друг с другом. Случалось, что, когда один из них надолго пропадал в поисках пищи, второго неожиданно дарили другому племени в качестве раба. И чудо состояло в том, что вопреки всему они вновь оказывались вместе. Однажды Дорантес пропал и не подавал никаких вестей в течение десяти месяцев. Кастильо и мавр тоже потерялись. Затем сначала эта троица встретилась вновь, а потом наконец нашелся и де Вака. Это произошло уже где-то вдалеке от Техаса в 1534 г. В рамках нашего рассказа нет никакой воз-

можности передать радость встречи этих едва живых существ. Особенно невероятным представляется то, что в них ни на мгновенье не угасала искра надежды, уверенность во встрече с испанцами, которая вела их к этой цели все дальше и дальше сквозь джунгли и пустыни.

Индейцы голодали. Когда голод становился невыносимым, их поддерживала (а вместе с ними наших четырех путников) лишь одна надежда на близкий урожай кактусовых груш — сытных плодов кактуса опунции. Затем наступило «время полных животов». Плоды были питательны. Их можно было сушить и хранить долгое время. Четверым скитальцам было ясно: только после того как поспеют груши, а их тела нальются новыми силами, они смогут думать об осуществлении тщательно готовившегося побега на Запад.

Именно в это время произошли два важных события. Если одно из них, хотя и временно, облегчило им жизнь, то другое фактически обеспечило возвращение к цивилизации.

Первое из этих событий состояло в том, что де Ваке удалось убедить членов одного из дружественных племен в полезности торговли, примитивной меновой торговли с другими племенами. Ему сопутствовал успех. Он стал уважаемым человеком и впервые получил возможность свободного передвижения. Вот его собственные слова:

«Мои запасы состояли в основном из морских раковин, сердцевидных ракушек и створок раковин, применяемых ими для срезки напоминающих бобы плодов, которые они используют в качестве лекарства и как украшение во время праздников и танцев. Они ценят их очень высоко наряду с жемчужными раковинами и некоторыми другими предметами. Эти предметы я относил в глубь страны и приносил оттуда полученные в обмен шкуры и красную охру, которой они разрисовывают себе лица и красят волосы. Я приносил также кремни, клейковину и твердый камыш, необходимые для изготовления наконечников стрел, кисти из оленьей шерсти, которые они окрашивают в красный цвет. Этот образ жизни мне очень нравился. Меня не заставляли ничего делать, и я больше не был рабом» [6].

Во время одной из таких торговых вылазок он вновь обнаружил Дорантеса, который был в то время рабом. Находясь теперь в племени индейцев мариамов, они наметили на сезон созревания кактусовых груш план нового побега. К этому моменту они находились в пути уже шесть лет. Друзья договорились встретиться под покровом ночи вне лагеря. Но Кастильо не явился. В последнюю минуту его отправили в племя лампадос. Трое остальных подстерегли перекочевывавшее на другое место племя и сумели предупредить Кастильо, который на следующую ночь пробрался к ним.

И вот теперь-то и началось самое большое из чудес, которыми сопровождались эти восьмилетние мучения.

Еще в предшествующие годы в различных местах случалось так, что, когда они начинали рассказывать индейцам о великом и всемогущем белом боге, те скромно предлагали в ответ доказать это могущество, вылечив их больных соплеменников. Совсем не простая задача, если иметь в виду, что ни один из четверых не имел ни малейшего представления о медицине. Их знания уступали даже тем, которыми располагали местные знахари, разбиравшиеся в лечебных свойствах многих трав. В безвыходном положении нашим путешественникам не оставалось иного выхода, кроме молитвы. И они во всю размахивали над больными индейцами крестом, попутно делая им искусственное дыхание. И господь, как замечает де Вака, вновь и вновь помогал им.

Однажды они добрались до индейцев племени чававароз, которые слышали, что три белых и один чернокожий были великими врачевателями. Среди членов этого племени было особенно велико число людей, страдавших по непонятным причинам от ужасных головных болей. Де Вака осенил их крестом, и «индейцы тут же почувствовали себя излечившимися». Сегодня не только католическая церковь, опирающаяся на тысячелетнюю традицию, но и современная психиатрия знают о возможности «излечения верой». Церковь приписывает такой результат влиянию всевышнего, богородицы или святых, а современная наука усматривает причину в вере пациентов в чудо.

Как бы то ни было, но де Вака вновь и вновь говорит о своей вере во всевышнего, снова и снова возносит слова благодарности всемогущему. Однако и ему, по-видимому, становилось жутко (поэтому он и стремился сохранять смирение), когда, например, полный отчаяния, он стоял у изголовья больного, который на протяжении многих дней не поднимался с постели и которому он не мог помочь ничем, кроме крестного знамения. Они между тем заметили, что такая процедура производила особенно сильное впечатление, если сопровождалась длительными торжественными церемониями. Де Вака прибег к этой уловке и на этот раз: обреченный поднялся на следующий день здоровым.

Отныне в них стали видеть людей, наделенных сверхъестественной силой. С новой отчаянной ситуацией де Вака столкнулся, когда к нему принесли раненого, в груди которого глубоко засел наконечник стрелы. Де Ваке пришлось сделать свою первую хирургическую операцию. Каменным ножом он рассек рану, удалил из нее наконечник стрелы и зашил грудь пациента оленьими жилами.

Было ясно, что их судьба висит на волоске. Лечение не могло всегда быть успешным. И именно такого момента поджидали снедаемые завистью и недоброжелательством индейские знахари.

Вместе с тем молва об испанских чудотворцах распространялась все шире и шире. От одного племени к другому их провожали с почестями. Наконец они попали в более богатые области, где возделывался маис. Там неожиданно они получили много дичи. Когда они захотели возвратить часть принесенного мяса, которую были не в состоянии съесть сами, это вызвало негодование и тревогу у индейцев — ведь посланная им дичь являлась не платой за труды, а жертвой, которую нельзя было отвергать! Теперь им лишь изредка приходилось испытывать голод и нищету. Достигнув гор Сьерра-Мадре, они столкнулись там с народом, «который на протяжении четырех месяцев в году не ел ничего, кроме истолченной соломы, а поскольку мы оказались там как раз в это время года, нам тоже пришлось питаться соломой» [7].

Чем дальше они продвигались на Запад, тем больше их слава приобретала мистическую окраску. Их уже называли «детьми неба». Еще семьдесят лет спустя хронисты сообщали, что им приходилось сталкиваться среди племен, через территорию которых проходили четверо наших путников, с христианскими представлениями о всемогущем белом боге.

На восьмом году путешествия в одном из племен, расположившемся на берегу реки, им сообщили о других белых людях. Отзывы не содержали ничего хорошего. Сначала они не поверили сообщению, подумав об ошибке, поскольку их путь казался им дорогой в безвозвратную вечность. Но тут они нашли два куска обработанного железа — испанского железа. Затем им удалось узнать, что неподалеку находился лагерь испанских кавалеристов. Это случилось в середине марта 1536 г. у Рио-де-Потатлан в Синалоа.

Капитан Диего де Алькарас и его люди удивленно и с явным недоверием пристально разглядывали четыре удивительных, одетых в оленьи шкуры существа, с дико торчащими бородами. «Они стояли и в течение некоторого времени насквозь пронизывали меня пристальными взглядами в таком замешательстве, что никто из них не окликнул меня и не подошел ближе, чтобы задать нам вопросы» [8].

Алькарас — злобный и грубый солдат, занимался ловлей рабов. Когда он увидел одиннадцать индейцев, сопровождавших де Ваку, он тут же попытался схватить их. Он не знал, что собственный эскорт де Ваки, незадолго перед тем отпущенный им назад, насчитывал 600 воинов. Де Вака оказал решительное сопротивление и немедленно отправил своих индейцев подальше. Алькарас всерьез подумывал о том, не следует ли ему немедленно заковать в цепи этих четверых людей, которые в возбуждении на протяжении битого часа подробнейшим образом пытались рассказать ему о перипетиях своих восьмилетних странствий, начало которым положил провал экспедиции Нарваэса. И не удивительно. Разве не представлялось в высшей степени вероятным,

что это были просто-напросто несчастные дезертиры, сочинявшие всякие небылицы?

Однако ближайший губернатор, до которого они добрались, думал иначе. В город, служивший ему резиденцией, их препроводили с большими почестями. Путь четырех друзей до Мехико был

Первое описание североамериканского бизона принадлежит Кабесе де Ваке. Вероятно, это первое изображение бизона. Оно было опубликовано в Риме в 1651 г. Ф. Эрнандесом.

сплошным триумфальным шествием. Они были страшно расстроены, что не могли дополнить свое новое обмундирование тяжелыми испанскими сапогами. Их вконец стоптанные ноги не выносили никакой иной обуви, кроме индейских мокасин. В конце пути их приветствовал вице-король. Де Вака должен был вновь и вновь рассказывать о нищете и нужде, повсеместно царивших среди северных индейцев, о безотрадной дикости тамошних земель, о бесконечных размерах континента. Ему и его спутникам верили лишь наполовину! Ибо о том, что больше всего от него хотели услышать — о сказочной стране Эльдорадо,— де Вака не мог ничего сообщить.

В 1542 г. в Саморе увидело свет первое издание его путевых заметок, коротко названных «Реласьон» *. Доклад о путешествии протяженностью 5000 миль отмечен такой достоверностью, как ни один из испанских документов того времени. Вместе с тем нарисованная им картина привела в замешательство немало людей, главным образом из числа тех, кто все еще продолжал

* Relación (*исп.*) — сообщение, донесение.

верить в существование на Севере могучей империи, и в частности «семи городов Сиболы», кто составил себе однобокое, примитивное представление об индейцах как о презренных существах, в которых не было почти ничего человеческого.

Нарисованный де Вакой мир бесконечно разнообразен. Его феноменальная память зафиксировала мельчайшие детали. Он интересовался буквально всем. Это был прирожденный исследователь, путешественник и этнограф. Снова и снова сообщает он об обычаях, религии, редких обрядах индейцев, об их общественном устройстве, взглядах и представлениях, одежде и даже рецептах их кушаний. Ему принадлежит первое сделанное европейцем описание североамериканского бизона, который являлся для индейцев точно так же, как и для первых белых поселенцев, важнейшим животным североамериканских прерий. В действительности де Ваке довелось видеть всего лишь трех бизонов из числа тех, которые переселились на Юг.

«По всей стране встречается много оленей, пернатой дичи и других зверей, которых я перечислил раньше. Здесь можно встретить также коров. Я видел их трижды и пробовал их мясо. Величиной они напоминают испанских коров, рога у них короткие, как у мавританского скота, волосы же очень длинные и напоминают хорошую шерсть. Некоторые из них коричневой, другие — черной масти. По моему мнению, их мясо лучше и к тому же его намного больше, чем у нашего скота.

Из небольших шкур индейцы делают покрывала, а из крупных — башмаки и щиты. Эти коровы приходят с Севера через далеко лежащие земли и добираются до побережья Флориды. Их можно встретить по всей стране на расстоянии четырехсот лиг * (около 2000 км). Для людей, живущих вдоль участков территории, по которым пролегает их путь, в частности для жителей долин, их мясо служит основным источником существования» [9].

Первые индейцы, которых ему довелось встретить еще во времена похода во Флориду, были искусные воины: высокие, сильные, проворные, они были вооружены огромными луками. Де Вака сообщает, что однажды стрела, выпущенная из такого лука, вонзилась в находившийся рядом с ним древесный пень на 23 см. Однако позже ему встречались племена низкорослых индейцев, имевших самое примитивное оружие — людей каменного века. Самым удивительным являлось многообразие их языков. Племена, жившие рядом, могли понимать друг друга лишь с помощью языка жестов. Со свойственной ему правдивостью он отмечает, говоря об этих жалких созданиях: «Даже в тех случаях, когда они были

---

* Лига *(исп.)* — старинная испанская мера длины, равная в среднем 4,83 км.

совсем маленького роста, наш собственный страх превращал их в великанов».

Де Вака приводит названия племен: чорруки, догены, мендика, кевены, гуайконы, куотоки, камолы, мариамы, игуасы, атайи, акубады, аавары и т. д. Он воспроизводит их по звучанию. Но остается неясным, являлись ли приведенные названия теми, которыми называли себя сами эти народы, или же они были даны им другими племенами? Насколько названия были искажены его слухом? От большинства упомянутых племен до современных антропологов не дошло никакого следа. Тем важнее то, что оставил де Вака. Он сообщает о распущенности брачных нравов — жен обменивали, покупали или похищали. В случае бесплодия их немедленно сбывали с рук (лук со стрелами был едва ли не самой высокой ценой за женщину). У мариамов брак внутри рода был немыслимым. Вопреки более поздним сообщениям, превозносившим полное воздержание индейцев от алкоголя, они перепивались водкой, приготовленной из мескаля, и одурманивали себя разными снадобьями. Всякое имущество подвергалось разграблению. Кража, даже совершенная у друзей, считалась самым обычным делом. Больных просто бросали в пути. Следует подчеркнуть, что все сказанное выше является результатом всего лишь частных наблюдений, которые ни в коем случае не дают оснований для более широких обобщений.

Встречались им и другие племена: тарахумары, тепецаны, тепехуаны, нио, зоэ, а также опатэс, пользовавшиеся отравленными стрелами, от которых предстояло погибнуть еще немалому числу испанцев. Однако ни разу им не повстречалось то, чего так жаждали испанские завоеватели: богатство. Лишь несколько раз им довелось видеть изумруды (весьма вероятно, что это были обыкновенные малахиты) и немного бирюзы, о которых не стоило вести речь. Правда, при переправе через Рио-Пекос они наткнулись на пару жалких пуэбло. Вместе с тем повсюду им приходилось слышать о том, что на Севере действительно должны были находиться города, гигантские пуэбло, населенные множеством людей, полные золота и серебра. Вновь и вновь наши путники сталкивались с такого рода слухами. И то, что де Вака в своей «Реляции», а до этого в докладе вице-королю, говорит только о слухах и никогда — о свидетельствах очевидцев, не мешало ослепленным испанцам верить в желаемое. Высказывались многочисленные подозрения и домыслы относительно того, что он скрывал то, о чем знал в действительности и, по всей видимости, укрыл где-то добытые им несметные сокровища.

Альвар Нуньес Кабеса де Вака положил конец всем этим слухам и подозрениям, возвратившись в Испанию в свой родной город Херес де ла Фронтера. Затем он перебрался в Севилью. Но даже там на него продолжали смотреть с благоговением как

на обладателя несметных богатств. Король вспомнил о нем еще раз, когда подыскивал добросовестного правителя для района Рио-де-ла-Плата в Южной Америке. Де Вака согласился. Это была неудачная экспедиция. Его опутали интригами. Он даже попал под суд, но был оправдан. В 1557 г. де Вака умер в Испании. Дорантес и Кастильо остались в Мексике. Оба женились на богатых вдовах, и время их смерти неизвестно.

Из четверых остался лишь один — мавр Эстебанико. Именно ему судьба уготовила еще раз необычное приключение, а вместе с ним краткий триумф и трагическую смерть. Мавру предстояло стать первым, кто действительно увидел «семь городов Сиболы».

Вице-король в Мехико дон Антонио де Мендоса задумал организовать очередную экспедицию. Вероятно, ее должен был возглавить Коронадо. Но после сообщений де Ваки Мендоса решил предварительно провести тщательное исследование местности, прежде чем снарядить дорогостоящую экспедицию. Для этого он избрал высокопоставленного францисканского монаха отца Маркоса из Ниссы, который до этого вместе с Писарро участвовал в покорении страны инков. Во время похода он собственными глазами видел, на что способна испанская солдатня. Он присутствовал при убийстве правителя инков Атауальпы и, не испытывая при этом ни малейших сомнений, благословлял убийц крестом.

Выбор священника вместо военного объяснялся тремя особыми причинами, которые были четко названы первым серьезным исследователем этой эпохи Адольфом Банделье:

во-первых, монах обходился вице-королю гораздо дешевле, чем любой военный;

во-вторых, в отличие от военных, склонных к мародерству и преувеличению, священник больше привержен истине.

И наконец, крест монаха особенно в тех областях, куда еще не ступала нога испанского солдата, зачастую производил большее впечатление и убеждал гораздо сильнее, чем меч!

А разве мог Маркос выбрать для экспедиции лучшего, более опытного проводника, чем мавр Эстебанико, который отлично знал негостеприимную страну, был одинаково хорошо знаком с ее населением, и с воинственными и с миролюбивыми индейскими племенами, и как никто владел языком жестов. Здесь уместно сделать несколько замечаний по поводу этого знаменитого языка жестов, который так превозносили и которому отводили такую значительную роль авторы позднейших романов из жизни индейцев. Разумеется, мы знаем очень мало об уровне развития, которого он достиг во времена испанцев, и ровным счетом ничего о том, каков был этот уровень на протяжении многих предшествовавших завоеванию столетий. Но мы знаем ту исключительную роль, которую предстояло позже сыграть этому языку в качестве универсального средства общения, сделавшего возможным все

более широкое распространение торговых связей между теперь уже ездившими верхом индейцами. Так, согласно сообщению крупного специалиста-психолога Вильгельма Вундта, индейцы могли передать жестами следующую сложную фразу: «Белые солдаты, которыми командовал офицер в высоком чине, но с ничтожным умом, взяли в плен индейцев мескалеро» [10].

Возможно, что мавр был рабом Дорантеса. Однако во время одиссеи, которую пришлось пережить четверке, значение имели лишь человеческие качества. Участники путешествия не только относились к нему, как к равному. Более того, в нем видели друга. Теперь же внезапно на долю мавра выпала еще более значительная роль. Он встал во главе отряда, который во многом полностью зависел от него. И это, несомненно, вскружило Эстебанико голову. Его природная склонность к внешней театральности превзошла всякую меру. Желая выделиться своим внешним видом, мавр украшал себя яркими лентами и шарфами, втыкал в волосы пестрые перья. Ему особенно нравилось увешивать себя различными металлическими пластинками и бубенчиками, производившими при малейшем движении невообразимый шум. В таком виде он сновал взад и вперед перед небольшой экспедицией. Не приходится сомневаться, что среди членов некоторых племен с его появлением вновь оживала слава мавра как одного из величайших врачевателей, за несколько лет до этого творивших в тех местах чудеса. На членов других племен никогда не виданный ими черный человек в его фантастическом одеянии производил соответствующее впечатление. Было бы в высшей степени интересным знать, что все-таки думали индейцы? Достоверно известно лишь одно обстоятельство, сыгравшее роковую роль в последние дни экспедиции. Мавр производил потрясающее впечатление на женскую половину местного населения, представительницы которой добровольно следовали за ним. Спустя короткое время после начала экспедиции он располагал буквально целым гаремом. В то время как представители некоторых племен взирали на это с полным безразличием, другие заявляли о своих правах. С самого начала это приводило к определенным недоразумениям. Естественно, что брат Маркос, девизом которого в числе других была защита нравственности, с большим неодобрением относился к такому легкомыслию своего «проводника».

Но им редко приходилось бывать вместе. Эстебанико возглавлял авангард. Он первым сообщал индейцам счастливую весть о прибытии великого белого человека, посланного к ним могущественным белым королем и всемогущим белым богом с бесконечной благодатью и любовью, которые не снились туземцам, объявлял о необходимости беспрекословного повиновения посланцу бога и короля. Мавр позванивал своими бубенчиками, раздавал подарки и добивался успеха. Повсюду индейцы помогали ему сооружать

на пути экспедиции хижины для привала, заполненные всевозможной снедью, в которых неторопливо следовавший за авангардом священник мог быть с почетом принят.

Об этом походе 1539 г., как и о самом отце Маркосе, история долго не могла вынести четкого мнения. Несомненно, соблюдая приказ вице-короля, он пришел в страну не как завоеватель, не с мечом в руках, а как исследователь, но с крестом, который не в меньшей мере, чем меч, жаждал завоеваний.

Однако его сообщение о путешествии, так называемое «Дескубримьенто» («Открытие») полно противоречий, особенно по главному вопросу. Больше, чем кто-либо другой, это обстоятельство подчеркивал летописец позднейшего похода, предпринятого Коронадо дон Педро де Кастаньеда. Он утверждал, что брат Маркос был лживым трусом, который в действительности никогда не приближался к Сиболе ближе, чем на 162 мили. Характерно, что такой серьезный ученый, как Бандельер, который в прошлом столетии провел, несомненно, самое глубокое из всех исследование источников, полностью встает на сторону Маркоса:

«На протяжении более чем трех столетий характер этого человека обрисовывался на редкость неверно. Его действия и поступки извращались. Его слова толковались превратно. В результате сложилось положение, при котором почти все, что так или иначе было связано с историей первых открытий на североамериканском Юго-Западе, получало совершенно неверное толкование. Я намерен следовать путем, существование которого впервые было указано в 1881 г. мистером Ф. Х. Кашингом, искавшим и нашедшим среди индейцев зуньи правду о примечательном путешествии брата Маркоса. Это тот же путь, который позже в 1885—1886 гг. мне удалось наметить в результате исследования документов: воссоздание с максимально доступной точностью истории первого путешествия в Сиболу на основе имеющихся письменных и устных свидетельств, печатных книг и манускриптов, географических и этнографических данных» [11].

Как говорилось выше, Эстебанико входил в состав авангарда, в который тем временем вливались все новые и новые группы индейцев и среди них очень много женщин. Весьма вероятно, что вскоре по числу людей авангард намного превзошел состав свиты самого Маркоса. Как бы то ни было, в обоих отрядах появлялось все больше и больше индейцев, которые сообщали о больших городах, лежавших на Севере, и обитавших там богатых племенах. Эти рассказы звучали так убедительно, что Маркос договорился с Эстебанико о следующем:

«Пройти 50—60 лиг (250—300 км) в северном направлении. Выяснить, не повстречается ли там что-нибудь значительное, не лежит ли там богатая и густонаселенная страна. Если же он обнаружит там что-то подобное или услышит об этом, то должен

будет задержаться и передать мне через кого-нибудь из индейцев соответствующее сообщение. Таким сообщением должен служить белый деревянный крест. Если открытие будет среднего значения, он пошлет крест длиной в пядь. Если оно будет очень важным, ему следует послать крест длиной в две пяди. Если же по своему значению оно превзойдет открытие Новой Испании, он пошлет мне большой крест» [12].

Мавр исполнил свой основной долг. Он заботился, чтобы связь между ним и Маркосом не прерывалась. Но расстояние между обоими отрядами постоянно увеличивалось. Энтузиазм, с которым рвалась вперед первая группа, окрылял вторую. Новости, одна фантастичнее другой, громоздились друг на друга. Словно удар грома поразило группу Маркоса неожиданное появление индейца, который торжествующе размахивал огромным крестом! Как звучал уговор? Что должен был означать самый большой крест? Разве он не должен был означать, что масштабы открытия превосходят открытие Новой Испании? Что, следовательно, вновь открытые города по величине превосходят Мехико?

Индеец и появившиеся вскоре воины сопровождавшего его эскорта сообщили на этот раз о таких чудесах, по поводу которых Маркос пишет:

«...я отказываюсь в них верить до тех пор, пока не увижу все собственными глазами или не получу дальнейших подтверждений». Но почему он продолжает сомневаться? Ведь, по его словам, «Сибола была здесь так же хорошо известна, как Мехико в Новой Испании или Куско в Перу. Они описывали форму домов, расположение деревень, улиц и площадей так, как это могли делать только люди, которые в них часто бывали и приобретали там для себя предметы роскоши и первой необходимости, которыми владели жители» [13].

Даже последняя новость о том, что им еще предстояло проделать через пустыню путь протяженностью в пятнадцать дневных переходов, больше не пугала. Между тем мавр явно потерял рассудок. Вместо того чтобы при виде вожделенной страны остановиться и ждать Маркоса, который, если верить его сообщению, приближался преисполненный достоинства со всеми возможными предосторожностями, чернокожий явно отдался во власть одного желания — стать самому первооткрывателем «семи городов»! Как вдруг при встрече с одним из новых племен его трескотня и шарлатанство, сопровождавшиеся нелепым приплясыванием, неожиданно не только не возымели желаемого действия, но вызвали прямо противоположный результат! Жители первого же крупного селения — пуэбло, которое первым увидел не белый, а чернокожий человек, схватились за оружие!

Выбившийся из сил, окровавленный индеец доставил известие об этом находившемуся далеко позади Маркосу.

Еще со времен Софокла известен древний литературный прием: сообщение о трагическом событии передается аудитории устами вестника в скупых и суровых словах. Наполненная экзальтацией фраза содержит сообщение лишь о самом событии, взятом в чистом виде. Впечатление может быть еще больше усилено невнятностью речи. Ведь, согласно правилам искусства, слушателей должны потрясать не переживания рассказчика, а то, о чем он говорит.

Теперь, пожалуй, уже ничто не в силах передать нам ни мук, ни отчаяния, ни страха смерти, наверняка овладевших людьми, собравшимися вокруг Маркоса, когда они услышали скупое сообщение окровавленного индейца, которому довелось быть очевидцем первого триумфа и последнего часа незабвенного Эстебанико. Маркос воспроизводит его слова:

«Он рассказал мне, что Эстебанико за день до того, как они достигли Сиболы, послал туда в соответствии с обычаем свою флягу из тыквы, чтобы сообщить жителям города, в каком качестве он к ним прибыл. Фляга была украшена несколькими шнурами с бубенчиками и двумя перьями, одно из которых было белым, а другое — красным. Когда посланные им люди подошли к Сиболе и передали флягу человеку, которого тамошний властитель наделил правом отдавать приказы, последний взял ее в руки. Но, заметив бубенцы, он в гневе с силой швырнул ее на землю и велел посланцам немедленно покинуть город. Он объявил им также, что запрещает входить в город, ибо знает, что эти люди эти чужестранцы и что в случае неповиновения они будут убиты. Посланцы возвратились к Эстебанико и сообщили, что произошло. Однако он сказал, что это ровным счетом ничего не значит, поскольку не раз те, с кем ему приходилось встречаться ранее, тоже поначалу проявляли гнев и злобу, но потом всякий раз принимали его с радушием. Так он продолжал свой путь до тех пор, пока не достиг Сиболы. Там он встретил людей, которые преградили ему путь и заключили под стражу в большом доме, расположенном вне города. Они отобрали все вещи, которые он вез с собой для обмена: бирюзу и другие предметы, полученные у индейцев во время путешествия. В этом доме он провел всю ночь, и ни ему, ни сопровождавшим его людям не дали ни есть, ни пить. На утро индеец (который сообщил нам об этом) почувствовал сильную жажду и, крадучись, выбрался из дома, чтобы напиться воды из протекавшей поблизости речки. Вскоре после этого он увидел, как Эстебанико пытался бежать, преследуемый жителями, убивавшими его спутников. Когда индеец увидел все это, он спрятался и пополз вдоль упомянутой речки. Наконец ему удалось ее пересечь и пуститься в путь через пустыню» [14]. Дальнейшие сообщения очевидцев полностью подтвердили этот факт массовой резни. Бесстрашный мавр был убит. Лишь двум раненым удалось до-

тащиться до Маркоса. Жители Сиболы перебили около трехсот человек из отряда Эстебанико и наглухо закрыли границу даже для торговли между самими индейцами.

Это сообщение полностью соответствует действительности. Год спустя один из офицеров Коронадо, расспрашивая местных жителей, узнал от них точно такие же подробности. Как установил Френк Х. Кашинг, сказание об этом событии сохранялось у индейцев племени зуньи вплоть до XIX в. Согласно одному из сообщений, тело Эстебанико было разрублено на множество кусков. Эти куски были затем разосланы в другие пуэбло как доказательство, что мавр являлся простым смертным и был убит.

Индейцы, сопровождавшие Маркоса, хотели бежать. Маркос сумел удержать при себе нескольких человек, разделив между членами отряда все свое имущество. Он продолжал двигаться вперед, все время вперед до тех пор, пока двое из сохранивших ему верность индейцев не привели Маркоса к месту, с которого он мог увидеть Сиболу!

Наконец перед ним лежал город, о котором мечтало столько испанцев. Он долго смотрел на него. Затем соорудил каменный крест и осмелился объявить всю простиравшуюся перед ним страну — пуэбло Сибола, Тотонтеак, Акус и Марата, за которыми должны были лежать еще более крупные поселения,— владением испанской короны, дав ей название «Новое королевство святого Франциска». После этого он решил возвратиться домой. Весьма разумное решение! «Иногда меня охватывало искушение направиться в город, ибо я знал, что не рискую ничем, кроме собственной жизни. А эту жизнь именно в тот самый день, когда мы отправились в путь, я посвятил господу. Но меня одолел страх, который был порожден размером опасности, а также сознанием того, что в случае моей смерти некому будет поведать миру об этой стране» [15].

Но боже милостивый, что за «сведения» привез он с собой! Человек, которого так превозносит цитировавшийся нами выше поборник истины Банделье, несомненно, должен был находиться не в своем уме в тот момент, когда он бросил первый взгляд на Сиболу (на «страну зуньи», расположенную, как мы об этом знаем теперь, в верховьях протекающей через Нью-Мексико реки Зуньи, на группу пуэбло, являвшихся, вне всякого сомнения, теми «семью городами Сиболы», сведения о которых были безмерно преувеличены молвой и фантазией, грезами и мечтами). Если даже попытаться оставить в стороне владевшее им глубокое волнение, если знать, насколько бывает поражен даже современный турист, когда он неожиданно заметит вдруг вдали на фоне сверкающего солнца одну из призрачных многоэтажных построек, напоминающих сероватые пчелиные соты с ячейками, которые образуют пуэбло, даже если сегодня мы едва можем подсчитать,

сколько же жителей мог вмещать в себя такой город-гора, то даже и в этом случае остается совершенно непостижимым, как мог осмелиться брат Маркос направить вице-королю следующее послание:

«Вместе с моими индейцами и переводчиками я продолжал путь до тех пор, пока мы не приблизились к месту, с которого можно видеть Сиболу. Она занимает равнину, лежащую на склоне круглого холма. Как населенный пункт Сибола оставляет хорошее впечатление. Это самое крупное из всех поселений, которые мне приходилось видеть в тех краях. Как рассказывали мне индейцы, все дома построены там из камня. Они расположены ярусами и имеют плоские крыши. Насколько можно было разглядеть с высоты, откуда я вел наблюдение, поселение это превосходит по величине город Мехико». И он подчеркивает: «... согласно моему мнению, это самое крупное и лучшее из всех поселений, которые были открыты когда-либо в прошлом» [16]. Совершенно безрассудное заявление о пуэбло племени зуньи в устах человека, который прибыл из города Мехико, где в то время, около 1540 г., возможно, и насчитывалось не более тысячи испанских поселенцев. Но вместе с тем там проживало огромное число индейцев. И что особенно важно, именно там находились развалины огромных ацтекских дворцов и храмов, равных которым, как мы, к сожалению, должны сообщить здесь увлеченному читателю, нет больше нигде во всей Северной Америке.

Однако этот насквозь лживый доклад привел к завоеванию нынешнего «Юго-Запада» Соединенных Штатов. Коронадо, которому предстояло стать здесь самым знаменитым из завоевателей, взялся за оружие, а вслед за ним потянулось множество других. Свита завоевателей включала в себя немало доброжелательно настроенных священников, но также и писцов, нотариусов, судей и палачей. Лишь 140 лет спустя народ зуньи смог вновь еще раз подняться на борьбу против испанского ига.

Завоеватели передавали эстафету друг другу. Сегодня они сражались в одном отряде, назавтра вставали во главе собственных экспедиций, прокладывавших путь следующим за ними:

Кортес — Нарваэсу
Нарваэс — де Ваке
Де Вака — Эстебанико
Эстебанико — брату Маркосу
Маркос — Коронадо.

И действительно, мог ли Франсиско Васкес де Коронадо найти себе лучшего проводника, чем Маркос, когда в феврале 1540 г. он был направлен вице-королем во главе отряда, состоявшего из 250 всадников, 70 пехотинцев и многих сотен индейцев, гнав-

ших стада различного скота на новое, на этот раз настоящее завоевание сказочной Сиболы?

Разумеется, история завоевания будет неполной, если в ней не упомянуть имен Эрнандо де Сото и многих других, которые прошли вслед за ним, все глубже исследуя страну и все жестче подчиняя ее испанскому владычеству с помощью меча и креста. Тем не менее мы намерены придерживаться избранного нами пути — двигаться по следам первых индейцев Северной Америки. Поэтому мы ограничимся упоминанием в качестве последнего завоевателя Коронадо, который разрубил мечом покровы тайны, так долго скрывавшей правду о «семи городах Сиболы». Еще и сегодня на Юго-Западе США можно встретить его следы. Он или кто-то из его подчиненных пересек территорию Аризоны и Нью-Мексико, прошел вперед вплоть до Канзаса и впервые увидел чудо Большого Каньона (Гранд-Каньона), это величайшее из чудес Земли, которое он воспринял лишь как досадное препятствие на пути продвижения к Северу.

Однако вернемся к Сиболе. Поход с самого начала был полон разочарований. «Все двигались радостно, но по самому обычному пути. Тем не менее он требовал от солдат огромных усилий, поскольку им пришлось сразу же убедиться, что действительность оказалась прямо противоположной рассказам преподобного отца» [17]. Лошади гибли от истощения. Среди индейцев и негров появились первые дезертиры. Когда в середине июня 1540 г. они достигли последнего перед Сиболой участка пустыни, все были настолько измучены голодом, что один из испанцев, два негра и даже некоторые индейцы начали есть ядовитые растения, в результате чего погибли.

Как только они преодолели самые тяжелые участки пути, к ним явились первые посланцы из Сиболы. Состоялся обмен знаками дружбы. Но Коронадо не верил в это. Он выслал вперед группу разведчиков. Ей предстояло выяснить, не приготовлена ли где-нибудь для них западня. И командир отряда действительно обнаружил «одно ничем не примечательное место на нашем пути, где нам мог быть нанесен тяжелый урон, и, не мешкая, тотчас же закрепился там со своими солдатами» [18]. Предчувствие не обмануло его. Ночью внезапно, словно тени, появились индейцы, чтобы захлопнуть западню. Увидев, что опоздали, они тем не менее бросились на испанцев, «как мужественные люди». Но испанцам удалось отбить нападение, не потеряв ни одного человека. Предупрежденный об этом Коронадо решил без промедления захватить Сиболу, поскольку больше, чем золото, его отряду необходимо было продовольствие.

На следующее утро с лежавшей невдалеке возвышенности они смотрели на Сиболу!

Они увидели напоминавший пчелиные соты сероватый комп-

лекс домов, на террасах и лестницах которого суетились индейцы. На парламентёров и переводчиков, громко объявивших о переходе города под власть короля, посыпался град стрел. И Коронадо пошел в лобовую атаку.

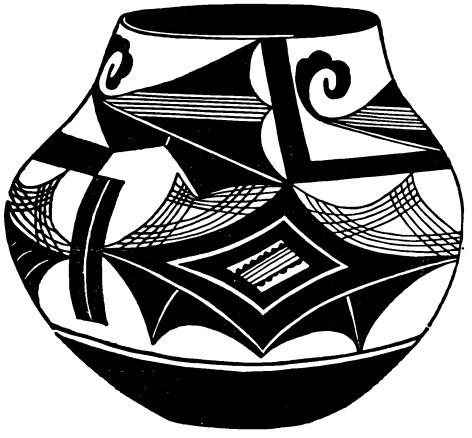
Еще в поле на испанцев напало значительно превосходившее их по численности войско индейцев. И здесь снова повторился столь характерный для времен завоевания феномен. Горстка людей, воодушевленных совершенно необъяснимой верой в правоту своего дела и не менее загадочной уверенностью в собственной непобедимости и потому сражавшихся как дьяволы, обращала в бегство буквально тысячи индейцев. Оставляя за собой сотни убитых, они нередко не теряли при этом даже полдюжины солдат. Индейцы бежали в «город». Однако они не сдались. Взобравшись по лестницам на террасы, они осыпали нападающих градом стрел и камней. Коронадо приказал штурмовать «город» и сам встал во главе атакующих. В сверкавших золотом доспехах он представлял собой превосходную мишень. Камни дважды сбивали его на землю. Много раз они задевали его. Одна из стрел попала ему в ногу. Но Сибола, этот легендарный город, была захвачена! Вот каковы были первые впечатления до полусмерти измотанных и полуголодных испанцев: «Там мы нашли то, что было для нас дороже золота и серебра: много маиса, бобов и кур. Эти куры были крупнее тех, что распространены в Новой Испании. Нам удалось найти также соль, которая была белее и лучше любой соли, которую мне когда-либо приходилось видеть» [19].

Наконец их глазам предстала правда о Сиболе. Здесь не было могущественного царя, и ни золото, ни драгоценные камни не обрамляли входов. Индейцы ели прямо с земли, а вовсе не с золотых блюд. В едких выражениях докладывает об этом Коронадо вице-королю не без намека на ложные сообщения брата Маркоса. Стало ясно, что Сибола — это собирательное название группы поселений индейцев племени зуньи. Имело ли смысл двигаться дальше? Коронадо не был бы конкистадором, если бы хоть на минуту заколебался!

В числе многих других пуэбло, захваченных либо самим Коронадо, либо его людьми, было одно, имеющее для нас особое значение. Именно здесь, естественно много десятилетий спустя, провела первую пробу сил тогда еще совсем юная американская археология.

В этом крупном пуэбло, которое позже стали именовать Пекос, их пригласил к себе дружественно настроенный старейшина племени. Этот старейшина вопреки обычаю носил роскошные усы, а потому сразу же получил от испанцев кличку «капитан Биготес», что означало «капитан Усы».

Капитан Эрнандо де Альварадо с двадцатью солдатами отправился в разведку. Несколько дней спустя они сделали из ряда



Причудливо украшенный древний глиняный сосуд из пуэбло Акома, штат Нью-Мексико.

вон выходящее открытие. Альварадо и его солдаты натолкнулись на руины каких-то зданий, «которые занимали очень большую площадь и были полностью разрушены, хотя значительная часть стены еще стояла. Стена была высотой в шесть человеческих ростов, сложена из хорошо отесанных камней, имела башни и сточные желоба, подобно домам в Кастилии» [20].

Немного дальше они наткнулись на новые руины с фундаментами из гранитных блоков, а затем на «город» Акому, неприступно возвышавшийся на скале, к которому имелся один-единственный подход. Благодаря посредничеству усатого главы племени испанцев приняли радушно и пригласили осмотреть город. Спустя три дня они достигли легендарной реки Рио-Гранде с многочисленными селениями, расположенными по обоим берегам.

Альварадо немедленно отправил туда кресты в знак дружбы и сделал это недаром, поскольку первая же предпринятая разведка позволила установить, что в лежавшей перед ними долине Рио-Гранде расположено около семи десятков поселений. Капитан немедленно дал знать Коронадо: страна плодородна, богата маисом, бобами и дынями и гораздо больше, чем Сибола, подходит для зимовки армии. Тем временем «капитан Усы» устремился дальше. Они пересекли горы, получившие позже наименование пика святого Франциска (самые высокие горы в Нью-Мексико, которые освобождаются от снегового покрова и то на некоторое время лишь летом). В сердце гор они наконец достигли Кикуйе — так в те времена назывался Пекос.

Этот «город» производил гораздо более сильное впечатление, чем все, что встречались им раньше. Вот его первое описание, которое дает летописец экспедиции Коронадо Кастаньеда:

«Кикуйе представляет собой город. В нем насчитывается около 500 воинов, которые держат в страхе всю страну. Он стоит на скале и имеет форму четырехугольника. В центре четырехугольника расположен большой двор или площадь, где содержатся «печи» (печи, или эстуарес,— испанское обозначение кив. Это слово из языка индейцев хопи служит для обозначения по

преимуществу круглых помещений, имевших поддерживавшуюся балками крышу, в которой сооружался вход). Все дома одинаковы и имеют по четыре этажа. По крышам домов можно обежать весь город, и никто, ни с одной улицы, не сможет этому помешать. Существуют коридоры, которые опоясывают первые два этажа. По ним можно также пройти в любую часть города. Коридоры выступают вперед ярусами, и за ними могут укрываться воины. Внизу дома не имеют дверей. Широко используются лестницы, которые можно втягивать наверх. Таким путем они добираются до коридоров, расположенных с внутренней стороны города. Двери домов открываются напротив коридоров соответствующих этажей, и эти коридоры, как было сказано, служат улицами. Дома, имеющие выходы в сторону долины, расположены как раз за теми, выходы которых ведут во внутренний двор, и во время войны жители пользуются этими внутренними дверями. Город опоясан невысокой каменной стеной. Внутри города имеется родник, из которого можно делать отводы. Жители очень гордятся тем, что никто не в состоянии овладеть городом, тогда как сами они могут по своему усмотрению покорить любую деревню» [21].

Вместо того чтобы продолжать двигаться вслед за экспедициями — одной из самых бессмысленных среди них была та, что отправилась на поиски новой таинственной страны золота, называвшейся Кивира,— мы хотели бы познакомить читателей с первыми достоверными сообщениями об этих «первых американцах» (название, которое без долгих колебаний им дали испанцы, нисколько не задумываясь над тем, сколь длинной была история, лежавшая за спиной индейцев, населявших пуэбло). Хотелось бы сразу подчеркнуть: это была совершенно определенная ступень развития цивилизации на совершенно конкретной части территории Северной Америки к моменту появления там испанцев, о котором идет здесь речь. О том, как глубоко уходили в прошлое корни этой «цивилизации», мы узнаем несколько позже.

Слово «пуэбло» испанского происхождения. Оно означает народ, город, поселение, деревню. На Юго-Западе Северной Америки, особенно в Аризоне и Нью-Мексико, это слово использовалось испанцами специально для обозначения многоэтажных, по большей части сооружавшихся из адобов (адоб — высушенный на солнце кирпич, приготовленный из глины, смешанной с соломой или травой) построек индейских поселений. В этом значении оно применялось независимо от того, шла ли речь об укрепленных «замках», возвышавшихся на бесчисленных «месас» (плоскогорьях), или же о поселках свободно, без каких-либо укреплений, разбросанных по всей долине, подобно обычным деревням. Вопрос о том, следует ли сегодня называть эти селения «замками» или «деревнями», входит в компетенцию социологов, поскольку разница состоит в уровне организации этих обществ. Придержи-

ваясь такого подхода, не только можно, но и нужно считать некоторые пуэбло «городами», а большинство других, ничем не примечательных,— деревнями.

Со времен испанского завоевания вплоть до XIX столетия включительно речь шла обычно об «индейцах пуэбло» так, будто бы это было одно-единое племя или определенный народ. В действительности, как мы теперь знаем, обитатели пуэбло принадлежали к резко отличавшимся одно от другого племенам, говорили на самых различных языках и имели различную историю. Тем не менее им была присуща одна общая черта. Все они являлись земледельцами, перешагнувшими через доисторическую ступень развития, на которой господствуют охота и собирательство в чистом виде. Зачастую совершенно по-разному построенные пуэбло также имели нечто общее. В их архитектуре важную роль играли сооружавшиеся наполовину под землей кивы. Эти помещения использовались для самых различных целей. Вход туда женщинам был строго-настрого запрещен. Кивы служили местом собраний, заседаний совета, местом отправления молитв и церемоний, использовались как школьные классы для подростков и были окружены очарованием тайны, в которую посвящались только мужчины.

«В отличие от Новой Испании здешние племена не имеют вождей и управляются советом старейшин»,— писал Кастаньеда. «Они имеют священников, которые читают им молитвы и которых они называют «папас». Это почитаемые люди. Рано утром, когда восходит солнце, священники поднимаются на самую высокую крышу города и обращаются оттуда, подобно общественным глашатаям, к жителям деревни с проповедью. В это время селение полностью затихает, все люди садятся рядами и слушают. Священники учат их, как следует жить. Я думаю, что они налагают определенные запреты, которые следует соблюдать жителям, поскольку среди них не наблюдается ни пьянства, ни оргий, ни кровавых жертв. Они не употребляют в пищу человеческого мяса, не крадут и очень трудолюбивы!» [22]

Важно отметить, что каждое пуэбло представляло собой своего рода самостоятельную «республику». Торговля между различными племенами осуществлялась редко, причина тому — почти полное отсутствие предметов для обмена, пожалуй, за исключением почитавшейся священной бирюзы, которая в отдельных местах встречалась в значительно больших количествах, чем в других.

Женщины во многом играли доминирующую роль. Родству по женской линии придавалось особое значение. Существовали также «колдуньи», внушавшие страх. Бытовало поверье, будто «колдуньям» и могущественным знахарям подвластны стихии.

Их религия, обожествлявшая природу и в которой особое место отводилось солнцу, наиболее ярко проявлялась в танцах. Эти танцы, не претерпевшие до наших дней почти никаких изменений, может увидеть современный турист. Правда, и сегодня существуют отдельные пуэбло, где ритуальные танцы исполняются под покровом тайны, и в случае навязчивости вам могут разбить кинокамеры. Это танцы солнца, зреющего маиса, дождя, исполняемые в живописных пестрых масках, имеющих символическое значение, под аккомпанемент флейт и барабанов. Сегодня эти маски турист может встретить в виде кукол «качина». Он может даже приобрести их копии, изготовленные на фабрике. У некоторых племен процветало искусство живописи песком, которому обычно учили жрецы (последние следы искусства, являвшегося когда-то единственным в мире,— изображения многоцветных фигур на земле с помощью различных сортов песка и подкрашенной муки).

Их плетеные и расписные гончарные изделия достигали высокой степени совершенства. Многие из тогдашних образцов, которые довелось увидеть испанцам, бесследно исчезли. Многие сохранились до сегодняшнего дня, многие смешались с теми, что принесли с собой миссионеры.

Земледелие не являлось их единственным занятием. Разумеется, они занимались и охотой — на оленей, медведей, бизонов, пум и мелкую дичь. Рыба чаще всего почиталась священной и потому не употреблялась в пищу.

Удивительно, что они не обладали такой же высокой культурой ирригации, которой отличались некоторые жившие до них племена, хотя каждая капля воды была драгоценностью, а любая засуха могла обернуться катастрофой. Когда сегодня смотришь, например, на раскаленные солнцем добела гигантские руины пуэбло Бонито, то почти не находишь объяснения тому, как здесь могли выжить люди. Единственным объяснением служит простейшее предположение, что в те времена были другие геолого-климатические условия.

При этом их поля были удалены от пуэбло на много километров — обстоятельство, которого испанцы в то время никак не могли понять и которое между тем объясняется довольно просто: для них важнее всего была безопасность жилищ. Поэтому они и закладывали пуэбло в стратегически наиболее выгодных пунктах.

Испанцы находили одежду индейцев весьма целесообразной. Мужчины и женщины носили гетры и мокасины из дубленой оленьей кожи. Мужской костюм состоял из туники и штанов, женский — из тканого покрывала, перебрасывавшегося через правое плечо и пропущенного под левым, которое поддерживалось широким шарфом. Зимой их защищали шкуры, сшитые наподо-

бие плаща, а также одежды из хлопчатобумажной ткани, которую ткали и мужчины и женщины, что очень поражало испанцев.

Мужчины подстригали волосы спереди и скрепляли их наверху с помощью ленты, женщины же разделяли волосы пробором. Представители обоих полов любили украшения. Самым ценным сокровищем являлась бирюза, зачастую очень крупных размеров, но редко без примеси, а также гирлянды просверленных ракушек, которые носили в ушах и на шее.

Количество подобных сведений с течением времени постепенно увеличивалось особенно благодаря миссионерам, и испанцы были уверены, что хорошо знают «своих индейцев пуэбло». На протяжении 140 лет испанцы были полностью убеждены, что уже ничто не сможет поколебать их власть и созданную ими утонченную систему угнетения, так называемую систему «энкомьенда», представлявшую собой одну из наиболее жестоких форм феодальной эксплуатации. Как вдруг дотоле молча страдавшие племена неожиданно подняли восстание, равного которому ни по размаху, ни по ожесточенности борьбы, пожалуй, не знает история североамериканских индейцев. Это произошло в 1680 г. Под руководством одного, бесспорно, выдающегося лекаря по имени Попé индейцы взялись за оружие. Объединившись между собой, они сначала вырезали аванпосты испанцев, затем смяли их гарнизоны, стоявшие в укрепленных пунктах, и перебили около четырехсот ненавистных завоевателей. Более двух с половиной тысяч захватчиков индейцы безостановочно гнали вплоть до самого Мехико!

Возмездие испанцев было страшным. Однако им потребовалось более десяти лет, чтобы восстановить среди индейцев пуэбло прежний порядок.

Вот что пишет по поводу периода испанского владычества современный историк А. Гроув Дей в книге «Поход Коронадо»: «Такому самобытному народу испанские завоеватели не могли предложить почти ничего существенного из достижений материальной и духовной культуры, что могло бы оказать на него «цивилизирующее» воздействие. Правда, они завезли в страну большое число ранее неизвестных там животных, особенно лошадь и овцу (индейцы знали из домашних животных и птиц только собаку и индюка). Но обмен между краснокожим и белым человеком никогда не был равноценным. В каждом случае индеец пуэбло всегда давал больше, чем получал. Его передававшиеся из поколения в поколение знания, высокое профессиональное искусство, которого он достиг в различных ремеслах, его приобретенное горьким опытом умение выжить стали неотъемлемыми составными частями американского наследия. Например, его манера строить дома создала целый архитектурный стиль, в котором в наши дни черпает вдохновение архитектура западных штатов Америки. Индейская культура и индейский образ жизни пустили одинаково

глубокие корни в землях, по которым прошли солдаты Коронадо. И сегодня любой гость американского Юго-Запада еще может видеть представителей этой стойкой расы, живущих точно так, как жили они за четыре столетия до наших дней в момент появления Коронадо, в те времена, когда белый человек впервые прошептал волшебное название Сиболы...»

Так продолжалось вплоть до XIX столетия, до того времени, когда ученые — антропологи и археологи — впервые обратили внимание на пуэбло и обнаружили, что жители этих глиняных небоскребов не были первыми американцами и что задолго до них здесь жили и исчезали целые народы.

3. ГИМН ЮГО-ЗАПАДУ — ОТ БАНДЕЛЬЕ ДО КИДДЕРА

«В один августовский день 1888 г. в разгар обычной для Нью-Мексико песчаной бури, которая швыряла прямо в лицо гальку величиной с горох, в мой уединенный лагерь у Лос-Аламос забрел крепкий, до черноты загорелый мужчина средних лет. После шестидесятимильного перехода, который ему пришлось проделать пешком, возвращаясь от индейцев зуньи, он весь был покрыт пылью, но вовсе не выглядел усталым. После полудня стало ясно, что передо мной личность, обладавшая феноменальной памятью, с какой я никогда не встречался. Сначала меня раздражала эта механическая память, которая не только подсказывала мне основные моменты, но и тут же подкрепляла свои сообщения детальными ссылками на источник. Например: «Поликарпио говорил мне об этом 23 ноября 1881 г. в Чочити» [1]».

Так рассказывает Чарлз Ф. Луммис об Адольфе Ф. Банделье, с которым они были друзьями долгие годы. Многие тысячи миль прошли они вместе по американскому Юго-Западу. «Вдвоем мы бродили там во всех направлениях, разбивали лагеря, голодали, мерзли, учились и были счастливы... Не было приличных дорог. Мы не имели никакой финансовой поддержки, никаких средств передвижения. Однажды Банделье удалось нанять лошадь. Проехав верхом две мили, он вынужден был остальные тридцать вести ее на поводу. Так пешком мы упорно продвигались вперед — я с большим фотоаппаратом и стеклянными фотопластинками в рюкзаке, с тяжелым штативом под мышкой, он — увешанный со всех сторон анаэроидным барометром, инструментами для различных измерений и школьным ранцем. Этот ранец был заполнен микроскопическими заметками, которые он тщательно и точно делал каждую ночь у лагерного костра. Он делал их даже в тех случаях, когда мне приходилось сидеть над ним и его дра-

гоценными бумагами с насквозь пропитанным водой фотографическим покрывалом. Мы карабкались по утесам, перебирались через бездонные каньоны, ледяные реки, преодолевали глубокие пески, не имея ни одеял, ни плащей, ни другого снаряжения. Вся наша провизия состояла из нескольких плиток сладкого шоколада и мешочка жареного маиса. Постелью нам служила голая земля. Когда удавалось найти пещеру, дерево или другое укрытие от ветра и дождя, мы считали, что все в порядке. Если не удавалось — ночевали в чистом поле... Бандельe не был атлетом. Его нельзя было даже назвать мускулистым... Он умел ладить с любыми людьми. Мне доводилось наблюдать его в обществе президентов и дипломатов, ирландских рабочих и мексиканских батраков, индейцев и писателей, ученых и представителей «общества». Без всяких усилий в течение часа он становился центром внимания».

Бандельe с одинаковой легкостью изъяснялся по-английски, по-французски, по-испански и по-немецки. С такой же легкостью он говорил на диалектах и языках индейцев. Когда он прибыл в Ислету (Нью-Мексико), то знал всего три слова из языка тигуа. Через десять дней он начал понимать язык и в любой обстановке мог объясниться так, чтобы его поняли. Материал, полученный им как исследователем и как другом у многих индейцев, был огромен. У него бывали трудности с публикацией работ. Однажды я нашел вложенное в книгу Бандельe «Контрибьюшн» (я получил ее неразрезанной из библиотеки штата Нью-Йорк и таким образом оказался первым и единственным читателем этого труда за семьдесят пять лет) отпечатанное на машинке письмо. В этом письме президент Американского археологического института просил о пожертвованиях, поскольку только они могли обеспечить Бандельe дальнейшее продолжение работ («Правление в данный момент не в состоянии обеспечить за счет собственных средств дальнейшую поддержку... требуется округленно тысяча долларов»). Имя Бандельe было едва известно на востоке страны. И несмотря на все это, «его» Юго-Запад все же благодарен ему — одному из своих первых исследователей.

Если бы ценность памятника определялась его размерами, то Бандельe удостоился одного из самых величественных: территория площадью 109 км² в штате Нью-Мексико носит его имя. Миллионы туристов пересекают сегодня из конца в конец открытый им мир пуэбло, пересекают Национальный заповедник имени Бандельe.

Североамериканский Юго-Запад — это отнюдь не обозначение одной из сторон света, а территории, прекраснее которой для многих нет не только в Северной Америке, но и в целом мире.

Юго-Запад — это вся Аризона и весь штат Нью-Мексико, половина штатов Юта и Колорадо. Это часть Невады и Калифор-

нии на западе, штатов Канзас и Техас — на востоке. Но в основном это четыре штата, которые группируются вокруг «Фор Корнерс» («Четырех углов») — единственной географической точки Северной Америки, где сходятся границы четырех штатов. Этот ареал больше территории Франции, ФРГ и Австрии, вместе взятых. Сюда следует добавить также Данию, Голландию, Бельгию и Люксембург.

При описании тамошнего ландшафта постоянно приходится иметь дело с величайшими географическими достопримечательностями. Для этого подходят лишь совершенно необычные эпитеты, причем заметим — только в превосходной степени. Там расположена подавляющая своим однообразием самая сухая в мире пустыня. Там же находится самый глубокий в мире разлом земной коры — знаменитый Гранд-Каньон глубиной 1800 м, на каменных стенах которого читается история Земли. Там высятся горы, чьи снежные вершины служат ориентиром путнику, находящемуся в самом отдаленном уголке пустыни (только Колорадо имеет десятки вершин, достигающих четырех тысяч метров). Там — «Долина смерти», и в наше время ежегодно поглощающая свои жертвы. В этой долине находится самая низкая точка западного полушария, лежащая на 87 м ниже уровня моря. Там вздымается «Петрифайд форист» («Окаменевший лес») — зловещее скопление древесных стволов, чей возраст исчисляется миллионами лет, где словно застыла вечность. Там протекают самые бурные реки Хила, Колорадо, Рио-Гранде, Пекос, названия которых будят воспоминания о романтической эпохе индейцев и пионеров Запада. Заметим, кстати, что на берегу реки Пекос, в одном из пуэбло племени мескалеро-апачей родился, по преданию, Винниту — благороднейший из индейцев.

На Юго-Западе расположены также древнейшие «города» Северной Америки. Древнейшие с двух точек зрения: самые первые поселения белых — испанцев и самые ранние поселения наиболее древних краснокожих обитателей. В данном случае «краснокожий» представляет собой довольно спорное определение. Испанцы называли их «хенте колорадо», что значит просто «цветные люди» в противоположность белым европейцам, которые, как и индейцы на севере, имеют более светлую кожу, чем на юге. Но поскольку «колорадо» означает также «красный», на свет появилось название «краснокожие». Это название было, во всяком случае, не более ошибочным, чем «индейцы», ибо Колумб и его современники всех остальных людей, кроме европейцев, принимали за индийцев.

Юго-Запад, которому так и не пришлось стать Эльдорадо — «Страной Золота», которую искали обуреваемые жаждой сокровищ испанцы, превратился в подлинную золотую страну для археологов. Именно здесь отыскались следы древнейших амери-

канцев — тех самых, вокруг пещер которых еще бродили мамонт, верблюд, гигантский ленивец, а также вымершие к настоящему времени буйволы и лошади позднеледникового времени *. На протяжении последних десяти тысяч лет в Америке больше не появлялись ни лошадь, ни верблюд. Мустанги, верхом на которых индейцы племен сиу и апачей носились по прериям, были потомками лошадей, сбежавших от испанцев и размножившихся с невероятной быстротой. Во время Гражданской войны была предпринята попытка завезти сюда верблюдов, но она завершилась полным провалом.

Удивительно, что эта совершенно дикая, прекрасная, величественная страна не обрела своего великого поэта. Новеллы Вилла Катера передают в определенной мере блеск испанских времен, однако не дают цельного представления. Многие, начиная от Зейн Грея и кончая индустрией Голливуда, превратили ее в объект эрзацкультуры («китч»). Невозможно передать словами суровую красоту этих безотрадных пустынь, раскинувшихся на Юге, этих до безумия раскаленных нагромождений скал, прелесть этих нередко покрытых лесами плоских гор, которые, подобно островам или гигантским кораблям в море, возвышаются над окружающими их сверкающими песками; величие Скалистых гор, извивающихся, подобно гигантской змее, до самого Юга; зияющие глубины каньонов, которые приковывают взгляд к древнейшим пластам земли.

«Пустыня живет». Здесь нет никакого недоразумения. Это доказал нам Уолт Дисней своим лучшим фильмом. Бродивший здесь древний человек знал это лучше нас, ибо он жил за счет пустыни. Тот, кто считает, будто пустыня молчит, никогда не бывал там. Она поет, она шелестит, она шепчет. Даже грациозная ящерица, не говоря о ядовитом гиламонстре **, пробегая по краю скалы, скатывает вниз множество песчинок. Ветер проносится под арками причудливых мостов, сложенных из скал, словно сквозь арфы. Пума оглашает окрестности своим ревом, а в темноте синей ночи воет койот.

Сверкающий ковер крохотных цветов пустыни быстро блекнет, но остается зелень сотни островов плоских гор — «меса» — и горных районов. Двести видов кактусов, самых сухих и самых сладких, переливаются двумястами красок. Однако растительный мир по яркости намного уступает царству минералов. Он представляет собой всего лишь намек на творчество в сравнении с древним миром камня. «Раскрашенная пустыня» — так называется один из районов — палитра бога-живописца. Эти скалы, подобно

* По геологической периодизации в Северной Америке, это заключительный этап Висконсинского оледенения (70 000—8000 лет до н. э.).

** Крупная, оранжевого и черного цвета ядовитая ящерица (Heloderma suspectum) водится в юго-западных районах США (Аризона, Нью-Мексико).

хамелеонам, в течение дня двенадцать раз меняют свой цвет. Бархатистый, темно-синий, как ночь, тон тенистых долин сочетается здесь с режущим мандариново-желтым и вызывающим боль в глазах пламенно-красным цветом раскаленных скал.

Двенадцать тысяч лет назад в этом мире по следам живших тогда гигантских животных двигался древний охотник со своим атлатлем — гениально придуманной копьеметалкой. Под тем же самым солнцем, на фоне тех же самых красок возвращались в свои дома-пещеры, рыли землянки, строили первые пуэбло и древний собиратель кореньев, и древний земледелец, и первый вязальщик корзин. Здесь рыскали испанцы в поисках сокровищ, которых им так и не удалось отыскать. Здесь, преодолевая огромные трудности, твердо вставали на ноги пионеры. И сегодня население Юго-Запада едва превосходит три миллиона. Мы не знаем, сколько людей обитало в этих краях за десять тысяч лет до нас, но ясно одно — их было намного меньше. Именно здесь в наши дни располагаются крупнейшие из последних резерваций краснокожих, прежде всего навахо и хопи.

И именно здесь Банделье начал археологическое исследование Западной Америки.

Банделье не был ни первым, ни единственным, кто взялся за это дело. За первыми испанцами непрерывно стали прибывать новые колонисты. Миссионерам удалось собрать воедино огромный фольклорный материал, часть которого еще и сегодня, не получив должной оценки, пылится в архивах Севильи. В XIX в. многочисленные военные и разведывательные экспедиции пересекали этот край с востока на запад, не говоря о бесчисленных отважных путешественниках-одиночках и охотниках. Некоторые из них имели склонность к литературной деятельности. Например, американцы Френсис Паркман и Кларенс Кинг или писавшие на немецком языке путешественники Фридрих Герштекер и бежавший оттуда швейцарец пастор Карл Постль, который под именем Чарлза Силлзфилда публиковал рассказы о «диком» Западе. Оба они имели большее значение для Европы, чем для Америки, несмотря на то, что Постль был заново открыт и превознесен в 1969 г. одним из американских биографов. В 50-е годы здесь уже появились первые железнодорожные инженеры-топографы. К 1863 г. легендарный Кит Карсон, именем которого была названа дюжина городов, «умиротворил» отдаленный район племени навахо. В 1869 г. однорукий ветеран, этнолог и геолог майор Джон Уэсли Пауэлл отправился в сопровождении девяти человек на четырех лодках в полное приключений путешествие, целью которого было исследование реки Колорадо и Гранд-Каньона. Он потерял трех человек и две лодки, но научные результаты экспедиции, в том числе первые археологические находки, были ошеломляющими [2].

В 1876—1877 гг. некий Е. А. Барбер впервые сделал обстоятельное, снабженное иллюстрациями описание древней индейской керамики.

В связи с исследованиями, продолжавшимися почти до самого конца XIX в., заинтересованному читателю следует запомнить следующие имена: это опять-таки Д. У. Пауэлл — большой друг индейцев, первый директор Этнологического бюро в Вашингтоне, который с 1879 г. издавал свои знаменитые пространные объемистые «Эньюэл рипортс». («Ежегодные отчеты»). Это, далее, Уильям Х. Холмс, Вашингтон Метьюз, Виктор и Космос Минделевы, Дж. Уолтер Фьюкс. Особое место среди них занимают Ричард Уэзерилл и его братья — обыкновенные скотоводы, полную приключений историю открытия которыми Меса-Верде мы подробнее расскажем отдельно.

Совершенно необычным человеком был также Френк Гамильтон Кашинг. Обладая с самого раннего детства слабым здоровьем (он родился в 1857 г. в штате Нью-Йорк и весил при рождении всего полтора фунта!), Кашинг тем не менее созрел очень рано. Уже в семнадцать лет он опубликовал свою первую статью об индейском фольклоре. В двадцать два года он отправился под командой полковника Джеймса Стивенсона к индейцам зуньи, где, по предположениям испанцев, находилась сказочная Сибола. Пока экспедиция продолжала свой путь, Кашинг оставался среди них в течение четырех с половиной лет! Он стал членом племени, носил индейское платье, питался исключительно пищей индейцев, делил с ними труд и досуг. Уже год спустя он говорил на их языке и получил имя Те-на-тса-ли, что значит «Целебный Цветок». Смысловое значение этого имени может быть передано как «растущий в отдаленных горах, обладающий таинственными силами». Однако цель Кашинга состояла в том, чтобы стать членом главного среди многих других тайного совета индейцев — Ордена священнослужителей с луком, имевшего двенадцать степеней.

Мы уже рассказывали о том, как Банделье, вооруженный одним лишь карманным ножом, пешком прошел сквозь страну тогда еще чрезвычайно опасных апачей (название «апачи», которое они с гордостью восприняли от своих противников, означает «враги»). Теперь же опыт Кашинга, который упорно стремился все глубже проникнуть в тайны племенной иерархии, наглядно показал, какому риску он подвергал себя.

Когда вопреки строжайшему запрету он попытался принять участие в священном танце кеа-к'ок-ши, к нему применили силу. Тогда хилый, но бесстрашный Кашинг выхватил нож, воткнул его в стену и поклялся, что любому, кто посмеет поднять на него руку, он отрубит ее и разрежет на куски каждого, кто вновь попытается рвать его книги.

Мужчины зуньи пришли в замешательство. Воспользовавшись

им, Кашинг в течение нескольких минут участвовал в священном танце. Однако, придя в себя, индейцы собрали большой совет и объявили Кашингу, что, согласно местным законам, он должен быть сброшен в пропасть. Выдвигались и другие предложения в том же роде. Кашинг спасся благодаря тому, что сумел внушить индейцам ужас перед возможной местью со стороны Великого Отца, находящегося в Вашингтоне. Более того, он добился, что в конце концов индейцы объявили его ки-хе, то есть другом.

Ему приходилось часто возвращаться на восток США, для лечения своих многочисленных недугов. Тем не менее он возглавил экспедицию, которую финансировала богатая филантропка из штата Массачусетс Мери Хеменвей, поэтому экспедиция, в которой принимал участие и Банделье, получила название «Юго-западная археологическая экспедиция Хеменвей». Однако Кашинг снова заболел и экспедиция не смогла добиться значительных успехов. Здесь, видимо, сыграло свою роль и то, что Кашинг был по специальности этнологом, а не археологом, в особенности же то, что он «не был организатором», как замечает будущий издатель его книги об индейцах зуньи, Де Голье [3].

Но Де Голье превозносит другие качества Кашинга. «Он был пророком, поэтом, гением, склонным к драматизации и питавшим слабость к рекламе».

Мы говорили, что Юго-Запад так и не обрел своего великого поэта. А ведь Кашингу, который, как этнолог, был склонен к пространным описаниям, удавались картины, не лишенные поэзии. Такие картины в наше время доступны, пожалуй, только литератору-публицисту, занявшемуся, подобно Джозефу Вуду Крутчу, популяризацией естественных наук [4].

Вот что пишет, например, Кашинг о стране зуньи:

«Солнце опустилось за холм, преобразив его в силуэт пирамиды с острыми зубцами, над которым, словно корона, сиял лучами искрящийся нимб. Призрачная вечерняя заря прорвалась сквозь разрывы облаков. Она окрасила в карминный и золотистый тона словно подернутые туманом голубоватые очертания островов. Ее отблески устремлялись вверх постепенно расширяющимися полосами пламенеющего света так, будто хотели в высоте неба повторить угасший свет солнечных лучей».

Или вот как описывает Кашинг открывшийся ему вид одного из пуэбло. Этот вид и сегодня, почти сто лет спустя, можно наблюдать точно таким же, если, конечно, не уступить тщеславному желанию направиться туда на автомобиле.

«Шлейф дыма, словно вырывавшийся из недр тысяч огнедышащих кратеров, стелился над этим мнимым вулканом. Подхваченный вечерним ветром, он уносился прочь, образуя бесчисленные кольца и волны. Поначалу я не понял, что этот холм, такой неестественный и в то же время живописный, в действительности

представлял собой скопление человеческих жилищ. Я понял это лишь тогда, когда заметил на верхней террасе движущиеся маленькие черные и красные пятна. И даже после этого он продолжал мне казаться небольшим островом, составленным из постепенно уменьшающихся, поставленных одна на другую плоских гор (месас). Возвышаясь над песчаным морем, этот остров, казалось, решил вступить в соперничество с расположенными вокруг плоскими горами, созданными самой природой».

В противоположность Кашингу исследования Банделье были в большей мере направлены на выяснение взаимосвязи между цивилизациями. В те времена это значило начинать исследования с выяснения последовательности развития культур. Банделье отчетливо видел «напластования». В Пекосе в течение года он пытался делать сравнения с мексиканской архитектурой Ушмаля до тех пор, пока Дж. У. Пауэлл не посоветовал ему «оставить всякие попытки искать черты сходства различных цивилизаций». Странный совет. В самом деле, почему Банделье не должен был к этому стремиться? Он обмерил развалины Пекоса с такой точностью, которую ни до, ни после него никому не удалось превзойти. Владея многими языками, он впервые перевел и прокомментировал старые испанские источники, причем с такой тщательностью и критическим подходом, что сделало возможным дальнейшее их использование в научных целях.

Во многих отношениях Банделье был удивительным человеком. Он родился в 1840 г. в Берне в семье офицера. О его матери друг Банделье Луммис утверждал в посвященном ему некрологе: государственной тайной является то, что по материнской линии в его венах течет царская кровь [5]. Во всяком случае, достоверно известно, что она была русской аристократкой. После ряда скитаний семья перебралась в Америку. И там осела в Хайленде (штат Иллинойс). Здесь Банделье получил среднее образование. Затем он недолго учился в Швейцарии. До сих пор остается неясным, что изучал он в этой стране: геологию или правоведение? Возвратившись в Хайленд, Банделье на протяжении многих лет тянул лямку конторского служащего. Именно в это время он усиленно занялся самообразованием. Как выяснилось позже, его занятия охватывали такой широкий круг дисциплин, что даже сегодня невозможно объяснить толком, каким путем в то время и в такой глухой провинции ему удавалось доставать необходимую литературу. Здесь же завязалась оказавшая огромное влияние на судьбу Банделье как ученого его переписка с известнейшим антропологом, этнологом и социологом того времени Льюисом Генри Морганом. Следует сказать, что главный труд Моргана, носивший программный характер — «Древнее общество, или Исследование о путях человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации», который увидел свет в 1877 г., не

только обеспечил автору мировую известность, но и оказал глубокое влияние на материалистическую философию марксизма, в частности на работу Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» *.

Прозябавший в провинциальной глуши Бандельe видел в старшем коллеге духовного отца. Поначалу он полностью подпал под влияние теории Моргана об общественной структуре индейских народов, хотя его собственные исследования нередко противоречили ей. Необходимо иметь в виду, что Морган пользовался непререкаемым авторитетом не только как теоретик. Он долго жил среди индейцев и в 1847 г. был усыновлен членами племени сенека под именем Та-йа-да-о-вуб-Руб. Бандельe так никогда и не смог полностью преодолеть влияние Моргана. Их переписка, впервые опубликованная в 1940 г., содержит интереснейшие сведения в этом отношении [6].

Вместе с тем Бандельe шел собственным путем, когда дело касалось интерпретации его личного опыта и наблюдений, накопленных во время путешествий. В 1879 г. был основан Американский археологический институт. Морган, ставший год спустя президентом Американской ассоциации по развитию науки, обратился 25 октября 1879 года к его первому президенту Чарлзу Элиоту Нортону со словами, которые далеко не всегда принимались во внимание этим выдающимся учреждением. «Европейцы,— писал он,— должны были бы быть в гораздо большей мере благодарны нам за проведенные здесь работы, чем за аналогичные в Сирии или Греции».

Благодаря рекомендации Моргана Бандельe предпринял свое первое путешествие на Юго-Запад в Нью-Мексико (позже он побывает в Мексике и Южной Америке, но в данный момент нас это не интересует) по поручению этого института. Многие годы он провел в пустынях, горах, а затем в музеях городов Санта-Фе и Мехико, Нью-Йорка и Вашингтона и привез с собой богатейший материал. Хотя до нас дошли в передаче современников его нелестные высказывания о религии, сам он принял католичество, как говорят, по расчету. Ходили слухи, будто до этого в Нью-Мексико он переодевался священником, чтобы обеспечить себе помощь миссионеров-иезуитов. Однако об этом не сохранилось никаких достоверных данных. Напомним, что и «отец европейской археологии» Иоганн Иоахим Винкельман сделал точно такой же шаг, чтобы снискать благосклонность кардиналов.

Когда в 1914 г. во время путешествия в Испанию Бандельe скончался в Севилье, журнал «Эль Паласио», выходивший в Санта-Фе, где он работал долгие годы, писал: «Смерть Бандельe является невосполнимой утратой» [7].

---

* См. Послесловие.

Его научные доклады, заметки, наброски, наконец, его дневники, записи в которых он с величайшей аккуратностью делал каждый вечер, каждую ночь своим микроскопическим почерком (их первый том был опубликован лишь в 1966 г.), и сегодня представляют собой величайшую ценность для ученого, для любого, кто впервые отправляется в нехоженые районы Юго-Запада, чтобы изучать историю первых американцев. Однако наибольший интерес для широкого читателя представляет совершенно иная книга Банделье — его роман. Даже в самом полном указателе литературы, содержащем сведения о наиболее редких основополагающих трудах по археологии Юго-Запада, лишь вскользь упоминается название этой книги. В наши дни она полностью, притом совершенно несправедливо, забыта.

Вместе с тем это единственное в своем роде уникальное произведение — роман о древнейших людях, действие которого развертывается в доисторическую эпоху. Насколько мне удалось установить, книга эта не имеет аналогов в серьезной литературе. (Я, естественно, не имею в виду здесь дешевую научно-фантастическую литературу, которая бесцеремонно валит в одну кучу доисторические эпохи и астронавтику).

Джек Лондон, всю жизнь воспевавший романтику приключений, опубликовал в 1907 г. роман «До Адама», действие которого целиком развертывается в доисторические времена и призвано доказать главным образом непоколебимое убеждение автора в правильности эволюционной теории. Для этого он находит некий народ, «не знакомый ни с оружием, ни с огнем, стоящий на самой низшей ступени развития речи», практически представляющий собой еще полуобезьян, находящихся «в стадии превращения в человека». Такого народа в Северной Америке, разумеется, не существовало. Процесс становления человека протекал и полностью завершился на других континентах. В 1915 г. Джек Лондон вновь возвращается к этой теме. В XXI главе своего обвинительного романа «Звездные скитания» он заставляет галлюцинирующего заключенного совершить в смирительной рубашке короткое путешествие в доисторическую эпоху. Все это не идет ни в какое сравнение с исторически обоснованным трудом Банделье. Точно так же, как не идут с ним ни в какое сравнение произведения австрийца А. Т. Зоннлейтнера и датчанина Йоханнеса В. Йенсена. Первый из них писал главным образом для юношества. Второй же был настолько опьянен нордическими мифами, что слово «исторический» совершенно неприменимо к его произведениям.

В том, что ученый взялся писать роман, нет ничего необычного. Необычно лишь то, что он избрал в качестве основы сочиненных им событий и драматических перипетий свою собственную науку. Например, романы английского физика С. П. Сноу ничего общего не имеют с наукой, которой он посвятил свою жизнь и которая по

характеру своему революционна, тогда как его искусство остается консервативным. Сноу и многие другие ученые-литераторы жили и продолжают жить подобно больным шизофренией в двух измерениях: здесь — ученый, а здесь — художник, чувствующий себя одинаково свободно в обеих ипостасях. Это та самая раздвоенность, которую Сноу гневно обличал в теории и которой сам он рабски придерживался в жизни.

Иначе действовал Банделье. Его роман неразрывно связан с его собственной наукой. Вот что он говорит в предисловии о своих намерениях и творческом методе:

«Облекая реальные факты в покровы любовной истории, я надеялся сделать возможно более доступной и понятной широкой публике «правду об индейцах пуэбло». Использованные мной реальные факты могут быть отнесены к трем группам: географической, этнографической и археологической. Описания страны и ее природы полностью соответствуют действительности. Описания обычаев и нравов, верований и ритуалов основываются на наблюдениях, которые были сделаны мной и другими этнологами, а также на объяснениях, которые давались нам индейцами. Кроме того, было использовано значительное число старинных испанских источников, в которых жизнь индейцев пуэбло представлена именно такой, какой она была в те далекие времена, до того как ее изменили контакты с европейской цивилизацией. В основу описаний архитектуры положены результаты исследований руин, сохранившихся в тех самых местах, где они помещены в романе.

Сюжет романа является моей собственной находкой. Однако большинство описываемых в нем сцен я наблюдал своими собственными глазами».

Иными словами, в романе Банделье творчески переработаны результаты антропологических, этнологических, социологических, ботанических, зоологических, географических и исторических исследований и наблюдений автора, которые он проводил на протяжении долгих лет жизни в районах пуэбло.

Уникальной следует признать попытку автора романа спроецировать в прошлое накопленный им собственный опыт. Банделье был глубоко уверен, что нравы и обычаи индейцев, которые ему еще удалось застать, в большинстве своем оставались точно такими же, как и за многие сотни лет до появления Колумба в Америке. Например, он был полностью убежден, что заседания могущественного тайного общества «Ордена Кошаре», которые описываются в XI главе романа, в те времена были точно такими же, как и в 80-е годы прошлого столетия, поскольку отправление ритуалов у индейцев было подчинено строжайшей традиции. Когда Банделье превозносит высокий уровень развития социальной структуры у индейцев, можно предположить, что в древние времена она была еще более развитой и дифференцированной, по-

скольку еще не испытала на себе разлагающего влияния деятельности христианских миссионеров *. Следует подчеркнуть, что такое влияние действительно имело место, но далеко не в тех масштабах, на которые претендовали отцы-миссионеры.

Материал, который Банделье излагает на страницах книги, где каждый научный факт органически вплетается в тщательно построенный рассказ, воистину огромен. Так доступно для современного читателя он не излагается ни в одном другом труде.

Название книги — «Дилайт Мейкерс». Оно трудно поддается переводу. Здесь имеются в виду члены тайного совета, которые собираются в большой киве. Слово «дилайт» означает удовольствие, радость. В данном случае оно используется для обозначения органического слияния блаженства и радости, иными словами — гармонии. Банделье, несомненно, имел в виду архаический смысл этого слова, которое в прежние времена имело также активное значение и применялось для обозначения благородных порывов души или счастья.

Несколько слов о чисто литературном значении книги. Как первый литературный опыт автора она заслуживает самой высокой оценки. Ей в равной мере присущи и сильные и слабые черты романов XIX столетия. Занимательный сюжет и интригующее переплетение событий могли быть навеяны творчеством Вальтера Скотта, пристрастие к красочным деталям может рассматриваться как результат влияния Чарлза Диккенса. Вместе с тем любые сравнения в конечном счете оказываются бесполезными. Книга — уникальное явление. Она стоит вне традиционных историко-литературных категорий, представители которых, кстати, до нынешнего дня не посвятили ей ни строчки.

Для современного читателя книга Банделье подернута дымкой романтики, от которой сам Банделье был весьма далек. Недаром величайший и самый глубокий из немецких романтиков Новалис говорил: «Все приобретает романтический оттенок, будучи отодвинуто вдаль!» Сам же Банделье решительно отвергал романтизацию. 3 февраля 1885 г. он выступил в Нью-Йоркском историческом обществе с докладом «О романтической школе в американской археологии», в котором резко осуждал своих современников-археологов за пристрастие к романтике. Как курьез воспринимается последняя фраза доклада, произнесенная Банделье как раз в то самое время, когда он уже приступил к работе над своим романом, являвшимся чистейшей исторической фантастикой (его книга впервые увидела свет в 1890 г., а затем переиздавалась еще дважды, в 1916 и 1918 гг., до того как была полностью забыта). «Дни исторических романов сочтены. Прогресс в развитии вспомогательных научных дисциплин достаточно велик,

* См. Послесловие.

чтобы поднять американскую историческую науку на такую высоту, на которой она превратится в критическую и благодаря этому приносящую конкретную пользу отрасль человеческого знания».

Между тем в поход выступило новое поколение ученых. В 1928 г. в статье «Американского биографического словаря» отмечалось: «Ни один американский археолог не полагался так на исторические источники, как Банделье, и ни один американский историк никогда не проверял так полно, как он, свои исследования с помощью археологического материала».

Статья была подписана инициалами А. В. К. За ними скрывался Альфред Винсент Киддер, которому в 1914 г., когда скончался Банделье, было двадцать девять лет. Ему предстояло не только продолжить дело Банделье, но и заложить научные основы археологии Юго-Запада, что и сегодня позволяет считать его признанным классиком, а разработанные им важнейшие положения — незыблемыми.

В 1907 г. на доске объявлений Гарвардского университета появилась записка, в которой доктор Е. Л. Хьюетт из Американского археологического института сообщал, что ищет трех добровольцев из числа студентов-антропологов для участия в экспедиции на Юго-Запад. На призыв откликнулись трое молодых людей, только что сунувших нос в эту науку: Сильванус Морли, Джон Гульд Флетчер и Киддер. Случаю было угодно, чтобы все трое обрели славу. Морли стал всемирно знаменитым специалистом по истории индейцев майя, Флетчер приобрел известность как поэт, а Киддер стал тем, о чем мы только что говорили. Хьюетт, которому, видимо, не удалось найти более взрослых и опытных помощников, принял всех троих. Вот что сорок лет спустя рассказывал Киддер об этом первом своем путешествии на Юго-Запад.

«Проделав в товарном вагоне путь в 60 миль от Манкос (шт. Колорадо), мы встретили доктора Хьюетта на ранчо в Мак-Эльмо-Каньон, вблизи границы штата Юта. Ранчо представляло собой дом из адобов с тремя помещениями, расположенный на маленьком клочке земли, заросшем люцерной,— самый последний форпост на длинном пути, ведущем через пустыню к небольшому мормонскому городку Блафф-Сити на реке Сан-Хуан. Мы ночевали под стогами сена в Холлисе, которые одновременно давали тень и защищали нас от ветра. На следующее утро доктор Хьюетт, который в те дни был неутомимым ходоком, отправился в многокилометровый поход по раскаленному чуть ли не докрасна каньону. Сзади него, с трудом переводя дух, мы карабкались по плоской горе, находившейся у места соединения Мак-Эльмо с Йеллоу-Джекет. С этой высоко поднимавшейся горы мы могли видеть Меса-Верде и Юта-Пик, находящиеся в штате Колорадо, Абахос и дальние горы Генри в штате Юта, высокие красные столовые

горы Моньюмент-Вэлли и голубую линию Лукачуки в Аризоне. Ни одному из нас никогда не приходилось видеть одновременно такие обширные дали, а тем более такую дикую, пустынную и такую истерзанную страну, как та, что простиралась перед нами.

Доктор Хьюетт взмахнул рукой. „Я хотел бы,— проговорил он,— чтобы вы, молодые люди, провели археологическое обследование этой местности. Я вернусь через шесть недель. Вы поступите разумно, если постараетесь раздобыть себе пару лошадей...“»

Это предложение, тем более сделанное трем совершенно неопытным молодым студентам, разумеется, было абсурдным. Но за ним скрывался метод. Киддер сообщает дальше:

«В одной из своих книг доктор Хьюетт позже писал, что поставил перед нами такую задачу якобы с целью испытать нас. И это действительно было испытанием... История заслуживает того, чтобы ее рассказать. Трудно описать наши мучения с конской упряжью, взятой напрокат, наши усилия, направленные на то, чтобы не дать окончательно развалиться старой двухколесной повозке, отказ от нее и покупка трех кобыл, каждая из которых имела по еще нетвердо державшемуся на ногах жеребенку, перенапряжение сил, которое первоначально вызывала необходимость измерить с помощью маленького карманного компаса этот бесконечный лабиринт ущелий и пропастей, нанести на карту и сделать описание встречавшихся нам многочисленных развалин» [8].

Киддер, который был жизнелюбивым студентом, по его собственным словам, занялся этнологией и археологией благодаря чистой случайности. Расписание лекций по этим дисциплинам было более удобным, чем по медицине, которую он собирался изучать, и оставляло ему свободным конец недели.

Академическая карьера Киддера изобиловала успехами. Для нас важно то, что ему рано представилась возможность совершить поездку в Грецию и Египет и познакомиться там с высоким уровнем раскопок, проводимых европейскими археологами. Особое значение имела работа крупного египтолога Георга А. Рейснера, чей курс по возвращении в Гарвардский университет Киддер немедленно начал читать студентам. Киддер очень точно называет Рейснера «денди» и сам бессознательно следует его примеру. Недаром все современники сходятся в характеристике внешнего облика и манеры поведения Киддера: всегда джентльмен.

Он вел раскопки во многих местах Северной Америки, но главным образом на Юго-Западе: в штатах Юта, Аризона и Нью-Мексико. Раскопки, которые долгие годы велись им в Центральной Америке — в стране индейцев майя, мы упомянем здесь вскользь, лишь полноты картины ради. Однако следует иметь в виду, что именно там он пришел к выводу о необходимости (и впервые применил на практике) комплексного использования в

археологии самых различных научных дисциплин. К участию в одних и тех же раскопках он одновременно привлекал археологов, этнологов, физико-антропологов (американский термин, принятый для обозначения ученых-антропологов, которые специально занимаются исследованием строения человеческого тела), языковедов, медиков, географов.

Из посещений греческих музеев, располагавших богатейшими собраниями древних ваз, он, безусловно, вынес глубокое убеждение об огромном значении, которое могла иметь для характеристики определенных периодов керамика, даже в тех случаях, когда она была представлена мельчайшими черепками, обломками глиняной посуды и вообще любыми осколками.

Одновременно он пришел к выводу, что для археологов не менее важно уметь устанавливать связь между черепками, единичными предметами, остатками скелетов и строений для определения хронологии и тем самым для истории развития культуры. Итак, никогда не упускать из вида «главную задачу, которая состоит в том, чтобы исследовать длительный, медленный рост человеческой культуры и ставить проблемы развития человеческого общества» [9].

Тем самым Киддер намного опередил свое время. По крайней мере в Северной Америке. Ведь еще в 1938 г. один из американских антропологов, признававший ценность одних лишь голых фактов, мог во всеуслышание заявлять: «В антропологии слово «теория» — неуместно!» И действительно, научные методы и теории, разработанные Киддером, далеко не везде и не сразу упали на плодородную почву. Лишь в 30-е годы они были впервые применены при проведении исследований в долине Миссисипи. «Только в 40-х годах такие методы были впервые использованы на Атлантическом побережье»,— писал Джон Уитхофт из Пенсильванского университета в критическом обзоре, посвященном развитию североамериканской археологии [10].

Тем не менее благодаря многочисленным ученикам, проходившим его школу, влияние Киддера росло. «Разумеется, у нас, студентов,— рассказывает один из них,— было больше вопросов, чем ответов на них. Однако он всегда проявлял к нам огромное терпение. Он постоянно помогал нам, открывая перед нами перспективы, что мы очень высоко ценили при нашей формальной системе обучения» [11]. Он также служил нам примером в полевых исследованиях. Киддер был первым археологом, который, чтобы произвести аэрофотосъемку территории, где находились древние развалины, поднялся на борт самолета Чарлза Линдберга — летчика, впервые перелетевшего через Атлантический океан. Вот что писал по этому поводу Чарлз Линдберг моему издателю и мне в 1970 г.: «Во время осуществления наших предварительных планов исследования местности в районе Пекоса моя жена и я

облетели на одномоторном биплане марки «Фалькон» с открытой двухместной кабиной вдоль и поперек всю территорию штатов Нью-Мексико и Аризона в поисках следов древних цивилизаций. Когда в поле нашего зрения попадали перекрещивающиеся линии городских стен, мы фотографировали их и отмечали местоположение на карте. Мы обнаружили при этом, что руины древних поселений у Пекоса было гораздо легче различить на местности с самолета, чем при наземных наблюдениях. Правда, сверху мы могли лишь неясно, но зато совершенно точно определить направления квадратных или прямоугольных контуров на земле, показывающих место, где когда-то стояли стены... Я вспоминаю доктора Киддера с чувством глубокой дружбы и искреннего восхищения» [12].

Самые значительные раскопки, во время которых были заложены основы научных методов североамериканской археологии, были проведены Киддером в развалинах Пекоса. Они продолжались, за исключением трехлетнего перерыва, вызванного первой мировой войной, с 1915 по 1929 г. Эти исследования были обобщены в увидевшем свет в 1924 г. и ныне ставшем классическим труде Киддера «Введение в изучение археологии Юго-Запада». Он умер в 1963 г. в возрасте семидесяти восьми лет. Память о нем поддерживается благодаря ежегодным Пекосским конференциям, первая из которых была созвана Киддером в 1927 г. Она увековечена также премией — «Киддеровская премия за достижения в американской археологии». В Музее Пибоди депонированы сто бронзовых медалей. Одна из них раз в три года присуждается Американской антропологической ассоциацией. Удивительная предусмотрительность! Запаса медалей должно хватить на триста лет.

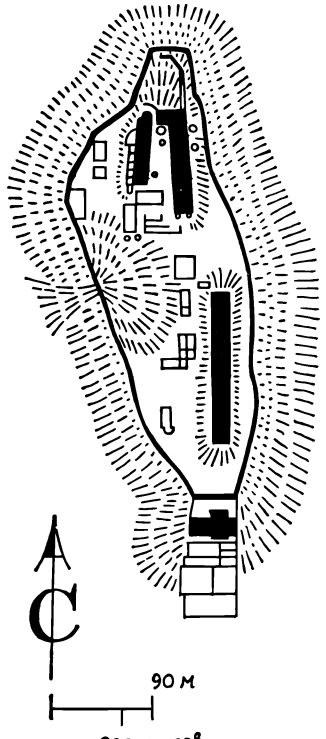
Пуэбло Пекос лежит юго-восточней города Санта-Фе в штате Нью-Мексико на склоне скалистого холма, расположенного в центре обширной долины. Долина ограничена с трех сторон холмами и горами, а с севера — высоким, почти всегда покрытым вечными снегами горным массивом. Сегодня руины не производят сильного впечатления, их загораживают печально устремленные к небу развалины массивных глиняных стен церкви испанских миссионеров. Между руин пуэбло, едва достигающих высоты человеческого роста, весной цветет оранжевый кустарник чамиса, а в поле тут и там возвышаются, словно изваянные скульптором-футуристом, кактусы чолья с острыми, как иглы, шипами.

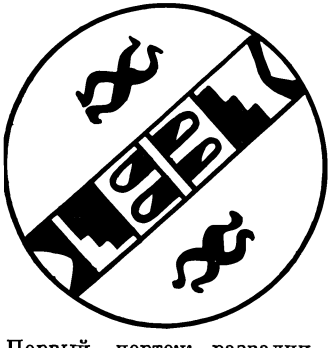
Надо напрячь всю силу воображения, чтобы представить пульсирующую здесь жизнь многих сотен семей, на протяжении столетий населявших этот похожий на пчелиные соты «город» в те времена, когда там еще вздымались ввысь стены, а этажи громоздились друг на друга, образуя башни.

Тем не менее история Пекоса чрезвычайно близка нам. Бандельеде еще встречался с потомками тех, кто последними покинули Пекос.

Самое раннее из дошедших до нас испанских сообщений, которое дает некоторые представления о характере людей, населявших Пекос, исходит от экспедиции, возглавлявшейся Кастаньеда Де Сосой. В конце декабря 1590 г. один из подчиненных ему командиров с горсткой людей прибыл, ничего не подозревая, в пуэбло Кикуйе, как тогда назывался Пекос, в поисках крова и продовольствия. Измотанные холодом и голодом испанцы вынуждены были вести себя мирно. Когда же на следующее утро, оставив оружие, они отправились прогуляться и попытались скрепить дружбу с индейцами, последние неожиданно напали на них. Испанцам едва удалось унести ноги. Потеряв большую часть оружия, они ретировались к месту расположения основного отряда. Де Соса тотчас же снялся с лагеря, чтобы отбить оружие,— железное оружие, составлявшее ничем не заменимое достояние испанцев. Поначалу он тоже вел себя мирно. Тем не менее индейцы втянули наверх лестницы и стали осыпать его отряд стрелами. У Де Сосы было не больше девятнадцати солдат и семнадцать слуг-индейцев. Кроме того, он имел две небольших бронзовых пушки, которые не сумел использовать лучшим образом. Следует сказать, что мужчины пуэбло повели себя, как жалкие трусы. Пока Де Соса на протяжении битых пяти часов топтался перед городскими стенами и криками заверял индейцев, что не требует от них ничего, кроме возврата оружия, жители пуэбло еще сохраняли мужество. Они продолжали бросать в людей Де Сосы камни и осыпать их градом стрел. Но как только Де Соса решился наконец на штурм, индейцы сразу же сложили оружие и стали кричать «амиго!», «друг!», «друг!». В ближайшие же дни они исчезли из «города», оставив его солдатам Де Сосы. Только теперь испанец смог точно установить, что ему пришлось иметь дело, по всей вероятности, не менее чем с двумя тысячами человек. В отдалении он обнаружил участки обработанной земли, искусно сооруженные оросительные системы, огромные запасы продовольствия (он оценил их в 30 000 фанег — одна фанега равняется 55 л). Де Сосе досталось также большое количество зимней одежды, плащи из кожи буйволов и хлопчатобумажной ткани, «ярко раскрашенные» накидки, украшенные мехом и перьями.

Следующим, кто подчинил страну, был Оньяте. 24 июля 1598 г. он посетил Пекос. Затем всякие сведения об этом городе исчезают на долгое время. Пекос лежал в стороне от тех мест, где разворачивались основные события, связанные с крупнейшим восстанием индейцев пуэбло, разразившимся в 1680 г. Мы уже упоминали об этом восстании, возглавлявшемся лекарем по имени Попé, о полном разгроме испанцев индейцами, от которого завоеватели





Первый чертеж развалин города Пекос, сделанный Банделье. Черные полосы в верхней части рисунка — строения пуэбло. Крестообразное здание внизу — значительно более поздняя церковь испанских миссионеров. После Банделье раскопки здесь производил Киддер. На нижнем рисунке воспроизведен узор, украшавший найденную им чашу.

не могли оправиться в течение десяти лет. Не удивительно, что Пекос почти не упоминается в сообщениях тех лет. Известно лишь, что там был убит молодыми индейцами снискавший себе всеобщую ненависть священник.

Затем Пекос приходит в полный упадок. Основной причиной этого явились набеги разбойничьих племен команчей, которые систематически вырезали население пуэбло. Одна из отчаянных вылазок, предпринятых всеми способными носить оружие жителями «города», превратилась в кровавое побоище, в результате которого уцелел лишь один-единственный человек. В 1788 г. там разразилась эпидемия оспы, которую пережили всего 180 человек. В сотнях помещений гигантских построек теперь бродили словно призраки немногочисленные жители. В 1805 г. их число составляло 104 человека. В 1845 г. один из наблюдателей по имени Грегг сообщал:

«Всего десять лет назад (около 1830 г.), когда он (поселок Пекос) еще насчитывал от 50 до 100 душ жителей, путешественник нередко мог видеть одинокого индейца, женщину или ребенка, которые то там, то тут стояли словно изваяния на крышах своих жилищ, устремив неподвижный взор на восток, либо, прислонившись к стене или забору, с безразличием взирали на проходящего мимо чужестранца. В иных случаях там нигде не было видно ни души и могильная тишина поселения нарушалась лишь случайным лаем собаки или кудахтаньем курицы» [13].

В 1837 г. в городе призраков проживало уже всего восемнадцать взрослых. Жители пуэбло Хемес, единствен-

ные из соседей, говорившие на том же языке, предложили этим восемнадцати переселиться к ним. Но жители Пекоса гордо отказались. В 1839 г. среди них неожиданно разразилась эпидемия «горной лихорадки». Ее пережили только пять человек. Они ушли в Хемес. Это были «последние из Пекоса». Известны лишь христианские их имена. Их звали Антонио, Грегорио, Гойя, Хуан Доминго и Франсиско.

Что поражает в Пекосе, так это крепостные стены окружностью почти в тысячу метров. Их можно различить и в наши дни, так же как и места, где когда-то стояли угловые башни. Обычно вокруг пуэбло не строились линии укреплений. Достаточно было втянуть лестницы на верхние этажи, и похожий на пчелиные соты дом превращался в крепость.

В Пекосе имелся источник! «Никогда не иссякавший источник чистой холодной воды. Такое идеальное сочетание пахотных земель, которые легко было оборонять, и таких богатых водных запасов наверняка должно было привлечь древних индейцев. И небольшая плоская гора, на которой располагался Пекос, была заселена в очень отдаленные времена».

Решение Киддера провести в Пекосе тщательные раскопки было продиктовано в первую очередь обилием черепков глиняной посуды, которые из-за различного характера могли помочь определению различных эпох, и тем, что «обширные могильники Пекоса никогда не подвергались разграблению и сулили богатые находки, состоявшие из скелетов и погребальной утвари». Возможность получить такие находки зависела от хорошей организации дела.

«Мы горели желанием найти захоронения. Поэтому рабочим было обещано по 25 центов за каждую обнаруженную могилу. На следующий день была открыта первая из них, и через день — еще шесть. Премия была снижена до 10 центов. И при такой премии их находили до 15 в день. К концу первой же недели мы были поставлены перед выбором: либо отменить премию, либо разориться».

Фактически уже к четвертому сезону раскопок Киддер извлек не менее 700 скелетов, к концу раскопок их число составило 1200. Кроме того, он собрал сотни тысяч черепков. Их очисткой и первой классификацией занималась его жена, которой еще надо было ухаживать за пятерыми детьми.

Результат работы Киддера был очевиден. Раскопки в Пекосе «дали повод надеяться на то, что послойно залегавшие остатки материальной культуры позволят проследить развитие различных художественных ремесел у индейцев пуэбло. Тем самым открывалась возможность точно установить хронологическую последовательность многочисленных руин других районов Юго-Запада...».

Это предположение подтвердилось в ходе раскопок строений пуэбло. «Мы ожидали обнаружить на вершине плоской горы одно-единственное крупное пуэбло. Мы допускали, что оно, возможно, будет носить следы ремонтных работ и нового строительства, но было возведено оно на скальном грунте. Благодаря этому могла появиться возможность без лишних усилий провести исследование стен пуэбло от их основания до самой вершины. Вместо этого оказалось, что исторический город был построен на остатках растрескавшихся и упавших стен более ранних домов и что эти последние в свою очередь были возведены по меньшей мере на двух еще более древних слоях» [14].

Кроме того, Киддер мог установить, используя теперь уже не только собственный опыт, но и достижения других исследователей Юго-Запада, особенно района, лежащего вокруг «Фор Корнерс» вдоль реки Сан-Хуан, то, что за десятилетия до него открыл в Меса-Верде и Гранд-Галч любопытный фермер Уэзерилл. А именно: что до народов, строивших пуэбло, здесь должны были жить первобытные земледельцы, которые еще не знали керамики, но зато были искусными корзинщиками — баскет-мейкер — «народом, плетущим корзины».

В какие глубины прошлого удалось проникнуть Киддеру? Вначале ему не оставалось ничего другого, как лишь определить последовательность чередования слоев и дать им наименования. Он создал хронологию восьми крупных культурных слоев. Она открывалась эпохой «корзинщиков» и завершалась дошедшими до наших дней пуэбло. Но такое деление не удовлетворило Киддера. В 1927 г. он пригласил коллег, работавших над теми же проблемами, на первую Пекосскую конференцию с тем, чтобы выработать новую терминологию. Она приобрела известность как «Пекосская классификация» и применялась на протяжении десятилетий. Поскольку сегодня все чаще используется уточненная схема, разработанная Френком Х. Х. Робертсом, мы сопоставим обе классификации. Цифрой I обозначают в них самый древний период, задолго предшествовавший временам Колумба.

Классификация периодов по данным конференции в Пекосе	Модификация периодов по Робертсу
Баскет-мейкер («корзинщики») I	—
Баскет-мейкер II	Эпоха баскет-мейкер
Баскет-мейкер III	Модифицированный баскет-мейкер
Пуэбло I	Период становления
Пуэбло II	
Пуэбло III	Период расцвета пуэбло
Пуэбло IV	Период упадка пуэбло
Пуэбло V	Исторический период в развитии пуэбло

Схема Робертса не является простым изменением ранее созданной системы периодизации. Она представляет собой известный, хотя и незначительный, шаг вперед, поскольку вводит определенную качественную характеристику эпох (кто хочет узнать об этом подробнее, пусть обратится к примечанию) [15].

В этом виде предлагаемая последовательность исторических событий выглядит, конечно, достаточно обоснованной. Вместе с тем она ровным счетом ничего не говорит, хотя бы приблизительно, о том, как долго существовали, например, культуры «корзинщиков» III или пуэбло II или, в каком веке христианского летосчисления «корзинщики» превратились в строителей пуэбло. Было ли это 500, 800 или 1000 лет назад?

Не относительная, а абсолютная хронология, поддающаяся определению в масштабах одной из принятых систем летосчисления, способна дать нам представление о подлинной истории.

Во время работы первой Пекосской конференции среди археологов находился один посторонний. Это был физик и астроном, доктор Дуглас, у которого было что сказать по рассматриваемой проблеме. В восьмом разделе мы покажем, как удалось ему решить эту проблему и дать американской археологии, особенно археологии Юго-Запада, с помощью средств, не имеющих ничего общего с этой наукой, основу для разработки абсолютной хронологии.

Но предварительно нам хотелось бы поведать о раскопках одного из пуэбло. Для этого мы изберем развалины поселения Ацтек. Такой выбор продиктован тем, что на примере этого поселения ярче всего прослеживается охватывающий сжатый отрезок времени процесс становления, расцвета и упадка одного из пуэбло, а также переплетение типичных черт развития с чертами, носящими уникальный и загадочный характер. Мы поступаем так и потому, что считаем несправедливым знакомить читателя с заслугами одного только Киддера в археологических исследованиях Юго-Запада. У него были современники, которые внесли значительный вклад в общее дело. В своем «Введении» Киддер обобщил, развил и свел в стройную, целостную систему многие из их идей и открытий. Наконец, мы поступаем так потому, что именно в Ацтеке археологи очень рано столкнулись со следами доисторических людей пуэбло. Можно считать достоверно установленным фактом — почти каждый человек знает, что представляют собой египетские мумии, но очень многие никогда не слыхали о том, что в Северной Америке были найдены сотни таких же мумий.

4. ВОЗВЫШЕНИЕ И УПАДОК ПУЭБЛО АЦТЕК

Хотя раскопки пуэбло Ацтек связаны главным образом с именем Эрла Х. Морриса, сообщение о первых проведенных там в 80-х годах прошлого столетия работах оставил нам не археолог, а любитель. В те годы он был всего-навсего десятилетним школьником. Свое сообщение он сделал пятьдесят лет спустя, проявив при этом удивительную память.

Его звали Шерман С. Хоу. Он был одним из первых учеников только что созданной в Ацтеке маленькой школы, которая как раз в то время получила своего первого учителя, о котором известно лишь то, что его фамилия была Джонсон. По-видимому, он был человеком, способным не только изо дня в день вдалбливать детям прописные истины. Он стремился пробудить у своих учеников интерес к сохранившимся следам прошлого, вселить любопытство в их души. С топорами и лопатами, обуреваемые жаждой открытий, Джонсон и его ученики в свободные субботние дни предпринимали вылазки к развалинам. Вот как вспоминает старый Хоу о себе, маленьком Шермане.

«Шел небольшой снег. Было довольно холодно. Мы поднялись в одно из помещений второго этажа, которое больше чем наполовину было завалено землей и мусором. В одном из углов мы начали копать. На глубине 1,6 м мы достигли пола. Затем пробили в нем отверстие, имевшее примерно 85 см в диаметре. Однако нам не удалось разглядеть внизу ничего, кроме темной пещеры. Начались продолжительные споры о возможной глубине пещеры, о том, что могло находиться на ее дне и каким образом тот, кто решился бы спуститься туда, мог выбраться обратно. Кое-кто был убежден в том, что пещера кишела крысами, вонючками, летучими мышами и гремучими змеями. Мы рисовали себе сотни картин. Я думаю, что наибольший ужас вызывал страх перед привидениями» [1]. Кто спустится вниз первым? Что может оказаться там? Маленький Шерман выступил вперед...

Развалины Ацтека, являющиеся сегодня национальным заповедником, куда можно легко добраться по отличным улицам, лежат на берегу реки Анимас. Она вытекает из Колорадо, течет в южном направлении и в северо-западном углу штата Нью-Мексико впадает в реку Сан-Хуан. Долина реки имеет ширину более 3 км и чрезвычайно плодородна. В ее тенистых уголках цветут дикие розы. Хотя долина и расположена на высоте 1700 м над уровнем моря, там выпадает достаточно осадков.

Название развалин, как и нынешнего поселка, связано с недоразумением. Ацтеки никогда не жили в Ацтеке. В прошлом веке увидела свет увлекательно написанная книга слепого историка Уильяма Прескотта «Завоевание Мексики», которую уже тогда можно было найти на полках даже небольших американских биб-

лиотек. Благодаря этой книге читатели смогли узнать о блеске и могуществе ацтекской империи, получить представление о роскошных храмах и дворцах Мексики, уничтоженных Эрнандо Кортесом. И если теперь кому-либо приходилось встретить развалины, которые хоть в какой-то мере выделялись своими размерами, их обязательно приписывали ацтекам и никому другому. Между тем руины в нашем «Ацтеке» на берегу реки Анимас в Нью-Мексико были древнее тех людей, которые дали им свое название. В те времена, когда народ ацтеков в сегодняшнем городе Мехико еще даже не начал свой путь к вершинам могущества, индейцы пуэбло на берегах реки Анимас уже вступили в пору упадка.

Самое раннее письменное упоминание о пуэбло Ацтек содержится на географической карте испанца Миеры-и-Пачеко, составленной около 1777 г. Между реками Анимас и Флорида на карте помечены «развалины очень древних городов». Следующие упоминания о них появляются лишь в XIX столетии в рассказах некоторых путешественников. Как только западный отрезок железной дороги впервые достиг Каньон-Сити в штате Колорадо, Льюис Г. Морган продолжил путь в повозке с брезентовым верхом. Этот выдающийся антрополог и учитель Банделье привез с собой на родину первые научные описания развалин Ацтека. Он застал еще совершенно нетронутые помещения с уцелевшей крышей на уровне второго этажа. Однако от одного из жителей ему довелось услышать, что примерно четверть каменных валов была разрушена вовсе не природой, а владельцами окрестных ферм, которые использовали хорошо отесанные плиты песчаника для постройки собственных домов. Напомним, что точно так же в средневековом Риме отнюдь не безграмотные крестьяне, а высокообразованные папы и князья подвергли разграблению античный Колизей, чтобы украсить собственные дворцы.

Время от времени руины и в дальнейшем подвергались обследованию, хотя они все больше разрушались вплоть до тех пор, пока в 1916 г. Эрл Х. Моррис не приступил к проведению там систематических раскопок. Он предпринял меры, направленные на охрану построек от дальнейшего разграбления, и начал их реконструкцию. В то время никто еще не представлял себе, насколько велика была в действительности первоначальная постройка, к каким временам она относилась, что за народ обитал там и что могло сохраниться под обломками. Сведения, которыми располагали к этому времени ученые, были не богаче тех, которые имел за тридцать лет до этого маленький школьник Шерман Хоу.

Учитель Джонсон не разрешил самому младшему из учеников первым спуститься в подземелье. Туда был опущен на веревке один из старших школьников. Густой запах гнили вырвался наружу. Дрожа, остальные последовали за первопроходцем. Ожидавшая их картина была ошеломляющей. Трепетное пламя све-

чей отражалось от гладких стен, гладкого потолка и совершенно ровного пола. Огромное помещение было совершенно пустым. Не было видно ни кусочка обвалившейся штукатурки, ни следов золы, ни одного разбитого сосуда. В одной из стен были заметны следы дверного проема. Они прошли через него. За стеной их ожидало такое же помещение в точно таком же состоянии. Казалось, будто люди, которые явно обитали здесь сотни лет назад, перед тем как покинуть свое жилище, тщательно убрали его так, как это сегодня обычно делают те, кто стремится сдать свой дом внаем.

«Мистер Джонсон казался разочарованным и смущенным»,— вспоминает Хоу. Затем они жадно принялись за дело. На одной из стен виднелись следы более поздней кладки. В ней немедленно пробили дыру. Первая свеча, которую протянули в зияющую темноту, тут же погасла из-за недостатка кислорода. Тогда они принялись размахивать руками до тех пор, пока снаружи не поступило достаточно свежего воздуха. Потом вновь были зажжены свечи. Как только отблески света запрыгали по стенам, подростки увидели нечто такое, что заставило бы усиленно забиться сердце любого Тома Сойера.

К одной из стен был прислонен скелет.

Дети застыли как вкопанные. «Мы онемели от ужаса и не знали, оставаться ли там или спасаться бегством».

Мистер Джонсон, конечно, не знал, что в США к тому времени уже было найдено множество других древних скелетов. Однако он, видимо, догадался, что это была встреча с одним из людей, населявших Америку задолго до прибытия Колумба и возводивших большие дома. Один из этих людей был погребен здесь, как было видно, без особого почтения: полуголого его просто поставили к стене, а затем замуровали вход в помещение камнями.

Когда участники экспедиции оправились от испуга, то заметили, что голова отвалилась от туловища и лежала на камнях. Они разглядели на полу ссохшиеся лоскуты человеческой кожи, напоминавшие выделанную звериную шкуру, и среди них пряди черных волос. Тогда ими овладела жажда дальнейших открытий. Но прошло уже много времени и Джонсон прервал экспедицию, пообещав продолжить ее в следующую субботу.

Однако в назначенный день все выглядело совершенно иначе. Дети в величайшем возбуждении поведали родителям о фантастическом открытии. Теперь страсть к приключениям заставила сильнее биться сердца добродетельных фермеров. На этот раз длинная вереница мужчин проследовала через проделанное накануне отверстие. Они немедленно начали пробивать ломами проходы во всех стенах, чтобы обследовать остальные помещения. Впереди пробирались подростки. И тут начались сплошные неожиданности.

Хоу вспоминает: «Я пробился в одно из помещений и старался изо всех сил увидеть и запомнить все, что было возможно, пока множество возбужденных людей металось там, переворачивая все вверх дном и создавая невообразимый беспорядок. В этом помещении находилось тринадцать скелетов, в том числе два детских, с незаращенными черепными швами. Один из них имел всего два зуба. Все скелеты были завернуты в циновки наподобие тех, которыми бывают обернуты ящики с китайским чаем, и зашнурованы веревками, сплетенными из волокон юкки *. Можно было различить куски одежды и большие платки из хлопчатобумажной ткани. Они хорошо сохранились. Время лишь немного изменило их цвет. Некоторые платки были украшены цветным узором из полос, имевших когда-то красный цвет. Там находились также куски материи, украшенной перьями, и несколько различных циновок. Здесь же лежали хорошо сохранившиеся корзины. Это были, пожалуй, лучшие корзины из всех, что мне доводилось когда-либо видеть. Вокруг лежало множество сандалий. Некоторые из них были совершенно новыми, другие — со следами длительного употребления. В помещении, кроме того, находилось большое количество глиняных сосудов, некоторые были очень красивы и выглядели как новые».

Люди стояли пораженные. Впечатлений было слишком много, чтобы в них можно было разобраться сразу. Освещение было скудным. Слишком много народа толпилось вокруг. Поэтому более мелкие предметы обнаруживались постепенно.

«Там находилось очень много жемчуга и различных украшений. Мне трудно описать эти предметы, поскольку у меня не было возможности рассмотреть их поближе. Я вспоминаю, что видел большое количество бирюзы. Было обнаружено множество полированных каменных топоров, которые оказались гораздо красивее тех, что обычно находили в этой местности. Имелись там и так называемые «свежевальные ножи» и «колодки» для изготовления сандалий, подушечки и кольца, которые древние обитатели развалин подкладывали под ношу на голову при переноске грузов. Некоторые из них были красиво сплетены или сотканы из волокон листьев юкки. Другие выглядели очень просто. Они представляли собой спирали из волокон юкки, связанные в нескольких местах, чтобы удерживать их вместе. Третьи были сделаны из коры можжевельника, оплетенной шнуром, или листьев кукурузных початков. Их можно было использовать и в качестве подставок для сосудов с круглым дном, которые не могли стоять без опоры».

---

* Деревья рода Jucca семейства лилейных (Liliaceae), произрастающие на юге США, в Мексике, Центральной и Южной Америке.

То, что произошло, с археологической точки зрения явилось чистейшим вандализмом. Но кто мог научить чему-либо лучшему простых фермеров, которые вдруг почувствовали себя искателями сокровищ? Это стало своеобразным хобби окрестных жителей: в конце недели, после посещения церкви, идти и «собирать» древности. Какова же была дальнейшая судьба этих бесценных, так удивительно сохранившихся свидетельств жизни доисторического народа? Послушаем еще раз, что вспоминает по этому поводу Хоу.

«Когда мы завершили работу, все вещи были вытащены наружу и унесены различными людьми, входившими в группу. О том, где они сейчас, никто не знает. Подобно большинству предметов из расположенных вокруг более мелких пуэбло, они бесследно исчезли. Я был тогда маленьким мальчиком, поэтому мне не удалось получить некоторые очень понравившиеся мне предметы, и я вынужден был довольствоваться тем, что осталось. Тем не менее и из этих остатков составилась хотя и небольшая, но вполне приличная коллекция. Однако входившие в нее вещи также почти полностью исчезли».

Вместе с тем в пуэбло оставалось еще достаточно утвари и других вещей. Во много раз больше, чем предполагал Джонсон и его ученики. Все это открыл Эрл Х. Моррис.

Вызывает удивление, как много антропологов и археологов, которые позже стали знаменитыми, открыли свое жизненное призвание в самой ранней молодости.

Френку Кашингу было девять лет, когда он получил в подарок от фермера первые наконечники стрел, относившихся к доколумбовой эпохе. Когда ему исполнилось четырнадцать, он уже имел коллекцию, насчитывавшую многие сотни стрел, и сам начал проводить раскопки. Импульсом для позднейших исследований методов индейской хирургии для Хулио Тельо послужили увиденные им в десятилетнем возрасте искусственные отверстия в одном из индейских черепов. Роланд Т. Берд начал свою карьеру в девятилетнем возрасте в качестве помощника собственного отца. Он стал крупнейшим специалистом по динозаврам, собравшим для Американского музея естественной истории 80 т костей динозавров и других ископаемых животных. Френк Хиббен, который позже прославился раскопками пещеры Сандия, уже в девятилетнем возрасте участвовал в качестве водоноса в раскопках маундов.

Но самым удивительным среди них был, вне всякого сомнения, Эрл Х. Моррис. Когда ему исполнилось 63 года, он во всеуслышание заявил, что будет отмечать 60-летие своей археологической деятельности. Он родился в 1889 г., и ему было чуть больше трех лет, когда он провел свои первые раскопки.

«Однажды утром в марте 1893 г.,— вспоминает Моррис,— отец дал мне старую мотыгу, палку которой он специально укоротил для меня, и сказал: «Иди и копай в яме, где я работал

вчера, и ты не будешь мне мешать». При первом же сделанном мною ударе из земли выкатился округлый серый предмет, оказавшийся частью окрашенной в черный и белый цвет разливательной ложки. Я выскочил из ямы, чтобы показать находку матери. Она схватила в кухне большой нож для разделки мяса и побежала за мной к яме, чтобы высвободить скелет, в могиле которого должна была находиться эта ложка. Так, когда мне было три с половиной года, совершилось решающее событие, превратившее меня в страстного «охотника за глиняными горшками», который позже снискал широкую и, я надеюсь, заслуженную известность как археолог» [2].

Эту раскрашенную в черный и белый цвет разливательную ложку он хранил до самой смерти в 1956 г. Подобно Киддеру, Моррис вел раскопки в стране индейцев майя. Однако его любовь, как и любовь Киддера, была целиком отдана Юго-Западу. Он являлся археологом, по преимуществу ведущим раскопки, человеком физического труда, предпочитавшим полевые условия и с трудом заставлявшим себя сесть за письменный стол. Его коллекции, почти полностью хранящиеся в Музее Колорадского университета, воистину необозримы. Однако они исследованы едва ли наполовину. Причем лишь незначительная часть изучена им самим. От многих раскопок Морриса остались только дневники. Они отличаются скрупулезной точностью и снабжены богатейшим иллюстративным материалом. Лишь после его смерти Колорадский университет приступил в 1963 г. к публикации «Бумаг Эрла Морриса», подготовленных к печати группой ученых под руководством Джо Бена Уита.

Здесь мы сталкиваемся с главной проблемой не только американской, но и всей мировой археологии. На протяжении десятилетий раскопки дали так много материалов, что их научная обработка все более отстает от темпов самих раскопок. В 1961 г. я получил разрешение осмотреть обычно недоступные для посетителей подвалы Афинского музея. Там хранятся бесчисленные сокровища, которые ни разу не были каталогизированы и которых никогда не видели даже археологи, на протяжении десятилетий работающие в Греции. Нет никакого сомнения, что именно в этих подвалах могли и должны были бы быть проведены самые плодотворные из всех современных «раскопок» на территории данной страны. Вот что говорит относительно положения, сложившегося в Америке, Уит — руководитель антропологических исследований в Музее Колорадского университета.

«Подобные собрания зачастую известны очень ограниченному кругу археологов и то понаслышке либо по сноскам и кратким ссылкам в публикациях. В целом же они остаются погребенными в подвалах и неизвестными большинству людей точно так же, как если бы никогда не извлекались из-под земли. Только значитель-

ные размеры расходов, связанных с проведением раскопок, хранением и обработкой полученных материалов, могут в какой-то мере служить оправданием сложившегося положения. В противном случае эти коллекции, невзирая на все трудности, должны были бы быть немедленно извлечены из музейных хранилищ и опубликованы. Такая работа, учитывая современный уровень знаний, принесла бы еще большую пользу, поскольку основная часть этих материалов сегодня совершенно недоступна» [3].

Однако вернемся к нашему рассказу. В 1915 г доктор Н. С. Нельсон, в то время археолог из Американского музея естественной истории, обследовал руины Ацтека. Результатом явилось единое мнение специалистов о необходимости организовать там раскопки. При выборе ученого, которому следовало поручить эту работу, мнения единодушно сошлись на кандидатуре Морриса. С тех пор Ацтек стал его Ацтеком. Он вел там раскопки с 1916 по 1921 г., затем периодически в 1923 и с 1933 по 1934 г. В 1923 г. произошло событие, необходимость и важность которого была ясна любому, даже непосвященному человеку. Ацтек был объявлен национальным памятником. Первым хранителем заповедника 8 февраля того же года был назначен Эрл Х. Моррис. Установленный ему годовой оклад в 1200 долл. даже в то время являлся нищенским. Несмотря на это, Моррис мужественно писал:

«Мое отношение к данному поручению будет определяться отнюдь не финансовыми стимулами. Я глубоко заинтересован в этой работе. Она полностью соответствует моим устремлениям»[4].

С самого начала ему пришлось столкнуться с большими трудностями. Руины находились в самом различном состоянии сохранности. Предстоял огромный объем земляных работ. В одних местах почва легко поддавалась лопате, зато в других была тверда, как бетон. Ему пришла в голову фантастическая идея использовать шлюзовой канал, чтобы смыть с более высокой северной части массы ненужного грунта. Но система не действовала. Такой же ошибкой явилось сооружение узкоколейки. В конце концов он прибег к старому испытанному способу, использовав лошадей и повозки. Повозку можно было нагружать непосредственно в ходе раскопок и отвозить мусор на свободную площадку, расположенную за пределами руин.

Состояние развалин было настолько разным, что для раскопок каждого отдельного помещения приходилось применять свой особый метод. Он открыл многочисленные кивы — наполовину вырытые в земле помещения, предназначавшиеся для проведения тайных собраний. В Ацтеке было обнаружено 29 таких построек. Особое значение имели проведенные им раскопки Большой кивы, отчетливо видной в южной части площади.

Об этой киве следует сказать особо. Она является самой красивой и производит наиболее сильное впечатление из всех, кото-

рые можно увидеть в Соединенных Штатах. Моррис восстановил ее в 1933—1934 гг. В том самом виде, в каком она предстает сегодня перед посетителями, кива служила для проведения тайных собраний, ритуальных церемоний и танцев на протяжении столетий, предшествовавших Колумбу.

Она имеет форму круга, внутренний диаметр которого у основания немного превышает 12,5 м. В этом отношении она не является самой крупной. Большая кива в Чако-Каньоне имеет, например, диаметр 19,2 м. На высоте метра от пола она расширяется до 14,5 м. Кива состоит из двух конструкций, которые можно назвать кольцами. Внутреннее кольцо, собственно кива, лежит примерно на глубине 2,4 м под землей. Внешнее кольцо состоит из четырнадцати помещений, которые открываются во внутреннюю часть. Одно из них образует выход на площадь.

Когда сегодня входишь в это сумрачное помещение, то сразу же невольно ощущаешь внушаемый им священный трепет. Тщательно отделанное место для разведения огня создает впечатление алтаря. Красиво оформленные углубления, назначение которых пока что остается неясным, производят впечатление пустых саркофагов. Четырехгранные каменные колонны разделяют помещение подобно церкви. Ни в одних развалинах Северной Америки не ощущается с такой силой, как здесь, своеобразный мир религиозных представлений давно исчезнувшего народа. Ни в одном другом месте невозможно так отчетливо представить себе помещение заполненным жрецами в фантастических одеяниях, исполняющими в экстазе ритуальные танцы.

Большая кива представляет собой не просто значительную пещеру, вырытую в земле. Это — произведение строительного искусства. То же Моррис отмечал и относительно построек самого пуэбло. Их вовсе нельзя назвать лишенным всякого плана нагромождением жалких сооружений, поставленных друг на друга. Напротив, они были выполнены из тщательно обработанных плит песчаника. Их желтовато-коричневые стены были даже украшены длинной, состоявшей из пяти рядов полосой зеленого камня.

И в наши дни там еще можно различить три этажа, несмотря на то что большая часть построек обвалилась. Сохранилось почти два десятка помещений с полностью уцелевшими перекрытиями. Можно предположить, что их число значительно больше. Ацтек до настоящего времени все еще полностью не раскопан. Пуэбло было почти неприступным, будучи полностью изолировано от внешнего мира своими стенами с одним-единственным входом. Так называемые «окна» вели из одного помещения в другое, и ни одно из них не выходило наружу. Согласно последним, относящимся к 1962 г. данным, в нижнем этаже открыто 221 помещение, 119 расположены на втором этаже и 12 — еще выше, на третьем. В общей сложности это составляет 352 помещения.

Нет никакого сомнения, что во времена расцвета пуэбло насчитывало значительно больше помещений. Принято считать, что Ацтек населяло полторы тысячи человек. Естественно, это всего лишь предположение. Вполне возможно допустить, что жителей там было гораздо больше: в 1964 г. Роланд Ричер открыл в так называемых «Восточных развалинах» еще четырнадцать помещений.

Кто и каким образом создал эти сооружения? К какому времени относится их постройка и к какому — упадок?

Важное значение имело географическое положение пуэбло, описание которого приводилось выше. Определяющим было то, что Ацтек находится примерно на половине пути между крупной группой пуэбло, расположенных у Чако-Каньона (последний находится южнее, в северо-западном углу штата Нью-Мексико), вблизи нынешнего шоссе № 44, и такой же крупной группой, расположенной у Меса-Верде (севернее, в юго-западном углу штата Колорадо, вблизи нынешнего городка Кортес). Обе группы отличаются своей архитектурой и в особенности керамикой, окраска и орнамент которой совершенно различны.

Полностью невыясненным остается вопрос о том, возник ли Ацтек в результате эмиграции или изгнания больших групп жителей из этих цивилизованных центров, или же имел место простой обмен идеями и техникой с каким-то более ранним населением, или же он возник в результате завоевания долины реки Анимас небольшими воинственными группами, которые передали местным жителям свою культуру. Точно установлено лишь то, что вначале появился стиль чако, который отразился в архитектуре, керамике, погребальных ритуалах (как и во всем районе Чако, здесь было обнаружено очень мало захоронений, относящихся к тем временам).

Совершенно необъяснимым в истории возвышения пуэбло Ацтек остается факт его двукратной отстройки с промежутком примерно в сто лет.

Еще несколько десятилетий назад археологи не могли даже в мечтах надеяться на то, что им когда-нибудь удастся установить точные даты, относящиеся к этим периодам. А сегодня мы можем определить их с точностью до года благодаря методу датировки по древесным кольцам. Здесь мы ограничимся лишь тем, что сообщим о результатах, полученных с помощью этого метода. Сам же метод мы подробно разъясним в главе «Нескончаемое древо».

В настоящее время известно, что первое пуэбло Ацтек было построено между 1100 и 1124 гг. н. э. Мы знаем даже, что самые крупные строительные работы развернулись между 1111 и 1115 гг.

Около 1110 г. первая группа поселенцев прибыла в те места и приступила к строительству. По-видимому, в следующем году, когда было завершено строительство лишь половины сооружений

пуэбло, имело место вторжение туда еще более крупных групп. При взгляде на нынешние развалины пуэбло трудно дать определенный ответ на вопрос о том, сколько людей могло участвовать в строительстве. Тем более что при тогдашнем уровне развития техники осуществление таких работ представляется просто немыслимым. Около 1115 г. появляется новая волна переселенцев, чтобы завершить строительство. Имеются данные, что постройки были доведены до высоты четвертого этажа. Время до 1124 или 1125 г. ознаменовано сооружением пристроек, потребность в которых, возможно, была вызвана ростом семей. Вполне вероятно, что увеличение числа помещений могло быть вызвано также потребностью для хранения различного рода припасов либо возникшим обычаем использовать старые помещения в качестве свалки.

В высшей степени заманчиво представить себе жизнь этих людей. И здесь вполне уместно, даже, более того, желательно, прибегнуть к помощи воображения, которое основывается на археологических данных. Европейские исследователи подходят к такого рода описаниям осторожно, пожалуй, слишком осторожно. Ведь если археолог не ставит перед собой в качестве конечной цели работы оживление мертвой материи, он превращается всего лишь в собирателя материала.

Джон М. Корбетт попытался восста овить путем воображения первый период существования пуэбло Ацтек.

«Во времена золотого века поселений Чако Ацтек должен был производить захватывающее впечатление. В солнечные летние дни на его площади и крышах трудолюбивые жители занимались своими обычными делами: матери кормили детей и присматривали за ними, мололи маис для лепешек, разделывали мясо, плели корзины и лепили глиняные сосуды для последующего обжига. Пожилые мужчины лежали на солнце или наставляли мальчиков. Большинство мужчин и подростков прилежно возделывали маис, бобы и тыквы на окружавших пуэбло плодородных полях. Это была напряженная, утомительная работа. Каждый клочок поля, закрепленный за определенным родом, получал свою тщательно отмеренную долю воды из оросительного канала, протекавшего по склону террасы севернее пуэбло. Иногда появлялись возвращавшиеся домой охотники, радостные, если были нагружены дичью, печальные и медлительные — если возвращались с пустыми руками. Иногда в пуэбло появлялись чужестранцы с товарами для обмена. Их встречали приветливо. С их прибытием вся площадь приобретала праздничный вид.

Ночью пуэбло должно было выглядеть совсем иначе: темным, таинственным, спокойным. То здесь, то там затухающий огонь отбрасывал мерцающий свет на коричневые стены из адобов. Слабый свет, пробивавшийся наружу из люков в крышах одной-двух кив, означал, что там шли приготовления к какой-либо цере-

монии или проходило тайное собрание одного из культовых сообществ. Приглядевшись повнимательнее, вероятно, можно было заметить силуэт часового, который на короткий миг возникал на фоне ночного неба, когда менял место. Пуэбло было погружено в полную тишину. Она лишь изредка нарушалась лаем собак или плачем младенца. Глубокая тишина царила вплоть до восхода утренней звезды, когда охотники начинали осторожно покидать пуэбло, а занимавшаяся заря, постепенно разгораясь, гасила свет звезд и возвещала приближение нового дня в жизни пуэбло Ацтек» [5].

Но тут наступают загадочные события.

Если это идиллическое описание соответствует действительности (а оно не содержит ни единого намека на возможное нарушение идиллии), то становится совершенно необъяснимым, почему это процветающее сообщество вдруг неожиданно распалось и исчезло, не оставив никакого следа. Все должно было произойти очень быстро. И тем не менее жители, судя по всему, располагали необходимым временем, чтобы, образно говоря, упаковать свой багаж, ибо они забрали с собой все, что представляло хоть какую-то ценность. Моррис и работавшие вслед за ним другие археологи не смогли найти после них никаких, даже самых незначительных предметов. Не сохранилось ни следов пожара, ни трупов людей, умерших от чумы, которые могли бы указать причину панического бегства жителей. Нет ни малейших намеков на возможность их изгнания каким-то воинственным племенем. Нет никаких следов кровопролития, возможно учиненного новыми пришельцами.

Около 1150 г. н. э. пуэбло оказалось совершенно опустевшим, словно город призраков. В нишах «окон» обосновались совы. По помещениям сновали крысы. Ветер надувал через трещины стен кучи песка до тех пор, пока он не покрыл полы двадцатисантиметровым слоем. Только раздававшийся за мертвыми стенами то там, то здесь треск рушившихся одно за другим перекрытий, через которые промыли себе путь дождевые потоки, изредка нарушал царившее здесь безмолвие.

Пуэбло оставалось покинутым на протяжении целых ста лет.

Загадочным является и то, что этот уход почти полностью совпадает по времени с таким же бегством жителей пуэбло Чако. Но в Чако-Каньоне, совершенно очевидно, бегство было вызвано катастрофическим изменением водного баланса. Это изменение полностью нарушило систему водоснабжения, которая не могла больше обеспечить тысячи людей. Однако их уход, начавшись около 1100 г., растянулся на многие десятилетия. Весьма вероятно, что именно одна из первых групп переселенцев двинулась на север в плодородную долину реки Анимас. Там она основала Ацтек, под-

чинив себе находившуюся на гораздо более низкой ступени развития общину древних обитателей тех мест — «корзинщиков».

Трудности водоснабжения, погнавшие в путь строителей Чако, совсем или почти не были известны Ацтеку. Река Анимас никогда не пересыхала полностью. Вместе с тем отдельные факты позволяют предположить, что она, возможно, изменила русло и таким образом настолько нарушила систему водоснабжения полей, что ее либо не смогли, либо не захотели восстанавливать. Мы этого не знаем. В высшей степени вероятно, что тысячи мужчин из пуэбло Ацтек вместе с женщинами и детьми направились обратно на юг, к людям Чако, если те действительно являлись их сородичами. Они, видимо, застали их тоже давно готовыми двинуться в путь и отправились дальше к могучей реке Рио-Гранде в страну индейцев хопи, где их следы окончательно теряются во тьме веков.

Однако мы сталкиваемся с новой загадкой.

Примерно сто лет спустя город призраков был заселен новым народом. Точнее говоря, это произошло между 1220 и 1260 гг. н. э., когда вновь, особенно между 1225—1250 гг., отмечается, правда более короткий, чем прежде, период бурного строительства. Работы продолжались на протяжении жизни целого поколения. За это время дети успели вырасти и обзавестись собственными семьями.

Факт полного отсутствия жителей в Ацтеке на протяжении предшествовавших ста лет неопровержимо доказан археологами. Пришельцы строили новые помещения внутри засыпанных песком, щебнем и балками старых, прямо поверх неубранного мусора. Кроме того, они уменьшили многие прежние помещения, возведя внутри них новые стены, и уменьшили входы. Их архитектурный стиль, бесчисленные предметы обихода и керамики, оставшиеся после них, свидетельствуют о бесспорном влиянии, исходившем на этот раз с севера — из Меса-Верде, а не из расположенной южнее долины Чако. Они восстановили также Большую киву, но сделали это небрежно, не в строгом соответствии с прежним стилем. Пришельцы вновь использовали ее. Были построены новые, менее крупные кивы измененной формы. Опорные балки старых построек были выломаны и установлены на новых местах. Кроме отесанного песчаника, теперь в строительстве стали использовать булыжник. Своеобразное сооружение с тремя стенами в его нынешнем виде представляет собой так называемый курган Хуббарда. И в целом религиозный центр позволяет сделать вывод, что в этот период «священники» или знахари доминировали сильнее, чем когда-либо в прошлом.

Самое крупное отличие от периода Чако, отмеченное Моррисом, заключалось в количестве захоронений. Он теперь наталкивался на них повсюду. Захоронений было не меньше 149. Чаще всего они располагались под полом жилищ, в которых родствен-

ники умерших после их погребения продолжали жить как ни в чем не бывало. Многие трупы были тщательно захоронены. Отправляя их в последний путь, родственники клали в могилы большое количество различных предметов обихода. Но так продолжалось недолго. Неожиданно захоронения начали производиться словно бы в большой спешке, а рядом с мертвецами почти перестали класть какую-либо утварь. Затем грандиозный пожар уничтожил почти все восточное крыло пуэбло. Было ли это следствием несчастного случая? Или на этот раз в пуэбло ворвались враги и сожгли его? Или же жители, покидая пуэбло, сами подожгли свои дома?

А ведь они действительно покинули его.

Подобно тому как за сто лет до этого поступили «люди Чако» (мы используем этот термин за неимением более точного), новые пришельцы, пробыв здесь на протяжении жизни одного поколения, покинули восстановленное ценой тяжких усилий пуэбло и канули около 1252 г. в неизвестность так же, как их предшественники.

И снова не сохранилось никаких видимых указаний на причины такого бегства. Можно лишь предполагать, что основную роль играло здесь новое ухудшение водного режима. Весьма возможно, что это были предвестники катастрофического изменения погоды и становившаяся все более ощутимой нехватка осадков. Действительно, жесточайшая засуха, которая поразила страну подобно «египетской казни», впервые наступила два десятилетия спустя и продолжалась как раз с 1276 по 1299 г. На протяжении этих 23 лет долина реки Сан-Хуан, которая прежде отличалась таким плодородием и, возможно, могла бы стать колыбелью высокой североамериканской цивилизации, совершенно обезлюдела.

Сегодня от Ацтека сохранились лишь развалины, и только тщательно восстановленная кива дает нам возможность судить о единственной в своем роде культуре, которой была отмечена жизнь этого исчезнувшего народа.

5. МУМИИ, МУМИИ...

Однажды маленькая шестилетняя девочка записала в своем дневнике: «Я хотела бы разыскивать зарытые сокровища и заниматься исследованием жизни индейцев. А еще я очень хотела бы носить ружье и учиться в колледже»[1].

Почти все, о чем она мечтала, сбылось. Она поступила в колледж и изучала антропологию. Она исследовала прошлое индейцев и делала открытия, разыскивала «сокровища». Время от времени в стране индейцев навахо ей приходилось носить ружье.

Ибо девочка, любившая приключения, стала женой Эрла Х. Морриса.

Она была удивительной женщиной. Чрезвычайно благоразумная и рассудительная, она в то же время отличалась удалью, переносила невероятные трудности и лишения, оставаясь при этом любящим наблюдателем сложнейшей работы мужа, человеком, тонко чувствовавшим поэзию дикой природы Юго-Запада. Она оставила нам очаровательную книгу. Книга эта появилась в 1933 г. и называлась «Раскопки на Юго-Западе». То, что книга не была ни научным докладом, ни беллетристикой, становится ясным при ознакомлении с библиографией по археологии и по истории американской литературы. Сегодня она так же полностью забыта, как и роман Банделье. И так же несправедливо. Подобно роману Банделье, она представляет собой несомненную ценность как документ, дающий, в частности, объяснение той сдержанности и осторожности, которые характеризовали в 1933 г. подход ко многим археологическим проблемам Юго-Запада.

Триста страниц книги содержат занимательный рассказ о пережитых ею вместе с мужем во время раскопок волнениях, рассказ остроумный, свидетельствующий о духовном богатстве и критическом складе ума его автора. В то же время ее рассказ полон любезных шпилек, отпускаемых как бы между прочим в адрес педантичных коллег специалистов. Одновременно он обнаруживает явное преклонение перед их трудом. Сегодня, как и во время ее появления, эта книга остается занимательным чтением, а для начинающих студентов и неспециалистов нет, пожалуй, лучшего и более увлекательного рассказа, вводящего в атмосферу первых дней работы первых археологов Юго-Запада. Вот, например, выдержка из этой книги, рассказывающая о трудностях, с которыми сталкивались специалисты при выработке определений.

«Я вспоминаю об одном случае, когда виднейшие археологи, работавшие на Юго-Западе, собрались одновременно в одном месте и потратили два бесценных дня на обсуждение вопроса о том, «когда кива не является кивой». Они не только не смогли прийти к единому мнению по этому вопросу, но даже, что было намного хуже, так и не смогли решить в позитивном смысле, что же следует считать кивой. И это — о чем можно сообщить, к их стыду и неудовольствию,— в то время, как любой мужчина, любая женщина и даже ребенок из их среды сразу же узнавали киву, как только она попадалась им на глаза». И чтобы как-то прояснить сложность проблемы определения, она здесь же делает сухую, но полную лукавства сноску.

«Типичная кива представляет собой подземную, имеющую форму круга культовую постройку, предназначавшуюся исключительно для мужчин. Случается встречать их сооруженными и на поверхности. Реже — имеющими прямоугольную форму. Сов-

сем редко — предназначенными для выполнения светских функций, куда иногда допускались и дамы» [2].

То, что мы цитируем миссис Моррис в нашей небольшой, посвященной мумиям главе, имеет свое основание. Дело в том, что она сама посвящает многие страницы книги этой теме, особенно в связи с раскопками в так называемой «Пещере мумий». Не следует путать эту пещеру с «Долиной мумий», которая находится в штате Кентукки, где также были найдены мумии. Среди них обнаруженное в 1875 г. хорошо сохранившееся женское тело, известное под названием «маленькая Алиса», которое было тем не менее украдено и продано. Оно было позже еще раз выставлено перед Мамонтовой пещерой, а затем бесследно исчезло. Поскольку мы здесь и впредь будем широко употреблять слово «мумия», видимо, следует объяснить это понятие. В североамериканской археологии в целом существует отрицательное отношение к его применению. Так, Мак-Грегор вообще не включает это слово в предметный указатель своей книги «Археология Юго-Запада». Если оно кое-где и появляется, то в большинстве случаев берется в кавычки с тем, чтобы подчеркнуть сомнительность обозначения.

Тем не менее такое отрицательное отношение следует считать преувеличенным, а нередко и совершенно неверным. Обычно при слове «мумия» вспоминают о хорошо сохранившихся древнеегипетских мумиях, покоившихся в гробах или саркофагах. Египтяне довели технику мумифицирования до уровня искусства. В основе обычая лежала глубокая вера в возможность загробной жизни. По их убеждениям, следовало сохранить тело с тем, чтобы после смерти «Ка» — «дух» или «душа» умершего могла снова вселиться в телесную оболочку. Технически процедура мумифицирования занимала до семидесяти дней. Из тела удалялись внутренности, изымался мозг. Само тело подвергалось обработке в специальных ваннах с помощью различных химикалиев. Затем оно туго бинтовалось бесчисленное число раз полосами льняной ткани, пока наконец не обретало покой. Согласно неоднократным подсчетам, стоимость такой операции в современных ценах составила бы от 4000 до 8000 марок.

После того как на протяжении многих десятилетий искусство мумифицирования считалось неразрешимым секретом древних египтян, сегодня мы знаем о нем почти все. Прежде всего, нам известно, что нередко чрезмерная обработка химикалиями не столько способствовала консервации, сколько разрушала тело. Нам известно также, что для хорошей сохранности большее значение, чем обработка, имела сухость и стерильность помещений, в которых должны были храниться мумии. В Египте мы имели многочисленные примеры того, как тела бедняков, родственникам которых было не по средствам мумифицирование и которые поэтому просто закапывались в песок, сохранялись лучше, чем трупы, под-

вергшиеся дорогостоящей обработке. Важно отметить: ни одному египтологу ни разу не пришло в голову называть такие непрепарированные тела, на скелетах которых сохранилась высохшая мускульная ткань, как-нибудь иначе, чем «мумия». Точно так же, не колеблясь, мы называем «мумиями» тела, обнаруженные в европейских катакомбах, в монастыре капуцинов в Палермо на острове Сицилия или в свинцовых погребах собора в Бремене. «Большой Брокгауз» дает следующее определение понятия «мумия»: «Труп, защищенный от разложения путем естественного высушивания или искусственной обработки».

Отсюда следует, что нет абсолютно никаких оснований называть как-то иначе тела людей доколумбовой эпохи, обнаруженные на Юго-Западе Соединенных Штатов, которые благодаря в высшей степени благоприятному климату и почвенным условиям сохранились в таком состоянии, что можно легко распознать их лица, волосы, кожу. Тем более что у некоторых племен такие тщательно производившиеся захоронения были связаны с верой в загробную жизнь. Иначе были бы совершенно бессмысленны часто встречающиеся в таких захоронениях богатые предметы обихода, утварь, оружие, украшения. В них попадались даже мумии собак. О том, что они не были просто небрежно брошены в землю и зарыты, свидетельствует не только то, как они уложены в могилах. Рядом с двумя собаками, одна из которых очень напоминает современного спаниеля, были найдены, например, две заботливо положенные оленьи кости, окрашенные в красный цвет — еда на время путешествия в неизвестность. Мумия желтого колли, также найденная в одной из могил, даже удостоилась приза — так называемой «Голубой ленты» — на выставке собак, проходившей в Бостоне.

Вполне естественно, что было найдено гораздо больше скелетов, чем мумий. Ведь идеальные условия для консервации существуют далеко не везде.

Способы захоронения у индейцев доколумбовой эпохи на одном лишь Юго-Западе столь же разнообразны, как и их религиозные представления. Здесь мы не касаемся этого предмета, поскольку археологи обнаружили обескураживающее многообразие таких способов и в восточной части Соединенных Штатов, в стране строителей (напомним находки скелетов, сделанные Томасом Джефферсоном). Практически невозможно в рамках данной книги пытаться привести все имеющиеся на этот счет данные. Существует такое количество отдельных находок, разбросанных по всему необъятному континенту, что понять здесь друг друга могут только специалисты. И хотя установить определенный порядок и проследить развитие удается лишь для очень коротких отрезков времени, отдельные вспышки озарения тем не менее помогают осветить события, разыгрывавшиеся на доисторической сцене.

Но что может сказать археолог, если, например, он находит могилу, заполненную одними только черепами,— только грудой черепов и никаких следов принадлежавших этим черепам скелетов? Что может он сказать, если в совершенно другом месте обнаруживает только скелеты и при них ни одного черепа, причем находки, сделанные в этих местах, никак не связаны между собой? Или что можно сказать о мужчине, который совершенно явно после его смерти был сначала разрезан точно по талии на две части, а затем заботливо сшит?

Очевидно, совсем необычные обстоятельства предшествовали появлению «захоронения рук». Эрл. Х. Моррис обнаружил его в пещере Тсеахатсо, неподалеку от «Пещеры мумий». Его жена следующим образом описывает это открытие:

«Дело обстояло так: на дне могилы на чистой подстилке из травы лежали кисти обеих рук и предплечий взрослого человека. Кости удерживались вместе ссохшимися сухожилиями. Ладони рук были обращены вверх. И это было все, что удалось там найти из частей человеческого тела. Отрезанные локти соприкасались со стенками могилы. Два углубления по другую сторону разделявшей их стенки были пусты. Это доказывало, что захоронение в том виде, как оно было обнаружено, было нетронутым. Более того, в нем имелась похоронная утварь. И здесь проявилась почти комическая сторона этого обстоятельства. Провожая эти руки в последний путь, кто-то заботливо положил им в дорогу видневшиеся из земли две пары превосходно сплетенных сандалий, украшенных красным и черным орнаментом. Это были не перчатки, а сандалии! Поверх сандалий лежали три ожерелья. Два из них имели подвески из раковины морского моллюска галиотиса, тогда как третье являлось единственным в своем роде произведением мастера. Оно состояло из восемнадцати колец, сделанных из раковин. Каждое кольцо имело в диаметре 7,5 см и было так закреплено на ремешке, что немного заходило на следующее. Украшение было чрезвычайно красиво. Но вместе с тем оно представляло собой ожерелье, а не браслет! Кроме того, там находилась корзинка, доверху наполненная продолговатыми, имевшими форму полумесяца жемчужинами, еще одна корзина, большего размера, которая прикрывала собой все находящиеся в могиле предметы, и, наконец, самое бессмысленное, что можно было придумать,— гигантская каменная трубка. Сандалии без ног, ожерелье без шеи и курительная трубка без рта — воистину какая-то чертовщина».

Отсутствовавшие части тела так и не удалось найти. Естественно, супруги Моррис и другие участники экспедиции немало поломали себе головы над этим захоронением. Оно могло иметь только одно объяснение. Человек был засыпан обвалом земли. Его тело так и не удалось откопать. Снаружи остались только руки.

А как же могло быть иначе? Их отрезали и похоронили, как принято было хоронить целые тела умерших.

Одновременно в этой же округе были обнаружены следы настоящей трагедии. На дне одной из могил была найдена огромная корзина с четырьмя детскими трупами. Поверх нее лежали трупы еще четырнадцати грудных младенцев и детей. На них не было обнаружено никаких следов насилия. Оставалось предположить, что ужасная заразная болезнь за несколько дней унесла в могилу, очевидно, большинство детей этого поселения.

Мы сказали, что в данном случае «не было обнаружено никаких следов насилия». И все же насилие было. Хотя мы можем с полным основанием говорить о том, что, по всей видимости, народы Северной Америки в доколумбову эпоху не знали (в противоположность «высокоцивилизованной» Центральной Америке, может быть, за исключением ацтеков) войны, этого «продолжения политики иными средствами», которое появляется лишь с превращением земледельческих сообществ в настоящие государства* . Только с появлением государства начинается политика. А вместе с ней появляются войны, которые представляют собой нечто большее, чем просто племенную вражду, обычные набеги с целью грабежа, борьбу за воду, пастбища и охотничьи угодья, случайное или заранее задуманное убийство — такое, как кровная месть. Разумеется, все это представляет собой примитивные, зачаточные прообразы войны. Но они бесконечно далеки от любых форм захватнических войн, которые перманентно вели ассирийцы, персы, греки и римляне. Впервые такая война была применена в Северной Америке цивилизованными испанцами. Создается впечатление, что народы пуэбло были глубоко миролюбивы и лишь в случае самой крайней необходимости, например для защиты, брались за оружие и большей частью погибали.

Так, сравнительно редко приходится сталкиваться с мумиями или остатками скелетов, которые позволили бы сделать вывод об имевших место массовых избиениях людей. Моррис нашел несколько лежавших вместе черепов, которые имели глубокие следы, оставленные ударами каменных топоров. Даже дети и грудные младенцы были умерщвлены таким образом. В теле одной найденной там пожилой женщины, кроме того, находились обломки стрелы, которая, несомненно, настигла ее при жизни. Она пронзила ее снизу в бок. Создается впечатление, что женщина пыталась сама вытащить засевшую в теле стрелу. Однако ей удалось лишь отломить каменный наконечник. Изготовленное из твердого дерева древко стрелы осталось в ране. А затем ее настиг роковой удар топора. О другом, более крупном массовом избиении людей мы расскажем в главе «Башни молчания».

* См. Послесловие.

Не только в давние времена «корзинщиков» — предшественников строителей пуэбло,— но и значительно позже мертвецов хоронили просто под кучами мусора, который скапливался со временем около их пещерных жилищ: иногда это делалось намеренно, иногда случайно. Нередко могильщики не считали нужным копать настоящую могилу, особенно в тех случаях, когда не хватало места или земля оказывалась слишком неподатливой. В таких случаях они нередко просто затискивали тело в самом нелепом положении в любую мало-мальски подходящую дыру. Тем самым они создавали серьезные трудности нынешним археологам. Когда археолог в таком захоронении наталкивается, к примеру, на руку, он становится в тупик, не зная, где следует искать грудную клетку или ноги.

В этом отношении гораздо большее удовлетворение приносили находки, подобные той, которую Моррису удалось сделать еще в Ацтеке. Под полом одной из комнат он обнаружил заботливо захороненный труп взрослого мужчины. Свою находку он назвал «могилой воина». Тело было завернуто в покрывало из перьев, а затем в тростниковую циновку. Среди многочисленной погребальной утвари находился необычайно богато украшенный щит длиной 92 и шириной 79 см. Он прикрывал большую часть тела. Щит был прочно сплетен, а его внешний край пропитан смолой и усеян крошечными осколками селенита. Ближе к центру он был раскрашен в темно-красный и зелено-голубой тона. Это был подлинный шедевр. Рядом лежали топоры, бесспорно являвшиеся оружием, а не орудиями труда. Один из них, изготовленный из гематита, имел изящную форму. Там же лежал длинный нож из красного кварцита. Мужчина был необычно рослым и крепко сложенным. Его пышное погребение указывает, что при жизни он занимал высокое положение. Мы не знаем причину его смерти. Возможно, он погиб от губительной, медленно протекавшей болезни. В этом нет ничего удивительного. Пора самым решительным образом отказаться от сказок о здоровье народов, живущих в непосредственном общении с природой, послуживших основой для непродуманных призывов «возвратиться к природе», впервые зазвучавших в нашем западном мире двести лет назад в творчестве французского философа Жан-Жака Руссо.

У этих племен была чрезвычайно высокая детская смертность. Следует считать полностью доказанным, что продолжительность жизни североамериканца доколумбовой эпохи в среднем не превышала 30 лет. Даже сегодня средняя продолжительность жизни индейца пуэбло, живущего согласно старым обычаям, не превышает сорока лет. В то же время у белых американцев в ближайшем городке, расположенном, возможно, не далее чем в 25 милях оттуда, она выше шестидесяти лет. На останках доколумбовых индейцев обнаружены бесчисленные деформации и следы заболева-

ний. При этом следует указать, что специалист-палеопатофизиолог может установить лишь болезни, оставляющие следы на костях. Существование эпидемических инфекционных и многих других заболеваний можно только предполагать, как в случае с упоминавшейся выше детской могилой.

В 1931 г. Эрл Х. Моррис отправил одну из найденных им мумий специалисту доктору Рою Л. Муди в Санта-Монику, поскольку ему показалось, что она находилась не в лучшем состоянии.

В результате обследования мумии Муди сделал следующее заключение:

«Создается впечатление, что умерший является мужчиной примерно 27 лет, который страдал тремя различными болезнями.

Во-первых, у него имелся большой зигзагообразный пролом лба с рваными краями, который чудом не задел мозга. Эта рана инфицировалась и на протяжении многих недель гноилась. И это не удивительно, поскольку дезинфицирующие средства были в то время совершенно неизвестны. В конце концов она зарубцевалась и покрылась плотным белым шрамом.

Во-вторых, его зубы находились в ужасном состоянии. Он страдал кариесом, воспалением десен и внутренних тканей зубов. Все это, вместе взятое, должно было причинять ему нестерпимую боль, однако в сравнении с другими его заболеваниями было малозначительным.

В-третьих, он страдал ужасным заболеванием, при котором кости, включая костный мозг, постепенно заменяются волокнистой тканью. Хотя это заболевание началось у него после окончания роста, одна из его крупных тяжелых бедренных костей заметно выгнулась, а другие кости начали разрушаться и гнить в живом теле».

Вначале доктор Муди решил, что мужчина умер от воспаления легких. Но затем он изменил первоначальный диагноз, указав, что «смерть могла наступить в результате заражения крови, вызванного многочисленными ракоподобными язвами». И чтобы мы не испытывали к этому мужчине чрезмерного сострадания, он напомнил о мумии молодой девушки с одного из островов Шаниел, расположенных у побережья Калифорнии. Ее тело было покрыто тысячами язвочек величиной с горошину, причем более сотни из них находилось на голове» [3].

Каньон дель Муэрто («Каньон мертвеца»), «Дом антилоп», «Белый дом», «Пещера мумий», составляющие нынешний ареал Национального памятника Каньона Шелли в северо-восточном углу штата Аризона, являлись тем районом, где Моррис вел поиски на протяжении девяти лет. Там он открыл руины с башнями, скальные жилища, сотни разных помещений, могилы с мумиями и скелетами — свидетелями более чем тысячелетней истории Юго-Запада доколумбовой эпохи. Здесь бродили «корзинщики»,

а позже люди пуэбло, в те времена, когда в Европе уже начался распад Римской империи.

Каньоны нередко бывают настолько узки и глубоки, что лучи солнца попадают туда лишь в десять часов утра, а в два часа дня снова исчезают. Тогда обстановка в каньонах делается невыносимой. Она особенно тяжела после захода солнца, когда со всех сторон неожиданно начинают доноситься шумы и шорохи, до этого заглушавшиеся звуком работ и дневным шумом. По сообщениям самих участников раскопок, случается, что по ночам людьми овладевает настолько сильный страх, что они впадают в истерику. Индейцы навахо, помогавшие археологам, были убеждены, что в таких случаях через долину пролетали духи. К мертвецам индейцы относились с суеверным страхом и, когда находили мумию, тотчас же прекращали раскопки, передавая работу археологам.

Как вели себя представители науки в отношении тех, кто неожиданно, после столетий покоя, иногда даже спустя тысячу лет, подставляли свету свои сморщенные лица? Не чувствовали ли себя ученые мужи грабителями, обыкновенными осквернителями могил? Этот вопрос занимал в прошлом столетии многих египтологов, когда им пришлось потревожить фараонов в их могилах. Не подавляло ли ученых дыхание вечности, о которой так впечатляюще рассказывал Говард Картер после того, как впервые взглянул на Тутанхамона? Не являлись ли они всего лишь холодными патологоанатомами от археологии, циничными торговцами прошлым?

Они были и тем, и другим, и третьим — в зависимости от обстоятельства.

Супруги Моррис никогда не производили впечатления людей, придерживающихся пиетета. Длинный ящик, в котором находилась одна из наиболее сохранившихся мумий, они превратили в обеденный стол. Они приглашали к этому столу своих лучших рабочих — индейцев навахо. Те убежали бы на много миль от ужаса и отвращения, если бы знали, что представляет собой стол, за которым они с удовольствием поглощали консервированные персики, до которых были большие охотники.

А затем произошло вот что.

Однажды в пещере Тсеахатсо они вырыли мумию мужчины, жившего еще во времена «корзинщиков», которой, возможно, было не меньше тысячи лет. Рядом с мумией лежали четыре атлатля, корзины, сандалии, моток человеческих волос, куски кремня — словом, все, что так часто встречалось в могилах. На этот раз рядом с мужчиной лежало и нечто более значительное. Было известно, что «корзинщики» изготовляли флейты. Однако до сих пор их редко удавалось найти в хорошем состоянии. А здесь лежали четыре чудесно сохранившихся экземпляра!

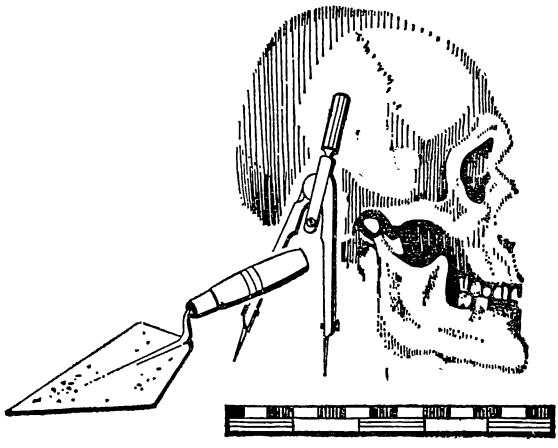
Люди, производившие раскопки, не могли преодолеть искушения. Прямо перед мумией, прямо перед бывшим владельцем они поднесли флейты к губам и попытались извлечь из них звуки. Поначалу это не удалось. Тогда Эрл Х. Моррис нашел правильное положение и в чистом воздухе над живописным ландшафтом потекла прозрачная мелодия.

Энн Моррис замечает по этому поводу:

«Нам показалось, что при этих звуках старый флейтист пробудился от векового сна. Наш разум, естественно, не допускал, что он поднимается из пыльной могилы. И поскольку он не сделал этого, он показался нам еще более далеким, чем прежде. Наше обращение с некоторыми лучшими мумиями создавало ощущение фамильярности. Теперь же одна из них, а вместе с ней и все остальные отодвинулись обратно в глубь времен, и мы почувствовали ужасную неловкость от соседства смерти»[4].

До сих пор мы с большей или меньшей последовательностью придерживались хронологии открытий, сделанных на Юго-Западе: от первого взгляда, который могли бросить на пуэбло испанцы, вплоть до первых раскопок, первых попыток дать истолкование, восстановить ход исторического развития.

Теперь пришло время взяться за другие темы: рассказать, как были достигнуты первые успехи в датировке, о том, когда жили «корзинщики» и когда были построены пуэбло. В двух следующих главах речь в большей мере пойдет о естественных науках, чем об археологии. Поэтому нам необходимо кое-что рассказать об особенностях североамериканской археологии, а заодно и о научных методах, которые и в наши дни остаются альфой и омегой археологов и относятся к числу основных способов, заставляющих «слои и черепки» раскрывать свои тайны.



КНИГА ВТОРАЯ

6. ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ АРХЕОЛОГИЯ И РАДИ ЧЕГО ЕЕ ИЗУЧАЮТ

Антропология — это наука о людях. Археология — это наука о том, что оставил после себя человек. Или, как еще более кратко и саркастически сформулировал эту мысль английский археолог Стюарт Пиггот: «наука о мусоре». А сам археолог — «это человек, чье будущее лежит в развалинах».

Думается, что первые два предложения содержат достаточно четкие определения. Они сохраняют свое значение до тех пор, пока их не начинают интерпретировать, пока не начинают разбирать, что же охватывают сегодня антропология и археология. Эти определения сохраняют силу до тех пор, пока не узнаешь, насколько по-разному изучаются обе науки в различных странах, на сколь значительное число отраслей в свою очередь подразделяется каждая из них. Фактически сегодня ни одно изложение крупной комплексной археологической проблемы не начинается без того, чтобы автор не дал объяснения, что же он понимает под археологией «в собственном смысле». Мы позволим себе еще раз процитировать сэра Мортимера Уилера, который написал, пожалуй, лучшее «Введение» в археологию, где говорится: «Чем же на самом деле является археология? Я, собственно говоря, этого не знаю».

Итак, попытаемся начать с основ. Археология занимается раскопками, сбором и истолкованием вещественных памятников минувших культур от исторических времен вплоть до доисторических эпох. Она возникла из стремления человека познать свое прошлое, сравнивать его с настоящим, примерить себя к нему (археологии предшествует культ предков). Со времени великих археологических открытий XIX столетия, со времени открытия гробниц фараонов, развалин, оставленных индейцами майя в Центральной Америке, со времени раскопок Генрихом Шлиманом легендарной Трои и такого же легендарного «дворца Миноса» на острове Крит Артуром Эвансом с их ошеломляющими находками археология приобрела романтически-приключенческий ореол.

Она приобрела его по праву (во введении я уже кое-что сказал по этому поводу). «Что за восхитительная игра разыгрывается в некоторых уголках земли, игра, дарующая ее участникам все

переживания, связанные с кладоискательством, и благочестиво прикрывающаяся авторитетом науки»,— говорила по этому поводу уже цитировавшаяся нами Энн Моррис.

Посторонний науке человек, узнающий о ее открытиях чаще всего только из сообщений журналистов, забывает, что за этими открытиями стоит напряженный труд, труд и еще раз труд. За ними стоят величайшие тяготы в «поле», борьба против неблагоприятных условий и обстоятельств, нередко носящих политический характер, борьба с жарой и холодом, пылью и мусором, с насекомыми, являющимися переносчиками опасных инфекций. За ними стоит изматывающая нервы кропотливая работа в лаборатории и музее, нередко и многолетние научные споры. За ними — и пот и вдохновение. Закончим это отступление словами «отца археологии» Иоганна Иоахима Винкельмана, который в 1764 г. своей «Историей искусства древности» впервые приоткрыл дверь в прошлое: «Надо вдохновенно мечтать, но выполнять задуманное — спокойно».

В Соединенных Штатах археология является относительно молодой наукой. В Европе она уходит своими корнями в эпоху Возрождения. Именно тогда впервые началось коллекционирование произведений древнего искусства. Тогда же заново были открыты древние языки. Тогда же они стали доступны пониманию и началось прославление античности через произведения классиков, провозглашавших мерилом образованности идеалы греков. Как ни одна другая из ранее существовавших великих цивилизаций, западная цивилизация начала проявлять интерес к прошлому. Дотоле неизвестное стремление к выяснению хронологии прошлого овладело людьми. Вплоть до наших дней житель Запада, стоящий перед древними развалинами, прежде всего задает вопрос об их возрасте и лишь потом — кто являлся их создателем.

Таким образом, двумя источниками европейской археологии стали искусствоведение и филология. С самого начала они действовали рука об руку. И это вполне естественно. Ведь важнейшие из находок, сделанных не только на территории Греции и Италии, но в равной мере в XIX столетии на территории Египта и Малой Азии, представляли собой как произведения искусства, так и надписи. Эта археология, обобщавшая результаты других наук, позволила нам бросить взгляд на отрезок истории человеческой культуры, превышающий 5000 лет, вплоть до шумеров, после того как история исчерпала все, что было зафиксировано в письменных источниках. Археология открыла миру такие чудесные творения древности, как храмы в Олимпии и Дельфах. Она провела нас далеко в глубь прошлого через такие сенсационные открытия, как гробница Тутанхамона и царские гробницы Ура. Благодаря дешифровке иероглифов и клинописи она дала

нам в руки бесценные средства познания «древних». Было совершенно ясно, что эта археология должна была превратиться во вспомогательную дисциплину всеобщей истории. Ибо только историки могли охватить, связать воедино и дать истолкование мертвому фактическому материалу, уходящему все дальше и дальше в глубь веков, сделать его доступным широкому кругу людей, проследить его путь сквозь тысячелетия. Только историкам было под силу реализовать при этом задачу, сформулированную Шиллером в его знаменитой лекции, прочитанной в Йене в 1789 г. под названием «Что такое всемирная история и для какой цели ее изучают?». По его мнению, дело должно было бы сводиться исключительно к сбору лишь таких фактов, которые «способны были бы оказать легко прослеживаемое, бесспорное и существенное влияние на состояние и положение ныне живущих поколений». Нынешнему археологу, занятому поисками истины и только истины, решение такого рода прагматических задач представляется второстепенным, побочным делом.

Совершенно иначе сложилось положение в американской археологии. В глоссарии к своей книге «Погребенное прошлое Америки» североамериканский археолог Гордон С. Болдуин пишет коротко и четко: «Археология: наука о людях, живших до возникновения письменности». Это отнюдь не поспешно сделанный вывод. Он повторяет его и в тексте книги. «Археология — это наука, занимающаяся изучением прошлого человека на основе оставленных им материальных памятников. Иными словами, она занимается исследованием всего, что имело место в доисторическую эпоху жизни народов, изучением их искусств и ремесел, существовавших до появления письменности».

Как же так? Ведь если придерживаться данного определения, то открытие библиотеки глиняных табличек царя Ашшурбанипала в Ниневии не будет считаться делом археологии? Любому европейцу предложенная Болдуином формулировка представляется совершенно бессмысленной. Она отчасти и является таковой. В самом деле, нельзя внезапно лишать слово, которое на протяжении ста лет имело совершенно четкое значение, половины вкладывавшегося в него содержания.

Но, как уже отмечалось, положение в Северной Америке было и продолжает оставаться совершенно иным, чем в Европе. Североамериканский археолог имеет дело с доисторическими этапами развития человечества, поскольку индейцы до Колумба не имели письменности. Кроме того, они не имели ни храмов, ни дворцов, и уж тем более Венеры Милосской или Гермеса, созданного резцом Праксителя. Таким образом, североамериканская наука о прошлом не могла возникнуть ни на основе изучения произведений искусства, ни на основе изучения надписей. Она не могла вырасти ни из искусствоведения, ни из филологии. С самого начала

она развилась из изучения человека, из антропологии. «В этой книге археология рассматривается как часть антропологии»,— пишет Джеймс Дитц в своей превосходной работе «Приглашение к археологии», вышедшей в 1967 г. В Северной Америке и не могло быть иначе.

Антропология началась там с материалов, которые первоначально собирали испанские завоеватели, затем — первые путешественники, а после них — первые ученые-этнологи. Отрасль антропологии, которая в Европе впервые достигла высокого уровня развития благодаря измерениям черепов и занималась преимущественно человеческим телом, превратилась в Северной Америке в специальную научную дисциплину — физическую антропологию. Затем началось необычайное и совершенно неоправданное дробление дисциплин, достигшее невероятной путаницы. Сегодня существуют «политическая», «экономическая», «социальная», «историческая» и «психологическая» антропология.

Нас интересует здесь только та отрасль антропологии, которая приняла под свое крыло археологию. Это так называемая «антропология культуры». Она, с одной стороны, начинается с исследования доисторических людей, а с другой — может завершиться тем, чем закончила свои исследования антрополог Гортензия Паудермейкер. Завершив изучение культур времен каменного века в Меланезии, она так же хладнокровно применила эти методы для исследования общественных форм, выяснения источников власти и наиболее важных характерных черт современного Голливуда[1].

В настоящее время в Соединенных Штатах археология изучается в 137 университетах и колледжах (данные 1968 г.). Примечательно, что кафедры археологии, нередко подчинены вовсе не факультетам антропологии, что было бы вполне естественным, а факультетам социологии, геологии, истории искусств, всеобщей истории. В Университете Южной Калифорнии и некоторых других они даже входят в состав факультетов теологии. Роберт Ашер из Корнелльского университета говорит об этом в одном из своих резко критических выступлений: «По моему глубокому убеждению, система преподавания археологии и организация исследовательских работ в этой области в половине наших университетов является устаревшей. Она отражает состояние, характерное для периода ранней истории этой отрасли исследовательской деятельности, а не для современной археологии» [2].

Фактически такое состояние является попросту результатом слишком быстрого развития. Вот один из типичных примеров. В двадцатые годы два профессора Университета штата Кентукки зоолог В. Д. Функхаузер и физик Уильям С. Уэбб занимались раскопками — это было их хобби (так называемые «воскресные археологи»). В июле 1927 г. в университете было открыто отделение антропологии и археологии. Кто же были первые профессора

этого отделения? Зоолог Функхаузер и физик Уэбб! Между прочим, они оба имеют крупные заслуги в исследовании древнейшей истории штата Кентукки [3].

Сегодня нечто подобное было бы невозможно. С самого начала было ясно, что на североамериканской земле невозможно было начинать изучение истории, опираясь на исторические концепции, понятия и представления о культуре и цивилизации, выработанные Тойнби и Шпенглером *. Вместе с тем в североамериканских университетах применительно к археологии проявилось особое, в принципе отрицательное отношение к любой крупной и цельной концепции. Если где-либо обнаруживалась склонность к философскому мышлению, она сразу же ставилась под подозрение. Так, потребовалось пять лет, прежде чем на английский язык были переведены работы крупнейшего из представителей современной антропологической мысли француза Клода Леви-Стросса. И это при том, что его «структурная антропология» превратилась в объект ожесточеннейших споров, начиная с Коллеж де Франс и кончая интеллектуалами самых маленьких кафе.

Понятие «культура», например, у североамериканских археологов имело столько значений, что в конце концов почти полностью потеряло всякий смысл. Появилась даже книга, целиком посвященная определению понятий [4]. Особенно подозрительно относились к появлению любой всеобъемлющей концепции, выходившей за рамки их ограниченных представлений, бесчисленные местные археологи, страдавшие чрезмерно узкой специализацией, так называемые «археологи колоколен». Чистейшим исключением явились Франц Боас и Альфред Л. Крёбер, Маргарет Мид и Рут Бенедикт, которые уже в то время пытались подходить к своим исследованиям с глобальных позиций. Совершенно необычными явились их попытки делать на основе исследований широкие выводы, обобщения и создавать гипотезы, имеющие значение для развития науки и образования. Когда Рут Бенедикт в одном из исследований об индейских племенах ввела предложенные Ниц-

---

* А. Дж. Тойнби (1889—1976) — известный английский историк и социолог, автор 12-томного философско-исторического труда «Исследование истории», первоначально — сторонник циклистских взглядов на исторический процесс, пересмотревший в конце жизни свои воззрения. Заметное место, занимаемое Тойнби в западной историографии, определяется его глобальным подходом к проблемам, широким охватом фактического материала, стремлением найти закономерности развития человеческого общества.

О. Шпенглер (1880—1936) — реакционный немецкий философ. В своей главной работе «Закат Европы» (русский перевод — М., 1923) он наглядно показал пессимистические настроения западной интеллигенции в период после первой мировой войны и дал глубокое историко-культурное обоснование идее «загнивания» и «упадка» Запада. Шпенглер отвергал концепцию прогрессивного развития общества и рассматривал всемирную историю как ряд автономных циклов культур, проходящих одни и те же стадии — от рождения до конечной гибели.

ше понятия «аполлинический» и «дионисический» и характеризовала народы пуэбло как «аполлинические», то такая характеристика явилась совершенно чуждой для американской специальной литературы. Ее произведение «Древнейшие формы культуры» (1934 г.) является единственным в своем роде и по праву принесло ей мировую известность. Оно оказало влияние на Европу, на европейскую мысль, что является чрезвычайно редким для североамериканских работ по антропологии и извиняет полное незнание европейцами доколумбовой истории Северной Америки.

Видимо, то общее гнетущее впечатление, которое оставляла североамериканская археология, заставило видного английского ученого сэра Мортимера Уилера сделать выпад против американского коллеги В. В. Тейлора.

«Археология является наукой, которая прежде всего ищет факты. Один американский автор как-то даже заявил: «Археология по существу представляет собой не что иное, как метод и набор специальных технических приемов по сбору материальных остатков древних культур. Археолог, как таковой, представляет собой всего лишь технического специалиста». Я, не колеблясь, назову такой крайний подход бессмыслицей. Специалист по лепидоптерам * представляет собой нечто большее, чем просто ловец бабочек, а археолог, который ограничивается только собиранием черепков, не заслуживает права называться археологом. Он действительно должен прежде всего искать факты. Эти факты являются осязаемыми свидетельствами прежней деятельности человечества. Поэтому археолог, кроме того, должен быть знатоком человеческой души. Он должен быть психологом, ибо его вторая задача состоит в том, чтобы очеловечить и оживить этот материал с помощью силы воображения. А потому он должен обладать не только качествами искусствоведа, но и философа» [5].

Уилер написал это в 1956 г. С тех пор в североамериканской археологии произошли крупные изменения. Согласно данным 1967 г., 536 музеев имеют постоянные экспозиции, на которых представлена история индейцев с древнейших времен до наших дней. Только Окмалгийский Национальный музей-заповедник в штате Джорджия содержит около 2 млн. предметов древности, охватывающих период от эпохи строителей маундов до наших дней. Количество литературы растет устрашающими темпами. Один лишь каталог Антропологической лаборатории города Санта-Фе содержит более 10 000 названий публикаций только по археологии Юго-Запада. Видимо, помочь разобраться в этом океане информации сможет лишь вычислительная техника.

Такое изобилие материала настоятельно требует разработки крупных концепций. И действительно, в последние десятилетия

---

* Лепидоптерология — раздел энтомологии, изучающий бабочек.

появилось больше обобщающих теорий, чем за предшествующие полвека. Древнейшая история Америки становится обозримой. Отдельные кусочки мозаики начинают складываться в цельную картину. Показательно, что сегодня во всем мире обсуждается теория диффузии, рассматривающая наличие и глубину влияния Азии на древние американские культуры. Все это выдвигает необходимость проверки теоретических основ и нового пересмотра вопроса о том, в чем же вообще состоит суть археологии. Гордон Р. Уилли и Филипп Филиппс в 1958 г. пробили здесь брешь, опубликовав свой вызвавший широкую дискуссию труд «Метод и теория в американской археологии».

Сегодня все отчетливее выступает совершенно особая задача североамериканской археологии, ее вклад в мировую археологию, в исследование доисторических эпох в целом.

Древнейшая история Старого Света лежит далеко, засыпанная обломками и мусором высокоразвитых цивилизаций. Здесь больше не существует прямой связи между древнейшими охотниками и собирателями, жителями пещер и землянок и современными людьми. Наоборот, в Северной Америке, в самом верхнем слое, разбросана по всему гигантскому континенту древнейшая история людей. А в пуэбло исследователь и сегодня видит занятых различными видами труда людей, которые живут точно так же, как жили их доисторические предки. Последний человек каменного века Северной Америки скончался в 1916 г. в одном из музеев Сан-Франциско *. Эту фантастическую историю мы расскажем в «Эпилоге» книги.

Поль С. Мартин, который еще в 1947 г. в книге «Индейцы до Колумба» вместе с Джорджем Кимби и Доналдом Колье дал один из первых общих обзоров, так рисует в самом кратком виде особое положение американской археологии.

«Читатель мог бы сказать: «Отлично! Греки и римляне внесли свой вклад в развитие нашей цивилизации. Но какую пользу может принести нам исследование индейских культур?» Мой ответ состоит из двух частей. Во-первых, американские индейцы внесли свой вклад в формирование нашего образа жизни, дав нам идеи в архитектуре (пуэбло и майя) и обеспечив нас ценными продовольственными культурами. Достаточно назвать картофель, помидоры, земляной орех, маис, бобы, тыкву (не перечисляя всех остальных).

Вторая часть моего ответа будет более пространной. Мы должны быть счастливы, имея возможность исследовать индейские культуры, даже если бы допустили, что они не внесли никакого вклада в развитие нашей цивилизации. Америка и индейцы были сравнительно далеко от Старого Света и развивали здесь различ-

* См. последний раздел книги.

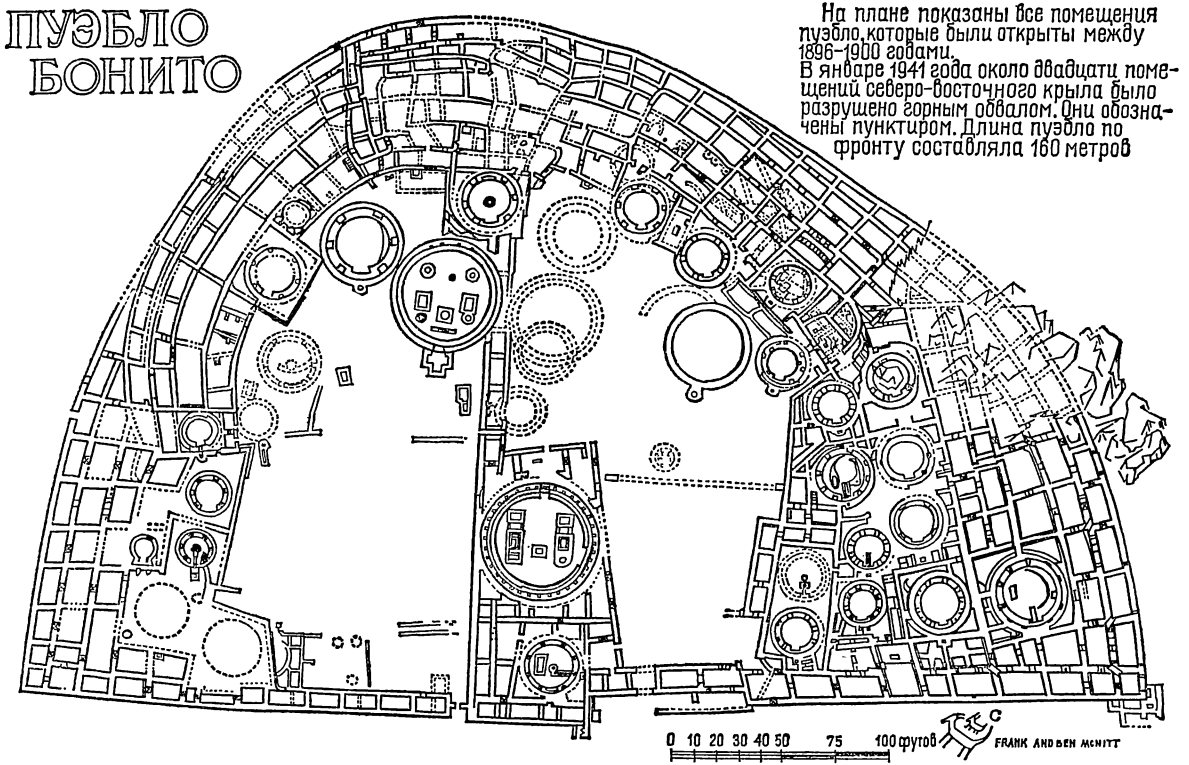


Схема 1. План и реконструкция пуэбло Бонито в нынешнем Национальном памятнике Чако-Каньон в штате Нью-Мексико. На плане легко различить многочисленные кивы.

ные культуры более или менее независимо одна от другой после того, как индейцы (монголоидные группы) пришли сюда через Сибирь. Короче говоря, Новый Свет представляет собой подобие гигантской колбы, огромную лабораторию, где имели место всевозможные события... Это одна из немногих известных нам подобных лабораторий, ибо невозможно заключить в колбу целые народы, а затем наблюдать, что с ними будет происходить».

Мартин заключает свое рассуждение словами, которыми и мы хотели бы завершить эту главу прежде, чем приступим к рассмотрению некоторых специальных методов, используемых в археологии.

«Ценность археологии в том, что она развивает новый способ наблюдения жизни, поисков истины, поисков прекрасного. Ее ценность заключается также в той помощи, которую она оказывает нам в понимании нашего времени и наших проблем. Нам следует и дальше развивать наше понимание надежд, устремлений людей и понимание человеческой природы. Возможно, когда мы соединим наши усилия, мы сможем установить причины подъема и падения великих цивилизаций прошлого и, может быть, предохранить от гибели нашу собственную цивилизацию» [6]

7. СЛОИ И ЧЕРЕПКИ

Однажды в отель «Эль-Навахо» в Галлапе (штат Нью-Мексико), который в 20-е годы служил местом встречи археологов, собиравшихся на ежегодный индейский фестиваль, в веселом кружке появился «Тед»-Киддер и сказал улыбаясь:

«Как поступили бы вы, если бы вам пришлось работать в Пекосе? Я только что провел пробные раскопки на склоне холма, образованного обвалом, и обнаружил там самую древнюю керамику в верхнем слое, а новейшие черепки в самом нижнем».

Коллеги смотрели на него с недоумением: ведь это сообщение ставило с ног на голову точно установленные законы стратиграфии. Замешательство продолжалось до тех пор, пока Киддер не объяснил: «Последние жители Пекоса, вероятно, нет, не вероятно, а наверняка, как это следовало из многочисленных раздумий и тщательного обследования окружающей обстановки, вырыли на месте старой постройки новую глубокую яму. Они отбросили верхний слой в сторону, а на него, естественно, насыпали нижний. Таким образом они нарушили незыблемый порядок чередования археологических слоев».

«Но,— продолжал Киддер,— это было не самым ошеломляющим открытием в Пекосе. Я обнаружил там могилу, в которой находилась одновременно керамика всех шести стилей. В ней

были представлены все типы керамики, когда-либо производившиеся в Пекосе с древнейших времен вплоть до последних дней!» И, продолжая улыбаться, он дал единственно возможное объяснение этому факту: «Скорее всего, до меня здесь уже поработал доисторический коллекционер!» [1]

В нашем «Введении», посвященном раскопкам маундов, проведенным Джефферсоном, мы объяснили значение стратиграфии, науки о слоях, которую, подчеркнем еще раз, этот выдающийся президент Соединенных Штатов первым осмысленно применил в истории мировой археологии, включая и европейскую.

Все представляется чрезвычайно простым. При раскопках новейшие слои всегда находятся вверху, а более древние внизу. Когда таким образом обнаруживают многие слои, которые можно

Схема 2. Поперечный разрез Крукс-маунда, относящегося к культуре хоупвелл. Он представляет собой погребальный маунд, отличающийся большой четкостью залегания слоев. Скелеты находились в третьем слое сверху.

различить по типам содержащейся в них керамики, а затем нумеруют их, то получают относительную хронологию. Слово «относительная» в данном случае указывает на то, что она не дает представления о продолжительности существования культуры каждого определенного слоя и времени возникновения, согласно христианскому летосчислению, самого нижнего из них.

Но как вообще возникают эти слои? — задаст вопрос несведущий человек. Они возникают на протяжении тысячелетий в результате различного рода естественных влияний и геологических изменений. Поэтому стратиграфия и оказалась вначале чрезвычайно полезной в геологии. По праву ее поборником выступил тогда Уильям «Страта»-Смит, который в 1816 г. опубликовал книгу «Определение страт при помощи органических ископаемых остатков». Но слои возникают также в течение гораздо более коротких периодов всюду, где обитают люди. Люди строили землянки или дома. Бури и землетрясения, наводнения, пожары, войны разрушали их. Часто жители покидали разрушенные поселения. И чаще всего, сообразуясь с целесообразностью или просто следуя закону инерции, они строили вновь на том же самом месте, и не один, а много раз!

А то, что им становилось ненужным, они выбрасывали — нередко на протяжении столетий в одно и то же место. Фактически археологические слои возникают с появлением человека. Они могут возникнуть и в нашей помойной яме, если мы пользуемся ею достаточно долго. Предположим, что первая тачка мусора была высыпана в нашу яму в 1930 г. Тогда сегодня, если, конечно, мы будем производить раскопки в соответствии с правилами стратиграфии, мы обнаружили бы в нижних слоях, к примеру среди сковородок и горшков, сделанных главным образом из железа, лишь очень немногие экземпляры из алюминия. Старые автомобильные шины, обнаруженные в самом низу, будут четко отличаться от белых шин, находящихся в верхних слоях. Наши собственные игрушки тех времен были гораздо примитивнее высокотехничных игрушек, которые выбрасываются нашими детьми. В определенный момент начинают очень редко встречаться жестяные банки — это были годы войны. Внизу попадается множество бутылок, наверху — почти исключительно банки. А если и встречаются бутылки, то они имеют совершенно другие пробки. Предметы из пластических масс появляются только в самом верхнем слое. Каждый может доставить себе удовольствие, занявшись раскопками таких недавно возникших слоев.

Таким образом, как мы видим, принцип стратиграфии чрезвычайно прост. Но оба примера, приведенных Киддером, показывают, насколько запутанной нередко бывает проблема определения слоев. Английский генерал Пит Риверс, которого в действительности звали Лейн Фокс (в 1880 г. он с удовольствием сменил имя, поскольку новое давало ему право претендовать на наследование более громкого титула), усовершенствовал стратиграфический метод раскопок, который еще довольно грубо применялся Генрихом Шлиманом в Трое. Риверс превратил прежнюю систему в метод, который сэр Мортимер Уилер позже назвал «трехмерным». В соответствии с этим методом зарисовки должны были быть такими точными, чтобы можно было любой предмет возвратить на прежнее место с точностью до десятых долей миллиметра. Сам Уилер усовершенствовал этот метод. Но, предостерегая начинающих археологов от коварства страт (слоев), говорил: «Первый закон о слоях гласит, что не существует неизменных законов» [2].

Со времен Киддера североамериканские археологи довели стратиграфию до уровня подлинного искусства. Результаты знаменитых раскопок в Снейктауне, проводившихся в 1934 и 1935 гг. Эмилем В. Хаури, Гарольдом и Норой Гладвин и Е. Б. Сейлсом, были настолько точными, что при возобновлении раскопок тридцать лет спустя Хаури мог с гордостью заявить: «Новые данные расширяют наши заключения и ни в чем не противоречат им» [3]. Образцом высокого мастерства могут служить также раскопки

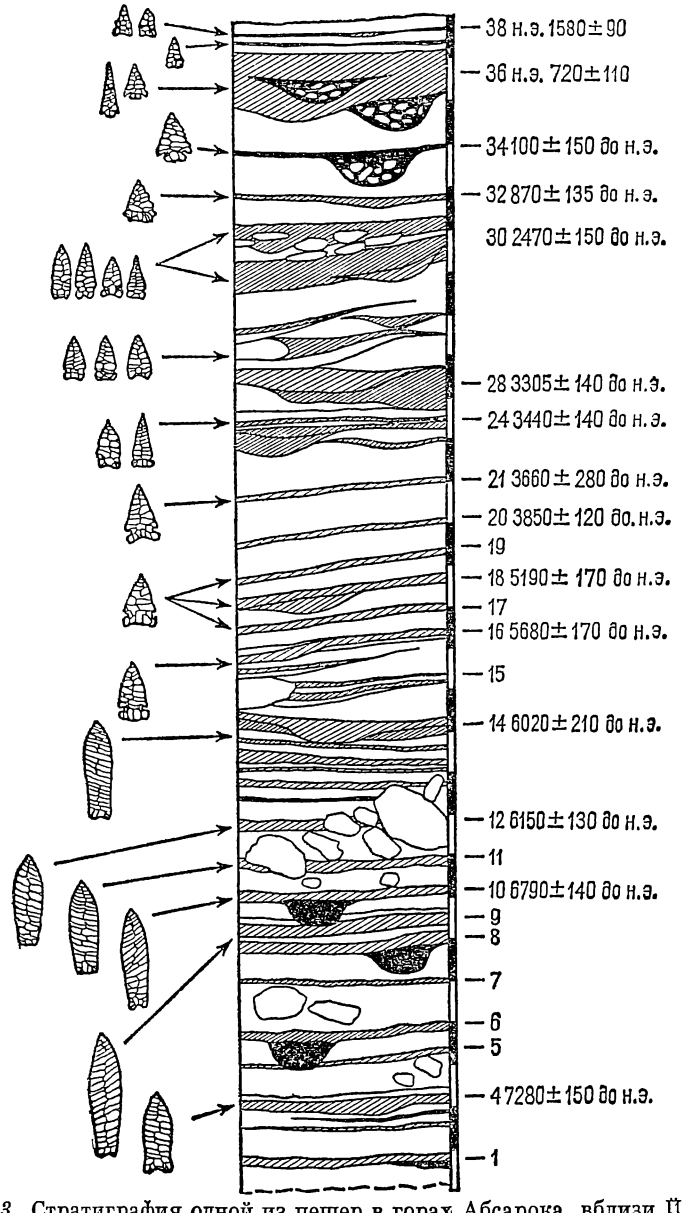


Схема 3. Стратиграфия одной из пещер в горах Абсарока, вблизи Йеллоустонского парка. Тридцать восемь слоев позволяют, благодаря сделанным в них находкам, установить, что пещера была обитаема на протяжении 9000 лет. В самых нижних напластованиях оружие составляли только наконечники копий и дротиков, а в верхних — искусно выполненные наконечники стрел.

в одной из пещер штата Вайоминг, где археологи смогли точно установить наличие 38 слоев, охватывавших период от 7280 г. до н. э. до 1580 г. н. э. [4].

Смертен не только сам человек, преходяще и большинство творений, которые он создает на протяжении жизни. Это в особенности относится к тому, что создавалось доисторическими людьми, к предметам их обихода из дерева, кости, плетеным изделиям, тканям. Все эти изделия чрезвычайно легко поддаются разрушению. Поэтому буквально как чудо воспринимается количество этих изделий, которое удается находить археологам. Здесь есть, однако, исключение.

Почти не подвержена влиянию времени керамика. Еще в прошлом веке археологи поняли, какой важный ключ к разгадке тайн прошлого дают им в руки кувшины, вазы, блюда даже в тех случаях, когда от них сохранились лишь черепки, если их не рассматривать как груды мусора, накапливавшиеся перед входами в доисторические жилища. Этим остаткам прошлого американские археологи даже дали четыре различных наименования: «мусорные кучи», «кухонные отбросы», «груды сора», «валы дряни». «Охотники за горшками» — так окрестила их поэтому полунасмешливо, полудружелюбно народная молва. Сегодня это выражение превратилось в ругательство. Им обозначают бессовестных искателей сокровищ, всех, кто под покровом ночи грабит могильники, короче — разбойников, движимых жаждой наживы. Поначалу даже сама «классическая» археология с большим пренебрежением относилась к этой новой отрасли исследований.

«Пятьдесят лет назад оксфордский ученый Годли в следующих стихах высмеивал своих коллег, которые тогда только-только начали правильно оценивать значение археологических памятников для изучения древнего мира.

Не стихи и не проза,
а только изделия гончаров
в конце концов дают нам представление
о человеческой деятельности и сущности
человека» [5].

Невозможно переоценить значение керамики для археологии. С керамикой начинается человеческая цивилизация. Сначала просто высушенные, а позже обожженные сосуды являются, возможно, первой продукцией техники, а орнаменты на глине — первыми произведениями искусства (если, конечно, отвлечься от наскальной и пещерной живописи). Появление керамики почти всегда совпадает с зарождением земледелия, с переходом к оседлости.

С самого начала просто вылепленные руками и высушенные на солнце сосуды быстро получают самое различное применение. Они использовались для еды, питья, хранения запасов. Одновре-

менно они служили урнами, в которых хранился пепел умерших. В качестве погребальной утвари они сопровождали усопших в последний путь. Имевшие человеческий облик глиняные фигурки, идолы, являлись первым отображением религиозных представлений в искусстве. Нередко материал для них добывался в тщательно скрывавшихся местах, как это было, например, с глиной, использовавшейся для изготовления трубок мира (индейцы подарили Старому Свету не только табак, но вместе с ним и курительную трубку), и доставлялся за сотни миль.

Эта искусная, причудливо орнаментированная керамика Юго-Запада была изготовлена мимбрами. На блюде, относящемся к X—XII вв. н. э., изображена пума. Перед тем как положить такое блюдо в могилу умершего, его нередко намеренно разбивали, то есть «умерщвляли».

Керамика, которая в дальнейшем стала подвергаться обжигу, глазурованию, покрываться орнаментом, достигнув высшей степени совершенства, сопровождает все человеческие культуры. Ее простота или завершенность позволяют судить об уровне развития той или иной культуры. А черепки нередко являются единственным поддающимся четкому определению отличительным признаком различных слоев.

В любом музее, который хронологически правильно строит свои экспозиции, без труда можно проследить это чудесное развитие. Первоначально это наивные, грубые, нередко продиктованные назначением формы, толстые стенки, неровная, почти полностью лишенная орнамента поверхность. Затем отчетливо распознается все более искусное обращение с глиной, которая совершенно неожиданно стала вдруг намного мягче и податливее. Форма приобретает большую округленность, становится более правильной, возникают первые орнаменты. Простые линии и точки, словно нанесенные неуверенной детской рукой, постепенно становятся все более точными, затем освобождаются от следов своего происхождения, связывавших их с искусством плетения

корзин, становятся свободнее и разнообразнее. Затем появляются первые краски: белая, черная, красная. Постепенно горшки, миски, вазы становятся все более тонкостенными, все более твердыми, тщательно обожженными, многоцветными, со все более сложным орнаментом. Ни одно другое произведение человеческих рук не обнаруживает так явственно и убедительно процесс развития от примитива к культуре, от грубого к изящному, от предмета обихода, и мы уже можем так говорить, к произведению искусства. Сделав в музее сто шагов, можно легко проследить это развитие. Только шаги должны быть медленными и помогать раздумью. Необходимо проявить при этом хотя бы немного благоговения.

Где же впервые была открыта керамика? И когда?

Она была известна на Древнем Востоке более чем за 7000 лет, в Китае — возможно, за 4000 и в Америке — за 2500 лет до н. э.*. Такого рода древняя керамика была обнаружена как в Центральной Америке, так и южнее, а также на Северо-Востоке Северной Америки — археологи выделяют традиции «нуклеарную» («сердцевидная», «центральная») и «вудленд» [6].

Обе названные культуры керамики отличаются одна от другой. В древние времена независимо от Старого Света они дважды возникали в Америке. Естественно, что позже могли проявиться и влияния азиатских культур. Так же естественно и то, что они распространились по всему Американскому континенту, смешиваясь, оказывая взаимное влияние друг на друга. Вполне возможно, что керамика была изобретена не только дважды, но даже трижды в одной лишь Северной Америке. Предположительно еще один раз она возникла намного позже, около 400 г. н. э. в районе долины реки Сан-Хуан, лежащем вокруг Фор Корнерс на Юго-Западе. Но вопрос об оригинальном характере местной керамики пока еще служит предметом острых споров.

Как ни удивительно, но существуют историки, особенно в Европе, которые упорно стремятся отыскивать следы «влияний» на развитие американской керамики. По необъяснимым причинам они упорно не хотят замечать в истории культур очевидной истины, которую демонстрирует история развития техники, а именно что вплоть до нашего времени одинаковые открытия нередко делаются одновременно в нескольких местах. Факты свидетельствуют: керамика в Америке возникла самостоятельно, притом по меньшей мере дважды! В связи с огромным количеством керамики, найденной в Северной Америке, невольно возникает вопрос о том, сколько времени требовалось в доисторические времена

---

* Согласно последним данным археологов, керамика впервые появляется на территории Нового Света на рубеже 4000—3000 лет до н. э. в Эквадоре (Вальдивия).

для ее изготовления. Только в 1925 г. были предприняты первые попытки дать обоснованный ответ на этот вопрос. Как выяснилось, для изготовления небольшого орнаментированного блюда требовалось около двух часов работы плюс около двенадцати часов для просушки. Обжиг продолжался от 36 до 80 минут [7].

Но каким образом было открыто искусство изготовления керамики?

Любители литературных деликатесов, наверное, знакомы с английским сатириком Чарлзом Лембом. 150 лет назад он написал своеобразное эссе «Трактат о свином жарко́м». В нем Лемб развивал теорию, согласно которой искусство жарения мяса было открыто в седой древности маленьким китайским мальчиком Бо-бо, когда тот, играя, поджег хижину своего отца, в которой сгорели девять поросят. В этот момент ноздрей Бо-бо коснулся чудесный аромат, которого до этого ему ни разу в жизни не приходилось ощущать. Дальше — лучше. Сатира Лемба основана на предположении, что начиная с этого момента китайцы на протяжении жизни многих поколений (и это вполне логично) сжигали в своих хижинах запертых свиней, чтобы получить превосходное жаркое.

Утверждая теперь, что подлинная индейская керамика начинается с появлением процесса обжига, мы можем вообразить себе индейского Бо-бо, невинного ребенка, который точно так же во времена седой древности, играя, закатил однажды в остатки костра высушенное на солнце блюдо. Мы можем, далее, вообразить, что испугавшаяся поначалу мать затем с радостью обнаружила, что блюдо не только не испортилось, не только не раскололось, но стало намного тверже и гораздо удобнее в употреблении.

Аналогичные объяснения существуют и для возникновения первых орнаментов. Но только не столь гротескные. Например, сетка, сплетенная из прутьев, которая использовалась для переноски не полностью просохшей вазы, оставляла на ней отпечатки полос. Такие отпечатки затем уже по привычке наносились на такие же блюда и вазы, не требовавшие для своей переноски сетки. Но, не исключено, что первые орнаменты, открытые людьми, были те, которые они наносили на собственное тело. Раскраска и разрисовка тела были широко распространены среди индейцев, и, возможно, стремление к украшению было перенесено на предметы обихода. А богатство форм? Нет сомнения, что первоначально форма определялась назначением предмета. Но не следует забывать и стремления к игре. Человек всегда был и остается «хомо луденс» («человеком играющим»), как его определял в одном из своих знаменитых трудов голландский историк культуры Иоганн Хуцинга [8].

Следует иметь в виду, что возникновение керамики — это

одно. Определение же ее значения, классификация — это совсем другое. Перед археологом встают шесть вопросов.

Где, в каком окружении и в каком слое найден тот или иной предмет?

Что представляет собой материал, из которого он изготовлен?

Каков метод изготовления?

Каковы стиль, форма?

Какого рода орнамент?

Как обстоит дело с датировкой?

В связи с проблемами датировки в последнее время велись, особенно в Калифорнийском университете, настойчивые поиски метода, позволяющего совершенно точно определять абсолютное время изготовления любого керамического изделия или фрагмента. В результате такой метод был разработан. Это так называемый термолюминесцентный метод. Существо этого метода в том, что замеряется радиация, вызываемая повторным обжигом древней керамики, эта радиация обязана своим возникновением радиоактивности содержащихся в любой глине минералов.

В 1963 г. Е. Т. Халл — сотрудник Оксфордского университета, дал краткое описание метода. При этом он прояьил большую сдержанность в оценке значения, которое мог бы иметь этот метод. Однако в 1970 г. Халл заявил следующее: «Гончарные изделия и керамика всегда содержат определенное количество радиоактивных примесей (например, уран и торий), концентрация которых достигает нескольких частиц на миллион долей. Эти вещества выделяют в известной пропорции, зависящей от их концентрации в пробе, альфа-частицы. Если альфа-частицы минералов, вкрапленных в глину и содержащих радиоактивные примеси, будут поглощаться, это вызывает ионизацию атома: электроны освобождаются от прочных естественных связей с атомным ядром и позже под влиянием метастабильных положений высокой энергии приходят в состояние покоя. Таким образом происходит накопление энергии. При благоприятных температурах эти электроны остаются в метастабильных состояниях или ловушках. Если в определенный момент материал будет подвергнут нагреванию при достаточно высоких температурах, например при обжиге горшка, то тогда прочно удерживаемые электроны освобождаются и испускают свет.

С момента обжига, когда все ловушки были опустошены, до сегодняшнего дня шел процесс их наполнения. Он протекал соразмерно поглощению альфа-частиц материалом. Чем дальше отстоит этот момент от нашего времени, тем больше ловушек снова наполнится и тем больше будет термолюминесценция.

Чтобы таким путем установить возраст глиняного осколка, необходимо измерить:

1. Силу излучения света при нагревании пробы.
2. Альфа-радиоактивность пробы.
3. Способность пробы при искусственном облучении радиоактивным источником известной интенсивности давать термолюминесцентный эффект.

Определенная комбинация результатов измерений позволяет установить абсолютный возраст и время обжига. Можно также путем сравнения полученных данных с данными, относящимися к керамике, возраст которой точно известен, уточнить возраст пробы» [9].

Однако следует помнить, что определение характера керамики не дело любителей. В 1965 г. я, отнюдь не новичок в европейской археологии, впервые попал в Северной Америке на территорию раскопок одной из древних индейских культур. Это были раскопки культуры хохокам в Снейктауне (штат Аризона), которые велись в основном Эмилем В. Хаури. Мы шагали по миллионам черепков. Хаури то здесь, то там поднимал с земли черепки размером с мелкую монету, не имевшие на своей поверхности ничего, кроме точки или оборванной линии. При этом Хаури бормотал: «Период такой-то, период такой-то, но этот намного древнее! Вот, посмотрите!» Насмешливая Энн Моррис, которая что-нибудь да сказала по любому поводу, так сообщает о сложностях идентификации керамики и своем первом «выходе в поле», состоявшемся в 1923 г.

«Это надо просто «почувствовать»! Хотя мои слова звучат совсем неубедительно, но только несколько лет спустя я вдруг почувствовала озарение. Оно было похоже на то, которое испытываешь при изучении иностранного языка, звучание которого пришлось слышать на протяжении определенного времени. Способность идентифицировать типы керамики «прорастает», словно прививка на дереве. Ночью вы еще ощущаете свою полную беспомощность. А на следующее утро вдруг чувствуете, что можете. Это искусство требует времени. Суть здесь не в точках и черточках, пятнах или линиях, форме или тоне. Это совершенно бессознательный процесс, в ходе которого все эти элементы комбинируются с трудноопределимым «нечто», значащим больше, чем слова» [10].

Другой, более крупный ученый — А. О. Шепард предприняла в 1954 г. попытку кратко и наглядно изложить проблему классификации керамики. В результате появилась книга объемом 414 страниц! [11]

Теперь необходимо ознакомиться с двумя важнейшими вкладами, относящимися к области естественных наук, который сделала Северная Америка не только в свою собственную, но и в мировую археологию.

8. БЕГ ВРЕМЕНИ

«Мы, археологи,— отмечал в 1965 г. Фрёлих Рейни, директор Музея Пенсильванского университета,— слишком мало знаем о революционных изменениях в естественных науках, которые оказывают огромное влияние на наш мир. Я думаю, что физики в свою очередь слишком мало осознали значение исторических сил. В археологии по крайней мере в повседневных практических исследованиях мы перешагнули границу, отделяющую естественные науки от гуманитарных. Гуманитарные и естественные науки пробуждают взаимный интерес, ведут к новому пониманию духовного содержания каждой из отраслей человеческого знания» [1].

Слова Рейни относятся к 1965 г. Именно к этому времени многочисленные представители самых различных отраслей естественных наук, обладающие огромным богатством самых неожиданных идей, пришли на помощь археологии и обеспечили получение ошеломляющих результатов. Однако успехи, которые будут достигнуты в ближайшем будущем, наверняка будут носить еще более ошеломляющий характер. Сегодня в этом не приходится сомневаться.

В 1963 г. двое английских ученых предприняли первую попытку дать обзор множества естественнонаучных методов, применяемых в археологии. Дон Бразуэлл из Британского музея и Эрик Хиггс из Кембриджа назвали свой труд «Естественные науки в археологии. Исчерпывающий обзор прогресса в исследованиях». Внушительный том насчитывает 595 страниц. Он содержит 54 отдельные статьи различных авторов о множестве методов, позволяющих давать ответ на вопросы археологов с помощью всех возможностей естественных наук и современной технологии. За двадцать лет до этого такое положение даже не могло присниться ни археологу, ни ученому-естественнику.

Развитие этой новой техники идет такими быстрыми темпами, что сегодня книга на аналогичную тему содержала бы неизмеримо большее количество материалов. В 1952 г. работа Фредерика Е. Цойнера «Датирование прошлого» рассматривалась в качестве образца. Сегодня она имеет лишь исторический интерес, а увидевшее свет в 1970 г. второе издание крупного обобщающего труда Бразуэлла — Хиггса содержит на 125 страниц больше, чем первое [2].

Наша книга посвящена истории североамериканской археологии. Поэтому, руководствуясь не только соображениями географического характера, мы ограничимся изложением двух методов, главным образом их ролью и значением, которые были разработаны только в Северной Америке и исключительно североамериканскими учеными. Речь идет о радиоуглеродном (его называют иначе метод C^{14}) и дендрохронологическом (называемом также

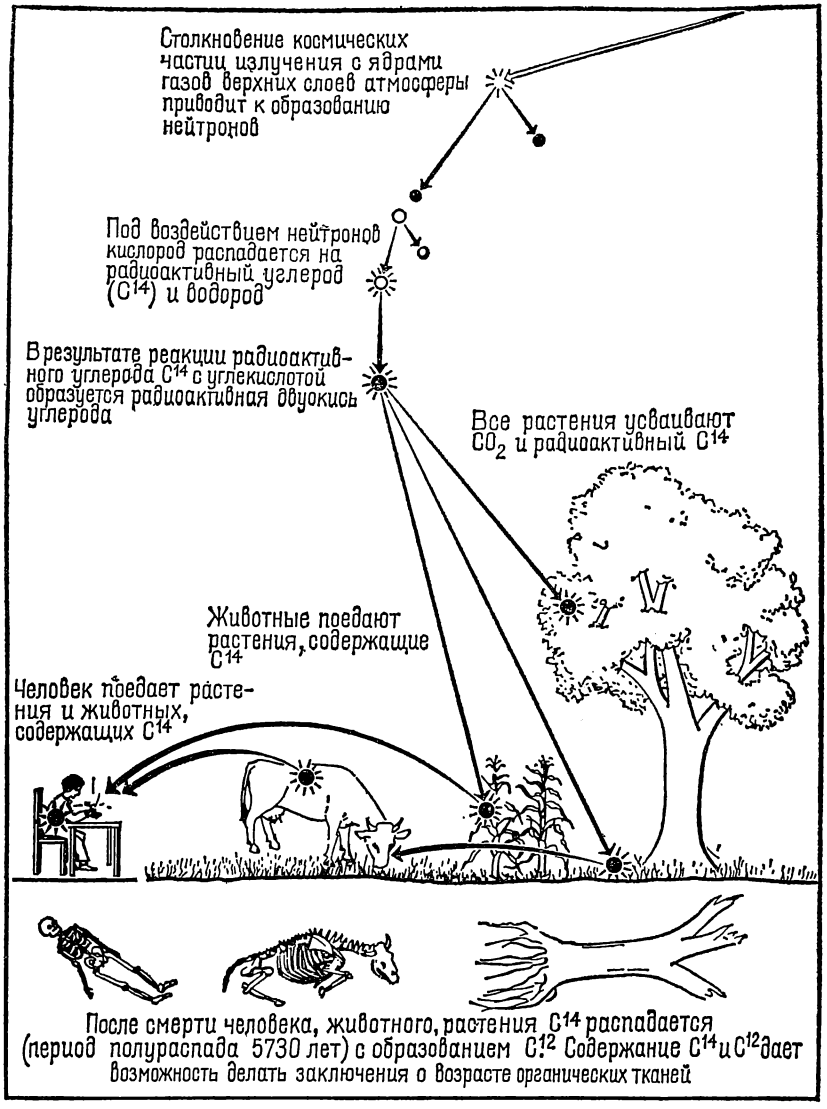


Схема 4. Схема влияния C^{14} на все органические вещества

датировкой по годичным кольцам деревьев) методах датировки археологических объектов.

Наибольшую сенсацию среди всех остальных вызвал так называемый радиоуглеродный метод, открытый Уиллардом Ф. Либби из Чикагского университета и, как нам сегодня ясно,— по праву.

Либби родился в 1908 г. на одной из ферм штата Колорадо. Вначале он собирался стать инженером, затем передумал и занялся химией. В то время химию уже невозможно было представить без физики и математики. В рамках своей основной научной работы Либби все больший и больший интерес проявлял к явлению радиоактивности. В 1941—1945 гг. он принимал участие в создании атомной бомбы. Этот период своей деятельности он характеризует в общих чертах как период «исследований в военной области». После войны Либби стал профессором Чикагского университета и здесь разработал основы нового метода датировки.

Цитировать самого Либби совершенно невозможно, поскольку он дает по преимуществу чисто техническое описание. Однако Е. Х. Уиллис, работавший в одной из первых радиоуглеродных лабораторий, начало которым положил Либби, а именно в лаборатории Кембриджского университета, однажды попытался кратко изложить существо метода.

«У Либби была идея о возможности использования образующегося в результате космического излучения радиоактивного углерода как ценного вспомогательного средства определения возраста археологических находок. Его натолкнуло на эту мысль то, что атомы C^{14} легко окислялись в двуокись углерода и без труда смешивались с содержащейся в атмосфере двуокисью углерода. Одним из следствий быстрой перегруппировки в земной атмосфере являлось равномерное распределение по всему миру углекислоты с радиоактивным углеродом. Можно было ожидать, что благодаря процессу фотосинтеза она в равном соотношении поглощалась всеми растениями. Дальше можно было предположить, что весь животный мир, зависящий прямо или косвенно от растительного мира, также должен иметь радиоактивность одинаковой степени. Таким же образом влияние космического излучения должно было проявляться и на жизни в морях. Ведь углекислота атмосферы находится в состоянии постоянного обмена — равновесия с углекислотой океана. Либби доказал, что это отношение равновесия достигается относительно быстро в сравнении с периодом полураспада C^{14}. В момент смерти живого организма всякое накопление и всякий дальнейший обмен радиоактивным углеродом должен был бы прекратиться. Накопившийся радиоактивный углерод должен был бы тогда начать распадаться в экспоненциальной зависимости от времени» [3].

Попросту говоря, речь идет о следующем. Из теории было известно, что атмосфера Земли находится под длительным воздей-

ствием космических лучей. Под воздействием этих лучей в атмосфере Земли образуются нейтроны. Нейтроны вступают в реакцию с атомами азота, содержащегося в атмосфере, при этом образуется незначительное количество (C^{14}). Этот C^{14} смешивается с двуокисью углерода и достигает земной поверхности.

Теперь двуокись углерода, содержащая мельчайшие частицы C^{14}, в процессе фотосинтеза потребляется растениями нашей планеты. Благодаря тому, что животные и люди поедают растения, C^{14} попадает в тело каждого животного и каждого человека.

Все это имело бы ограниченный интерес, если бы C^{14} не был радиоактивен. Вывод, к которому пришел Либби, состоял в том, что все органические вещества должны быть радиоактивны. Кроме того, он сделал еще один вывод — о возможности измерения этой радиоактивности. Путь к такому измерению был указан свойством радиоактивных веществ распадаться с определенной скоростью. Таким образом стало возможно установить, что через определенное время уровень радиоактивности определенного материала сокращался ровно наполовину, еще через один такой же период — на четверть и так далее. Это называется периодом полураспада. У C^{14} он, как считалось поначалу, составляет 5568 лет.

Важно, что уровень поглощения C^{14} растениями остается постоянным на всем протяжении жизни растения, а его количество сохраняется неизменным благодаря постоянным новым поступлениям. В момент смерти растения (либо животного, либо человека, до этого потреблявших растения в пищу) начинается распад. Поскольку с помощью счетчика Гейгера можно точно измерить количество C^{14}, то становится возможным установить возраст умершего живого существа (не продолжительность его жизни, а время, прошедшее с момента смерти) и таким образом — исторический возраст любой органической ткани.

Либби опубликовал это открытие в 1947 г. Публикации предшествовали многочисленные исследования огромного количества органических тканей. Неприятное на первый взгляд сознание того, что мы сами радиоактивны, что радиоактивны молоко, которое мы пьем, съедаемые нами мясо, салат и другие продукты, стол, за которым мы сидим, кровать, в которой спим (а сегодня каждый школьник знает, насколько опасным является радиоактивное излучение), не должно нас пугать, ибо их радиоактивность ничтожно мала.

Поэтому главной проблемой для Либби являлась разработка сверхчувствительного метода измерений. Согласно теоретическим расчетам, дерево, срубленное, например, 5568 лет назад, должно было вызывать в счетчике Гейгера наполовину меньше щелчков, чем только что срубленное. Это предположение подтверждалось как в основе верное практикой измерений, ибо Либби удалось в невероятно короткий срок сконструировать необходимые для

этих целей точные и даже сверхточные измерительные приборы.

И вот исследователи прошлого впервые услышали, что наконец открыт метод, позволявший чисто естественнонаучным путем устанавливать возраст предметов, точная датировка которых с помощью известных средств была невозможна. Редко случается, чтобы столь различные науки так быстро нашли друг друга, как в данном случае. Причина здесь состояла не только в глубокой заинтересованности археологов. Огромное значение имело то, что Либби сразу же оценил исключительные возможности, которые давала ему наука о древностях для доказательства правильности проделанных анализов. Он должен был просто опробовать свой метод на предметах, глубокая древность которых была установлена совершенно точно. Для этого больше всего подходил Древний Египет. Именно здесь археологам и историкам на основе письменных источников и астрономических данных удалось составить хронологию, указывавшую даты с точностью до десятилетий.

9 января 1948 г. состоялось первое заседание представителей различных отраслей науки. А вслед за этим в феврале того же года Американская антропологическая ассоциация создала рабочую комиссию, которая должна была определить возможность применения метода Либби в археологии. Председателем стал Фредерик Джонсон из Фонда Пибоди в Андовере. Кроме того, в комиссию вошли Фрёлих Рейни из Музея Пенсильванского университета, Дональд Колье из Чикагского музея и позже — геолог Ричард Фостер Флинт из Йельского университета. Затем они подобрали себе сотрудников, профессиональная компетентность которых не вызывала сомнений.

Теперь в лабораторию доктора Либби со всего света начал поступать поток материалов, составивших совершенно необычную для технических лабораторий коллекцию. Рабочее помещение Либби вскоре стало напоминать кунсткамеру. Там находились кусочки египетских мумий времен Древнего царства, древесный уголь костров, у которых грелись доисторические люди, зуб вымершего в конце ледникового периода мамонта, сандалия из индейского погребения, открытого в штате Огайо, кусочек доски от погребальной ладьи одного из фараонов, наполовину обугливша̀яся кость с торчащим наконечником стрелы, кусочек балки, когда-то поддерживавшей крышу одного из хеттских храмов. Более половины проб, которые Либби исследовал в первый период работы, были американского происхождения, точнее говоря, 109 из 216. И это не удивительно, поскольку в первую очередь американские коллеги осаждали Либби просьбами помочь в датировке, над которой они годами безуспешно бились, погрязая в бесполезных спорах. Так обстояло, например, дело с датировкой самых ранних следов человека, найденных на Американском кон-

тиненте, главным образом так называемых фолсомских людей, о которых мы еще услышим в этой книге.

Однако первые подтверждения теории Либби принесли пробы, поступавшие из района Средиземноморья. Первым он исследовал кусочек акации от балки, обнаруженной в гробнице египетского фараона Джосера. Археологи относили время царствования этого фараона к периоду около 2700 г. до н. э. Согласно результатам, полученным Либби, он царствовал намного раньше 2000 г. до н. э. Это был не очень хороший результат. Лучшие результаты дало исследование доски от погребальной ладьи фараона Сесостриса. Здесь ошибка составила всего лишь 4,5%.

Затем произошло событие, которое, казалось, нанесло сокрушительный удар методу Либби, но завершилось его величайшим триумфом. Крупный американский археолог Джеймс Н. Брэстед, основатель и первый директор всемирно известного Восточного института Чикагского университета, Брэстед, авторитет своего времени в области египтологии, направил Либби доски от саркофага одного из фараонов, сообщив при этом, что они должны быть очень древними. Согласно масштабам, принятым египтологами, это могло означать тысячелетия. Исследования Либби показали, что доски были свежими! Что же соответствовало истине: выводы физика или авторитетное слово специалиста? Брэстед, не будучи упрямцем, вновь обследовал саркофаг. На этот раз он сделал это очень тщательно. И обнаружил, что он, великий знаток, стал обладателем современной подделки [4].

Для Либби это явилось ни с чем не сравнимым триумфом. Тем не менее небольшие ошибки имели место. Так не могло продолжаться бесконечно долго. Некоторые археологи начали доверительно высказывать мнение, что, возможно, была проявлена излишняя поспешность, когда на новый метод стали возлагать слишком большие надежды. Сам Либби способствовал такому мнению, поскольку с самого начала заявил, что в его измерениях постоянно существовала неточность, составлявшая в среднем около 10%. Поэтому он постарался устранить ее, введя поправочный коэффициент со знаком плюс или минус. В соответствии с этим указывалось, например, что данному дереву 2000 лет $\pm$ 100 или $\pm$ 200 лет. С этим фактором можно было не считаться, ибо при датировке доисторических объектов, где речь шла о тысячелетиях, возможность твердо установить столетие была большим шагом вперед. Теперь Либби знал, что он находится на верном пути. Задача состояла главным образом в том, чтобы усовершенствовать аппаратуру.

Когда сегодня входишь в радиоуглеродную лабораторию (сейчас в мире насчитывается несколько десятков таких лабораторий), создается впечатление, что ты попал в зловещий мир героев фильмов ужасов: какого-нибудь изувера профессора типа

доктора Мабуза, который среди таинственных приборов работает над уничтожением очередного правительства или всего человечества.

Целая комната кажется состоящей исключительно из имеющих самую причудливую форму проводов, стеклянных и металлических трубок, колб, вставленных одна в другую. В этих трубках что-то кипит, клокочет, бурлит, во всех направлениях струятся жидкости и газы. Указатели измерительных приборов вздрагивают под воздействием неведомых сил. Непосвященному человеку это помещение представляется чем-то наподобие адской кухни. Самым странным там является, конечно, стальной, весящий многие тонны ящик величиной с рояль, очень напоминающий сейф. В глубинах его тайников хранится душа всей лаборатории: комбинация из счетных трубок для измерения радиоактивности.

К сожалению, практически невозможно просто поднести счетчик Гейгера к кусочку старого дерева, по количеству щелчков определить величину сохранившейся в нем радиоактивности и таким образом определить возраст предмета. Такая процедура невозможна хотя бы потому, что энергия излучения C^{14} слишком слаба. Кроме того, во многих случаях на показания прибора могут оказывать влияние другие радиоактивные вещества.

Первое, что приходится делать,— это выделять из обследуемого предмета чистый углерод. Как ни удивительно, но достигается это самым простым путем — предмет сжигают. При сгорании углерод переходит в газообразное состояние, а из него затем опять легко переводится в твердую форму.

Когда Либби сделал соответствующее сообщение, у археологов замерло сердце! Неужели измерения можно производить лишь ценой полного уничтожения исследуемого предмета? Это вызывало настоящий ужас. В конце 40-х годов как раз были найдены свитки у Мертвого моря, содержавшие дотоле неизвестные библейские тексты, даже приблизительная датировка которых была чрезвычайно важна для теологии и истории церкви. И хотя в данном случае возможность точной датировки представлялась в высшей степени соблазнительной, было совершенно немыслимо допустить, что для этого придется пожертвовать хотя бы одним-единственным из этих свитков, чья ценность не могла быть выражена никакой материальной мерой.

Здесь действительно существует проблема. Либби сразу же подсчитал необходимое для анализов количество исходного материала. Так, если требовалось сделать два анализа дерева, Либби с самого начала настаивал на проведении контрольных измерений, необходимо было иметь по меньшей мере 20 г углерода. Для их получения нужен был кусочек дерева весом примерно 65 г. Это количество, естественно, менялось в зависимости от материала. Например, чтобы датировать торф или лен, требовалось около

200 г, а для костей — еще больше. При избытке материалов выполнение этого условия не являлось обременительным. Вскоре обнаружились новые погрешности, которые короткое время сильнейшим образом беспокоили самого Либби, неточности, вызывавшиеся в начале его опытов невозможностью ограничить влияние других излучений, были вскоре устранены благодаря быстро найденным мерам специальной защиты. Тем не менее вновь и вновь отмечались случаи полной ошибочности отдельных измерений. Вскоре выяснилось, что виноват в этом был не только Либби, а археологи, поставлявшие ему материал.

Вот элементарный случай. Археологи раскопали остатки дома, обнаружив при этом много балок. Они выпилили кусок одной из них и направили его Либби на контрольный анализ, только на контрольный, поскольку возраст дома был точно установлен с помощью других данных. Датировка Либби была на 200 лет старше возраста, установленного археологами. В данном случае при повторном обследовании места раскопок удалось выяснить следующее: дом во времена седой древности подвергался ремонту. Для ремонта использовалось дерево, оставшееся от снесенного здания, которое было построено за двести лет до этого. Археологи умышленно послали именно этот взятый из намного более древней балки кусок в лабораторию Либби!

Аналогичные проблемы возникали и при недостаточно внимательном изучении стратиграфии мест раскопок. В таких случаях Либби отправляли находки, которые предположительно относили к более древнему слою, тогда как в действительности они относились к гораздо более молодым слоям.

Существует еще один источник ошибок, за который не несут ответственность ни Либби, ни археологи. Он заключается в природе самого материала. Так, например, выяснилось, что мясо некоторых речных и морских организмов содержит меньшее количество радиоактивных веществ, чем их раковины. Или что некоторые растения поглощают меньше C^{14}, чем другие растения в иной среде. Это такие источники ошибок, которые могли быть исключены только после накопления богатого опыта.

В высшей степени курьезные результаты были получены при исследовании относительно молодых деревьев, росших вдоль автострады. Согласно результатам радиоуглеродного анализа, им было по нескольку сот лет. Это был очевидный абсурд. Что же произошло? Вместе с отработанными газами наших фабрик и автомобилей, которые год от года создают все более сложные проблемы, в воздух поступает огромное количество углерода, который, если можно так выразиться, «утончает» нормально существующий углерод. Тем самым он значительно снижает долю радиоактивного вещества, как бы подменяя собой процесс распада, который вовсе не имел места.

Точно так же возможно и противоположное явление. Начиная с 1954 г. в лабораториях Северной Америки исследователи стали получать результаты измерений, значительно отличавшиеся от расчетных: все материалы стали вдруг на десять и более процентов моложе, чем ожидалось. В течение короткого времени это явление оставалось совершенно необъяснимым. До тех пор пока один из исследователей не пришел к мысли, что в этом были виноваты неоднократно проводившиеся после 1954 г. испытания водородной бомбы. Он оказался прав. После каждого взрыва облако высокой радиоактивности проносилось с запада на восток над территорией Америки, оказывая влияние на аппаратуру.

Сегодня нам известно гораздо больше источников ошибок, но они устраняются один за другим. Вместе с тем дело обстоит таким образом, что многие из первых анализов, произведенных вплоть до середины 50-х годов, должны были быть повторены. Это вызвано, в частности, изменением взглядов на упоминавшийся выше процесс полураспада. Теперь считается, что он происходит не за 5568 лет, а за 5730 лет. Вследствие этого результаты всех анализов, произведенных до 1961 г. включительно, должны быть пересчитаны еще раз, поскольку они были примерно на три процента ниже, чем следовало. Сегодня возможность такого уточнения расчетов в ближайшем будущем всегда принимается во внимание. Поэтому теперь обычно всякий раз, когда это оказывается возможным, часть материалов сохраняют для повторения анализов через несколько лет. Этому помогает и то, что теперь для проведения анализов требуется гораздо меньше исходного материала, чем прежде. Сегодня свитки, найденные у Мертвого моря, могли бы быть подвергнуты исследованию с минимальным для них ущербом.

К этому следует добавить, что в наши дни для определения возраста археологических объектов используется не только радиоуглеродный, но наряду с ним и целый ряд других методов. И сегодня каждый добросовестный археолог, прежде чем одобрить результат, стремится проделать все доступные исследования, выводы которых должны взаимно подкреплять друг друга.

Вместе с тем радиоуглеродный метод до сих пор остается важнейшим, позволяющим проникать в самое отдаленное прошлое. Когда Либби начинал свою работу, он был уверен, что вещества, возраст которых превышает 25 000 лет, недоступны для анализа. Сегодня возможно проводить анализ остатков, насчитывающих 70 000 лет, иными словами, восходящих почти к временам неандертальцев.

Уже длительное время все установленные даты постоянно систематизируются с помощью перфорированных карт компанией «Радиокарбон дейтс инкорпорейтед», куда может обратиться любой ученый. Кроме того, ежегодно выходит в свет перечень дат под

названием «Радиокарбон», публикацию которого начал журнал «Американ джорнел оф сайенс»

В 1960 г. Уиллард Ф. Либби был удостоен Нобелевской премии в области химии. Единственный ученый, удостоившийся этой высокой чести за работы, связанные с археологией!

9. НЕСКОНЧАЕМОЕ ДРЕВО

При всем значении помощи, которую радиоуглеродный метод оказал археологии, ему было недоступно одно — определение дат с точностью до года. Между тем такой метод существовал задолго до появления радиоуглеродной датировки. То, что мы тем не менее упоминаем о нем во вторую очередь, имеет свое основание. Дело в том, что этот метод на протяжении длительного времени использовался лишь в ограниченном географическом районе, а именно на Юго-Западе Соединенных Штатов, и достиг технического совершенства только в два последние десятилетия, главным образом благодаря работам лаборатории дендрохронологии Аризонского университета в Тусоне.

Как все великие и простые идеи, метод датировки по древесным кольцам, или дендрохронология, был многократно продуман, прежде чем получил широкое практическое значение. Каждому Колумбу всегда предшествовали викинги. Поэтому не удивительно, что идея, лежащая в основе этого метода, возникла у человека, который предвосхитил почти все,— у Леонардо да Винчи. В его дневниках имеется указание, что по годичным кольцам деревьев можно различать влажные и засушливые годы.

Анализ по древесным кольцам был предложен еще в 1837 г. Чарлзом Баббиджем. Он рассказывает о методе оценки различных древесных колец и видит в этом возможность «перекрестной датировки» (мы объясним, что это значит). Он пишет: «...идею такого определения возраста затопленных лесов или торфяных болот можно было бы в конечном итоге связать с хронологией человечества». Фредерик Е. Цайнер — специалист по истории методов датировки прошлого, не колеблясь, заявляет в связи с данным высказыванием: «Это действительно примечательный случай научного предвидения» [1].

Но настоящим автором метода и одновременно человеком, сделавшим его применение особенно плодотворным для археологии, был американец. Этот американец, физик и астроном, был директором обсерватории Стюарда в Аризонском университете и занимался совершенно другой проблемой — влиянием солнечных пятен на погоду Земли.

В принципе он открыл свой метод около 1913 г. Однако только в 1929 г. он смог, оглядываясь назад, начать одну из своих статей следующими гордыми словами: «Переводя историю, рассказанную годичными кольцами деревьев, в даты, мы тем самым смогли раздвинуть горизонты исторической науки в Соединенных Штатах. Нам удалось отодвинуть ее границы в глубь веков почти на 800 лет от момента прибытия Колумба на побережье Нового Света. Нам удалось создать для этого периода истории нашего Юго-Запада хронологию, превосходящую по точности любые сделанные человеческой рукой описания важнейших событий, даже если эти описания делались их современниками» [2].

Отправным пунктом для работ автора этого метода доктора Эндрю Элликота Дугласа, который продолжал работать в лаборатории вплоть до своего девяностолетия (скончался в 1962 г. на девяносто пятом году жизни), явилось одно сделанное им наблюдение. Оно состояло в том, что солнечные пятна оказывают явное влияние на земной климат. Каждые одиннадцать лет, когда появляются солнечные пятна, на Земле наблюдаются многочисленные бури и дожди и, следовательно, значительно увеличивается количество влаги, поглощаемой растениями. Однако доктор Дуглас не располагал достаточным количеством метеорологических данных прошлого, относившихся к определенным датам, чтобы доказать правильность этого наблюдения для более продолжительного времени. Ведь регулярные наблюдения за погодой, ведущиеся метеорологическими станциями, являются сравнительно недавним нововведением.

В момент счастливого озарения он вспомнил о наблюдении, сделанном в детстве, которое наверняка делал каждый из нас. Если рассматривать срез спиленного дерева, то на нем можно видеть кольца, о которых с древнейших времен известно, что это годичные кольца. Но что нельзя обнаружить сразу при беглом взгляде и что навело доктора Дугласа на его плодотворную мысль, так это разница между кольцами. Многие из них узкие, многие — широкие. Иногда много узких колец следуют за немногими широкими, и наоборот. Они отличаются даже по цвету. Может быть, подумал Дуглас, толстые кольца соответствуют «тучным» годам, а тонкие — «тощим», иначе говоря влажным и засушливым?

Это было нетрудно доказать. На свежеспиленном дереве он мог быстро сопоставить внешние кольца со сводками погоды последних лет. Его предположение оказалось верным. То же самое подтвердилось при сравнении сводок погоды и колец, лежавших в глубине ствола около сердцевины. Когда же перед ним оказалось спиленное трехсотлетнее дерево, он смог точно сказать, какая погода преобладала в строго определенном районе на протяжении трех сотен лет.

Таким путем в Аризоне он нашел бесспорное совпадение между наличием солнечных пятен и особенностями роста деревьев. Каждые одиннадцать лет наблюдалось повышение влажности, или «тучные» периоды. За одним исключением. Между 1650 и 1725 гг. н. э. он обнаружил только засушливые годы! Могло ли такое быть? Неужели на протяжении 75 лет не было никаких солнечных пятен? Не вкралась ли ошибка в его наблюдения?

И здесь произошло нечто невероятное. Английский астроном Е. Уолтер Маундер слышал о работах Дугласа и написал ему письмо. Занимаясь на протяжении многих лет изучением солнечных пятен, он выяснил из совершенно иных источников, что около 1700 г. в течение длительного периода солнечные пятна отсутствовали. Он даже назвал даты, и оказалось, что это были те самые семьдесят пять лет, которые Дуглас определил по древесным кольцам!

Остается не очень ясным, что побудило затем доктора Дугласа применить открытый им метод ко все более далекому прошлому. Возможно, его просто раздражали препятствия, которые его деревья ставили ему на пути. В Аризоне, где он работал с хвойными породами, он смог дойти только до 1450 г., поскольку ему не удалось найти более древние экземпляры.

И тогда человеку, всю жизнь теснейшим образом связанному с Юго-Западом и хорошо знавшему в этом крае множество руин, вполне естественно пришла в голову мысль: попытаться добыть пару срезов от старых деревьев, которые были спилены испанцами до 1650 г. для постройки первых домов и церквей миссионеров. Первую помощь оказал ему в 1914 г. доктор Кларк Уисслер из Американского музея естественной истории в Нью-Йорке. Он предоставил в распоряжение Дугласа еще более древние пробы, в частности от балок доисторического пуэбло Бонито, находящегося в штате Нью-Мексико. Этого Дугласу оказалось недостаточно. Он между тем открыл, что для анализов вовсе не требовалось целых срезов от балок, а всего лишь так называемый «кор» — стержень, полученный из балки с помощью полого бура. Проба, имеющая форму стержня, может рассказать исследователю то же, что и пластинка среза.

Дуглас направил археологам, работавшим в различных уголках Юго-Запада, письма с просьбой прислать ему такие пробы — пластинки срезов и стержни, полученные с помощью бура. Сам он утверждал, что может извлечь интересующие его данные даже из полуобуглившихся остатков. Среди тех, кому он направил письма, были также Эрл Х. Моррис, работавший в развалинах пуэбло Ацтек, и Нейл Джудд, проводивший раскопки в пуэбло Бонито. Оба эти больших поселения возникли почти в одно и то же время. Это вытекало из сходства всех обнаруженных там материалов. Однако действительно, в какое время?

Оба поселения относились к доиспанскому периоду. Это было ясно. Но поскольку ни в одном из уголков старой Америки не существовало письменного календаря, то ни Джудду, ни Моррису не приходило в голову никаких соображений по поводу того, к какому году христианского летосчисления следовало относить данные поселения.

И тут к ним обратился с письмом доктор Дуглас. «Я полагаю,— писал он,— Вам будет небезынтересно узнать, что последние деревья, из которых изготовлены балки развалин Ацтека, были срублены ровно за девять лет до последних деревьев, послуживших материалом для балок пуэбло Бонито. Большая часть других деревянных деталей свидетельствует об одновременном заселении обоих поселений» [3].

Он действительно так и написал: «Я полагаю, Вам будет небезынтересно узнать...» В действительности же эта новость произвела на Джудда и Морриса впечатление разорвавшейся бомбы. Было просто невероятным, что кто-то смог установить различие между доисторическими балками с точностью до девяти лет. И разве не мог бы такой волшебник установить одновременно, к какому столетию, а может быть, даже десятилетию относились эти девять лет?

Здесь Дуглас столкнулся с ключевой проблемой дендрохронологии. И он решил ее. Остается только удивляться, что в его собственном изложении открытого им метода нет ни малейшего упоминания о сделанном им ключевом открытии. Оно представлялось ему само собой разумеющимся.

Короче говоря, дело идет о том, что он открыл возможность перекрестной датировки, или «наложения». Если брать последнее выражение, то его можно перевести с английского в соответствии со смыслом как наложение заходящих друг на друга частей. Например, дерево, спиленное в 1960 г., имеет 200 годичных колец. Это значит, что его рост начался в 1760 г. 200 колец различаются по их ширине. Более широкие чередуются с узкими и точно отражают состояние климатических условий от года к году. Тогда специалист по датировке разыскивает в том же районе, например в старой церкви, соответственно очень древние балки из той же местности. Допустим, что такие балки насчитывают 100 колец. На длинной ленте вычерчивается график расположения колец каждого из обоих стволов. Эти ленты накладываются одна на другую. Затем они перемещаются относительно друг друга до тех пор, пока в благоприятном случае внешние кольца церковной балки не совместятся с внутренними кольцами дерева, начавшего свой рост в 1760 г. Допустим, что в нашем случае это совпадение, или «наложение», включает 50 колец, или 50 лет. Отсюда следует, что дерево, из которого была изготовлена церковная балка со 100-годичными кольцами, было срублено в 1810 г., а начало расти

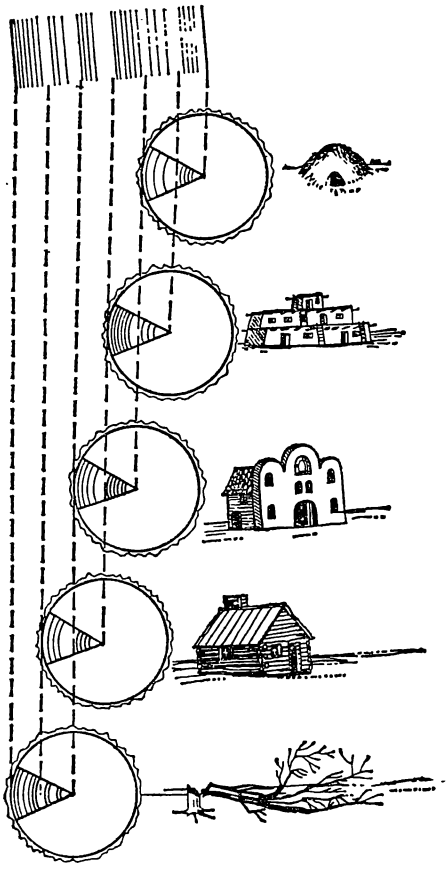


Схема датировки по древесным кольцам (дендрохронология). Благодаря наложению друг на друга и совмещению срезов древесных стволов, начиная с полученного от недавно спиленного дерева, возможно определить время постройки бревенчатого дома, миссионерской церкви, пуэбло и, наконец, доисторической землянки с точностью до одного года.

в 1710. В результате нам удалось, во-первых, датировать возраст церковной балки, и самое главное — нам удалось сделать шаг, ведущий на 50 лет дальше в глубь веков!

Теперь необходимо найти еще более древние балки, кольца которых могли бы «совместиться». Благодаря такому «нескончаемому древу» хронология, построенная на чередовании влажных и засушливых лет, может быть продолжена в прошлое до бесконечности: а как далеко?

Это звучит невероятно, но — заранее могу сказать — на Юго-Западе США такое нескончаемое древо было составлено вплоть до времен, предшествующих нашей эре!

Как видим, в принципе дендрохронологический метод весьма прост, на практике же весьма сложен. Это сразу становится очевидным при посещении дендрохронологической лаборатории. Эти лаборатории, несомненно, являются самыми благоухающими в мире. Радиоуглеродную лабораторию мы вынуждены были сравнивать с адской кухней. Напротив, дендрохронологические лаборатории представляются продолжением учебного помещения, где могла бы преподаваться и высшая математика. Такое впечатление нарушают лишь чудесные запахи различных сортов дерева — от сандалового до твердой ели, доставленных сюда со всех концов света. Однако при взгляде на многочисленные графики и диаграммы, при взгляде через микроскоп на небольшие кусочки полуобуглившейся древесины сразу же становятся ясными некоторые труд-

ности. В частности, ни одно дерево не может порадовать нас тем, что росло совершенно одинаково с соседями. Бесчисленные побочные влияния вызывают нарушение роста колец. Возникают сращения, напластования. Их зачастую бывает чрезвычайно трудно различить. А это ведет к неизбежному искажению значений. Последние, само собой разумеется, искажают данные всей шкалы в целом и крайне затрудняют «совмещение». В ходе продолжавшихся десятилетиями работ были открыты многочисленные особенности роста отдельных пород деревьев. Постоянно совершенствовались методы оценок. Когда Фей-Купер Коул, ведущий специалист по археологии Чикагского университета, создал там в 1934 г. дендрохронологическую лабораторию, то сразу же опробовал новый метод оценок, известный как «метод Гладвина». Он позволил преодолеть некоторые недостатки метода Дугласа. Зато породил новые ошибки. Однако нам следует вернуться к 20-м годам, ко временам первых успехов.

Однажды доктор Дуглас сравнил свой метод датировки по годичным кольцам деревьев с Розеттским камнем — плитой, содержавшей надписи на трех языках, которая дала ключ к расшифровке египетских иероглифов. Сегодня можно позволить себе такое сравнение. Однако в те времена, когда Дуглас сидел над кусками дерева из пуэбло Бонито, оно имело под собой мало оснований. Ибо тогда он оказался буквально в «подвешенном состоянии». Теперь же он начал получать поддержку, поскольку все начинали интересоваться этой новой отраслью науки. Национальное географическое общество, которому столь многим обязана археология, Американский музей естественной истории и Институт Карнеги в Вашингтоне были первыми, кто оказал ему поддержку, прежде всего финансовую. Было ясно, что доктору Дугласу необходимы пробы дерева, которые относились бы ко времени между раннеиспанской эпохой и, назовем ее так, эпохой Бонито—Ацтек. С этой целью было организовано не менее трех экспедиций: в 1923, 1928 и 1929 гг.

Еще до конца 1928 г. доктор Дуглас смог составить непрерывный ряд древесных колец, принадлежавших одной и той же породе деревьев, произраставших в одном и том же районе. Этот непрерывный ряд охватывал период вплоть до 1300 г. н. э. Один из кусков дерева, единственный из всех, уводил этот ряд дальше, чем за 1260 г. Одновременно он составил из обломков дерева, собранных более чем в тридцати развалинах древних поселений, «плавающую хронологию». Она охватывала не менее 585 лет. Слово «плавающая» означает здесь, что ему удалось последовательно объединить эти 585 лет в непрерывный ряд. Однако он не знал, к какому периоду христианского летосчисления следует отнести этот отрезок. Он знал лишь, что этот отрезок должен был

начинаться где-то до 1260 г. Проблема состояла в том, чтобы заполнить эту брешь.

И она была решена в 1929 г.

Однако сделать это удалось не без трудностей, которые возникли там, где их никто не ожидал.

Дуглас и его помощники, появлявшиеся почти во всех пуэбло со своими бурами, возбудили недоверие у индейцев. Поначалу ученым немного помогали их искусство убеждения, стремление жить среди индейцев, настойчивость, с которой они изучали их язык, и строгое соблюдение всех сложных предписаний индейского этикета. Но, положа руку на сердце, нельзя не признать, что, если бы сегодня человек с другим цветом кожи, придерживающийся совершенно чуждых вам обычаев, вошел бы в ваш дом и

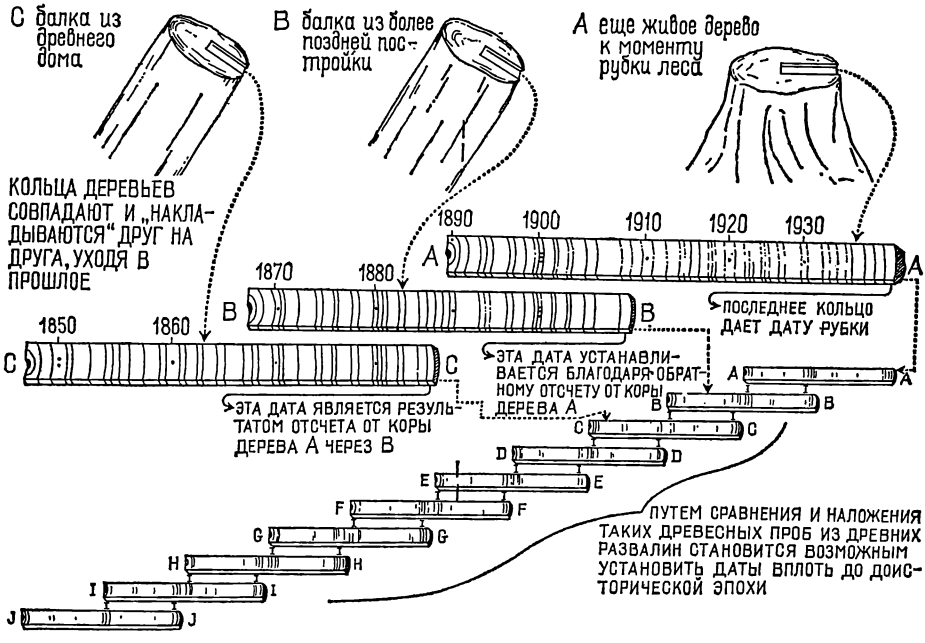


Схема 5. Схема, показывающая еще раз метод «наложения» в дендрохронологии.

объявил о своем намерении в интересах науки, которые вам совершенно не ясны, заняться высверливанием дыр в заботливо уложенных балках и стенах вашего жилища, вы наверняка решили бы, что он издевается, и выставили бы его вон.

Однажды, когда ему не разрешили пользоваться буром, Дугласу, чтобы пересчитать древесные кольца, пришлось пролежать

на животе семь часов подряд с 5 до 12 часов в обвалившемся погребе.

Тогда один из изобретательных сотрудников нашел выход. Совершенно случайно ему удалось установить, что тамошние индейцы ничего так не любили, как лиловый бархат. Археологи немедленно доставили в пуэбло кипы такого бархата. Одаривая индейцев бархатом и строго соблюдая другое условие, состоявшее в том, чтобы тщательно заделывать каждое сделанное буром отверстие кусочком бирюзы, дабы удержать в нем духов и не позволить им ни войти, ни выйти наружу, участники экспедиции получили возможность бурить, сколько им было угодно.

Самое удачное бурение удалось провести в восточной Аризоне в развалинах Шоулоу. Здесь тогда совсем еще молодой Эмиль В. Хаури обнаружил кусок дерева, который сразу вывел археологию Юго-Запада к началу христианского летосчисления. Этот кусок выглядел не слишком привлекательно. Он был наполовину обуглен. Его занесли в каталог под номером НН-39. После того как были проведены анализы этого куска, его номер стал самым знаменитым в истории североамериканской дендрохронологии. Короче, он накладывался на составленный к этому моменту график древесных колец на отрезке, охватывавшем не менее 23 лет, и позволил определить дату — 1237 г. Тем самым была получена возможность без труда установить и предшествующие даты вплоть, мы говорим об этом заранее, до 700 г. н. э.

При этом выяснилось, что между «твердой» хронологией и «плавающей» не было никакой разницы, никакого провала. С самого начала археологи могли бы установить факт «наложения», если бы располагали достаточным материалом. Но на раннем этапе раскопок было утрачено огромное количество такого материала. В то время археологи не уделяли никакого внимания небольшим, нередко крошившимся в руках кусочкам дерева, и выбрасывали их как совершенно бесполезные. Можно добавить, что как раз именно этот исторический отрезок характеризовался нарушением нормального развития древесных колец, создавшим значительные трудности для дендрохронологических исследований. Как можно было теперь установить, между 1276 и 1299 гг. н. э. наблюдалась совершенно необычная засуха. Эта засуха, длившаяся в течение жизни целого поколения, позже дала объяснение тогда еще остававшимся совершенно непонятными признакам массового переселения племен индейцев пуэбло. Как бы то ни было, но в декабре 1929 г. доктор Дуглас смог объявить, что ему удалось создать непрерывную дендрохронологическую таблицу вплоть до 700 г. н. э. («нескончаемое древо», насчитывавшее 1229 лет!) и что, кроме пуэбло Бонито, ему удалось точно датировать развалины еще около сорока других пуэбло!

Приведем примеры такой датировки:

Пуэбло Бонито	919—1130
Ацтек	1110—1121
Меса-Верде	1073—1262
«Пещера мумий» («Дом-башня»)	1253—1284
Белый Дом	1060—1275
Ораиби	1370—1800
Кавайкух	1284—1495
Шоулоу	1174—1383

Приведенные цифры дают представление отнюдь не о продолжительности существования пуэбло. Это становится ясным, если обратить внимание на то, что некоторые даты охватывают короткие отрезки времени. Они дают представление лишь о датах, приходящихся на время существования пуэбло, которые удалось совершенно точно установить.

Мы должны отчетливо представлять себе, что это самая точная археологическая датировка, подобную которой при полном отсутствии письменных источников вряд ли удавалось создать в каком-либо ином уголке мира! Имелись ли и в ней ошибки? И почему в нашем рассказе мы ограничиваемся исключительно районом американского Юго-Запада? Может быть, этот метод был непригоден для других мест?

Что касается ошибок, то их предусмотрительно суммировал доктор Брайант Баннистер, когда работал над диссертацией, посвященной датировке района Чако-Каньона (куда входит и пуэбло Бонито). Он опубликовал ее в 1965 г., когда стал директором дендрохронологической лаборатории в Тусоне. Источники этих ошибок те же, с которыми вынуждены были считаться специалисты радиоуглеродного метода датировки.

Более того, это такие проблемы, с которыми в большей мере должны иметь дело археологи, обязанные учитывать все обстоятельства, чем специалисты по датировке. Сошлемся на такой случай. При исследовании развалин одного из пуэбло удалось доказать, что использованные при его постройке стволы деревьев были доставлены туда индейцами из района, расположенного за 280 км. Поэтому вследствие совершенно иного расположения древесных колец они, естественно, никак не вписывались в хронологию этих развалин. Или возьмем другой необычный случай, описанный Баннистером. «Дуглас сообщил о случае, когда один из древесных стволов, относившихся к XIV столетию, вероятно, вновь и вновь непрерывно использовался в строительстве до тех пор, пока в 1929 г. он не был обнаружен в совсем недавно покинутой жителями части пуэбло Ораиби» [4].

Эти примеры приводят нас к последнему вопросу: почему до сих пор мы ограничивались исключительно сообщениями о Юго-За-

паде США? Потому, что вначале дендрохронологический метод был применен только на Юго-Западе, потому, что только на Юго-Западе существовали идеальные условия для его применения.

Разработанный Либби метод радиоуглеродной датировки явился подарком Америки археологии всего мира и был сразу же одобрен.

Открытая Дугласом дендрохронология поначалу могла быть использована только американцами. Каждый район предварительно должен составить свой собственный график чередования древесных колец. Поэтому, например, Дуглас не смог применить свой метод, когда он прибыл в неподалеку расположенную Калифорнию для поисков более древних деревьев и исследования гигантских секвой и деревьев Редвуда. Эти деревья прожили предельно долгий срок — до 3000 лет. Но они произрастали в совершенно иных климатических условиях, нежели те, в которых росли деревья в Аризоне и Нью-Мексико. Поэтому какое-либо «совмещение», или «наложение», годичных колец тех и других было невозможно. Доктор Эдмунд Шульманн, когда-то также работавший в Аризонском университете, открыл в 50-х годах еще более старые деревья — щетинистохвойные пинии в Калифорнии, возраст которых достигал 4500 лет. Это были старейшие обитатели Земли! Они должны были подтвердить возможность превосходного контроля радиоуглеродной датировки, которая здесь могла дать ошибочные результаты. Используя погибшие деревья, К. В. Фергюсон из того же университета сумел составить строго обоснованную хронологию, доходящую вплоть до 5200 г. до н. э.[5].

Кроме того, как показал опыт, далеко не все климатические условия и деревья одинаково благоприятны для датировки. То, что Дуглас начал свои работы именно в Аризоне, явилось одной из самых счастливых случайностей, которую только можно было себе представить, поскольку произраставшие там хвойные деревья (сосна, ель, пихта) были самыми подходящими для разработки дендрохронологического метода.

Все же вскоре метод завоевал более широкие географические районы. Дж. Луис Гиддингс — один из наиболее видных исследователей эскимосов, применил метод Дугласа на Аляске. Он составил непрерывную хронологию вплоть до 978 г. н. э. В 1967 г. Чарлз К. Ди Песо сообщил, что во время особенно сложных раскопок древних слоев обширных руин Лас-Касас в мексиканской провинции Чиуауа он смог благодаря дендрохронологическому методу определить период в несколько сот лет, охватывавших время от 850 до 1336 г. н. э., когда город был сожжен дотла.

В ходе раскопок в Лас-Касас первоначально удалось составить лишь «плавающую» хронологию, охватывавшую 486 лет, прежде чем с помощью счетно-вычислительных машин был найден подход

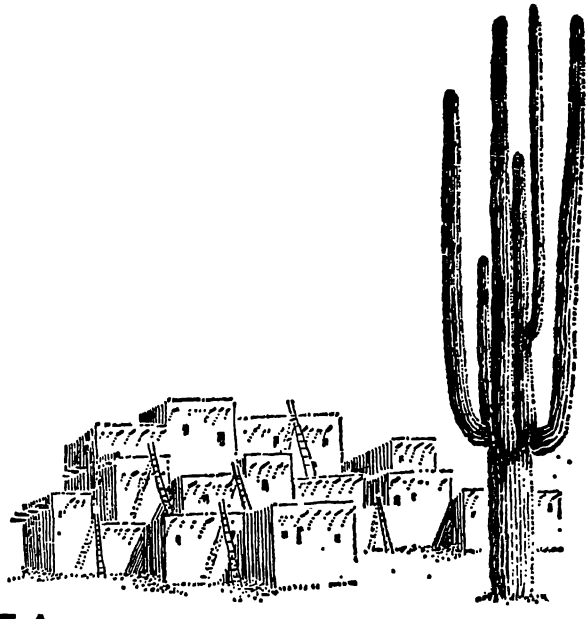
к «бесконечному древу». Следует совершенно четко заявить, что и «плавающая» хронология представляет собой величайшую ценность для археологов. Брайант Баннистер доказал это в Турции, другие исследователи — в Скандинавских странах. Она остается ценнейшим приобретением даже в тех случаях, когда нет возможности для ее соотнесения с христианским летосчислением. В высшей степени плодотворной является для археолога, к примеру, возможность точно соотнести благодаря ей по времени различные культурные слои определенного археологического объекта. «Плавающей» хронологии оказывается вполне достаточно для определения длительности существования одного или нескольких культурных слоев. Ведь даже самое тщательное стратиграфическое исследование дает ему представление лишь о последовательности их чередования.

Что касается ФРГ, то там вскоре после окончания второй мировой войны мюнхенскому ученому-лесоводу профессору Бруно Хуберу удалось составить непрерывный график дат, доходящий до 1300 г., для района, расположенного вблизи Берхтесгадена. Этот же метод стал внедрять также увлеченный любитель, преподаватель Эрнст Хольштейн из Трира. Сначала, около 1961 г., он занялся им как хобби. Затем продолжал работу при поддержке ученых до тех пор, пока в конце концов она не получила широкого признания. Правительство даже освободило его в этой связи на полтора года от преподавательской работы. Объектом исследований Хольштейна являлись по преимуществу старые дубы в Рейнской области. Он, например, определил дату сооружения западной части Трирского собора (1042—1074 гг.), основного здания собора в Шпейере (1045 г.) и скамеек на хорах Кёльнского собора (1308—1311 гг.) *.

Таким образом, благодаря человеку, которого поначалу интересовали лишь солнечные пятна, из Тусона в штате Аризона на половину земного шара распространился метод «абсолютной» датировки археологических объектов.

---

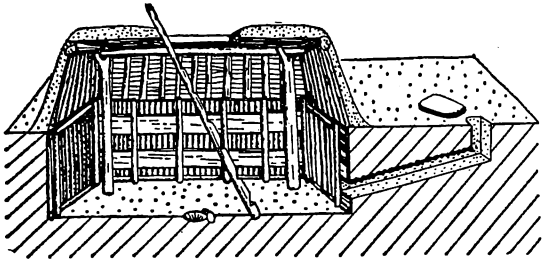
* Больших успехов в развитии дендрохронологии достигли советские ученые. Особенно важную роль сыграли при этом материалы средневекового Новгорода, где в силу большой влажности почвы прекрасно сохраняется дерево. Подробнее об этом см.: Б. А. К о л ч и н. Дендрохронология Восточной Европы. М., «Наука», 1965; «Проблемы абсолютного датирования в археологии», М., «Наука», 1972.



КНИГА ТРЕТЬЯ

Теперь мы имеем возможность непосредственно соотнести с христианским летосчислением историю древнейших жителей Америки, начиная с эпохи баскет-мейкер («корзинщиков») вплоть до высших форм жизни пуэбло. Иными словами, сделать то, чего не мог еще сделать Киддер во время Пекосской конференции 1927 г. В его распоряжении имелась только стратиграфия, поскольку дендрохронология делала тогда лишь первые шаги. Представленное в виде таблицы, это развитие выглядит следующим образом:

1600		Пуэбло V. Современная эпоха
1540	Испанцы завоевывают пуэбло	
1540		Период пуэбло IV
1500		
1400		
1300		
	Время «небоскребов»	Период пуэбло III (эпоха расцвета)
1200		
1100		
1000		Период пуэбло II
900		
800		Период пуэбло I
700		
600	На смену атлатлю приходят стрела и лук. Начинается изготовление керамики	Период баскет-мейкер («корзинщиков») III
500		
400		
300		Период баскет-мейкер II
200		
100		
Начало н. э.		Период баскет-мейкер I



Реконструкция одной из землянок, обнаруженных в районе Флагстаффа, штат Аризона. Вход в землянку одновременно служил и дымоходом. Шахта справа служила для вентиляции и могла закрываться.

Разумеется, это всего лишь схема. Она сводит воедино общности, внутри каждой из которых могут существовать очень большие различия — различные племена, говорящие на различных языках, а в период существования культуры пуэбло неопытный наблюдатель был бы поражен количеством разновидностей (вариаций) скальных жилищ, пуэбло на плоских горах (меса-пуэбло) и пуэбло речных долин (вэлли-пуэбло). Переходы от одних к другим едва заметны. Поэтому мы даем здесь самую общую характеристику.

Эпоха баскет-мейкер («корзинщиков») I—III. Племена первого периода появляются в окрестностях Фор Корнерс в самом начале нашей эры или незадолго до нее. Их существование гипотетично. Мы не можем сказать о них ничего определенного, кроме того, что они должны были бы заложить основы всего, чем так отчетливо выделялось население периода баскет-мейкер II. Это последнее представляло собой племена, о которых мы в состоянии составить себе довольно точную картину. Они жили в пещерах или очень примитивных землянках, являлись земледельцами, уже выращивавшими маис и тыкву. У них были удлиненные черепа, красновато-коричневая кожа и густые черные волосы. Они довели плетение корзин до уровня высокого искусства, которое и сегодня вызывает удивление. Попутно заметим, что они еще не знали гончарного дела. Поэтому корзины служили им для самых различных целей: для транспортировки, хранения припасов и даже для приготовления пищи. Сегодня только тот, кто решил стать следопытом, изучает этот способ приготовления пищи. Естественно, что склеенная смолой и проконопаченная корзина не могла ставиться на огонь. Поэтому процесс варки осуществлялся в обратном порядке. Воду нагревали не снаружи, а изнутри, бросая раскаленные камни в корзину. Корзины, предназначавшиеся для хранения запасов, достигали 260 см в обхвате и нередко были удивительно красиво раскрашены в голубой и красный цвета.

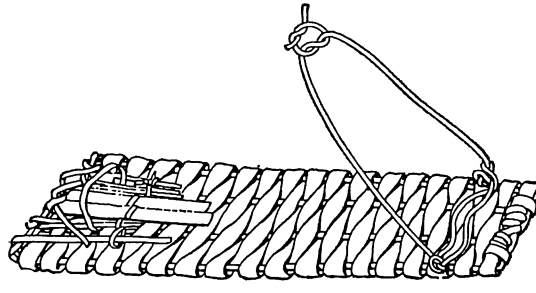
Искусство плетения достигает своих высот в изготовлявшихся ими сандалиях. Здесь с его помощью, а также с помощью кожаных ремней, орнаментов и украшений из перьев они создавали такие высокохудожественные импровизации, постоянно находя все новые

и новые формы, что почти невозможно встретить несколько пар одинаковых сандалий. Остается лишь удивляться тому, сколь четко различаются между собой сандалии для повседневного обихода и, если можно так сказать, «праздничные сандалии», предназначавшиеся для праздничных событий.

Они изобрели также первую люльку, носимую на спине, которую и сегодня можно встретить в стране навахо. У любой белой женщины начинает щемить сердце при виде зашнурованного и обреченного на полную неподвижность младенца. Однако исследования показали, что дети от этого вовсе не страдают, а матери всегда выигрывают. Совершенно иначе обстояло дело, когда в обычай вошло шнурование головы, в результате которого удлиненные черепа деформировались в плоские.

Оружием «корзинщикам» служили каменные ножи, деревянные дубины, а против мелких зверей применялись метательные снаряды из дерева. Но они так и не изобрели настоящего бумеранга. Самым важным оружием был атлатль — копьеметалка, которую они переняли от древних охотников (точное описание этого первого чудо-оружия человека дается нами вместе с рисунком в разделе 21). Точно установить зону обитания населения периода баскет-мейкер II не представляется возможным, поскольку важнейшие из его предметов обихода, в том числе плетеные изделия, были очень недолговечны. Тем не менее можно говорить о том, что племена «корзинщиков» были расселены на территории, простиравшейся от Фор Корнерс вдоль нынешней границы между штатами Юта и Аризона далеко на Запад, вплоть до территории штата Невада включительно.

Создатели культуры периода баскет-мейкер III четко отличаются от своих предков известной изобретательностью или способностью быстро усваивать и перерабатывать чужие влияния и открытия. После 450 г. н. э. развивается гончарное дело. Несколько позже атлатль заменяется стрелой и луком. Набор пищевых продуктов становится богаче, в него включаются бобы. Дендрохронология дала нам возможность определить первые типичные для той эпохи дома. Они относятся к 475 г. н. э. Это зем-



Эту сандалию носили за 300 лет до н. э., а возможно, и раньше. Пальцы ноги слева привязывались к сандалии. Шнур, расположенный справа, обвязывался вокруг шиколотки. Древние охотники и собиратели изобретали бесчисленные варианты этого типа сандалий.

лянки, имевшие форму круга или овала. Иногда они бывали ограждены или обложены снаружи камнями. Как правило, они сооружались на глубине от 30 см до 1,5 м ниже поверхности земли и имели диаметр от 2,70 до 7,60 м. Нередко их стены были тщательно отделаны штукатуркой.

В нижних слоях могил и «мусорных куч», относящихся к этой эпохе, были найдены в больших количествах глиняные горшки самой различной формы. Обожженные и необожженные, с отчетливо различимыми изменениями в орнаменте, они позволили определить порядок чередования слоев. Были найдены и первые глиняные фигурки, всегда изображавшие женщин.

Примерно около 700 г. н. э., за 100 лет до провозглашения в Европе Карла Великого императором, за 300 лет до того, как первые викинги высадились в Америке, жители землянок превращаются в строителей «городов». Начинается культура пуэбло.

Приведем еще одно пояснение в том виде, как оно было дано Пекосской конференцией. Период баскет-мейкер II являлся «ступенью, которой было присуще земледелие и копьеметалка, но еще не было гончарного производства». Период баскет-мейкер III представлял собой «ступень, на которой сооружались землянки или жилые постройки из каменных плит и изготовлялась керамика. Керамика в целом характеризовалась грубыми линиями, примитивным узором, многочисленными орнаментами, воспроизводящими плетение, и отдельными неуклюже выполненными натуралистическими изображениями. Для нее характерны также относительно грубый состав глины и шарообразная форма сосудов». В конце этого периода в обиход входят лук и стрелы (некоторые исследователи относят это событие к следующему периоду).

Относительно периода пуэбло I та же классификация сообщает: «Это первая ступень, на которой начинает практиковаться искусственная деформация черепов, появляются «глиняные сосуды с рифленым горлышком» и (в некоторых районах) возникают поселения с каменными строениями, имеющими прямоугольную форму и сооруженными в соответствии с правилами настоящего строительного искусства» [1].

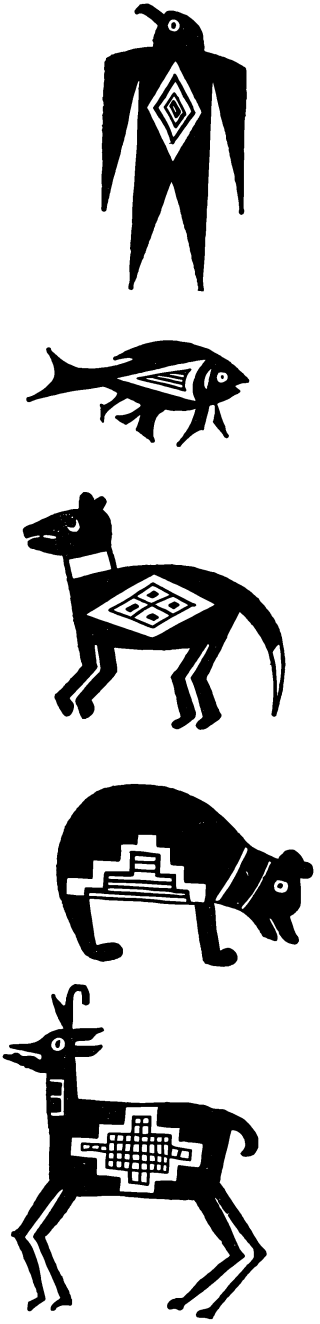
Таким образом, эти основные черты культуры пуэбло возникли в период пуэбло I, иными словами, между 700 и 900 г. н. э. На этот раз население распространялось в юго-восточном направлении на территорию нынешнего штата Нью-Мексико и на Запад, возможно, вплоть до Гранд-Каньона.

В эпоху пуэбло II продолжают строиться настоящие пуэбло или группы домов. Это означало огромное уплотнение населения, концентрацию семей в семейные группы и образование первых обществ. Последние имели иерархический, определявшийся священнослужителями порядок. Их центрами становятся кивы, которые, как когда-то землянки, строились наполовину или целиком

под землей, словно бы для сохранения таинственности. Совершенно непонятным до сих пор остается неожиданное появление обычая деформировать голову с помощью жестких плоских досок колыбели.

Возникновение керамики, украшенной черно-белым узором, позволяет нам почти точно отнести начало периода пуэбло II к 900 г. н. э. Затем возникают первые глиняные кувшины с настоящими ручками. Такие мелочи имеют большое значение в процессе развития. Они сразу облегчают многие стороны жизни, подобно тому как изобретение спичек облегчило быт людей XIX столетия. Распространение различных типов керамики позволяет сделать вывод о существовании устойчивых связей между пуэбло даже в тех случаях, когда крупные группы жителей уходили дальше к югу или востоку вплоть до реки Пекос. Опираясь на многочисленные данные дендрохронологии и соответствующие формы керамики, мы можем довольно точно отнести конец периода пуэбло II примерно к 1160 г. н. э. По чистой случайности эти события так точно совпадают, хотя и не год в год, с круглыми датами нашего христианского календаря.

Затем следуют приблизительно двести лет, которые мы схематично называем периодом пуэбло III, или «временем расцвета пуэбло» и даже «золотой эпохой пуэбло». В этот период возникли некоторые многоэтажные, подобные пчелиным сотам постройки, рассчитанные уже на сотни семей. Они представляют собой состоящие из блоков своего рода жилые комплексы, которые издали



Птица, рыба, собака, медведь и олень. Выполненные в черно-белых цветах, они украшали керамику мимбрес (штат Нью-Мексико).

очень напоминают ультрасовременные многоквартирные жилые дома, украшавшие Всемирную выставку в Монреале. Существуют, правда, не очень точные указания на то, что строительство велось до высоты шести и даже семи этажей. Белые американцы впервые построили семиэтажный жилой дом лишь в 1869 г. в Нью-Йорке. Это вызвало удивление во всем мире как дерзкий эксперимент. В этот период совершенствуются ремесла. К плетению добавились первые многоцветные, в данном случае четырехцветные, керамические изделия совершенной художественной формы. Самой удивительной среди них является керамика культуры мимбрес. Для нее типичен свободный переход от геометрических узоров к неожиданному появлению насекомых, рыб и птиц, характерные черты которых усилены фантазией до символов. В то же время среди них можно встретить и глубоко реалистические орнаменты, например изображение кузнечика, выписанное до мельчайших деталей. В целом это керамика, «во многих отношениях лучшая из всех, производившихся когда-либо в самые различные периоды, с явным общим упадком рифленых (гофрированных) типов» [2].

Число находок чудесной керамики, доступной сегодня любому посетителю в крупных американских музеях, исчисляется миллионами. То, что сверх этого хранится в частных собраниях, вообще не поддается учету. Вполне естественно, что эти предметы искусства переходили из рук в руки. Несомненно, имела место меновая торговля. Не все пуэбло возникали в одно и то же время. Нередко население растущего пуэбло, возможно, прямо перенимало и продолжало ранее возникшую традицию, обогащая ее тончайшими вариантами. К тому же определенные формы древнего быта вовсе не исчезали бесследно. До того как все это было правильно понято, археологи нередко бывали ошеломлены, например, тем, что во времена высшего расцвета гигантского пуэбло Бонито в той же самой местности продолжали строиться землянки.

В этом обществе не могла не существовать специализация. Вряд ли любой человек мог изготовить такие изделия, как высокохудожественная инкрустация из бирюзы, маленькие медные колокольчики, резные статуэтки зверей и птиц из камня или ожерелье, состоящее из пяти тысяч семисот раковинных бус, каждая из которых просверлена сверлом из твердого дерева. К сожалению, мы мало знаем о том, как одевались эти люди. Нам известны лишь жалкие остатки их одежд, которые тем не менее свидетельствуют о высоком уровне развития ткачества. Все остальное разрушило время.

Турист, который сегодня путешествует по просторам Аризоны и Нью-Мексико от одних развалин к другим, бродит среди призраков XII и XIII столетий, то есть времени разгара в Старом Свете крестовых походов. К концу XIII столетия наступила Великая засуха. Около 1300 года «золотая эпоха» миновала. «Города» были

оставлены и пришли в упадок. В долине Рио-Гранде у Пекоса, на западе в районах хопи и зуньи культура еще продолжала существовать некоторое время. Таким образом, мы подходим к периоду пуэбло IV, ко времени, которое, как мы сегодня считаем, заканчивается в тот день 1540 г., когда Коронадо захватил первые пуэбло, так называемые «семь городов Сиболы». Ослепленная погоней за сокровищами, которыми никогда не обладали пуэбло, солдатня многое разрушала на своем пути, а вскоре миссионеры начали «искажать» сложную религию людей пуэбло с помощью христианства. Пуэбло V мы называем период с 1600 г. вплоть до сегодняшнего дня, который вопреки испанцам и вопреки позже устремившимся на Запад пионерам, за которыми следовали спекулянты земельными участками, сумели пережить многочисленные пуэбло.

25 августа 1916 г. была учреждена Служба национальных парков («Нэйшнл парк сервис»). Этому предшествовал закон 1906 г., так называемый Закон о древностях. Он разрешал вмешательство федерального правительства в тех случаях, когда дело касалось охраны от разрушения памятников исторического прошлого Америки. Вплоть до сегодняшнего дня могущественные группы, представляющие частные интересы, под предлогом хозяйственной необходимости постоянно предпринимают попытки проникновения в те области, где сооружение плотин в целях получения электроэнергии не только нанесло бы невосполнимый ущерб окружающему ландшафту, но и привело бы к дальнейшему ущемлению прав индейцев, к разрушению всех сохранившихся памятников культуры. Проекты последних лет, направленные на сооружение плотин в Гранд-Каньоне и Глен-Каньоне, вызвали бурные протесты американской общественности.

Закон о Службе национальных парков в напыщенных официальных выражениях формулировал требование «добиваться использования некоторых территорий федерации, которые известны как национальные парки, памятники или резервации и перечислены в данном законе, с помощью средств, полностью согласующихся и совпадающих с установленными законом целями этих парков, памятников и резерваций. Эти цели состоят в следующем: добиваться сохранения ландшафта, природных и исторических объектов, а также фауны, проявлять заботу об их сохранности в такой форме и такими средствами, которые способствовали бы поставленным целям и обеспечивали сохранность этих объектов в неприкосновенности в назидание будущим поколениям».

Нас интересует здесь археологический аспект. В этой сфере Служба национальных парков, которая, как и Бюро по делам индейцев, непосредственно подчинена департаменту внутренних дел, провела в жизнь немало чрезвычайно полезных начинаний. С того момента как местность, имеющая историческое значение,

объявляется национальным памятником, она не только подлежит особой охране со стороны правительства. Служба парков заботится также о поддержании руин в сохранности и одновременно о возможности доступа туда посетителей, их охране и обеспечении знающими гидами. При ее содействии повсюду открываются маленькие музеи, стоящие вдоль улиц.

Приветливые смотрители этих карликовых музеев в большинстве своем являются начинающими археологами, не имеющими ничего общего с египетскими драгоманами, изводящими посетителей настойчивыми требованиями бакшиша. В их стенах зачастую хранятся очаровательные маленькие выставки — находки из этих мест. Благодаря им посетитель получает возможность составить себе общее представление и проследить связь между каменными орудиями, наконечниками стрел, украшениями, черепками и руинами, расположенными у самых дверей музея. Здесь же можно приобрести литературу об этой местности, специально подготовленную специалистами, доступную по содержанию, хорошо иллюстрированную и дешевую [3].

В небольших киосках, которые обычно являются частью музея, можно купить цветные диапозитивы гораздо лучшего качества, чем те, что делаешь самостоятельно даже в тех случаях, если заблаговременно наметишь места, откуда в определенное время дня можно получить наиболее эффектные снимки. В этих киосках продаются также тщательно выполненные копии с найденных в тех местах древностей и очень немного дешевых подделок, обычно предлагаемых в магазинах для туристов.

Этот кувшин был изготовлен между 1100 и 1200 гг. н. э. племенем индейцев анасази. Высота сосуда 15 см. Он украшен черно-белым узором и имеет красивую и целесообразную форму.

Кроме того, широко используются диорамы, которые очень редко можно встретить в европейских музеях. В них абстрактная информация из книг и брошюр, которую нередко непосвященный человек находит трудной для восприятия, переведена в ряд живых реалистических картин: «маленький театр из жизни доисторических времен». Он видит живую жизнь пуэбло и древних краснокожих людей, например сцены охоты на бизона, которого они пытаются копьями столкнуть со скалы. Это уменьшенные копии огромных диорам, которые демонстрируются в крупных музеях, прежде всего в Музее естественной истории в Нью-Йорке. И не удивительно, что американские музеи заполнены толпами детей и подростков. Сотрудники европейских музеев, взираю-

щие на их обычно пустующие залы, могут только мечтать о таком наплыве посетителей.

Служба парков проводит также имеющие большое познавательное значение выставки. Неподалеку от Кайенты в Северной Аризоне в Национальном заповеднике навахо («Навахо нэшнл моньюмент») расположены три крупные группы развалин: Бетатакин, Кит Сиил и Инскрипшн Хаус. В 1661 г. испанцы оставили в нем, к сожалению, теперь уже не поддающуюся прочтению надпись. Бетатакин — одно из самых впечатляющих скальных жилищ Юго-Запада. Он выстроен на дне каньона в огромной созданной самой природой полупещере. Эта полупещера расположена в скале из красного песчаника, имеющей огромную высоту и раскрашенной во все вообразимые цвета веками струившимися потоками воды. Там между 1242 и 1300 гг., вплоть до времен Великой засухи, жил в многоэтажных домах и башнях один из народов пуэбло. В пещере можно насчитать 150 строений, в том числе 6 кив и 13 открытых двориков-патио. Бетатакин, название которого означает «Дом на склоне горы», был в 1909 г. заново открыт Байроном Каминнгсом и Джоном Уэзериллом, а в 1917 г. заботливо восстановлен Нейлом М. Джуддом.

Спуск в каньон к руинам, проходящий между соснами Дугласа, пиньонов и можжевельника, длится ровно полтора часа. Более короткая дорога ведет к точке, с которой открывается величественный вид на весь пещерный ансамбль. Его постройки, находящиеся на достаточном удалении, в меняющемся свете солнца выглядят на редкость живописно.

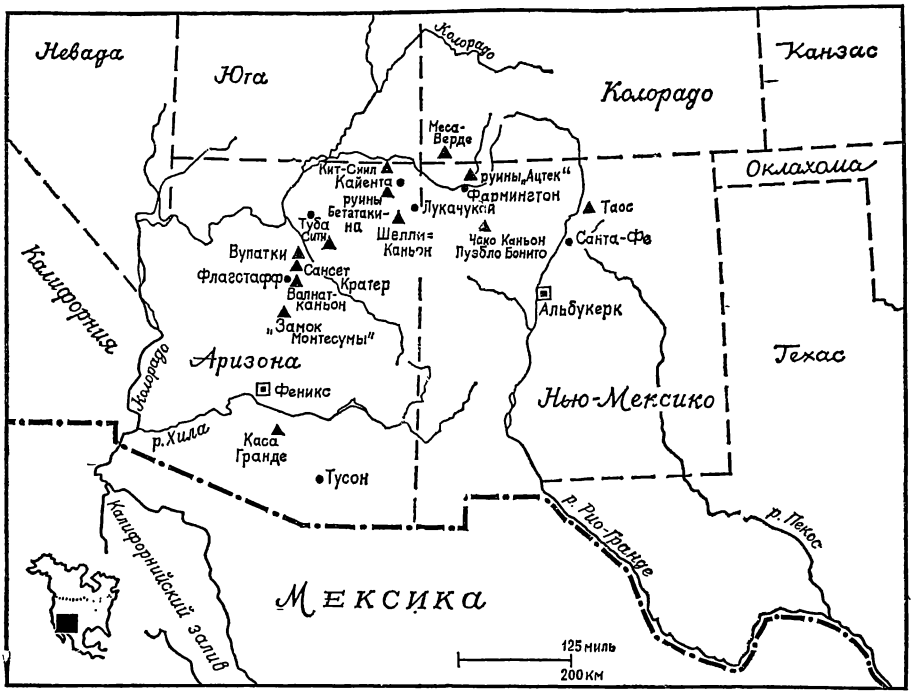
Вдоль дороги Службой парков высажены растения, когда-то облегчавшие жизнь индейцев и просто делавшие ее возможной. Таким путем каждый посетитель получает наглядный ответ на вопрос о том, в какой мере эти «анасази», что в переводе означает «старики», умели использовать природу. Вот некоторые примеры.

Шалфей большой метельчатый (Artemisia tridentata). Плотный серо-зеленый кустарник высотой немногим выше метра, с очень сильным запахом и мелкими листьями, которые, будучи отварены, помогают от ревматизма и простуды. Индейцы хопи жуют это растение.

Скальная роза (Cowania stamburiana). Серо-зеленый кустарник высотой с человека. Отвар применяется для промывания ран. В настоящее время используется в качестве корма для крупного рогатого скота и овец.

Можжевельник односемянный (мексиканский кедр или Juniperus monosperma). Древесина используется в качестве строительного материала и дров. Ягоды съедобны. Из коры и ягод добывается зеленая краска для тканей.

Юкка узколистая (Yucca angustissima). Одно из важнейших полезных растений доисторических индейцев. Высота до колена



«Доисторический «Юго-Запад» с его пуэбло и «скальными городами» (включая пуэбло, существующие и в наши дни).

человека. Имеет длинные ланцетовидные листья, используемые для плетения сандалий и корзин. Ее листья дают волокна, применяемые для самых различных целей. Ее шипы использовались в качестве иголок. Плоды съедобны. Из корней варилось мыло. Этот способ сохранился до наших дней; его применяют индейцы хопи и навахо.

Пиньон (Pinus edulis). Дерево, имеющее очень питательные и долго сохраняющиеся орехи продолговатой формы. Дает смолу, используемую для конопачения корзин, а также черную краску для шерстяной одежды.

Буйволова ягода (Sepherdia rotundifolia). Крупный серебристый кустарник со съедобными ягодами. Индейцы навахо готовят из вареных ягод мазь для овец, глаза которых пострадали от песчаных бурь.

Колючая груша (Opuntia erinacea). Невысокий дископодобный кактус, из плодов которого приготовляется желе, а после удаления длинных игол плоды высушивают на солнце и едят. Может храниться долгое время.

Сегодня существует множество возможностей для знакомства с миром развалин штатов Аризона, Нью-Мексико и района Фор Корнерс. Наша книга вовсе не путеводитель. Поэтому мы ограничимся здесь самым беглым описанием одного-двух мест этого района с тем, чтобы затем подробно остановиться на руинах Меса-Верде, поскольку история открытий, составляющая главную тему нашей книги, выглядит здесь в высшей степени необычно.

Городок Тусон в южной части штата Аризона, не имевший никакого значения при жизни прошлого поколения, сегодня центр, где деловая жизнь бьет ключом. Здесь находятся основанный еще в 1891 г. Аризонский университет и Музей штата Аризона. Его антрополого-археологическое отделение на протяжении последних 30 лет развивалось под сильным влиянием личности Эмиля В. Хаури — крупного педагога и исследователя, руководителя «полевой школы» практической археологии, проводившего раскопки пещеры Вентана. Сюда же входят радиоуглеродная лаборатория и лаборатория дендрохронологии, в которой трудился основатель метода датировки по годичным кольцам деревьев доктор Дуглас.

Коллекции музея находятся в идеальном состоянии. Знакомство с ними представляет собой лучшую форму подготовки к поездке на Север.

По дороге на Феникс (111 км севернее Тусона) впервые встречаются руины. Это развалины Каса-Гранде — глиняно-желтой, напоминающей колоду постройки, когда-то насчитывавшей четыре этажа, которая является центром поселка, процветавшего 600 лет назад.

Путь, ведущий из Феникса до Флагстаффа, проходит сегодня по прекрасным дорогам, расположенным в двух типичных и прекраснейших ландшафтах Аризоны. Сначала он пролегает через пустыню, в которой, подобно многорожковым канделябрам, возвышаются только кактусы Сачуаро (требуется 70 лет, чтобы у него выросла одна ветвь). Дальше путь ведет в край фантастических, сверкающих красной и желтой краской скал. Перед Флагстаффом расположен «Замок Монтесумы» — одно из наиболее сохранившихся скальных жилищ. Он буквально висит — и это очень непривычно видеть — в расположенной на равном расстоянии от подножия и вершины скалы гигантской пещере. Мертвые, пустые окна смотрят на дорогу. Туда можно добраться только по приставным лестницам. Заботливый смотритель развалин поместил рядом с ними объявление: «Кто хотел бы иметь счастье видеть гремучую змею, пусть обратится к смотрителю».

Около 1450 г. город был покинут. Разумеется, этот «Замок Монтесумы» не имеет ничего общего с последним ацтекским царем, который был побежден Кортесом в 1520 г., а затем побит камнями

собственным народом *. Он имеет так же мало общего с Монтесумой, как и расположенный вблизи «Источник Монтесумы» — круглое озеро, представляющее собой таинственную водную поверхность, возникшую, видимо, на месте падения метеорита, которая взирает на вас, словно глаз из земных глубин. Здесь индейцы строили труднодоступные скальные жилища в каменных стенах.

Музей Северной Аризоны во Флагстаффе, построенный много лет назад Эдвардом Б. Дансоном, является центром многочисленных антропологических, археологических, геологических, этнологических и биологических исследований. Музей построен на средства мецената и ученого Гарольда С. Колтона. О нем стоит сказать несколько слов. Колтон был сыном банкира из Филадельфии. Он родился в 1881 г. Сначала изучал зоологию и химию и стал профессором Пенсильванского университета. В 1912 г. он впервые приехал во Флагстафф, который насчитывал в то время 2000 жителей. В 1916 г. Колтон отправился в свои первые археологические экспедиции в окрестностях города, используя для этого лошадей и мулов.

В 1926 г. он поселился во Флагстаффе и основал музей, директором которого был на протяжении 32 лет. Им были разработаны детальнейшие планы застройки города. В соответствии с ними Колтон строил из серо-коричневого базальта здания в стиле, который создал во Флагстаффе, и только там, целую архитектурную школу. Этот высокий, худой джентльмен с орлиным носом и тщательно ухоженными усами к моменту нашей первой встречи был уже 84-летним стариком, отличавшимся неистощимой энергией, бодростью духа и подвижностью. Однажды после обеда он повез меня за сотню миль к «своим» руинам.

Ему удалось выявить 156 пунктов, связанных с древнейшей историей Америки, опубликовать более 200 работ по самым различным вопросам, классифицировать 400 типов керамики Юго-Запада. Научные заслуги Колтона столь велики и многочисленны, что американский биографический словарь «Кто есть кто» уделил ему двадцать строчек. Их пришлось сплошь заполнить сокращениями, чтобы перечислить его заслуги. Колтон уже при жизни стал почти мифической фигурой археологии штата Аризона, и таким он останется навсегда.

Одна из его наиболее популярных и содержащих богатейшую информацию книг о доисторической эпохе северной Аризоны называется «Черный песок». Она посвящена главным образом последствиям катастрофы, имевшей место в 1064—1065 гг. н. э. северо-восточнее нынешнего Флагстаффа. Речь идет об извержении вулка-

* Последним самостоятельным правителем ацтеков был Куаутемок, племянник Монтесумы II, взятый в плен испанцами в 1521 г. и казненный Кортесом в 1525 г. по ложному обвинению в измене.

на — Кратера заходящего солнца (Сансет Крейтер). В результате извержения ближайшие к вулкану земли на площади более 800 км² были засыпаны черным пеплом, уничтожившим там всякую жизнь. В этой связи можно было бы вести речь об американских Помпеях. Но племя синагуас, обитавшее в тех краях, ютилось в примитивных землянках. Поэтому черные пески не погребли под собой никаких дворцов. Кроме того, «черная смерть» явилась началом новой жизни. Покрытая пеплом земля стала плодороднее, чем когда-либо в прошлом. Индейцы, которые вовремя покинули зону катастрофы, поспешили возвратиться. Молва о чуде плодородия распространялась все шире и вызвала небывалый приток на черные земли. Особенно мощный наплыв индейских семей наблюдался с Юга. Следует подчеркнуть — и это является самым важным,— что они принесли с собой новые идеи, новый жизненный опыт, новую, более высокую культуру. Страна и ее население изменились. После извержения вулкана поколение прежних обитателей землянок жило уже в трехкомнатных домах!

Когда сегодня индеец хопи смотрит на кратер, он уверен, что на него взирают оттуда некоторые из 250 качинас — обитающих там добрых и злых духов. Там же, в ущелье, прорытом в лаве, обитает могучий бог ветра Йапонча! И разве не он спустя полтора столетия после «счастливой» катастрофы медленно, но настойчиво сдул оттуда всю плодородную землю? В первой половине XIII столетия урожаи маиса становились все более скудными. Поля все больше пересыхали. В результате люди снова покинули эти места [4].

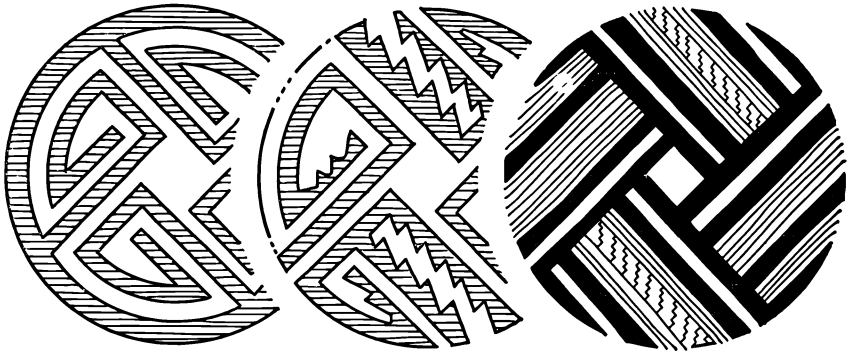
В 29 км севернее Кратера заходящего солнца (Сансет Крейтер) расположены четырехэтажные развалины Вупатки, а в 34 км южнее — развалины Уолнат-Каньона.

В Вупатки также жили синагуас (испанское «син» означает «без»; «агуа» — «вода»). Их название, связанное с именем Колтона, несет в себе отзвук тяжелых условий жизни этих индейцев. Внутри Национального заповедника Вупатки («Вупатки нэшнл моньюмент») находится 800 развалин. Собственно Вупатки был заселен с 1120 по 1210 г. н. э.— на протяжении 90 лет. Это были годы, напоминающие библейское описание трагической судьбы Ниневии *. С той лишь разницей, что в Вупатки стояли жилые дома, а не дворцы, вместо храмов — кивы, а сам город был покинут, а не стерт с лица земли. Однако еще и сегодня там можно видеть две постройки, совсем необычные и имеющие большое значение для Юго-Запада.

---

* Ниневия — древний город, расположенный на северо-западе Ирака, на окраине современного города Мосула. С конца VIII в. до н. э.—столица могущественного Ассирийского государства. В 612 г. до н. э. была захвачена и до основания разрушена объединенной армией мидийцев и вавилонян.

Когда в 1933 г. в развалинах Вупатки начались первые раскопки, предпринятые Музеем Северной Аризоны, археологи наткнулись на стену. Она имела форму круга. Вдоль нее по всей длине шла ступень, очевидно служившая скамьей. Создавалось впечатление, что это была кива. Однако обычно имевшиеся в каждой киве сооружения для церемоний здесь полностью отсутствовали. Не было здесь и ни малейшего намека на то, что это круглое помещение когда-либо имело крышу. Могло ли оно являться кивой, иными словами, помещением, предназначавшимся для «тайных церемоний», оставаясь открытым посторонним взглядам и палящим лучам солнца? Археологи до сегодняшнего дня не могут точно установить действительное назначение этой постройки. Она является единственной в своем роде. За неимением лучшего определения, ее называют «амфитеатром».



Образцы многоцветной керамики из окрестностей Кайенты, штат Аризона.

Вторая постройка представляет собой площадку для игры в мяч. Она не является единственным сооружением такого рода. Однако это самое северное из них. Площадка наглядно свидетельствует, сколь далеко распространились с юга элементы духовной и материальной культуры, игры и танцы. Ведь эти «корты» для игры в мяч ведут свое происхождение из Мексики. Первыми их увидели испанские солдаты. Они же оказались первыми, кто получил возможность взять в руки удивительные эластичные мячи, которыми на этих площадках играли индейцы. Это были первые каучуковые мячи, которые увидел белый человек. Два экземпляра таких мячей было найдено в Аризоне.

Мы уже не сможем вырваться из мира руин и еще заселенных пуэбло после того, как, заехав в Синагуаские скальные жилища Уолнат-Каньона, снова двинемся на север и у Туба-Сити свернем с шоссе на восток. Здесь в стране хопи первым нам встретится Ораиби — старейший из обитаемых городов Соединенных Шта-

Орнамент на керамических изделиях из Чако-Каньона, штат Нью-Мексико.

тов. Люди живут в нем непрерывно с XII в. Следовательно, он старше Берлина и является таким же древним, как Москва.

От Туба-Сити к северо-востоку ведет «навахо трейл» (индейская тропа). Сегодня она уже не является «тропой», а представляет собой шоссе, идущее до Кайенты. Президенту «Тедди» Рузвельту, который был страстным охотником, требовалось затратить несколько дней, чтобы добраться верхом до этого участка. Он ночевал в Кайенте на одинокой ферме одного из братьев Уэзериллов и находил такие путешествия достаточно увлекательными, чтобы писать о них газетные статьи. Еще десять лет назад Кайенту вряд ли посещало более дюжины путешественников в месяц (если, разумеется, не считать участников экспедиции, проводившей раскопки в расположенных неподалеку оттуда руинах Бетатакина). Сегодня и там стоят роскошные мотели.

Дальше мы продвигаемся по Каньону Шелли, в направлении Нью-Мексико, где на протяжении долгих лет вели раскопки супруги Моррис. Сделав крюк, чтобы посетить Фор Корнерс, мы продолжаем путь по головокружительному серпантину дороги, ведущей на Меса-Верде (штат Колорадо). И вновь попадаем в пределы штата Нью-Мексико. Проехав через Фармингтон к югу, мы увидим в стороне от дороги № 44 пуэбло Бонито. Этот огромный комплекс с самого начала представлял наибольший интерес с археологической точки зрения. Именно обнаруженные там слои, черепки и годичные кольца деревьев впервые дали возможность археологам проследить ход истории.

Восемьсот помещений, достигающих высоты четырех-пяти этажей, покоятся на мощных, сложенных из камня стенах. В построенном между 919 и 1130 гг. н. э. пуэбло (там имеются многочисленные остатки более древних построек), по приблизительным оценкам, жило до 1200 человек. Начиная с 1897 г., когда там были проведены первые раскопки Джорджем Н. Пеппером, продолженные затем Нейлом М. Джуддом, пуэбло вновь и вновь подвергался детальнейшим исследованиям. Около 100 000 т песка было перемещено с помощью лопат, кирок и ручных тачек. Первые бульдозеры, которые в те времена назывались «паровая лопата», было опасно использовать для раскопок. По словам Энн Моррис, как-то один из водителей был крайне возмущен тем, что найденная им половина мумии не вызвала никакого интереса у ученых.

Пуэбло занимает такую же площадь, как и здание Капитолия в Вашингтоне. В отдаленных окрестностях пуэбло на расстоянии

от семи до сорока миль лежат еще пятнадцать развалин. В Бонито были найдены самые красивые украшения из бирюзы, среди них ожерелье, составленное из 2500 бирюзовых шариков!

Дальше в штате Нью-Мексико в обширной долине реки Рио-Гранде между городами Альбукерк и Санта-Фе руины и заселенные пуэбло тянутся вперемежку друг с другом вплоть до Таоса. Очарование Санта-Фе, городка, сохранившего в архитектуре вплоть до сегодняшнего дня все характерные черты его индейско-испанского прошлого, заслуживает отдельного рассказа. Музеи в Альбукерке и в старинном губернаторском дворце в Санта-Фе чрезвычайно достопримечательны. В 1948 г. впервые была начата планомерная аэрофотосъемка и получены первые снимки с воздуха двадцати пяти пуэбло, расположенных от Акомы на юге до Таоса на севере. Сравнив эти снимки с измерениями, проводившимися на земле, Стенли А. Стаббс прокомментировал и опубликовал их в 1950 г. в своем труде «Пуэбло с птичьего полета»[5].

Таос, вероятно, наиболее посещаемый из всех пуэбло. В то же время на него наложила наиболее сильный отпечаток индустрия туризма и связанные с ней отрасли деятельности. Ему 600 лет. Он был основан племенами, бежавшими от засухи из долины реки Сан-Хуан. Позже здесь находился центр уже упоминавшегося восстания индейцев пуэбло против испанского господства, разразившегося в 1680 г. под руководством лекаря Попé. Сегодня в Таосе проживает около 1200 человек. Самым выдающимся посетителем тех мест был, вне всякого сомнения, швейцарский психолог К. Г. Юнг, хотя этот факт и прошел почти не замеченным в специальной литературе. Этот известный психолог и автор классификации психологических типов в 1921—1925 гг. встречался здесь с индейским вождем Очвиайем Биано. Он называет его так, хотя пуэбло никогда не имели вождей. В наши дни они имеют официального «губернатора», который представляет их во всех делах с белыми. Кроме того, они имеют гораздо более влиятельных и располагающих внутри пуэбло гораздо большей властью касиков *, избираемых тайными сообществами и по сей день абсолютно неизвестных белым властям. Человек по имени Биано высказал Юнгу свое весьма невысокое мнение обо всех белых, закончив его следующими словами: «Мы считаем, что все они сумасшедшие». На вопрос Юнга, почему они так считают, Биано ответил: «Потому, что они говорят, что думают головой». «Но ведь это естественно,— ответил Юнг и спросил:— А чем думаешь ты?» «Мы думаем вот чем»,— сказал индеец и показал на сердце. От неожиданности Юнг лишился дара речи. «Я погрузился в длительное раздумье... Этот индеец коснулся нашей

* Касик *(исп.)* — начальник, вождь.

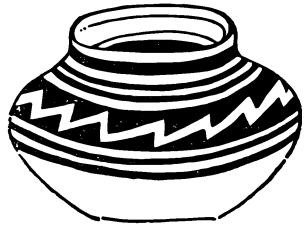
уязвимой точки и затронул нечто такое, что мы не воспринимаем по своей душевной слепоте».

Несколько дней спустя он сидел на крыше пятого этажа пуэбло и вел новый разговор с Очвиайем. В результате этой беседы ему удалось (здесь все излагается по его дневнику) проникуть в таинства оккультных наук и внезапно понять некоторые бывшие ему неясными места из сочинений Павсания * и Геродота[6].

Другой психолог сумел сделать более точные наблюдения и высказать суждения, отличавшиеся большей глубиной. Но он был поэтом, который долгое время прожил в Нью-Мексико. Это был не кто иной, как Д. Х. Лоуренс. Следует прочитать три его коротких наброска: «Индейцы и зрелища», «Танец прорастающего маиса» и «Змеиный танец хопи»[7].

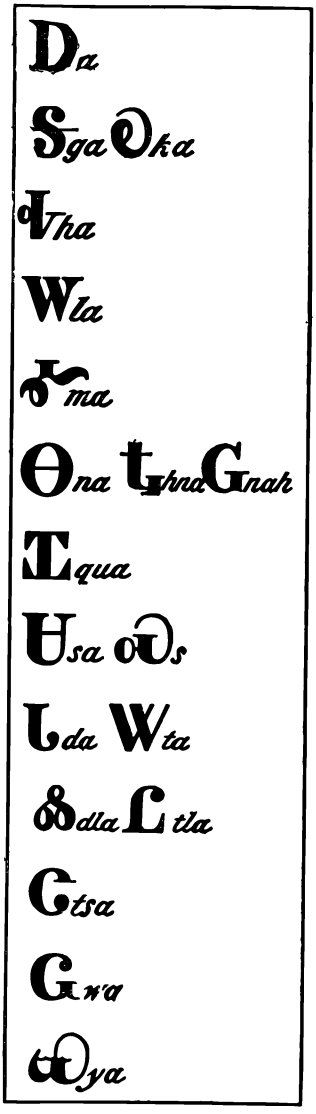
Общественные и религиозные традиции, сохранившиеся в пуэбло до наших дней, уходят своими корнями в глубины доколумбовой эпохи. Например, их общественные обычаи.

«Женщины пользуются в обществе пуэбло большой властью. Им принадлежат дома и все, что находится внутри их. Женщина может как само собой разумеющееся сказать: «Это мой дом, а там, снаружи, находится дом моей бабушки!» Даже когда



Вазы, кувшины, чаши из Шелли-Каньона, штат Аризона.

* Павсаний (II в. н. э.) — древнегреческий писатель, автор труда «Описание Эллады» в 10 книгах. Это своего рода путеводитель по наиболее примечательным памятникам архитектуры и искусства Средней Греции и Пелопоннеса. Павсаний сообщает также ценнейшие сведения по греческой мифологии, истории культов и политической истории страны. См.: Павсаний. Описание Эллады. Перевод и вводная статья С. П. Кондратьева. Т. 1—2, М.— Л., 1938—1940.



Образцы алфавита, изобретенного индейцем чироком Секвойей, который должен был помочь приобщению индейцев к культуре белых людей. Это единственная собственно индейская система письма (наполовину алфавит, наполовину силлабическое письмо), когда-либо существовавшая в Северной Америке. Она относится к 1800 г. н. э.

мужчина возвращается нагруженный убитой им дичью с охоты домой, в тот самый момент, как только он поднимет дичь над порогом дома, она становится собственностью его жены... Муж живет с женой в ее доме. Когда он женится на женщине из другой деревни, то уходит жить туда. Вдовец возвращается в дом своей матери.

Ребенок часто носит фамилию матери. Мальчик принадлежит к клану матери. Этот клан всегда иной, чем клан отца, ибо лица, принадлежащие к одному клану, не могут вступать в брак между собой. Самую важную роль в жизни юноши играет дядя с материнской стороны — брат матери. Он вводит юношу в свой клан и является его крестным, когда тот вступает в религиозное сообщество. Определенные виды работ выполняются женщинами, другие — мужчинами. Помимо множества работ по строительству и ремонту домов, женщины ухаживают за садами, выполняют легкие полевые работы, готовят пищу, изготовляют керамические изделия и корзины. Мужчины охотятся, выполняют тяжелые работы в поле и ткут. Каждый жених хопи должен выткать для своей невесты полный свадебный гардероб, включающий в себя одежды и одеяла.

Такое общество, где люди ведут свое происхождение от матерей, называется матриархатом. Когда женщина хочет развестись с мужчиной, она просто кладет перед дверью его одеяло и обувь. Это показывает, что его не желают больше видеть» [8].

В этом описании автор намеренно чрезвычайно упрощает данные отношения. В действительности они

настолько сложны и в большинстве случаев имеют такую едва различимую глубокую религиозную основу, что со времен Моргана и Банделье появились буквально тысячи публикаций, посвященных только одной этой проблеме.

За 2000 лет, если считать от эпохи «корзинщиков», индейцы пуэбло не открыли ни колеса, ни плуга и не знали железа. Они не имели ни лошадей, ни крупного рогатого скота, ни овец, ни свиней и сумели приручить только собаку и индюка. Они не сумели изобрести никакой письменности, не говоря об алфавите. Тысячи изображенных на скалах пиктографов (это слово означает «рисуночное письмо») как средство передачи информации имеют очень ограниченное значение. Единственная реальная индейская письменность была изобретена и составлена немощным, но духовно богатым индейцем-чирокоом Секвойей, который родился около 1760 г. в Теннесси и умер в 1843 г. в Мексике. За двенадцать лет он составил разновидность алфавита с тем, чтобы развить способности своих соплеменников и тем самым сделать их равными по способностям с белыми людьми. Это была настоящая письменность, которую можно было учить, с помощью которой можно было читать и писать, но которая тем не менее не смогла пробить себе дорогу.

И несмотря на все это, достижение высшего уровня развития культуры было возможно. Это блестяще доказали майя и ацтеки в Мексике, инки в Южной Америке. Они создали сложнейшую государственную организацию, возводили монументальные постройки, делали ошеломляющие открытия в астрономии и математике (майя создали самый точный в мире календарь и открыли ноль). Племенам пуэбло было очень далеко до того, чтобы подняться на эту ступень высшей культуры. Чего же им не хватало из того, чем располагали народы Центральной Америки? Что помешало им сделать этот шаг?

Вспомним, что говорил Киддер в 1924 г.: «Лишь очень немногие народы так близко подошли к цивилизации, как индейцы пуэбло, сумев сохранить при этом в неприкосновенности столь необходимую демократию первобытной жизни... У них не было ни бедных, ни богатых. Все семьи жили в одинаковых жилищах и питались одинаковой пищей. Главенствующее положение в общественной или религиозной жизни достигалось исключительно благодаря индивидуальным способностям и являлось вознаграждением за оказанные общине услуги» [9].

Почему они не воспринимали более интенсивное влияние, исходившее с юга? Диапазон этого влияния до сегодняшнего дня продолжает оставаться предметом споров. Может быть, они упорно желали жить в условиях описанной Киддером ранней демократии, где чувствовали себя почти счастливыми?

В 50-х годах английский археолог Жакетта Хоукс со своим

мужем — драматургом Дж. Б. Пристли побывала среди пуэбло. Она была потрясена увиденным: «Неужели все увиденное нами действительно возникло не под влиянием искры, попавшей сюда из Старого Света? Если это действительно так, то это весьма важно. Тогда человек предстает существом, которому присуще глубокое внутреннее стремление к городской цивилизации, к возведению алтарей, храмов и дворцов. Если бы я была американским археологом, я бы не думала ни о чем другом, кроме поисков ответа на вопрос, где же здесь находится истина» [10].

В свою очередь Д. Х. Лоуренс писал о пуэбло: «То, что они не разрушились, остается тайной. То, что эти четырехэтажные кучи глины продолжают стоять многие сотни лет, в то время как греческий мрамор рассыпается в прах и рушатся соборы, остается чудом. Простая человеческая рука с комком свежей мягкой глины оказывается более быстрой и более могучей, чем время, чем столетия» [11].

После стольких фактов мы завершаем главу романтической историей, которая могла бы быть названа «Потерянный город Лукачукай».

Заблуждается тот, кто думает, будто исследования пуэбло и скальных жилищ завершены. Сотни пещер и развалин пока еще не открыты. А потому они молчат, храня свои тайны. Они еще ждут своих исследователей. Сегодня почти полностью исчезла мечта, возбуждавшая людей 30-х годов, мечта об открытии сказочного города, возможно, новой Сиболы. Но ведь еще Моррис всерьез относился к такого рода слухам, а именно к слухам о «потерянном городе Лукачукай».

Насколько нам известно, эти слухи совсем не такие старые. Создается впечатление, что они возникли лишь в начале нынешнего столетия. По этому поводу Энн Моррис писала с иронией: «Детали этой необычной истории знаем я и Эрл... Это как раз один из тех случаев, когда мы знаем человека, который знал одного индейца, в свою очередь знавшего другого индейца...» [12]

Эти слухи, как и положено настоящим слухам, вели в неизвестность. В данном случае — в тогда еще недостаточно исследованный район, расположенный южнее Фор Корнерс, где, например, целая горная цепь под названием Чуска, или Тунича, изображается на картах то высокой, то низкой, а то и вовсе исчезает. Сегодня туда ведет шоссейная дорога № 666, проходящая чуть восточнее вдоль всей этой области.

В соответствии со слухами речь шла об одной местности, которую индейцы навахо называли «Лу-ка-чу-кай», что означает «место с зарослями белого тростника». Если собрать воедино все сведения, то получится, что эта местность должна была находиться внутри ареала площадью более 50 км². Его следовало обязательно найти!

Однако сделать это было совсем непросто, имея в виду природу данного района, который отличается необычной дикостью! Полное отсутствие дорог, нагромождения скал, расселины, по которым в сезон дождей несутся бурные потоки воды, сдерживали любое исследование.

Наряду со всякого рода слухами имелось точное, заслуживавшее доверия сообщение. В 1909 г. два францисканских монаха — отцы Финтан и Ансельм — бродили вдоль и поперек по дикой горной местности. Однажды в полдень они добрались до высокого утеса и решили отдохнуть. Их проводник, молодой индеец навахо, неожиданно исчез. Вскоре он появился вновь. Он принес с собой «олью» — необычайно большой, украшенный чудесным орнаментом глиняный кувшин для воды. И совершенно целый!

Оказалось очень кстати, что отец Финтан когда-то помогал в создании коллекции керамики Бруклинского музея. Он опознал редкость и тут же спросил проводника: «Где ты это взял?» В ответ навахо сделал широкий жест, охватывавший весь горизонт и скрывавший всякую возможность точно определить место.

Тем не менее он рассказал, что там, откуда он принес кувшин, находилось бесчисленное множество других таких же сосудов. Как? Просто так, на поверхности земли? И совершенно неповрежденных? Конечно, ответил юноша. Кроме того, там находятся большие дома и высокая, высокая башня. И все совершенно целое? Да, и притом многие кувшины стоят наполненные зернами маиса. Рядом с ними — многочисленные «метатес», небольшие, тщательно оформленные каменные плиты для растирания зерна, множество очень красивых одеял и чудесных сандалий. Очевидно, сказал индеец, анасази (древние люди) вынуждены были покинуть свои жилища совершенно неожиданно — и в один прекрасный день они наверняка туда вернутся.

Преподобные отцы описали внешний вид кувшина супругам Моррис, которые пришли к выводу, что он принадлежал, вероятно, к периоду пуэбло III, времени расцвета Юго-Запада. Еще больше в этом убеждали высокие дома и башня. Если все там действительно уцелело, то археологов ожидала бы необычайная удача.

Естественно, что преподобные отцы хотели купить олью. Но тут молодой навахо заупрямился. Ни деньги, ни слова не могли сломить его упорство. Он объяснил, что эта вещь принадлежала анасази и он только взял ее взаймы, чтобы показать своим друзьям. Потому он, вполне естественно, должен вернуть ее обратно! Здесь на память одному из монахов пришла история с неким мистером Кеннеди. На протяжении многих лет он украл из Музея естественной истории в Нью-Йорке один за другим не менее 400 предметов древнеиндейского обихода. Причем он делал это отнюдь не ради собственного обогащения или удовлет-

ворения страсти к коллекционированию, а чтобы возвратить эти предметы индейцам!

Точно так же поступил индеец. Через полчаса он возвратился обратно, и три путника продолжили свой путь. Преподобные отцы встретили Морриса и рассказали ему о происшествии. Они обещали когда-нибудь вернуться на место привала. По их словам, это место было нетрудно найти, а «потерянный город» должен был находиться в 15 минутах ходьбы оттуда и именно там его следовало искать.

Но здесь они заблуждались. Эрл и Энн Моррис располагали точным описанием места. Однако, несмотря на неоднократные утомительные попытки, им так и не удалось его обнаружить. В 1927 г. Эмиль В. Хаури провел половину лета в этом районе каньонов, исследуя многочисленные руины, но ни одни из них не соответствовали сказочному «потерянному городу». С мифом покончено. Ни в одном современном труде по археологии название Лукачукай больше не упоминается. Несколько лет назад я встретил на шоссе № 666 индейцев навахо, которые еще носили твердые шляпы и короткие косы уходящего в прошлое старого поколения. Когда я начал настойчиво расспрашивать их о Лукачукай, они ответили, что никогда не слышали такого названия.

Они были плохо информированы. По другую сторону границы — в штате Аризона в тени огромного, высотой в 2700 м, пика Метьюза — расположен небольшой поселок, носящий звучное и таинственное название Лукачукай.

11. ЛЮБОПЫТНЫЕ БРАТЬЯ ИЗ МЕСА-ВЕРДЕ

Однажды в жаркое послеполуденное время два всадника ехали по выжженной местности вблизи Чако-Каньона. Это были фермер Ричард Уэзерилл и его пастух Билл Финн. Они хотели выяснить, кто убил любимую лошадь дочери Уэзерилла — Элизабет. Приблизившись к руслу реки, фермер и пастух столкнулись с группой индейцев навахо, часть которых была вооружена.

То, что произошло потом, так и не было точно установлено, несмотря на усилия властей. По словам оставшегося в живых Финна, к ним приблизился знакомый им обоим индеец навахо Чис-чиллинг-бегей и вступил с ними в разговор. Затем они расстались. Солнце слепило, поэтому никто не мог точно видеть, что произошло потом. Раздался выстрел. Пуля просвистела над головой Финна. Еще один выстрел. Пуля попала ему в грудь и сбросила с лошади. Уэзерилл был убит на месте.

В 1910 г. такие события не являлись чем-то необычным. И у нас не было бы основания рассказывать эту трагическую исто-

рию, если бы не Ричард Уэзерилл, возможно последний искатель приключений в стране навахо и самый необычный археолог-любитель из всех, когда-либо живших на Юго-Западе.

Его судьба типична для судеб многих других любителей в науке. Специалисты признали его против своей воли и тут же принялись его порочить: его объявили человеком, способным на любой проступок во имя наживы, человеком, который обогатился на торговле с индейцами навахо, похитителем скота, «четырежды представавшим перед судом». Вот как в действительности выглядело его «обогащение» за счет индейцев. Когда Уэзерилл погиб, вдова нашла на банковском счете 74 долл. 23 цента. В то же время долговые обязательства индейцев навахо Уэзериллу составляли несколько тысяч долларов!

Необычный орнамент на чаше из Меса-Верде, штат Колорадо. Большинство узоров, использовавшихся людьми, жившими в Меса-Верде, имело строго геометрический характер (до 1300 г. н. э.).

Мы должны быть признательны издателю одной небольшой газеты в штате Массачусетс Френку Мак-Нитту. Во время многочисленных поездок на Юго-Запад с упорством, граничившим с фанатизмом, он собирал факты о Ричарде Уэзерилле и сумел отстоять его честь в книге «Ричард Уэзерилл — Анасази». Благодаря Мак-Нитту мы знаем сегодня (в подтверждение своих выводов он приводит огромное количество документов), сколь значительную роль сыграли этот простой фермер и его братья в археологии Юго-Запада.

Их было пять братьев: Ричард, Бенджамин, Джон, Клейтон и Уинслоу. Мы не имеем возможности описывать здесь во всех подробностях жизнь пионеров, которую вели эти пятеро квакеров. Нас интересует прежде всего история открытия Меса-Верде.

Само собой разумеется, они были любителями. Но они отнюдь не были неграмотными людьми. Они рисовали, фотографировали, пробирались в самые дикие места и недоступные каньоны. Они сообщили первые обоснованные сведения о «корзинщиках» и скальных жилищах Меса-Верде.

Меса-Верде, как это следует из самого названия, представляет собой большую, покрытую зеленью плоскую гору площадью 24 на 32 км, поднимающуюся в юго-западном углу штата Колорадо на 600 м над окружающей местностью.

С тем чтобы меня не заподозрили в излишней предвзятости и преувеличениях, когда речь идет о том, что можно увидеть в Меса-Верде, я предоставляю слово свидетелю, стоящему вне всяких подозрений — английскому археологу Жакетте Хоукс. К моменту первого приезда в Меса-Верде она вдоволь насмотре-

лась на самые различные чудеса Старого Света. Тем не менее она писала:

«Мы мчались с захватывающей дух скоростью через низкий лес. Все казалось спокойным и однотонным. Совершенно ровное плато без каких-либо подъемов и спусков. Как вдруг мы оказались у края глубокого каньона. Земля перед нами разверзлась. Отвесные стены верхней части обрыва были сложены из желтых и коричневых слоев песчаника. Внизу они отступали крутыми скатами, темными от покрывавшей их растительности. Эта так неожиданно открывшаяся величественная картина была сама по себе восхитительна. Но там на противоположной стороне каньона к тому же находился висящий в воздухе город. Маленький, бледно-золотистый город с башнями и домами, который открывала нам широкая овальная пещера в скалах. Темные вершины пихт поднимались к самому подножию домов. Густая тень пещеры оттеняла город огромной дугой. Но фасады домов и башен стояли, залитые ярким солнечным светом. Их мельчайшие уголки были высвечены, а двери и окна выступали словно черные как смоль четырехугольники. Обрыв каньона походил на камень с тончайшим изображением, врезанным в скошенную овальную поверхность. Известняки вздымались отвесно вверх — к лесу, к бескрайней синеве неба. Там, по ту сторону обрыва, золотистый город выглядел таким бесконечно далеким, таким прозрачным и мирным в своей каменной оправе, что воспринимался как сон или мираж, возникший в пустыне» [1].

Точно так же Меса-Верде должна была действовать и на тех, кто первым увидел руины. Скорее всего, это был капитан Дж. Н. Макомб в 1859 г. (в 1776 г. священник Франсиско Атанасио разбил свой лагерь, но лишь вблизи от этого места) [2].

Однажды прохладным декабрьским утром 1888 г. на сцену выступил Ричард Уэзерилл. Со своим двоюродным братом Чарли Мейсоном он разыскивал пропавший скот. Собственно говоря, он уже раньше открыл руины невдалеке от родительской фермы. Около этих развалин как раз в 1885 г. ночевала необычайно предприимчивая девица, некая Виргиния Донейхью, которая вопреки настоятельным советам и предложениям побыстрее убираться домой занималась вместе с братьями Уэзериллами поисками наконечников стрел и древней керамики. Она возвратилась на следующий год, и 6 октября 1886 г. они вместе, судя по всему, открыли самые впечатляющие развалины — так называемый «Дом с балконом». Однако самое значительное открытие удалось сделать Ричарду и его кузену. Это был так называемый «Скальный дворец» — самый крупный из скальных жилищ, насчитывающий 200 жилых построек и 23 кивы. Здесь же 18 декабря 1888 г. были открыты «Развалины у елей», а на следующий день —

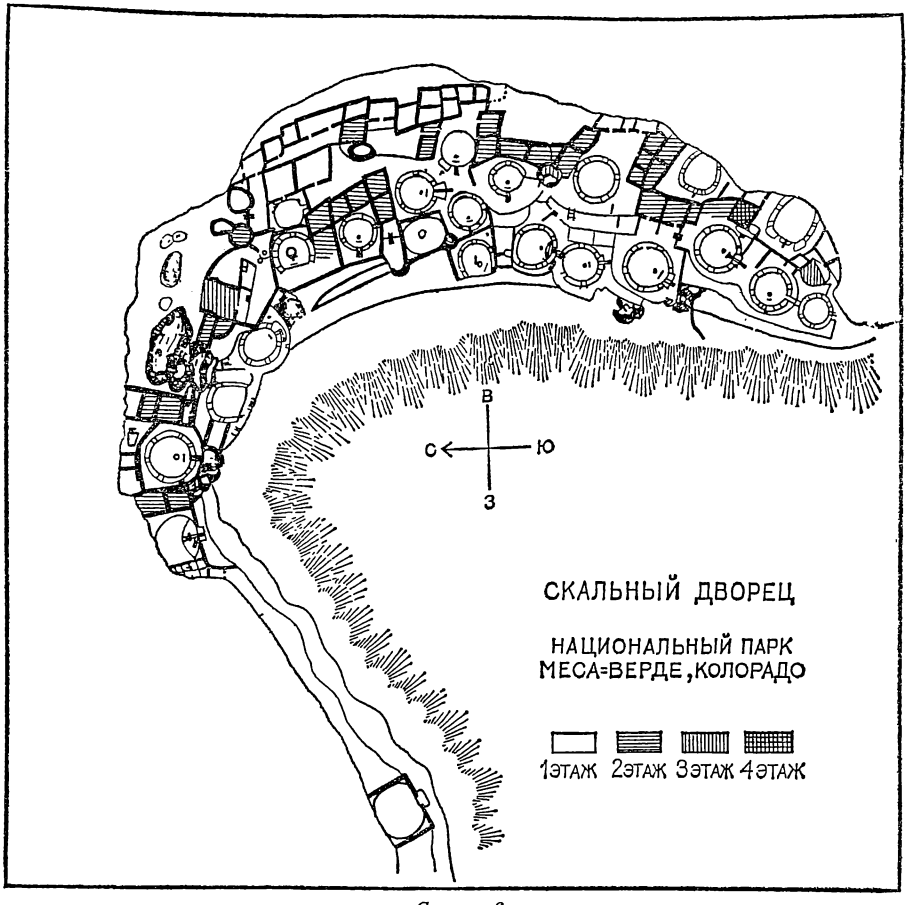


Схема 6.

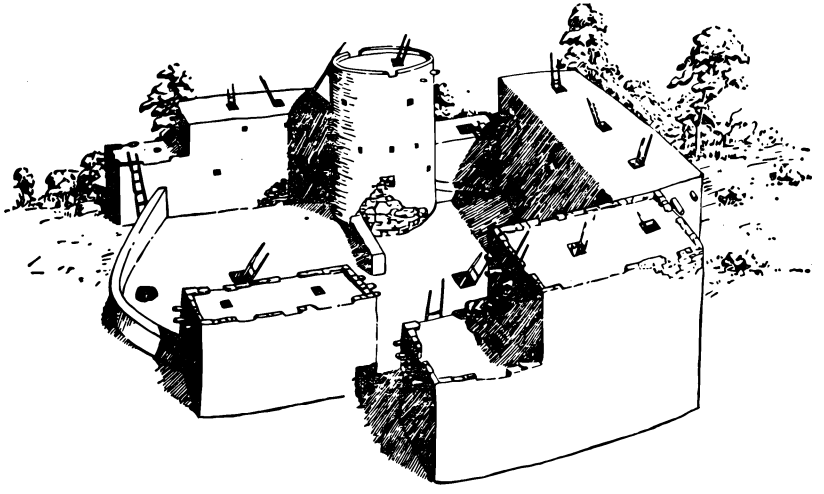
еще одни с возвышавшейся четырехугольной башней, получившие поэтому название «Руины четырехугольной башни».

Анасази — так называли людей, которые жили здесь в доколумбову эпоху, и Анасази стало почетным прозвищем Ричарда, данным ему индейцами. Уэзериллы были неутомимы в продолжении поисков. Они охотно помогали другим. Для любого, кто приезжал туда и проявлял горячий интерес, они были крайне необходимы в качестве проводников. Тем, что в 1893 г. шведский археолог Густав Норденскёльд смог издать первое научное сообщение «Скальные жилища Меса-Верде», он не в последнюю очередь был обязан любопытным братьям, и больше всех Ричарду.

Сегодня мы знаем, что история Меса-Верде началась около 500 г. н. э. и, подобно истории многих других пуэбло и скальных жилищ на этой территории, завершилась около 1300 г. н. э.

Расстояния, которые Ричард преодолел в седле и пешком, огромны. Благодаря знакомству и дружбе с учеными расширился его опыт, развилась способность делать самостоятельные выводы. Вероятно, он был первым, кто сумел точно определить зону расселения народа, жившего задолго до индейцев пуэбло и обитателей скальных жилищ. Именно он первым дал этому «докерамическому» периоду название баскет-мейкер — период «корзинщиков», под которым он известен вплоть до сегодняшнего дня. Первое подробное описание этого народа относится, скорее всего, к 1894 г. Статья не подписана именем Уэзерилла. Однако Мак-Нитт, его лучший биограф, не колеблясь, считает, что автором является Уэзерилл. Киддер в свои студенческие годы еще относился с предосторожностью к этому «открытию Уэзериллами целого народа» до тех пор, пока он блестяще не доказал своими собственными открытиями его существование. Еще в 1897 г. Митчелл Прудден при содействии Уэзерилла опубликовал описание, которое не должно было оставить никаких сомнений [3]. Вот выдержка, которая доказывает точность описания, данного Уэзериллом.

«На глубине немногим меньше одного метра под самым нижним слоем останков жителей скального «города» мы обнаружили следы совершенно другого племени. Разница отчетливо прослеживалась по форме головы, которая от природы была удлиненной, или долихоцефальной. Обитатели скального «города» в том виде, как мы их обнаружили, имели на задней части головы вертикальную отлогость, которая искусственно превращала их в брахицефалов. Мы извлекли из пещеры девяносто два скелета. Они



Поселение № 499 (около 1130 г. н. э.). Схематическая реконструкция Клиффорда Меритью.

находились на глубине от метра сорока до двух метров десяти сантиметров. Останки трех жителей скального «города» мы обнаружили на глубине от шестидесяти до девяноста сантиметров. В центральной части пещеры скелеты лежали так плотно рядом, что соприкасались друг с другом» [4].

Первые фотографии на Запад привез Уильям Генри Джексон около 1874 г. Джексон, фотограф американского Запада и его эпохи пионеров, изготовил даже глиняные модели скальных «городов», которые демонстрировались в Филадельфии на выставке, посвященной столетию американской революции. До этого в Северной Америке никто абсолютно ничего не слышал о такого рода скальных постройках. Эти модели и фотографии произвели такую сенсацию, что время от времени отвлекали посетителей от главного экспоната выставки — от изобретенного А. Грехемом Беллом телефона [5].

Не имеет смысла пытаться и дальше описывать развалины Меса-Верде. Часть этой территории сегодня носит имя Уэзерилла: Меса-Уэзерилл. В ноябре 1959 г. и в феврале 1964 г. проводившиеся в этом районе раскопки были подробнейшим образом описаны «Нэйшнл джиографик мэгэзин» («Национальным географическим журналом»). Эти материалы представляют большой интерес для неспециалистов [6].

В наше время, два поколения спустя после Уэзерилла, мы располагаем двумя красноречивыми цифрами. С тех пор как в 80-х годах братья открыли Меса-Верде, она превратилась в место массового паломничества. В 1966 г. развалины посетило в общей сложности 423 366 человек. За одно лишь следующее лето — 322 444 человека. Я не знаю ничего, что нагляднее свидетельствовало бы об интересе американцев к истории. Тем более что подъем на Меса-Верде вдоль бездонных каньонов требует крепкого здоровья [7].

После того как Меса-Верде уже длительное время была объявлена национальным парком (Дж. Фьюкс осуществил первую археологическую организацию этого заповедника; сегодня же там находится постоянная археологическая станция с богатейшим музеем), американская общественность несколько лет назад была встревожена сообщением, что над прекраснейшими индейскими «городами» нависла величайшая угроза. Самолеты военно-воздушных сил США, проносящиеся со сверхзвуковой скоростью над скальными жилищами, вызвали неожиданное появление трещин в древних постройках, которые на протяжении многих веков твердо противостояли любым невзгодам. В 1967 г. этой проблемой было вынуждено заняться правительство. «Нью-Йорк таймс» публиковала по этому поводу пространные сообщения. В них, например, приводились слова индейца навахо по имени Гай Йаззи Теллер, который был очевидцем того, как после пролета

реактивного истребителя обрушились скалы и погребли под обломками одну из древних развалин [8].

Сохранилась лаконичная запись Альфреда В. Киддера, который много десятилетий спустя после описаний, сделанных Уэзериллом, вновь проехал через Меса-Верде. Эта запись гласит:

«Много лет назад я и Джесси Нусбаум исследовали скальные жилища на западном склоне Меса-Верде. Мы увидели одно из них висящим высоко над нами на противоположной стене каньона и решили рассмотреть его поближе. Однако подъем по отвесной стене и через узкий выступ скалы с глубоким обрывом под ним оказался чрезвычайно трудным. В конце концов мы его одолели. Полные воодушевления по поводу нашего открытия и успешного восхождения, мы смотрели через расщелину в скалах на развалины. Как раз там перед нашими глазами находилась поставленная на ребро каменная плита. На ней мы прочли следующие слова: «Что за глупцы эти смертные. Р. Уэзерилл» [9]. Итак, «простой фермер» Уэзерилл знал Шекспира. «Что за глупцы эти смертные» — это слова, с которыми Пек обращается к Оберону в комедии «Сон в летнюю ночь»!

12. ИНДЕЙЦЫ КУЛЬТУР КОЧИСЕ, МОГОЛЬОН И ХОХОКАМ — «ИСЧЕЗНУВШИЕ БЕССЛЕДНО»

«От культуры кочисе возникла культура могольон; последняя дала жизнь культуре хохокам, чтобы затем, пройдя эпоху баскетмейкеров («корзинщиков»), превратиться в культуру пуэбло» [1].

Как это произошло? Может быть, археологи внезапно открыли всю цепь исторического развития, о которой еще никто не знал в тот период, когда изучение истории индейцев пуэбло шло уже полным ходом? Может быть, культура североамериканских индейцев имеет более глубокие корни, а самое главное, может быть, она распространялась гораздо дальше на юг?

Мы привели цитату из работы Мак-Грегора 1965 г., и она лишний раз подтверждает мнение Гарольда С. Гладвина и Эмиля В. Хаури, высказанное ими еще тридцать лет назад и подтвержденное Хаури в 1943 г. [2].

Однако через двадцать семь лет Хаури уже не говорил об этом столь категорично. Как и прежде, он полагал, что культура могольон произошла от культуры кочисе (при культурном воздействии из Мексики); индейцы же культуры хохокам были иммигрантами, принесшими с собой на Юго-Запад совершенно новую культуру, что, впрочем, не исключало, как мы увидим, более позднего мексиканского влияния.

Если не принимать во внимание сравнительно отсталую культуру патайан, то можно сказать, что культуры кочисе и могольон, занимавшие южную Аризону и называемые также «культурами пустыни», совпадают друг с другом. По поводу культуры могольон П. С. Мартин, специально занимавшийся ею, сказал в 1959 г.: «Термин «могольон» выбрали для того, чтобы назвать культуру племен, занимавшихся земледелием, умевших строить дома и изготовлять керамические изделия... Этот термин относится к одной из самых продолжительных и непрерывных традиций культурного развития в Северной Америке, корни которой уходят в шестое тысячелетие до н. э. ...», и затем неожиданно продолжает: «... ее стволы, ветви и листья растут и в наши дни. Таким образом, культура эта охватывает период приблизительно в 8000 лет» [3].

Что же касается времени зарождения этих культур, то ученые сейчас не столь щедро приписывают им глубокую древность. Чтобы дать правильное представление о времени, мы составили таблицу, основанную на новейших исследованиях:

Культура хохокам		Культура могольон
1700 г. н. э.	современность	
1600 г.	поздняя эпоха	
1450 г.	классическая	
1300 г.	эпоха	
1200 г.	эпоха оседлости	могольон V
1100 г.		могольон IV
1000 г.		
900 г.		
700 г.	эпоха колонизации	могольон III
600 г.		могольон II
500 г.		
400 г.		
Начало н. э.	ранняя эпоха	могольон I
300 г. до н. э.		

В этой таблице учтены исследования Мак-Грегора, опиравшегося при классификации памятников хохокам на Г. Гладвина (1936 г.), а при составлении схемы развития культуры могольон на Дж. Уита (1955 г.)

Что же касается культуры хохокам, то она может быть теперь датирована гораздо точнее с помощью нового метода, применен-

ного Робертом Л. Дюбуа из Аризонского университета. В качестве исходного материала он взял остатки древних очагов. Метод называется «археомагнетизмом» и основан на том, что делает исторические выводы из географических фактов, и на том, что игла компаса никогда не указывает точно на север, и в разные периоды времени отклоняется по-разному. В начале н. э. она указывала не туда, куда указывала во времена Колумба или указывает теперь [4].

Метод радиоуглеродной датировки позволил установить время остатков древесного угля в кострищах периода хохокам с точностью ±100 лет — 425 г. до н. э. Новым же методом было отнесено к 300 г. до н. э. самое древнее из обнаруженных кострищ.

Фактически развитие культуры хохокам происходило между 500 и 1100—1200 гг. н. э., после чего она стала постепенно исчезать. Но четыре более ранних этапа могут быть выделены достаточно четко и даже точнее, чем на опубликованной выше странице. Таким образом, всего в истории этого «исчезнувшего» народа было не менее семи этапов культурного развития, этапов, в течение которых произошло много различных изменений и нововведений. И лишь одно оставалось неизменным — архитектура.

Создатели культуры хохокам с самого начала занимали особое положение, и мы хотим им посвятить эту главу, ибо «синтез требует не только обобщения, но и строгого отбора» [5].

Слово «хохокам» на языке индейцев пима означает «исчезнувшие бесследно», и очень долгое время это определение казалось оправданным [6].

В 1927 г. Гарольд С. Гладвин, инициатор и руководитель экспедиции Археологического фонда Хила-Пуэбло из г. Глоб в Аризоне, впервые наткнулся на явные следы этого народа, но ему потребовались годы для определения местонахождения тысяч доисторических поселений, пока ему удалось открыть в 45 км южнее г. Феникса Снейктаун — вероятный центр культуры хохокам. С самого начала не было недостатка вводящих в заблуждение открытий. Например, Киддер и Гладвин спорили о том, относятся ли величественные многоэтажные руины «Каса-Гранде» («Большого Дома») к памятникам культуры хохокам; Гладвин с этим не был согласен. Когда же он во время пробных раскопок наткнулся на маунд 3 м высотой и 50 м в диаметре и открыл твердый и явно обработанный каменный блок, он решил пересмотреть свое отношение к точке зрения Киддера. Но затем Гладвин углубил свой раскоп и обнаружил, что «древний» блок был сделан из бетона с вцементированной в него железной трубой — он оказался межевым знаком землеустроительного управления США [7].

Во всяком случае, в 1934 г. в Снейктауне, индейском поселке, насчитывавшем около 50 жителей, археологи разбили свой первый лагерь; в нем с самого начала был целый штат специалистов,

а также многочисленные помощники — индейцы из племени пима. Начальником экспедиции был тридцатилетний Эмиль Уолтер Хаури. Как оказалось, он организовал образцовые раскопки. (Заметим, что он попутно провел и археологические исследования культуры могольон, отчет о которых «и в наши дни является важной вехой для археологических работ на Юго-Западе» — так об этом пишет Мартин.) [8]

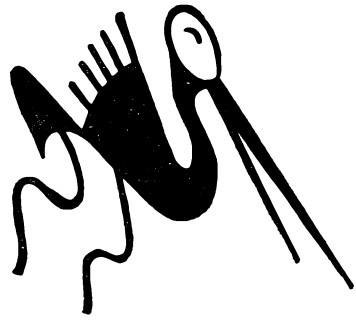


Рисунок индейцев хохокам.

Турист, знакомый с археологией, прибывший около 1966 г. в Снейктаун и увидевший широкое поле, где уже дважды производились раскопки (ибо в 1964 г. Хаури углубил раскопы), был бы, вероятно, разочарован, хотя 3 апреля 1965 г. Служба национальных парков объявила поселок историческим заповедником, охраняемым законом. Это произошло на торжественной церемонии, в которой приняли участие не менее пятисот индейцев пима и марикопа, которые, возможно, являются потомками индейцев хохокам.

Природа здесь убога, повсюду высохшая пыльная растительность, но, когда идет дождь, что бывает очень редко, почва становится топкой и непроходимой. Реки Хила, когда-то орошавшей здесь плодородные поля, нигде не видно; только за дымкой горизонта проглядываются расплывчатые цепи гор. Несколько кустарников на солончаках да полузасохшие мескитные деревца усугубляют впечатление от этой сухости, напоминая путешественнику африканскую полупустыню. И как ни странно, единственное большое дерево на этой пыльной равнине, причудливый силуэт которого так для нее типичен, действительно африканское дерево — тамариск, его много лет назад привез из Африки и посадил с опытной целью один биолог; оно здесь хорошо принялось.

Эти места уже в начале нашей эры были заселены людьми, которые могли обитать в этой пустыне только потому, что с помощью почти невероятных затрат труда превратили ее в плодородную землю.

Высокий, худой, спокойный Хаури учился в Аризонском университете (где позже стал самым известным преподавателем археологии), получил ученую степень доктора наук в Гарвардском университете, еще в 1929 г., будучи научным ассистентом, принимал участие в разработке метода датировки по кольцам деревьев и уже занимался раскопками, по поводу которых Гладвин, инициатор раскопок в Снейктауне, отдавая должное Хаури и своему второму ценному сотруднику Э. Б. Сэйлесу, написал

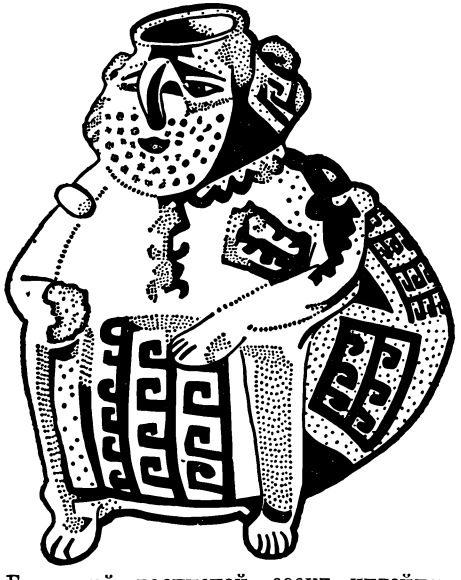
в 1937 г. в предисловии к своему заключительному отчету (и, что давно известно, это не было преувеличением):

«Проведенный Хаури анализ произведений искусства и его методика распределения древних напластований по периодам, тщательность и умение, проявленные Сэйлесом при раскопках... все это, по нашему мнению, и сегодня является образцом американской методики» [9].

Рассказывая об удивительных индейцах хохокам, мы обобщаем результаты раскопок 1934—1935 и 1964—1965 гг.

Самое же удивительное в истории открытия хохокам то, что в 1887—1888 гг. Френк Гамильтон Кашинг, о котором мы уже говорили в третьем разделе и назвали «Целебным Цветком», собрал не менее 5000 предметов, относящихся к культуре хохокам, о чем Хаури говорит: «Исследуя руины, Кашинг пришел к выводу, что пустыня была родиной гораздо более многочисленного и, видимо, гораздо более развитого древнего народа, чем жившие дальше к северу индейцы пуэбло» [10]. Как мы увидим, это было в какой-то мере преувеличением. И всё же это было удивительное предсказание, основанное тогда на совсем незначительном материале.

В свое время было много причин, по которым культура хохокам так долго оставалась вне внимания археологов. Во-первых, они сжигали своих умерших, чего не делали другие народы Юго-Запада; до сих пор было найдено всего несколько сильно разрушенных обломков костей и черепов, и мы не имеем понятия, как выглядели эти люди. Другая их особенность еще более удивительна: они часто умышленно уничтожали свою самую красивую, самую искусную керамику, как будто намеренно пытаясь стереть свои следы от глаз грядущих поколений.



Глиняный расписной сосуд индейцев хохокам, заботливо реконструированный археологами из многих осколков. Он пролежал под землей более 950 лет.

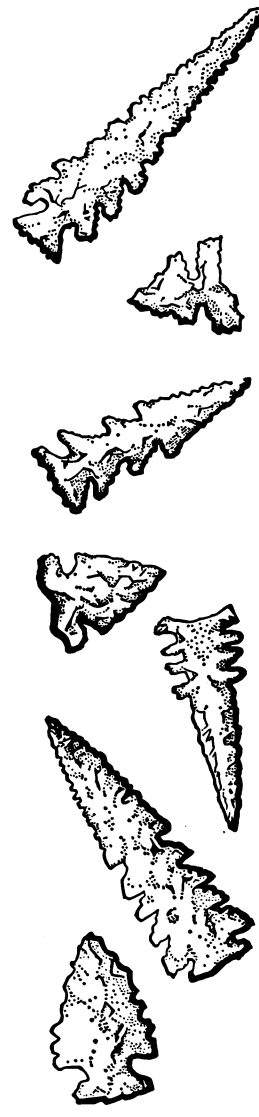
Кроме того, они не оставили сколько-нибудь значительных следов архитектурных построек. А их действительно величайшее достижение, отличающее их от всех,—оросительная система, охватывавшая много квадрат-

ных километров, стала по большей части добычей природы. Гонимый ветром, песок засыпал каналы, хотя кое-где и в наши дни можно увидеть некоторых из оставшихся 6000 индейцев пима, работающих около одного из оросительных каналов двухтысячелетней давности. Они продолжают дело своих предков — выращивают кукурузу, тыкву, бобы, хлопок и табак.

Люди хохокам были не только охотниками и собирателями диких плодов, но и земледельцами. Но что же заставило их прийти и поселиться в пустыне? Это остается тайной.

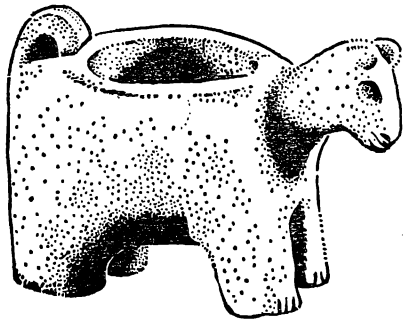
И тем не менее мы можем сделать кое-какие выводы: зная, что Хаури собрал более полутора миллионов глиняных черепков и другие древние изделия, что уже десятки тысяч черепков отмыли, рассортировали, занесли в каталоги, и они готовы для дальнейших исследований, зная, какие ключи к пониманию прошлого дает нам керамика, мы можем сказать, что имеем какое-то представление о «народе, исчезнувшем бесследно»; мы даже знаем о существенной черте его характера — он был миролюбивым народом.

Когда Хаури, после окончания второго сезона раскопок, поднялся в вертолете над Скоаквиком (это слово на языке индейцев пима означает «Снейктаун», или «Змеиное место»: там действительно много гремучих змей), он впервые увидел всю огромную площадь этого «городского» поселения. Оно занимало около 120 га, то есть более миллиона квадратных метров. Археологи раскопали там 167 домов. Сколько же их было всего?



Наконечники стрел индейцев хохокам.

Если в Снейктауне сгорал дом или его сметал ураган пустыни, хозяин строил новый дом на обломках старого, а иногда и рядом. Эти жилища уже не были землянками, они уходили в землю только на 30 см. В грунт забивали столбы, на них сверху клали бревна, поддерживавшие крышу и стены из сучьев, обмазанных глиной (этот метод строительства не изменился почти до наших



Сосуд-курильница индейцев хохокам, возможно, использовался также и для медицинских целей.

дней; в 1935 г. Хаури сфотографировал последний дом подобного типа, который построил и обживал индеец пима). С течением времени верхняя часть дома полностью разрушилась ветром. Оставались только куски дерева в ямах, в которых когда-то стояли столбы, или сами ямы. Ученые установили, что наилучшим инструментом для обнаружения таких домов, был не глаз, а ухо. «Совок, когда им скребут по плотно утрамбованной земле, издает звук, который меняется от соприкосновения с более мягкой землей, заполняющей ямы для столба» [11].

Таким образом, ученые смогли приблизительно вычислить плотность застройки Скоаквика (Снейктауна). Одновременно в поселке находилось около ста домов; каждый такой дом мог простоять приблизительно 25 лет. Опираясь на статистику, можно сделать вывод, что каждое столетие строили 400 домов — и так в течение 1200 лет (по подсчетам Хаури). Следовательно, взгляд Хаури мог охватить с борта вертолета следы более 5000 жилых строений.

Между домами возвышались необычные холмы — маунды. Исследования показали: те, что поменьше, были кучами мусора, а это означает, что рассудительные домашние хозяйки хохокам не выбрасывали отбросы прямо за дверь, как это делало большинство доисторических народов. Другие маунды, вероятно, насыпали специально. На самом большом из них находилась платформа диаметром более 15 м. Самый высокий маунд № 29 содержал семь упомянутых выше этапов — пластов культуры хохокам и благодаря этому позволил осуществить ее точное датирование. В пятом слое ученые нашли керамические изделия, уже известные им по другим памятникам.

Это была керамика из северных пуэбло. И так точно датированная, как будто каждый глиняный осколок нес на себе штемпель с датой его изготовления. В данном случае это был 500 г. н. э. Эта находка имела большое значение и по другой причине. Она свидетельствовала о том, что создатели культуры хохокам поддерживали с Севером торговые отношения! А может быть, они торговали и с Югом?

Само существование маундов с платформой определенно указывало на влияние Мексики. Но археологи нашли и более убедительное свидетельство — площадку для игры в мяч! Без сомнения,

это было сооружение, построенное под влиянием Юга, о чем мы уже рассказали, упомянув о руинах Вупатки. Игра в мяч была традиционным видом спорта у этих народов. Мы знаем, что в нее играли с помощью каучукового мяча, который нужно было забросить в кольцо, закрепленное на высокой боковой стене (материал для мяча получали, вероятно, из кустарника гваюла *, из которого получают гваюловый каучук). Не имеет смысла ломать голову по поводу правил игры. Сведения о ней, полученные от испанцев, очень скупы. Все же сохранилось одно курьезное описание и рисунок пером, сделанные немцем, гравером и путешественником Кристофом Вейдицем в начале XVI столетия:

«Индейцы играют на особый манер; они бьют по надутому мячу спиной, бедрами и руками, стоя на четвереньках» [12]. Рисунок подтверждает эти удивительные правила игры. Два игрока становятся в упомянутую позу, а мяч летает между ними. Для этого нужна, конечно, удивительная ловкость.

Эти странные индейцы хохокам поддерживали торговые отношения не только с Севером и Югом, но и с Западом. Были обнаружены морские раковины, которые могли попасть к местным индейцам только с побережья Калифорнийского залива. С этими раковинами связано особое обстоятельство.

О том, что редко счастье и случай, а в основном же постоянная и терпеливая работа «в поле», основанная на научном планировании, может привести к находкам и открытиям, свидетельствует одна занятная история.

Когда Хаури отправился на раскопки, студенты подарили ему талисман — маленький серебряный мастерок (лопатку), на котором была выгравирована цитата из «Юлия Цезаря» Шекспира: «Вы не дерево, вы не камни, а люди!» Классическое определение того, как археолог должен рассматривать свои находки.

То ли шутки ради, то ли из суеверия, пытаясь добиться благосклонности у «бесследно исчезнувшего народа», Хаури вышел со своим 72-летним давним другом индейцем пима Вильямсом приблизительно на середину поля, где предстояло вести работы, и кинул свой мастерок вверх. Сверкнув на солнце как молния он упал. Именно на этом месте Вильямс и начал копать. Мы должны разочаровать наших читателей, верящих в магические заклинания: данное место по количеству находок оказалось самым неудачным!

Но вернемся к раковинам. К тем удивительным открытиям, к которым они привели. На эти раковины были нанесены узоры, выполненные с таким изяществом, что было совершенно непонятно, как могли их сделать индейцы на столь хрупком материале. Там

---

* Кустарник Parthenium argentatum, произрастающий в Техасе и на севере Мексики и являющийся источником натурального каучука.

были жабы, змеи и различные геометрические фигуры. Следует заметить, что эти фигуры и орнаменты (их датировали около 1000 г. н. э.) не были нарисованы или вырезаны контурными штрихами, а сделаны слегка рельефными. Глядя на них, ученый понял, что рисунки вытравлены. Но откуда же в пустыне могли оказаться травящие химикалии? И их обнаружили. Это был ферментированный сок плода кактуса сагуаро, имеющий слабо выраженные травящие свойства. Может быть, кто-либо из индейцев случайно сделал это открытие и использовал его в эстетических созидательных целях?

Это означало бы, что индеец фактически изобрел целый процесс. Но он должен был найти и материал, противостоящий травлению, и он появился: это были смола или асфальт. Индеец делал смолой рисунок на раковине, погружал ее в травящий раствор, незащищенные части протравлялись, и смолу осторожно соскребали, и оставался выпуклый рисунок.

Без сомнения, это было настоящее изобретение. Самое же удивительное то, что это был первый процесс художественного травления в истории, какой мы знаем. Индеец хохокам изобрел его около 1000 г. н. э., а это значит — приблизительно за 450 лет до того, как европейские оружейники стали применять этот процесс, и более чем за 500 лет до Альбрехта Дюрера, немецкого живописца и графика, который в 1515 г. в Нюрнберге применил этот способ для увеличения возможностей изобразительного искусства.

Глиняный сосуд-курильница индейцев хохокам, найденный в захоронении, 1000 г. н. э.

Доказано ли это? Да! В 1965 г. Хаури нашел раковину, на внутренней стороне которой черной смолой был нанесен рисунок четвероногого зверя. Эта раковина была заготовкой и по необъяснимой причине не попала в кислотную ванну.

Но эти создатели культуры хохокам, не вышедшие в области жилой архитектуры за рамки примитивных хижин, в которых они ютились, проявили и другие художественные способности. Мы не коснемся здесь трогательных маленьких медных колокольчиков, ибо их происхождение не ясно [13].

Во многих музеях есть древние египетские дощечки, на ко-

торых изящные дамы двора фараона смешивали краски для грима. У людей хохокам они были тоже. Это художественно украшенные, вырезанные из камня плитки до 15 см длиной, часто помещенные на спине животного или птицы, иногда это рогатая жаба, ящерица или змея. (Возможно, эти изобразительные сюжеты завезли с Юга, особенно змею во всех ее разновидностях, хотя, конечно, вокруг поселений культуры хохокам было достаточно живых змей, чтобы индейцы сами пришли к этому сюжету. Змея и птица до сих пор сохранились на мексиканском флаге.) У индейцев хохокам гримировались не женщины, а мужчины перед исполнением религиозных танцев. Керамика культуры хохокам разнообразно, богато и красочно орнаментирована.

Удивительно повезло Джеймсу Ланкастеру, опровергшему наше высказывание по поводу соотношения между трудом и везением. Специалист, он все свои раскопки проводил в районах плоскогорий или каньонов и никогда до этого — в пустыне. Именно ему и привалило счастье новичка.

Один за другим он откопал восемнадцать толстостенных глиняных сосудов, вероятно, горшков для благовоний, в которых во время религиозных церемоний сжигались ароматические или одурманивающие вещества; этот обычай широко распространен по всему миру и сохранился до наших дней в католической церкви.

Когда он немного позже осторожно выкопал небольшую яму глубиной 60 см, то обнаружил керамическое сокровище: целое стадо из девятнадцати маленьких оленей высотой 12,5 см, поднявших головки и внимательно прислушивающихся. Рядом с ними лежали три сосуда в форме человеческих фигур, сорок глиняных черепков, браслеты из раковин и другие предметы.

Счастье не покидало его. «Как будто его связывали кровные узы с этим древним племенем»,— заметил Хаури. Он нашел пятьдесят сосудов, вырезанных из мягкого камня, они изображали животное с чашей на спине, двух мужчин, державших горшок, трех жаб, карабкающихся по краю такого же горшка... И именно эти самые красивые изделия хохокамского искусства все были разбиты. Возможно, это были ритуальные предметы, которые после употребления надлежало «умертвить»?

Это племя, такое искусное в мелочах, в большом тоже было вели́ко.

Глиняная человеческая фигурка высотой 12 см. Изделие индейцев хохокам, между 900—1100 гг. н. э.

Мы имеем в виду их систему каналов, которые позволяли вести интенсивное земледелие и прежде всего дававшую необходимое количество воды для выращивания маиса, являвшегося основой всех культур североамериканских индейцев.

Эта система многокилометровых каналов возникла постепенно, в результате труда многих поколений. Один пятикилометровый канал был вырыт вручную примитивными деревянными и каменными инструментами до начала нашей эры, во времена, когда местные жители еще были далеки от своих наивысших художественных достижений. Каналы нужно было приспособить к условиям местности (как они делали это без каких-либо оптических геодезических приборов?), за каналами постоянно нужно было следить, улучшать, ремонтировать, необходимо было построить сооружения, регулирующие поступление воды, и все это на протяжении многих столетий.

Природа же была против людей. Уровень реки Хила все время менялся, количество осадков не мог предсказать и самый лучший колдун. Катастрофы были неизбежны. Тщательно изучив расположение древних каналов, Хаури воссоздал следующую картину:

«В один из жарких дней середины лета кучевые облака над Аризоной сбились в черные грозовые тучи. Гонимые ветром пустыни, они пролились кое-где ливнями. Такой дождь как-то в 900-х годах н. э. обрушился на верхнюю террасу. Бушевавший поток в считанные минуты переполнил канал и, прорвав береговую насыпь около верхнего шлюза, обрушился на нижнюю террасу, оставив в земле глубокое русло. Следы этой катастрофы наглядно свидетельствуют, сколько труда нужно было вложить людям хохокам, чтобы заставить воду течь по каналам. Люди побеждали пустыню долгим и упорным трудом» [14].

Каков был конец этого удивительного народа?

По непонятным причинам «город» Снейктаун около 1100 г. н. э. «умер». (Это новейшее предположение Хаури, взятое из его письма от 12 января 1970 г. автору этой книги.) «Умер» город, но не люди. В различных местах долины маленькие группы продолжали строить каналы. Они же основали несколько небольших поселков. В XIV в. последовало вторжение других племен — с севера и востока. Это было мирное вторжение, да и сами создатели культуры хохокам в течение тысячелетия не вели войн. Сюда пришли индейцы культур могольон и анасази. Очевидно, их было немало (обо всем этом нам рассказала керамика). Именно в это время возник напоминающий бастион четырехэтажный «Каса-Гранде» («Большой Дом»).

Но Хаури полагает, что потомки создателей культуры хохокам выжили — их кровь течет в жилах индейцев пима. Слишком похожи образ жизни, дома, керамика и система орошения у тех и

у других, чтобы быть просто совпадением. Правда, в наши дни пима тоже ездят на своих «фордах». Но индейцы, помогавшие Хаури вести раскопки, во время работ все больше и больше приходили к убеждению, что они копают на земле своих предков. Когда же работы завершились, индейские помощники из чувства благодарности устроили археологам праздник. Они принесли подарки — удивительно красиво сплетенные корзины, а затем выступил шестиголосый мужской хор. Он исполнил христианские гимны на языке пима!

Прежде чем мы перейдем к маису, который мы столь часто упоминали и который послужил экономической базой для всех этих культур, давайте спросим: не научили ли люди хохокам нас и еще чему-нибудь, и в этой связи несколько слов из философского окончания популярной статьи, написанной Хаури для «Нэйшнл джиографик мэгэзин».

«После многих лет занятий историей исчезнувших племен хохокам я пришел к убеждению, что их труд поучителен и для нас. Тайна их успехов проста. Они боролись с природой, но не насиловали ее. Они стали одной из составных частей экологической системы, вместо того чтобы ее нарушать. Они приняли тяжелые условия своего существования в окружающем мире и просуществовали более тысячи лет. Для нашего поколения с его отравленными реками и загрязненным воздухом, его огромными и быстрыми изменениями в окружающей среде, его нехваткой пресной воды и все увеличивающимся сокращением необработанной земли достижения жителей Снейктауна имеют глубокий назидательный смысл» [15].

13. ИСТОРИЯ МАИСА

В наше время никто не оспаривает утверждения историков, что земледелие является необходимой предпосылкой любой высокой культуры.

Сегодня мы знаем, что древнейшие формы земледелия появились впервые в Месопотамии. Здесь также после долгого бесписьменного и полусонного существования примитивных племен внезапно возникли из неизвестности первые цивилизации человечества. Эти цивилизации родились с быстротой, которая абсолютно непонятна, если учесть те сотни тысяч лет, которые им предшествовали, и отсутствие объяснимых причин. В долине Тигра и Евфрата первыми появились шумеры, затем вавилоняне и ассирийцы. Примерно в то же время египтяне создали свою культуру в долине Нила, индийцы — в долине Инда, а китайцы — вдоль своих крупных рек.

Создатели этих культур освоили для своих нужд многие виды растений и животных. Они изобрели колесо, рычаг и плуг, а вскоре и письменность.

Ничего подобного нельзя сказать о культурах Северной Америки и даже о культурах инков в Андах, майя в Центральной Америке и ацтеков в Мексике, которые мы также рассматриваем обычно как высокоразвитые (таковыми их считают Тойнби и Шпенглер). Американские индейцы не изобрели ни колесных повозок (в Центральной Америке колесо было представлено только на глиняных детских игрушках в виде фигурок животных), ни плуга, ни алфавитной системы письма. Существенным недостатком является и то, что местные индейцы одомашнили очень мало животных и растений Северной Америки.

Слово domesticus пришло из латыни и означает «домашний», «принадлежащий дому». Доместикация, или одомашнивание,— это окультуривание диких растений и приручение диких животных, их выращивание и уход за ними для постоянного использования человеком.

Наша современная слишком высокая оценка изобретений, сопровождавших развитие человека на заре цивилизации, хорошо иллюстрируется списком пятнадцати достижений, которые один американский автор считает самыми важными и полезными. Он в таком порядке перечисляет семь первых изобретений [1]:

1) колесо
2) рычаг
3) клин
4) винт
5) выплавка металла
6) письменность
7) ткацкое ремесло

Это чисто техническая оценка. С культурно-исторической точки зрения она совершенно бессмысленна. Знаменательно, что технический ум этого ученого совершенно не принял во внимание важность доместикации. Так, например, изобретение колеса вряд ли имело смысл, если бы не было животных, которых могли запрячь в повозку (как ни странно, но тачка наших времен очень позднее изобретение). Также удивляет и то, что винт «выскочил» на четвертое место; винт вряд ли был нужен до открытия обработки металлов, которую автор поместил в список под номером пять. Ткацкое же ремесло и искусство плетения появились намного раньше, чем обработка металлов, так же как и гончарное ремесло, о котором он не упомянул и которое для каждой ранней культуры имело решающее значение. И наконец, хронологически неправильно ставить письменность раньше ткацкого ремесла.

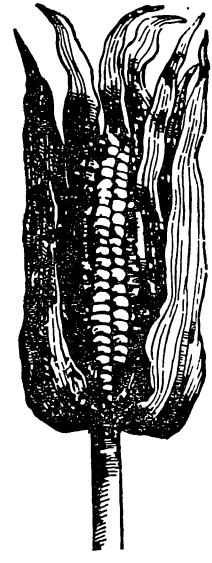
Если рассматривать этот список в связи с американскими культурами, то можно увидеть, что большинство из них обходилось без первых шести важных достижений, седьмым же владели все; здесь также необходимо упомянуть о почти одновременном появлении гончарного ремесла.

Но самым важным, чего добился человек древних времен, была доместикация животных и растений: ее нельзя отделить от поступательного развития к каждой более высокой форме человеческого бытия. Доместикация означала независимость от охотничьего счастья и успешного сбора плодов благодаря приручению диких животных и выращиванию ранее диких растений для получения более богатого и постоянного урожая. Итак, независимость благодаря открытию, что животных и растения можно подчинить и планомерно использовать на благо человека.

Примечательно, что библейская история о сотворении мира утверждает, будто этот колоссальный скачок в развитии человечества произошел при жизни одного поколения. Адам и Ева жили в раю, прежде чем их обрекли на труд в поле. Их дети Каин и Авель имели в своем распоряжении домашних животных и культурные растения. Авель был пастухом, Каин — землепашцем! Вероятно, авторы Библии уже не представляли себе человеческого бытия без домашних животных и культурных растений и считали, что с самого начала это было дано богом.

В действительности же прошли тысячи поколений, прежде чем людям удалось это первое самое значительное подчинение

Вверху: растение табак с древнейшим изображением сигары, из книги Матиса Лобеля «Стирпиум», изданной в Антверпене в 1576 г.



Внизу: древнейшее книжное изображение кукурузы, появившееся в «Естественной истории» Овьедо, изданной в Севилье в 1535 г.

природы; вероятно, это имело место в различных районах земли, но Месопотамию следует рассматривать в качестве первого центра. Почему эти главные доместикации произошли повсюду приблизительно в одно и то же время и почему они были закончены между 3000 и 2000 гг. до н. э., не продолжаясь до XIX столетия н. э., остается одной из нерешенных загадок (только в XIX столетии произошло небывалое увеличение вариантов существующих одомашненных видов; еще позже появились новые одомашненные животные: норка, чернобурая лиса, шиншилла; и только в наши дни этот процесс распространился на микрокосм — с доместикацией морских водорослей и микробов). Сразу же следует добавить, что вопрос о том, как произошло первичное «приручение» животных и растений, является все еще не разгаданной тайной — уже около 50 лет наука каждое десятилетие дарит нам новую теорию по этому вопросу. Отдельные теории даже допускают возможность, что кое-где произошло самоодомашнивание. Ученые полагают, что животное могло добровольно подчиниться человеку, как это произошло с собакой, которая в Старом Свете была первым из всех прирученных животных (уже в X тысячелетии до н. э.). Примечательно, что в этом аспекте чрезвычайно интересный пример приводит нам Северная Америка, где были одомашнены только собака и индюк; на удивление ничтожное достижение при богатстве животного мира. (Не исключено, правда, что собаку уже одомашненной привели через Берингов пролив пришельцы из Сибири.)

Здесь особо примечателен индюк. Во-первых, его приручили индейцы большинства племен совсем не для того, чтобы употреблять в пищу, а из-за перьев, необходимых для украшений. Во-вторых, возможно, что индюк действительно является примером самоодомашнивания. Если это так и было, а собака также могла обладать этой способностью, то значит, что североамериканские народы вообще не осуществили настоящей доместикации — случай беспрецедентный в развитии культуры. С растениями, как мы увидим, обстояло совсем иначе.

В пользу гипотезы самоодомашнивания индюка говорит эксперимент, описанный в 1965 г. с большим юмором Джин Пинклей в статье под названием: «Индейцы пуэбло и индюк. Кто кого одомашнил» [2].

Основная мысль выражена уже в первых строках. «Утверждать, что индеец одомашнил индюка,— значит ставить телегу перед лошадью. У индейца не было выбора, индюк одомашнил его. Эксперимент начался в 1944 г., когда сотрудники Службы национальных парков предприняли немало усилий, чтобы возродить фауну, которая исчезла в данной области в исторический период. Вместе с Департаментом по охоте и рыболовству штата Колорадо они поместили в Меса-Верде, в каньоне, на крайнем юго-западе

штата Колорадо, где находится больше всего руин, первых индюков и индеек — не более трех индюков и семи индеек в течение трех месяцев.

Зоологи и биологи предполагали, что птицам, сначала плохо ориентировавшимся в новом районе, нужно помочь, особенно в зимнее время, и они стали их кормить. С этого и начались беды.

Несколько лет все шло хорошо, были признаки того, что индюки выжили. Затем, когда выпустили следующую партию птиц, картина резко изменилась. То, что произошло позже, в 50-х годах, можно было сравнить с рассказом Джеймса Турбера, если брать комическую сторону, или со знаменитым фильмом Хичкока «Птицы», поскольку это напоминало кошмар.

То, что сообщали очевидцы, звучит почти неправдоподобно. Птицы быстро превратились во всеобщее бедствие. В течение нескольких лет они привыкли к шуму людей и автомашин, приезжавших в Меса-Верде. Они разгуливали по дорогам и вынуждали водителей автомашин совершать опасные маневры. Птицы обнаружили, что террасы домов и веранды, защищенные металлической сеткой от москитов, представляли собой великолепное убежище в дождливые дни. Они забирались внутрь и отказывались выходить обратно. Индюки были ненасытны и с абсолютной уверенностью в безнаказанности использовали любую возможность для кражи продуктов, причем они, так сказать, «заключили договор о взаимопомощи» с сойками: те первыми обнаруживали съестное, а затем пронзительным криком сообщали о месте находки. Поскольку индюки — большие птицы, они оставляли невероятное количество экскрементов, так что по тропинкам, где они ходили, нельзя было пройти в легкой летней обуви (правда, это нельзя сравнить с тем, что сделали нежные голуби с венецианской площадью Св. Марка). Дети больше не могли играть спокойно: экскременты величиной с кулак падали на их головы. Птицы нападали на женщин, развешивавших белье, и пачкали его. Все двери было необходимо держать закрытыми, ибо индюки «инспектировали» жилые помещения и устраивали в них величайшее безобразие».

По непонятной причине дирекция заповедника в 1957 г. выпустила еще группу индюков. Им не потребовалось время на адаптацию; птицы сразу подружились со старыми, более опытными. Вскоре жизнь заповедника вышла из-под контроля смотрителей: из-за птиц произошли первые несчастные случаи.

Необходимо было срочно что-то предпринять. «Наши газоны, веранды, крыши, пешеходные тропинки и проезжие дороги выглядели как крестьянские дворы. Птицы стали наглыми, шумными, грязными вредителями, и для их собственного блага, а также чтобы самим не сойти с ума, мы решили предпринять

необходимые шаги — прогнать их в чащу и заставить вновь стать «дикими индюками» [3].

После конференции с зоологами и биологами смотрители парка взяли ружья — была зима и туристы отсутствовали,— дождались, когда птицы собрались группами, и открыли стрельбу поверх их голов. Испуганные индюки вспорхнули, отлетели на расстояние до ста метров и вновь собрались. Смотрители подошли ближе и вновь открыли огонь. На этот раз птицы, как и прежде, поднялись и, по-видимому, немного встревоженные, отлетели только на 50 м. Смотрители дали залп в третий раз и поняли, что их атака захлебнулась: индюки гневно хлопали крыльями, поскольку им мешали, но, увидя, что опасность не угрожает, своих позиций не сдали.

Что оставалось делать? Биологи посоветовали прибегнуть на этот раз к помощи «бомб черри» — в неумелых руках это отнюдь не безопасное средство, нечто среднее между ракетой для фейерверка и ручной гранатой. Когда бомбы стали взрываться среди скопищ этих больших птиц, они несколько мгновений, как одержимые, носились вприпрыжку, но оставались там, где их застало нападение. Смотрители в отчаянии швыряли бомбы, причем однажды упавшая бомба сразу не разорвалась, и один из обжор успел клюнуть ее. Он без промедления взлетел на воздух. Как же это подействовало на остальных птиц? Да никак.

Тогда смотрители пустились во все тяжкие. В каждом удобном месте они соорудили каменные пирамиды, и с этих высот стали бомбардировать птиц снарядами ближнего и дальнего действия. Птицы при прямом попадании злобно кричали, но оставались на своих местах и играли с метательными снарядами. Тогда смотрители взялись за брандспойты и стали поливать птиц водой — индюкам это очень понравилось. Мужчины до изнеможения гонялись за ними с палками, садились в джипы и, включив сирены, с воем мчались по дорогам — птицы с восторгом участвовали в этой игре. «Чем больше мы старались, тем больше удовольствия доставляли индюкам... Если бы у индюков не было воробьиного мозга, то я бы предположила, что они специально выходили фотографироваться на лужайки, чтобы вдоволь посмеяться над позами двуногих существ, которых называют людьми» [4].

Но хватит подробностей. Каким-то образом через длительное время сотрудникам парка все-таки удалось справиться с этим бедствием. Какой же вывод сделали из этого необычного эксперимента?

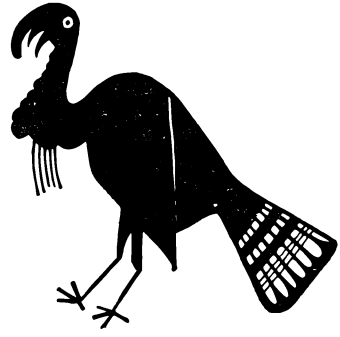
Вполне вероятно, что нечто подобное случалось и прежде. Когда индейцы, создавшие культуру периода баскет-мейкер II перешли к земледелию и стали обрабатывать первые маленькие участки, они вскоре поняли, что необходимо постоянно оставлять 2—3 человек для охраны созревавшего урожая. В районе Меса-

Верде, где нет постоянных рек, птицы, высиживавшие яйца, и люди, возделывавшие поля, были привязаны к одним и тем же местам, где была вода. Так птицы привыкли к людям, их поведению и шуму. И вполне вероятно предположение, что индюки во время сбора урожая (древние землепашцы в значительной степени зависели от наличия дикорастущих: орехов, ягод и разного рода семян) не покидали места расселения людей, что прожорливость заставляла их не только нападать на поля, возделанные индейцами, но и бесстыдно красть корм там, где его не приходилось собирать,— в корзинах и пещерах, в которых люди хранили запасы. Современный эксперимент доказал, что индейцы вряд ли справились бы с птицами, даже если бы им пришли на помощь их многочисленные дети.

Положение индейцев, вероятно, еще более ухудшилось во время периода баскет-мейкер III, когда они стали более оседлыми, поселившись небольшими колониями, состоящими из землянок. Птицам стали точно известны места, где можно было достать пищу, после того как была завершена уборка урожая и когда опасная зима стучалась в двери.

Каково же следствие? «Индейцам ничего не оставалось, как загонять индюков на ночь за деревянный забор, а затем пасти их целый день» [5].

Удивительно, что индейцы не перебили всех индюков, прежде чем поняли, как полезны их мясо, кости и перья. Они открыли это и одомашнили индюка, точнее — он самоодомашнился, как мы сейчас можем сказать с полным основанием. Это принесло народам Меса-Верде величайшую пользу. Они употребляли индюков в пищу (чего, как уже было сказано, не делало большинство других племен), из костей изготавливали инструменты и украшения, а из перьев наряды и одеяла [6]. Но это было уже вторым этапом развития. По поводу первого этапа свидетельница современного эксперимента в Меса-Верде заметила: «Мои симпатии принадлежат индейцам — их в самом деле эксплуатировали» [7].



Индюк наряду с собакой единственное животное, одомашненное североамериканскими индейцами. Но действительно ли они его одомашнили? (См. текст.) Рисунок, сделанный индейцами мимбрес, восходит к 1100—1300 гг. н. э.

К этому можно добавить и другую цитату. Иван Л. Шоен описал в 1969 г. в журнале «Начюрел хистори», в статье под названием «Свидание с каменным веком», свое пребывание в племени вама на северо-востоке Южной Америки: «Единственными птицами, которых мы увидели в де-

ревне, были четыре еще молодых диких индюка, повсюду следовавших за своей хозяйкой. Индейцы сказали нам, чтобы мы их не трогали».

Совершенно иначе в Северной Америке обстояло дело с доместикацией растений. Но и здесь сравнение с достижениями Старого Света вряд ли уместно.

Виктор Р. Босвелл, эксперт по садоводству из Департамента земледелия США, рассказал по этому поводу забавную историю об одном своем друге, которым внезапно овладел зуд познания садоводческой науки. Он был городским жителем и захотел увидеть, как растут растения, которые он ел всю жизнь: он разбил на заднем дворе огород и однажды в разгар цветения показал его Босвеллу. «Пока,— сказал он,— я посадил только американские полезные растения. В следующем году я собираюсь заняться иностранными» [8].

Глаза Босвелла неторопливо скользнули по сочной зелени, он обдумывал то, что увидел, и наконец возразил: «Эти помидоры, зеленая фасоль, чилийский перец, бобы-лима и картофель — действительно единственные американские растения, посаженные вами. Все остальные: лук, редька, салат, шпинат, красная свекла, капуста, кормовая капуста, морковь, петрушка, белая брюква, горох, спаржа, соевые бобы, горчица, баклажаны и много других — привезены из-за границы. Количество иностранных растений в вашем саду соотносится с числом местных приблизительно пять к одному».

Он мог бы еще уточнить, что североамериканским является только один сорт фасоли; помидоры, стручковый перец и картофель пришли из Центральной и Южной Америки.

Усердный огородник-горожанин забыл о двух действительно американских полезных растениях, а именно о тыкве и наиболее важном из всех растений, которое действительно сделало возможным существование большинства североамериканских культур,— о маисе. Но для маиса и тыквы нужно пространство, а такого пространства у него не было.

Маис как продукт питания по своему значению занимает место непосредственно за рисом, который кормит еще большее количество людей. Колумб лично отослал домой пару золотистых початков; хотя они тогда едва ли были столь же золотистыми, как некоторые из наших любимых сортов сладкой кукурузы. Во времена Колумба существовало уже бесчисленное множество ее разновидностей, включая и те, которые были совсем маленькими и невзрачными, но они были окрашены почти во все цвета радуги. До сих пор Центральная Америка дает больше разновидностей маиса, чем США в целом.

Вскоре маис под различными названиями — маис, кукуруза, турецкая пшеница или вельшкорн — завоевал многие страны

Европы. В Италии из него готовят поленту, в Румынии мамалыгу. Только в Германии он долгое время употреблялся в основном как корм для скота. Со времен колонизации американцы использовали маис для изготовления такого количества блюд, что в этом их превзошли только мексиканцы. Впрочем, повсюду употребительные в Америке названия «корн» (кукуруза) или «индиан корн» не точны, поскольку являются слишком общим определением, но первоначальное индейское слово «маис», кажется, вновь обретает права гражданства.

Великие культуры Старого Света построили свою экономику на пшенице и ржи, ячмене, овсе, просе и гречихе, но прежде всего — на пшенице и ржи, ибо из них можно печь хлеб, с которым были знакомы еще в Древнем Египте; хлеб, чью историю так увлекательно описал Генрих Эдуард Якоб в своем великолепном произведении «Хлебу 6000 лет» [9].

Когда человек начал селиться в определенных местах, чтобы образовать крупные общины и основать свои первые города, он нуждался в зерне как в экономическом фундаменте для своей уже специализированной общественной жизни. Повсюду без исключения. И везде, где лопаты ученых углублялись в прошлое, они наталкивались на остатки этого важнейшего продукта питания. Самое волнующее открытие было сделано, вероятно, в Помпеях, где археологи, проводившие раскопки, после удаления метровых слоев пепла и пенистой лавы, извергнутых Везувием в 79 г. н. э. на этот богатый город, обнаружили в печах испеченный хлеб.

В первый момент может показаться странным, почему археологи, старающиеся, по мнению обывателя, прежде всего найти сокровища, предметы искусства и письменные источники, все больше интересуются остатками пищи древних людей. Ответ прост. Если удастся проследить, откуда привезли зерно, где дикое растение ввели в культуру, то можно определить местность, в которой могли возникнуть первые крупные общества.

Изучение происхождения большинства зерновых культур увенчалось успехом. Родиной почти всех диких форм было Восточное Средиземноморье. Зачастую не ясно, по каким путям растения распространялись и как быстро.

Позже начали вывозить полезные растения и из Америки. Южноамериканский картофель был привезен английской королеве Елизавете I пиратом Френсисом Дрейком и вскоре завоевал весь Европейский континент, но в Северную Америку он попал много позже под названием «ирландский картофель». Европейцы — особенно итальянцы — с удовольствием поедали южноамериканские помидоры, в то время как в Северной Америке еще сто лет назад их считали ядовитыми. Только любитель экспериментировать президент Джефферсон посадил несколько экземпляров в своем саду в Монтичелло; в Салем (штат Массачусетс) их впервые ввез

в 1802 г. один итальянский художник, а в Нью-Орлеане они появились лишь в 1812 г.

При определении родины тыквы и фасоли особых трудностей не возникало. Культурные растения так похожи на дикие, что даже некомпетентный человек не усомнится в их происхождении.

Однако вплоть до последнего времени абсолютно загадочным был вопрос о происхождении маиса. Казалось, он был сотворен богом и не претерпел никаких изменений, так как, несмотря на розыски, организованные ботаниками и охватившие весь континент до глубинных частей Южной Америки, не удавалось обнаружить дикое растение, от которого он произошел. Вернее, от которого он мог произойти, поскольку маис — единственная разновидность зерновых, целиком зависящая от человека: от выращивания и ухода, от постоянного наблюдения и прополки. Маис не размножается сам, он должен быть посеян руками человека. Если поле предоставить самому себе, то перезрелые зерна упадут на землю и прорастут, причем их будет так много, что растения погубят друг друга.

Откуда же тогда он появился? Совершенно ясно, что ни одному ботанику не пришла в голову идея искать растение в Северной Канаде или на юге Огненной Земли. Маису нужно тепло и минимум 38 см осадков ежегодно. Итак, поиски начали там, где климат был самым приемлемым и где высокая цивилизация позволяла предполагать долгую традицию культивирования: в южной Мексике, на Юкатане и в Гватемале, то есть в непосредственной близости от самой высокой цивилизации, которую породила древняя Америка,— цивилизации майя.

После долгих поисков обнаружили траву под названием теосинте, которая казалась родственной маису. Спор по поводу теосинте длился годами, пока с сожалением не пришли к единому мнению, что о прямом родстве маиса и теосинте не может быть и речи, поскольку некоторые ботаники не без оснований утверждали, что для превращения теосинте в маис с тяжелым початком потребовалось бы не менее 20 000 лет!

Возможно ли вообще предвосхищение конечного продукта, который никоим образом нельзя себе зрительно представить? Нет. До Дарвина, Менделя и Бербанка, первыми понявших законы генетики, систематизировавших их и показавших, как они могут быть использованы на практике, результаты селекции в выращивании скота и культивации растений носили чисто случайный характер. Итак, полностью абсурдно представление, что первые земледельцы Америки могли подумать о том, что, если они достаточно часто и определенным образом будут отбирать семена этой травы и как-то особо за ней ухаживать, тогда через несколько столетий у нее появится тяжелый початок. Следовательно, должно было существовать дикое растение, свойства

которого с самого начала предсказывали перспективное будущее.

Спор продолжался. Он приобрел очень курьезный оттенок, когда исследователи занялись изучением «окаменелого» початка маиса, обнаруженного в лавке древностей города Куско в Перу и позже попавшего в Смитсоновский институт в Вашингтоне, где он чуть не затерялся среди 50 млн. экспонатов. Эта «окаменелость» производила впечатление очень древней; она до мельчайших подробностей напоминала початок маиса наших дней, что озадачило некоторых ученых. После долгого раздумья решились на необычное мероприятие. «Ископаемое» разломили на две части, чтобы по внутренней структуре получить объяснение его происхождения. Результат был ошеломляющим. «Ископаемое» было изготовлено из обожженной глины. В его середине было пустое пространство, где катались три обожженных глиняных шарика. По этому поводу Хиббен лаконично заметил: «Какой-то изобретательный перуанец много лет назад изготовил для своего бэби погремушку в виде окаменевшего початка кукурузы» [10].

В конце концов этим вопросом занялся великий Лютер Бербанк, в течение пятидесяти лет выводивший новые сорта овощей, плодов и цветов. Он начал свои эксперименты с теосинте и через восемнадцать поколений заботливого выращивания ему удалось вывести примитивную форму кукурузы, а затем обнаружить, что он по ошибке начал с гибрида теосинте с маисом. Он умер в 1926 г., так и не разрешив проблемы.

Изучение этого вопроса вступило в новую стадию в 1948 г., когда сотрудник Музея Пибоди Гарвардского университета Герберт Дик сделал удивительную находку в пещере Бат-Кейв в штате Нью-Мексико. Проводя раскопки (они были возможны здесь только в масках от пыли), он в разных по глубине залегания слоях открыл различные виды маиса, которые наглядно свидетельствовали об эволюции этого растения. В нижнем слое, на глубине около двух метров, находились самые маленькие початки, в 2—3 см, но, без сомнения, это были полностью сформировавшиеся початки. Датирование с помощью C^{14} показало удивительный возраст — 3600 г. до н. э. Изучением биологического аспекта проблемы занялся Пол С. Мангельсдорф из Гарварда, а археологического — Ричард Мак-Нейш, сотрудник Фонда Пибоди в Андовере.

Нет смысла рассказывать здесь об этих многолетних и глубоких исследованиях. Мак-Нейш облазил в Техуакане в Мексике тридцать восемь пещер и только в тридцать девятой обнаружил то, что разыскивал.

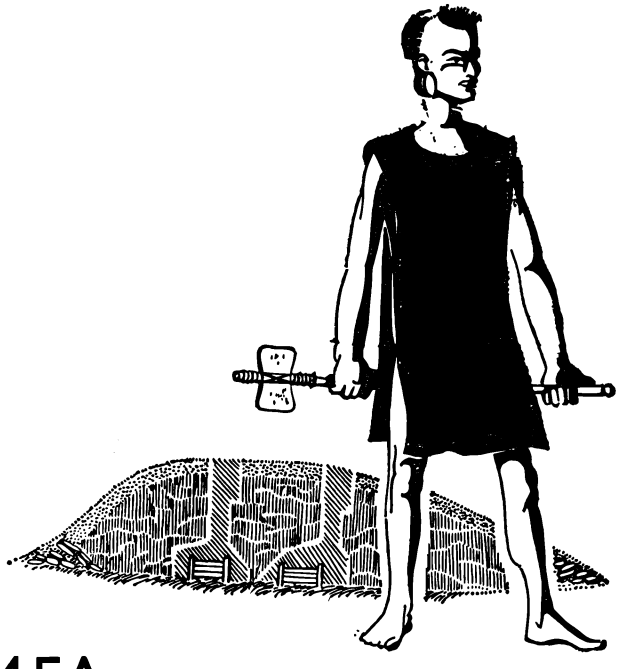
Достаточно сказать, что проблема, представлявшаяся еще несколько лет назад загадочной, в наши дни биологами, ботаниками и археологами представляется решенной до конца. Три

исследователя: Мангельсдорф, Мак-Нейш и Галинат — опубликовали совместный отчет, оканчивающийся следующим выводом:

«Остатки доисторического маиса — среди них были все части растения — нашли в пяти пещерах в долине Техуакан, в южной Мексике. Древнейшие остатки растения относились к 5200—3400 гг. до н. э. и почти наверняка являлись остатками еще недомести-цированного маиса. Более поздние остатки включали возделываемый маис и отчетливо отражали путь развития, окончившийся различными существующими в наши дни мексиканскими сортами маиса. Несмотря на очевидное увеличение размеров и урожайности, которые дала доместикация, способствовавшая тому, чтобы маис стал основным продуктом питания индейцев в доколумбовой Америке, основные ботанические признаки растения в течение 7000 лет не претерпели коренных изменений» [11].

Так нашли ожидавшееся доказательство. Доместикация маиса произошла в Мексике, и поэтому там могла развиться одна из первых американских высоких культур. Североамериканские индейцы переняли это культурное растение, распространявшееся в течение столетий на север, а близкие к отчаянию отцы-пилигримы, высадившиеся в 1620 г. в Массачусетсе, обнаружили спрятанные индейцами запасы маиса, они и помогли им пережить первую ужасную зиму.

«Люби и цени свой маис так, как ты любишь и ценишь свою жену»,— говорят индейцы племени зуньи в штате Нью-Мексико еще и сегодня; их предки, вероятно, говорили это же тысячи лет назад.



КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

От штата Висконсин до Мексиканского залива, от Миссисипи до Аппалачей, но в основном в штате Огайо возвышаются десятки тысяч искусственных холмов; некоторые еще хорошо сохранились, другие развеяны ветром тысячелетий, распаханы плугами фермеров, разрушены и разграблены грабителями могил.

Некоторые из этих холмов похожи на пирамиды.

При этом слове перед глазами встают величайшие каменные постройки всех времен, и прежде всего три египетские колоссальные пирамиды в Гизе под Каиром.

С ними можно сравнить только храмовые пирамиды майя и ацтеков в Мексике и Центральной Америке. Североамериканские искусственные холмы не являются пирамидами в математическом смысле слова и сложены не из камня, они представляют собой иногда небольшие, иногда же колоссальные насыпи из земли, так сказать, искусственные горы, причем величайшая из них занимает площадь большую, чем пирамида Хеопса.

Каковы бы ни были различия, просто удивительно и необъяснимо, как мало известен факт, что в США находится более 100 000 таких насыпей. Всех их, непохожих на пирамиды и имеющих фантастические формы, называют собирательным словом «маунд». Неясно происхождение этого слова. Оно не обязательно означает холм над могилой или фундамент храма. Скорее, это общий термин, в конечном счете появившийся для того, чтобы быть связанным с предположительно существовавшим народом, о котором известно очень немногое, а именно со «строителями маундов».

Вычислили, что в маунде недалеко от Майамисбурга, в штате Огайо, не меньше 8816 м^3 земли; другая насыпь — в округе Росс, также в штате Огайо (только в этом округе находится около 500 маундов), насыпана из такого количества земли, на погрузку которой, по оценке одного фермера, потребовалось бы 20 000 вагонов. Но у индейцев вместо вагонов были только руки, корзины и мешки из шкур! Если кто-либо не поверит фермеру, то пусть ознакомится с мнением двух современных археологов, сделавших сообщение о маунде в Поверти-Пойнт, на севере штата Луизиана, после его внимательного изучения, фотографирования с воздуха и тщательных обмеров. Джеймс А. Форд и К. Х. Уэбб

пришли в 1956 г. к выводу, что в нем находится приблизительно 405 000 м³ земли. По поводу самого крупного маунда Форд говорит: «...можно предположить, что на его строительство ушло свыше трех миллионов часов рабочего времени» [1].

Если взять все североамериканские маунды, число которых несравненно больше, чем египетских пирамид, то мы можем себе представить затрату организованного труда «примитивного» народа, которая в совокупности намного превышает труд населения Египта. Ясно, что именно эти памятники, встреченные первыми переселенцами по пути на запад, должны были вдохновить их на самые смелые фантазии.

«Сквозь бои, сквозь поражения, все вперед и без задержки, пионеры! Пионеры!» — воспевал Уолт Уитмен этих людей, которые наверняка и не думали об археологических исследованиях, а просто боролись за свою жизнь. Конечно, им и в голову никогда не могло прийти связывать данные постройки с дикими, бродячими племенами краснокожих — с лихими наездниками сиу, апачей и других индейцев, как бы они ни назывались, у которых, по-видимому, были на уме лишь война и охота и которые чувствовали глубокое презрение к любой разновидности подневольного труда.

Первые ученые мужи, появившиеся вскоре в этих местах, не могли ответить на вопрос о происхождении маундов. Может быть, их воздвиг какой-нибудь мифический древний народ очень высокой цивилизации? Курьезно, что научное изучение североамериканского востока началось почти на сто лет раньше, чем Юго-Запада, последним занялся Банделье в 1880 г., а первым — еще в 1780 г. Томас Джефферсон. И с уважением следует отметить, что еще 19 ноября 1812 г. в одном из кафе Бостона было основано Американское антикварное общество, причем учредители заявили: «Его особой целью являются поиски древностей на нашем континенте, доставка на определенное и постоянное место таких остатков американской древности и их сохранение, если их можно перевезти и сохранить».

Подобные заявления не помешали научным и ненаучным спорам о строителях маундов продолжаться в течение целого столетия.

В 1827 г. в германском городе Гейдельберге вышла книга под названием «Сообщения о древних жителях Северной Америки и их памятниках». Ее автор — Фридрих Вильгельм Ассаль, по профессии горняк, прибыл в Соединенные Штаты в 1818 г., девять месяцев прослужил в армии и поселился в Огайо, а затем в Пенсильвании, где стал директором шахты. В 1823 г. он посетил Германию и рассказал гейдельбергскому профессору Францу Иосифу Моне об удивительных индейских сооружениях, которые он особенно часто встречал в Огайо. Моне очень заинтересовался

этим вопросом, поскольку уже в 1820 г. Геттингенский университет объявил конкурс на лучшую научную работу, содержавшую критическое сравнение американских и азиатских памятников. Он настоятельно попросил Ассаля изложить свои впечатления в письменной форме.

Ассаль выполнил эту просьбу и попутно просмотрел всю доступную по данному вопросу литературу, чтобы сравнить ее со своими наблюдениями, и зачастую его наблюдения были богаче и лучше обоснованы географически и этнологически, чем его предшественников. Его книга упомянута здесь потому, что она была первым трудом в Европе, обратившим внимание немецких ученых на памятники старины в Северной Америке, которые он критически проанализировал, высказал предположения о возрасте маундов и создавшем их народе, и это все в то время, когда в самой Америке только начиналось изучение этого вопроса (работа Калеба Этуотера «Описание» появилась за семь лет до этого труда). Мы упомянули о книге Ассаля и потому, что на нее до сих пор совсем не обратили внимания американские ученые, занимавшиеся историей строителей маундов. По счастливой случайности мне в руки попал сильно истрепанный том, содержавший 160 страниц; в США я не нашел упоминания о нем ни в одной библиографии по археологии, даже в Библиотеке конгресса нет ни одного экземпляра.

Как мы уже сообщали в предисловии к нашей книге, еще в 1781 г. Томас Джефферсон произвел первые стратиграфические раскопки одного маунда в штате Виргиния. Примечательно, что он был не единственным президентом Соединенных Штатов, проявившим живой интерес к строителям маундов. Другим президентом, интересовавшимся археологией, стал человек, вошедший в американскую военную историю в качестве Старого Типпекано, героя многочисленных боев с индейцами, включая борьбу с их легендарным вождем Текумсе, восстание которого в 1810 г. он подавил в битве на реке Типпекано. Речь идет об Уильяме Генри Гариссоне, родившемся, как и Джефферсон, в штате Виргиния, сделавшем военную и политическую карьеру, но всю свою жизнь слывшем очень простым человеком, что дало ему победу на выборах с необычайно большим преимуществом. Он стал девятым президентом США! Но пробыл в этом качестве только в течение месяца — с 4 марта по 4 апреля 1841 г. (до самой смерти).

Он заинтересовался строителями маундов еще в 1829 г. В 1838 г. он опубликовал «Разыскания относительно аборигенов долины Огайо». Но в отличие от широко образованного Джефферсона он видел строителей маундов только в романтическом свете. Ему, старому воину, один из маундов показался крепостью, в его воображении возникли батальные сцены. На маунде, принятом им за святилище, он представил себе жуткие сцены принесения человеческих жертв и поднимавшиеся к небу столбы дыма. Но тем не

менее он одним из первых совершенно четко определил, что строители маундов были земледельцами.

Как ни странно, но самые ранние описания маундов мы получили не от восточных колонистов, а от испанских конкистадоров, пришедших с юга. В 1539 г. Эрнандо де Сото высадился во Флориде и по дороге на север видел многочисленные маунды. Древние и новые! Мы приведем несколько цитат из старых источников [3].

«Губернатор (де Сото) обнаружил в лесах большой храм, где были погребены вожди страны, и забрал из него много жемчуга...»

«У касиков этой страны существует обычай сооружать неподалеку от поселения очень высокие холмы, на которых они иногда строят свои дома».

«Индейцы стараются располагать свои деревни на возвышенных местах, но, поскольку во Флориде таких мест не очень много, они сооружают искусственные холмы...»

«Дом вождя находился недалеко от берега на очень высоком холме, насыпанном человеческими руками и предназначавшемся для обороны».

«...Город из четырехсот домов и с большой площадью, посреди которой на искусственном холме-маунде стоял дом вождя».

Если бы археологи XIX столетия были бы образованными историками и могли бы познакомиться с испанскими источниками, то у них не возникло бы столь мифических представлений о строителях маундов. Испанцам не приходило в голову придумывать мифическую древнюю расу, ибо они видели, хотя и не очень часто, строителей маундов за работой.

Поэтому больше всего предположений появилось на Востоке. Через двести лет после Эрнандо де Сото серьезные ученые предполагали, что маунды на юге страны представляют собой не что иное, как фортификационные сооружения, построенные испанскими солдатами. Правда, в то время многие сообщения путешественников и переселенцев, отважившихся отправиться на запад, за Миссисипи, были довольно путаны. Исключением была тщательно подготовленная научная экспедиция, направленная президентом Джефферсоном и состоявшая из двух офицеров: М. Льюиса (до этого его секретаря) и У. Кларка. Они отправились в 1804 г. и в течение двух с половиной лет, полных приключений, исследовали всю страну от Миссисипи до Тихого океана и собрали огромное количество материала. Это путешествие вошло в американскую историю как сказка. И по сей день туристические бюро извлекают из него доход, устраивая групповые поездки под названием «По следам Льюиса и Кларка».

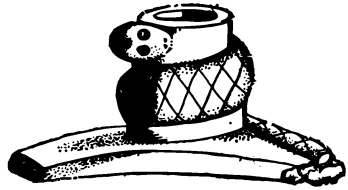
Без сомнения, и Джордж Катлин был удивительным человеком. Этот адвокат вдруг занялся портретной живописью, а затем, почувствовав тягу к приключениям, объединил оба стремления; в течение восьми лет, путешествуя по стране индейцев и делая

зарисовки, он привез не только рисунки, но и массу записей и важных заметок. Европа о нем услышала первой. К стыду американцев, он в 1841 г. в Лондоне опубликовал за свой счет удивительный двухтомный труд с тремя сотнями превосходных гравюр [4].

Невозможно перечислить всех собиравших ценный археологический материал о строителях маундов. Мы упомянем только о первых и самых интересных.

Миссионер Давид Цайсберг с группой обращенных в христианство индейцев приехал в штат Огайо и основал в 1772 г. поселок Шённбрунн. Несколько лет он жил среди племен онондага и делаваров, изучал маунды и позже описал их в «Истории американских индейцев», и это, пожалуй, было первое сообщение, которое можно принять всерьез.

Следует сказать и о ветеране войны за независимость США, генерале Руфусе Путнаме, который в 1786 г. основал «Огайо компани», открыто высказав намерение скупить по самой низкой цене большое количество земли в штате Огайо. У одного из оборотистых протестантских священников, преподобного М. Катлера, он обнаружил качества теперешних лоббистов, и тот добился желаемого от американского правительства, находившегося в Вашингтоне. В 1787—1788 гг. они основали поселок Мариэтта — посредине бесчисленных маундов. Именно эти два матерых дельца и помогли археологам. Они препятствовали бессмысленному раз-



Искусство изготавливать курительные трубки из глины или мягкого камня у строителей маундов было развито так высоко, что его превзошли только спустя много столетий в Европе.

рушению памятников старины. Путнам, знакомый с военной топографией, изготовил карты района распространения маундов, эти карты более ста лет были лучшими в своем роде. А служитель церкви Катлер, хоть это и звучит невероятно, за 140 лет до доктора Дугласа предвосхитил метод датирования по кольцам деревьев (правда, в самой примитивной форме, но впервые применительно к историческим памятникам). Он спилил гигантское дерево на одном из маундов Мариэтты, подсчитал годовые кольца и констатировал в 1798 г., что курган был насыпан минимум 463 года назад!

По-другому сложилась судьба и деятельность Калеба Этуотера, который при президенте Джексоне из почтмейстера стал комиссаром по делам индейцев. В 1829 г. он опубликовал труд, который часто называют классическим, хотя я нашел в нем массу ошибок (как и во всех других археологических работах того времени) [5]. В основе его лежали исключительно взгляды автора, он содержал отличные рисунки и карты, а также очень примечательное замечание. После сообщения о том, что он исследовал бесчисленное количество скелетов и 50 черепов строителей маундов, он пришел к выводу, что эти люди «не были родственниками наших индейцев». И с уверенностью немца, легко отличавшего фрисландца от баварца, заявил: «Конечности ископаемых людей коротки, толсты и похожи на кости немцев больше, чем на кости других известных мне европейцев».

Путаница увеличилась, когда в маунде нашли массу других археологических находок, и среди них особенно искусно вырезанные курительные трубки, отдельные из которых выглядели как головы слонов. В 1880 г. нашлись люди, полагавшие, что некоторые маунды, деформированные под влиянием природных явлений, когда-то изображали слонов и верблюдов, живших и вымерших в Северной Америке. Это навело на мысль, что строители маундов были современниками упомянутых животных, живших более десяти тысяч лет назад. В 1880 г. Фредерик Ларкин выдвинул версию, что строители маундов не только приручили мамонтов, но и одомашнили их! Ибо только гиганты мамонты (эти доисторические бульдозеры) могли передвинуть огромные массы земли, необходимые для создания маундов.

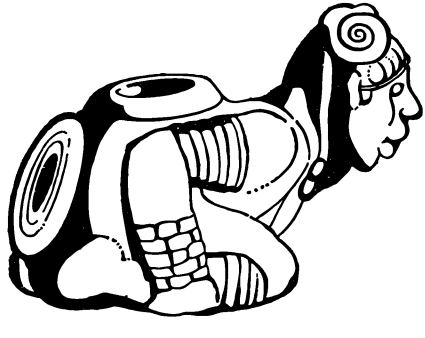
Деревянная маска, так называемый «олений танцор», из маунда Спиро в штате Оклахома.

Двумя самобытными характерами были Фуке и Мур. Жерар Фуке был во время Гражданской войны кавалерийским офицером. Он путешествовал по всему Востоку

и посещал не только каждый маунд, о котором слышал, но и разыскивал всех возможных частных коллекционеров, чтобы выманить у них редкие археологические находки (их мы опишем через одну главу). Попутно он нашел время для опубликования двух очень серьезных книг о своих исследованиях. Курьезным в его деятельности было то, что все тысячемильные путешествия он совершил пешком, ибо, будучи еще кавалерийским офицером, поклялся, что, как только кончится война, никогда больше не сядет на коня. После небольшой железнодорожной катастрофы он перестал доверять и этому виду транспорта. Прожил он достаточно долго, чтобы увидеть преимущества автомобиля. Но презирал и его! Хиббен писал, что еще в 20-е годы нашего столетия можно было увидеть рослого мужчину в доходивших до колен высоких кавалерийских сапогах на дорогах штатов Огайо, Индиана и Иллинойс.

Не только коллекционером, а коллекционером-грабителем был Сайрус Мур, богатый торговец хлопком, хотя он и оставил некоторые описания и иллюстрации своих археологических находок. На протяжении значительного времени каждое лето на специально построенном для него судне он с двадцатью пятью дюжими молодцов отправлялся по Миссисипи и Огайо. Когда на берегу обнаруживали маунд (а он мог видеть тысячи из них), он останавливался и с помощью своих подручных грабил его. На судне, набитом индейскими произведениями искусства, при виде которых забилось бы сердце любого ученого, он осенью спускался к Новому Орлеану, сидя вечерами на корме в специально изготовленном для него кресле и поигрывая на банджо.

Подобных грабителей маундов было очень много, хотя большинство из них принимались за свое черное дело с не столь значительными средствами. Автор не возражает против раскопок самодеятельных археологов, которым наука бесконечно благодарна, если они после обнаружения находок обращаются к специалистам. С давних времен, и особенно после последней войны, появились любители, объединившиеся в научных исторических кружках, где их обучали научной методике проведения раскопок и снабжали литературой, в ко-



Одна из первых зарегистрированных находок периода строителей маундов, описанная еще Александром Гумбольдтом и опубликованная Сквайром и Дэвисом в 1848 г. Маленькая курительная трубка из серого песчаника. Происхождение неизвестно.

торой рассказывалось, как следует сохранить для науки найденные сокровища. Преисполненный благодарности директор Бронсонского музея Массачусетского археологического общества написал для археологов-любителей превосходный справочник, так что любой «воскресный охотник за горшками» * должен теперь носить его в своем кармане.

В наши дни маунды находятся под защитой закона и с ними не может произойти того, что случилось с маундом Спиро в Оклахоме. Еще в прошлом столетии один фермер, распахивая землю у основания маунда, обнаружил красноватую курительную трубку, искусно вырезанную из камня. Он показал ее друзьям, прослышавшим, что на Востоке глупцы платят за подобные вещи хорошие деньги. После сбора урожая фермеры отправились на маунд. Сначала они свалили все деревья, росшие на нем (уничтожив возможность датировки) и начали «охоту за горшками». Находок оказалось более чем достаточно, они появлялись с каждым движением лопаты: керамические изделия, кованые медные пластины, большое количество курительных трубок, бусы из камня, кости, раковины — сокровищница казалась неисчерпаемой; коллекционеры платили им за находки большие деньги. О маунде начали говорить, и Оклахомский университет послал ученых с целью спасти все, что еще можно было спасти. Но продувные фермеры, основав официально зарегистрированное Общество для раскопок, доказали, что маунд — собственность этого общества, и запретили археологам не только доступ к нему, но и любую критику их деятельности.

Ученым ничего не оставалось, как сложа руки наблюдать за разработкой маунда фермерами, применявшими даже динамит. Памятник старины систематически разрушался. Прошло много времени, прежде чем государство специальным декретом прекратило дальнейшее безобразие, и только в 1935 г. ученые Оклахомского университета попытались что-нибудь спасти из полуразрушенного маунда. И он оправдал их надежды.

Когда в результате исследований накапливается так много материала, что его почти невозможно окинуть взглядом, возникает настоятельная потребность в крупном классификаторе, или крупном составителе. История науки показывает, что эти классификаторы, или составители, часто не были учеными-профессионалами или же были ими в редких случаях, потому что наиболее примечательной их чертой была способность устранять и не замечать то, что обычно приводит в ужас специалиста с его стремлением к завершенности и полноте. Эти люди, как правило, вообще не

---

* То есть грабительские, ненаучные раскопки с целью приобретения имеющих цену древних вещей.

являются «полевыми» работниками. Они могут быть кабинетными учеными или только археологами-любителями, хотя они, несомненно, и лучшие экземпляры этой породы людей.

По истории изучения маундов за 120 лет написано три классификационные книги, которые по праву приняты как образец. Первый труд был написан любителями, и не только в кабинетах, но и в результате проведения важных полевых исследований. Наряду с этими тремя книгами появилось бесчисленное множество публикаций других авторов, которые не может игнорировать ни один археолог, но эти авторы не создали (как, например, в высшей степени интересный человек Сайрус Томас) таких «образцовых произведений».

Эфраим Джордж Сквайр родился в 1821 г. в Бетлехеме, в штате Нью-Йорк, работал в качестве журналиста в разных городах до тех пор, пока не обосновался в Чилликоте, в штате Огайо, прямо в центре страны маундов. Он издавал маленькую газету и занимал незначительную должность, но имел достаточно времени, чтобы предаваться своей страсти — изучению индейских древностей. Эту страсть с ним разделял врач из Чилликота — Э. Дэвис. Они объединили свои усилия в исследовании маундов. На это ушли годы. Фактически они вскрыли более 200 этих искусственных холмов и установили местонахождение еще около 100 древних индейских земляных валов, часто дополнявших группы маундов. Затем они опубликовали совместный труд (основную часть написал Сквайр), который и в наше время в североамериканской археологии считается классическим,— «Древние памятники долины Миссисипи: с включением итогов обширных и оригинальных изысканий и исследований». В солидном фолианте было 306 страниц, 19 глав, 48 таблиц (состоявших большей частью из великолепно составленных карт) и 207 гравюр по дереву. Книга привлекла всеобщее внимание, даже находясь еще в рукописи, потому что Сквайр предложил ее сотрудникам одного учреждения, которое создало для рассмотрения рукописи комиссию. Последняя же решила этим произведением начать серию публикаций о маундах. Книга была издана в 1848 г. в Вашингтоне, и это был первый том «Смитсоновский вклад в познание» («Смитсониан контрибьюшн ту ноулидж»).

Вместе с изданием книги перед общественностью репрезентативно предстал Смитсоновский институт, так много сделавший для археологии США и ставший хранилищем самых больших научных коллекций Америки,— институт, основанный англичанином.

Джеймс Смитсон родился во Франции, а умер в Италии. Он был очень богат и получил образование в Оксфорде. В 1829 г. он умер, оставив все состояние племяннику. По завещанию, если бы племянник умер, не оставив прямых наследников, то состояние целиком должно было перейти в собственность Соединенных Штатов,

«чтобы основать в Вашингтоне Смитсоновский институт — учреждение для расширения знаний и распространения их среди людей».

Племянник умер в 1835 г., не оставив наследников, и в этом же году клипер «Медиатор» доставил в Филадельфию огромный ящик, полный золотых соверенов, где их без промедления перечеканили в американскую монету. Получилась сумма 508 318 долл. и 46 центов!

Это завещание и по сей день остается загадкой.

Смитсон не только никогда не был в Америке, но и вообще никогда в своей жизни не проявлял к ней особого интереса. Однако его деньги нашли в США хорошее применение. 10 августа 1846 г. был официально основан институт, хотя нашлось много людей, предлагавших отклонить подарок и даже утверждавших, что Америка не имеет юридического права принять его.

Настало время вернуться к нашим «образцовым произведениям».

Прошло не меньше 82 лет, прежде чем человек по фамилии Генри Клайд Шетрон предпринял попытку разобраться в накопившейся за эти годы литературе и критически ознакомиться с бесчисленными коллекциями, а там, где были пробелы, самому взяться за лопату. В 1930 г. появился его труд «Строители маундов. Реконструкция жизни американского доисторического народа на основе изучения и интерпретации их земляных холмов, могил и остатков культуры». В нем было 508 страниц и 300 иллюстраций. Себя автор представил в качестве директора и археолога Археологического и исторического общества штата Огайо. В предисловии он написал:

««Строители маундов» посвящена простым людям, понимающим, сколь интересна история их страны, но не имеющим ни времени, ни возможности познакомиться с обширной и зачастую малодоступной литературой на эту тему». И продолжал: «Если профессиональный историк найдет книгу полезным обобщением археологии всего ареала маундов, то я сочту эту публикацию более чем оправданной».

Его надежды сбылись. Книги Сквайра — Дэвиса и Шетрона считаются классическими трудами, мимо которых не может пройти ни один ученый, изучающий индейскую археологию. Их необходимость была доказана и тем, что обе книги, первую в 1965 г., а Шетрона в 1964 г., переиздали по дорогой цене фотомеханическим способом, потому что оригиналы стали очень редки.

В обеих книгах есть ошибки. В них нет четкого объяснения, кем же, собственно говоря, были строители маундов, как долго они строили, когда появились и почему так загадочно исчезли.

На эти вопросы дан исчерпывающий ответ только после 1930 г. в результате многих исследований, опиравшихся на современные методы датирования. И вновь не профессионал, а человек, приобретший имя написанием популярных книг о краснокожих для

юношества; он отважился обобщить собранный материал и дал нам наконец убедительное и свободное от мистицизма описание этих трудолюбивых людей (это был не один народ). В 1969 г. Роберт Сильверберг опубликовал книгу «Строители маундов в древней Америке». Подзаголовок книги говорил о ее содержании: «Археология одного мифа».

Но прежде чем мы кратко опишем особенности культуры строителей маундов, следует высказаться не только о самом мифе, но и по поводу фантастических представлений об индейских племенах вообще и их происхождении — о разных небылицах, бытующих и в наши дни. Одно заслуживающее доверия лицо сообщило мне, что еще и теперь около 300 000 американцев твердо верят в то, что не только ранняя американская культура народа США, но и все культуры вообще пришли из страны Му. Не говоря уже о большом количестве сторонников теории существования Атлантиды. Но, как сказал известный австрийский романист Роберт Музиль: «Некоторые ошибки — это станции на пути к правде!»

15. БРЕДОВЫЕ ТЕОРИИ: ОТ АТЛАНТИДЫ ДО СТРАНЫ МУ

Нет никакого сомнения, что конкистадоры задумывались о происхождении многочисленных краснокожих племен. Как мы уже говорили, некоторые служители церкви серьезно полагали, что индейцы вообще не люди, поскольку о них ничего не сказано в Библии. Эта точка зрения была очень удобна и в экономическом отношении, ибо разрешала беспощадно порабощать коренное население. Но это мнение бытовало недолго, поскольку общение завоевателей с женской половиной аборигенов очень скоро доказало обратное (впрочем, американский конгресс только в 1924 г. объявил индейцев гражданами США «со всеми их правами и обязанностями!»).

Простое и ясное изложение этой проблемы дал еще в 1702 г. некий Коттон Мазер, бостонский проповедник, «охотник за ведьмами» и вдохновитель изуверского процесса «салемских колдуний» в 1692 г. Он утверждал, и не в переносном смысле, а буквально, что дьявол собственной персоной привез этих краснокожих в Америку.

И тем не менее до Мазера и после него вопрос оставался открытым: каким образом причислить этих людей к божьим созданиям, о которых рассказывает Библия — единственный достоверный источник. Их бы и не причислили к людям, если бы не сторонники чрезвычайно «смелого» предложения, что индейцы были потомками «десяти исчезнувших племен израилевых»! Так и решили! Эта тео-

рия, не затруднявшая себя объяснением, как и каким путем эти племена совершили длительное путешествие из Палестины через моря в Америку, находит сторонников и в наше время [1]. Было бы не совсем вежливо утверждать, что она входит в догматы веры мормонов — «Церкви Иисуса Христа». Они верят не в переселение «десяти исчезнувших племен», а в приход двух других групп израильтян в Америку. Об этом «воскресший из мертвых» Морони якобы поведал в 1827 г. в штате Нью-Йорк иероглифическими письменами с золотых пластин основателю их религии — Джозефу Смиту. Согласно этому откровению, мормоны, известные среднему европейцу как многоженцы (кем они и являются, хотя теперь это запрещено), верят, что сначала одно племя, так называемых яредитов, после строительства вавилонской башни собралось в путь-дорогу и заселило Америку, но уже во II столетии до н. э. оно нашло свой жалкий конец. Другие бесстрашные израильтяне во главе с неким Лехи отправились в Америку около 600 г. до н. э. Одна их группа, нефиты, стала основателем великих государств в Центральной Америке и Андах, но в 324 г. до н. э. она вымерла. Другая, более примитивная группа кочевников стала прародительницей североамериканских индейцев. Об этих знаменательных датах американские археологи до откровения Джозефа Смита не имели ни малейшего представления. Впрочем, они не хотят о них знать и теперь [2]. Книгу с этими истинами Марк Твен назвал «печатный опиум».

Еще два мыслителя XVIII и XIX столетий попытались увязать с Библией предположение о переселении индейцев из Азии: Джеймс Эдейр, в течение 40 лет занимавшийся торговлей на территории индейцев, в 1775 г. и Калеб Этуотер (о нем мы уже говорили в связи со строителями маундов) — он предпринял эту попытку в 1820 г.[3].

В период между их деятельностью только один Томас Джефферсон подошел к этой проблеме с чисто научной точки зрения и одним из первых пришел к убеждению, что путь индейцев в Америку лежал через Крайний Север и Берингов пролив, как и мы считаем сегодня [4].

И до него, и после предполагали также, что индейцы — потомки скандинавов, эфиопов, китайцев, молуккцев, скифов, полинезийцев, индийцев, египтян, финикийцев, легендарных атлантов и еще более легендарных жителей страны Му.

Кое-кто может спросить, почему никому в голову не пришло объяснение, возможно неверное, но очевидное, что индейцы вообще ниоткуда не пришли, а с самого начала находились в Америке. Ответ на это мы находим в уже упоминавшейся нами вере в Библию. Эта вера исключала такое объяснение. Кроме того, любая мысль о развитии была чужда открывателям Нового Света и их последователям до 24 ноября 1859 г., когда Ч. Дарвин в «Происхо-

ждении видов» изложил свою эволюционную теорию. До него мысль, что индейцы, как и все люди, эволюционировали от низшей формы в Homo sapiens, не могла обсуждаться. Речь идет о понятии «историческое время». Можно напомнить, например, что ирландский архиепископ Джеймс Уссер в 1650 г. на основании Библии вычислил, что Земля была создана 26 октября 4004 г. до н. э. в 9 часов утра [5].

В 1599 г. в пьесе «Как вам это понравится» Шекспир сказал, не задумываясь о точности: «Бедному миру почти шесть тысяч лет от роду».

Учитывая эти воззрения, можно понять, как неслыханно и внезапно Дарвин изменил взгляд на мир и какой угрозой для Библии была теория эволюции человека. На знаменитом «обезьяньем процессе» в Дайтоне (штат Теннесси) в 1925 г. учителя Джона Скоупса приговорили к штрафу в 100 долл. за преподавание учения Дарвина в школе. Город и государство, штат Теннесси в целом, стали посмешищем всего мира. Это что-нибудь изменило? Постыдное запрещение преподавания любой эволюционной теории просуществовало до наших дней в трех американских штатах: Теннесси, Алабаме и Миссисипи. Но блеснул луч надежды. В 1966 г. учительница биологии в штате Алабама Сьюзенн Эпперсон выступила против этого закона; и 12 ноября 1968 г. Верховный суд США объявил любой закон, направленный против обучения теории эволюции, противоречащим конституции [6].

Впрочем, могла возникнуть и другая мысль. Какой-нибудь вольнодумец мог предположить, что не индейцы пришли из Старого Света, а наоборот, они были прарасой, а мы произошли от них. Но пониманию таких возмутительных мыслей мешала надменность европейцев.

Много лет идет серьезная научная полемика о наличии контактов между азиатскими (или другими) культурными народами и индейскими племенами уже после того, как индейцы заселили оба континента. Предположение, что так оно и было,—часть так называемой теории диффузии. О фантастических историях, касающихся происхождения индейцев, утверждавших, что их культура совершенно неамериканского происхождения, мы должны будем упомянуть еще дважды. Такие теории, как и ошибочные пути, принадлежат истории науки, и о них следует рассказать, ибо от этого свет науки засверкает еще ярче над тьмой предрассудков.

К примеру, с древних времен вызывала оживленную полемику гипотеза о существовании Атлантиды. Серьезные попытки исследований чередовались с фантастическими предположениями, от которых волосы становятся дыбом. Разговоры об Атлантиде возникли на основании текстов «Тимея» и «Крития» — двух диалогов греческого философа Платона. В них значилось, что законодатель Солон, живший за двести лет до Платона (около 640—560 гг.

до н. э.), узнал от египетских жрецов об острове Атлантида, богатом и могучем государстве, населенном воинственным народом высокой культуры и находившемся за Геркулесовыми столбами. За 9000 лет до Солона эта страна якобы погибла в результате колоссальной природной катастрофы.

Уже ученик Платона, Аристотель, назвал данное сообщение басней, не имеющей исторической ценности. Гибель в результате природной катастрофы острова, населенного народом, чей уровень культуры соответствовал своему времени, вполне возможна; в истории есть подобные примеры. Поэтому попытка найти этот остров — затея отнюдь не бессмысленная. Так действовал Генрих Шлиман, приступив к раскопкам легендарной Трои, и Артур Эванс, разыскивая мифический дворец Миноса; они пользовались античными источниками, казавшимися многим не очень правдоподобными и тем не менее получившими подтверждение, ибо оба нашли то, что искали.

Поиски же Атлантиды до сих пор безрезультатны. Высказывались предположения, что она находилась в Испании, на Канарских островах, в устье Нигера, в Мексике, в Скандинавии. Оживленные споры вызвал в 50-е годы немецкий пастор Юрген Спанут, когда он с 1947 г., сначала теоретически, а позже ведя исследования на дне моря, пытался доказать, что Атлантида находится неподалеку от острова Гельголанд в Северном море [7]. В 60-е годы Джеймс В. Мавор сообщил, что он обнаружил настоящую Атлантиду недалеко от Кикладских островов в Эгейском море [8].

Эти поиски могут спокойно продолжаться, но от этого они не станут менее смехотворными. Если даже и обнаружат затонувший остров со следами высокой цивилизации, никто не сможет доказать, что это Платонова Атлантида, поскольку данные из античных сообщений очень неточны.

Исследованиям этой проблемы, продолжающимся столетия, придает оттенок шарлатанства миф о присущей атлантам древней форме цивилизации, так называемой доисторической «атлантической культуры», превосходившей все нам известные и являвшейся прародительницей всех человеческих культур вообще.

Не будем углубляться в подробности этих фантастических измышлений. Достаточно одного примера. Он взят из книги антропософа * Рудольфа Штейнера, имеющего сторонников во всем мире, она появилась в 1918 г. в Берлине и называется «Наши атлантические предки». Среди прочего в ней есть и такие строчки: «Как в наши дни из каменного угля получают энергию для нужд транспорта, так и атланты умели использовать силу произраста-

* Антропософы, теософы — сторонники реакционных религиозно-мистических учений, признающих источником богопознания мистическую интуицию, откровение. Возникло во второй половине XIX в.

ющих семян. В те времена растения сажали не только для того, чтобы ими питаться, но и для использования дремлющих в них сил в промышленности и на транспорте; атланты могли преобразовывать силы произрастающих семян растений в энергию, необходимую технике. Используя эту силу, летательные аппараты атлантов парили над землей на незначительной высоте».

После подобных утверждений нам предлагают поверить, что, само собой разумеется, и американские культуры имеют атлантическое происхождение (во всяком случае, этого мнения придерживаются большинство теософов и антропософов, для них этот вопрос не подлежит дискуссии. Правда, странно, что эта цивилизация, якобы намного превосходившая нашу по уровню техники, оставила так мало индейцам для воспоминаний: они не сохранили с тех времен колесо, не говоря уже о письменности.

«Два мудреца — Платон из Афин и Донелли из Миннеаполиса превратили Атлантиду в обиходное слово»,— писал в 1890 г. Уильям Черчвард. Он был прав, ибо уже за десять лет до него книга «Мир до потопа» Игнатиуса Донелли, которого Черчвард так смело поставил рядом с Платоном, выдержала не менее 18 изданий и еще сегодня в Америке считается «классической».

Донелли знал точно, где лежит Атлантида, точнее даже, чем Платон. Он считал, что она находится в Атлантическом океане, на запад от Азорских островов. Так и сегодня думает большинство верящих в эту гипотезу.

Как это ни парадоксально, но вера в существование Атлантиды просто банальна по сравнению с другой теорией, родившейся в нашем столетии. Ее создал полковник Джеймс Черчвард (просим не путать с вышеупомянутым Уильямом), он-то и открыл заново страну Му.

В отличие от Атлантиды Му якобы лежала в Тихом океане и была значительно больше, чем остров Платона, она занимала площадь от острова Пасхи до Каролинских островов и от Гавайских островов на севере до островов Кука на юге. На этом континенте (при его величине его можно так называть) проживали, согласно Черчварду, 64 млн. жителей. 50 000 лет назад там зародилась цивилизация, во многом превосходившая нашу; ей были знакомы многие важные достижения, которые современный мир начинает узнавать только теперь [9]. В стране Му сформировалось человечество.

«Древнейшие свидетельства о человеке могут быть обнаружены не в Египте или долине Евфрата, а именно здесь — в Северной Америке и на Востоке, где жители Му основали свои первые колонии!»

Эти утверждения базируются на текстах так называемых «Наакальских табличек», найденных Черчвардом — во всяком случае, он так утверждает — за 50 лет до опубликования его книги

в неких монастырях Индии и Тибета, названия которых он не имеет права разглашать. К сожалению. Но аналогичные каменные плитки с письменами нашел много позже и Уильям Найвен в Мексике. «Наакальским табличкам», по сообщению автора, было 15 000 лет, а мексиканским — 12 000 лет. Следовательно, они были написаны в Мексике в то время, когда, по общему мнению археологов (что для Черчварда не имеет значения), там проживал так называемый тепешпанский человек, один из древнейших примитивных американских охотников на мамонтов, который, по свидетельству Роберта Уокопа и его коллег, «с трудом мог бы нарисовать вместо своего имени крестик» [10].

Черчварду потребовалось не менее шести месяцев, чтобы убедить настоятеля индийского монастыря показать ему святые таблички, с незапамятных времен в неприкосновенности хранившиеся под сводами монастыря.

Само собой разумеется, на табличках имелись таинственные письмена, но, к счастью, настоятель еще умел их расшифровывать и научил Черчварда тому, что знал. «Последовали месяцы напряженного труда над переводом текстов, но усилия увенчались успехом. Письмена подробно рассказали о создании Земли и человека, а также и о месте, где это свершилось, — о стране Му!» Подробности, отсутствовавшие на индийских плитках, дополнялись мексиканскими текстами.

Достаточно об этом. Трудно сказать, сколько имеется в наши дни сторонников Черчварда, но, надо полагать, еще много. Я лично знал двух: оба американцы, притом мистики и преданы «мудрости Востока». Один из них поддерживал контакты с индийским гуру * и как-то даже послал ему открытку с вопросом, поступит ли он правильно, если продаст свой дом? Тот, кто заинтересуется до удивления детальным трудом Черчварда, сможет его легко приобрести. В 1961 г. вышло двадцатое издание книги «Погибший континент Му». Более того, существует и карманное издание книги.

Для обывателя очарование подобных книг заключается в том, что они отвечают на бесчисленные вопросы: решают проблемы, которые интересуют его по романтическим причинам и над которыми он никогда всерьез не задумывался, а следовательно, не знает ни их предпосылок, ни их трудностей.

Книги эти — и в этом причина их успеха — не знают проблем, не срывают покровы с тайн и не дают ясности, к чему стремится ученый; они затуманивают правду, освещают ее таинственным светом мистики и предлагают читателю ключ, как мгновенно стать членом «круга избранников», знающих сокровенные тайны и способных постигнуть всю их глубину, чего ученые из-за узости ума и бедности чувств понять не в состоянии.

---

* Гуру *(инд.)* — букв. «учитель», «мудрец».

Конечно, ни один ученый не обходится без эмоций. Нельзя себе представить историю научного исследования без вдохновения, предчувствий, блужданий наугад, злоключений и ошибок. Прописная истина заключается в том, что археолог именно тогда оправдывает свое звание, когда с помощью воображения из мертвого материала («Воображение — это огонь открытия»,— сказал выдающийся английский археолог Флиндерс Петри) воскрешает прошлое к новой жизни. Тем не менее следует напомнить, что наука должна рассматриваться в конечном счете как метод, который держит воображение под контролем, что ее критерием является доказуемый факт и что гипотезы, будучи ее составной частью, никогда не становятся аксиомами, пока они не доказаны. Конечно, это в идеале. А в действительности заблуждения — свойство человеческой натуры, и то, что постулаты даже в естествознании исторически обусловлены и могут пересматриваться, ничего в этом не меняет.

Все это — антипод лженауки, которой занимаются дилетанты (crackpots). Вот у нас появилось и новое слово. Crackpot уже вошло в американский разговорный язык и есть в авторитетном американском словаре «Вебстере».

Порой интеллигентные, часто удивительно начитанные и чрезвычайно работоспособные, они большей частью безобидны, но в отдельных случаях могут натворить величайших бед.

Антрополог Роберт Уокоп посвятил дилетантам от американской археологии специальную книгу [11]. Он описал — и лучше его это нельзя было сделать — их постоянные оскорбительные наскоки на профессиональных ученых.

«Нельзя не заметить известной последовательности в их поведении. Типичный представитель бредовых теорий по поводу происхождения американских индейцев, как правило, начинает свою книгу с протеста. Он пишет, что ученые его презирают, высмеивают или в лучшем случае не признают. Затем он предсказывает, что его писания воспримут отрицательно или вовсе не обратят на них внимания, и клеймит позором «твердолобых ханжей в университетах и музеях». Часто между строчек он намекает, что его противники не только безнадежно консервативны и ревниво относятся к достижениям любителей, но даже не честны и когда они сталкиваются с противоречащими их взглядам доказательствами, то скрывают их, а при необходимости и уничтожают. Но, считая ученых аморальными, некомпетентными незнайками, все же все эти псевдоученые, без исключения, гордятся любыми (чаще всего воображаемыми) одобрениями, высказанными этими жалкими «академиками» — «Phuddy Duddies» *.

* Phuddy Duddy — начальные буквы от английских слов Philosophy Doctor — доктор философии — прозвище профессиональных археологов старой школы.

«Phuddy Duddy» не новое слово, но это новообразование любителя-археолога, захотевшего отомстить, еще не очень известно. «Phuddy Duddy» — обобщение академического сокращения Ph. D. (philosophiae doctor) — доктор философии, превращенное в насмешку. (Правда, «Вебстер» дает это слово под буквой «F» — Fuddy Duddy — и объясняет его как «ультраконсерватор»). «Они не спят при открытых окнах, ибо боятся, что влетят новые идеи»,— так пишет Гарольд С. Гладвин, придумавший сокращению Ph. D. новое созвучие и смысл: Phuddy Duddy. Гладвин был любителем-археологом, самостоятельно финансировавшим важные раскопки и имевшим большие заслуги, но, поскольку не все его теории были признаны, он объявил крестовый поход против профессионалов, назвав их безнадежными Phuddy Duddy [12]. Не лишено комичности, что один из Phuddy Duddy, а именно Лео Вайнер, профессор славянских языков Гарвардского университета, утверждавший в отличие от археологов, что культуры Центральной Америки произошли из Африки, высказался еще более резко, чем Гладвин: «Без сомнения, археологические собаки будут и впредь лаять на луну...» [13]

Уокоп заканчивает книгу строчками, которыми мы бы хотели закончить главу: «Любители всегда будут ненавидеть профессиональных ученых (Phuddy Duddies), а ученые — всегда презирать дилетантов (crackpots)».

16. ЗАГАДКА МАУНДОВ РЕШЕНА

Город Ньюарк, расположенный в пятидесяти километрах восточнее Колумбуса, столицы штата Огайо, славится одной из необычайнейших площадок для игры в гольф. Возможно, непосвященный с первого взгляда не обнаружит в ландшафте ничего особенного: кое-где возвышаются несколько широких холмов с плоскими вершинами, но многие площадки для игры в гольф отличаются от остальных тем, что расположены на холмах. Однако холмы Ньюарка не просто площадки — они не что иное, как доисторические маунды! И белый мяч игроков летает над памятниками более чем тысячелетней истории!

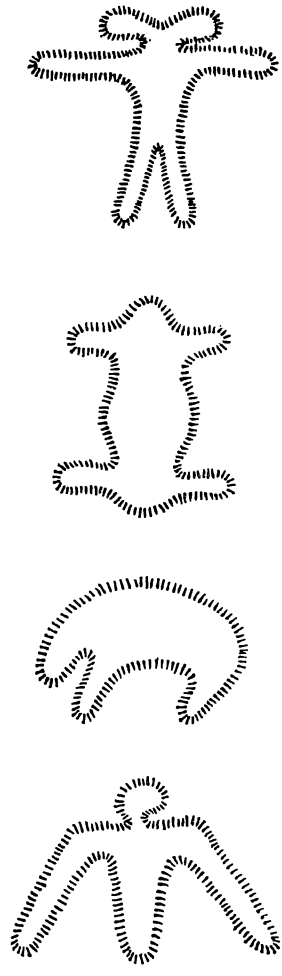
На шести с половиной квадратных километрах протянулись когда-то окаймленные валами «проспекты» от одного маунда к другому. Многое уже разрушено, сохранился только «Большой круг» — круглая конструкция из земляных валов диаметром 365 м с фигурным маундом в виде орла посредине. Кажется удивительным, что граждане Ньюарка не постеснялись устроить здесь площадку для гольфа. Но нам следует помнить, что для жителей штата Огайо маунды не являются чем-то необычным: они живут сре-

ди них, а некоторые фермеры построили свои дома прямо на них. Как мы уже сказали, маундов здесь бесчисленное множество. И только кое-где к нам приходит чувство, испытанное Сквайром более ста лет назад, когда он бродил по этим местам:

«Здесь покрытое огромными деревьями девственного леса творение человеческих рук представляет собой величественную и впечатляющую картину; и, когда посетитель впервые идет по древней аллее, на него снисходит чувство благоговения, аналогичное тому, что он испытал бы, проходя через врата египетского храма или глядя на немые руины Петры, затерявшиеся в пустыне»[1].

Если идешь вдоль самого знаменитого, так называемого Большого змеиного маунда (Great Serpent Mound), он кажется весьма внушительным сооружением, но не ошеломляющим; лучше всего на него смотреть с башни для обзора, с самолета или вертолета, только тогда вы по-настоящему удивитесь этой огромной работе. И действительно, большинство распространенных изображений — это фотографии с воздуха; но воображение Сквайра, не имевшего в 1848 г. возможности сделать фотографию с воздуха, все же давало ему правильное представление об общей картине. В своей книге он сделал удивительно точный рисунок большой змеи с высоты птичьего полета и написал: «Это, вероятно, самое необычайное сооружение из земли, открытое до сих пор на Западе...»[2]

Змея лежит в округе Адамс, в штате Огайо, и ее тело по всей длине повторяет изгибы маленькой речки Буш-Крик на 45 м над поверхностью воды. Голова лежит на самой верхней точке, рот открыт, хвост образует много колец. «Общая длина,— писал Сквайр,— составляет, вероятно, не менее тысячи футов» (305 м; в действительности же 1330 футов, следовательно, около



«Фигурные» холмы в штате Висконсин, сооружения из земли в виде людей или животных. Вверху двухголовый человек. Вторая фигура, возможно, изображает лягушку или черепаху, ее длина 46 м. Ниже небольшой медведь, 17 м длиной, и далее птица с полурасправленными крыльями.

405 м). Средняя высота туловища около метра. И не удивительно, что Сквайр, принявший эту змею за символ, дал волю фантазии. Он думал о Египте, Греции, Ассирии, кельтах, индийцах и китайцах. Подобные же предположения из области фантазии высказал много позже, в 1883 г., даже такой солидный человек, как Ф. Путнам из Музея Пибоди. Но когда он через три года вновь увидел змею, то нашел ее сильно поврежденной любителями-археологами, а может быть, и кладоискателями. Путнам начал кампанию за спасение этого единственного в своем роде памятника; и группа энергичных женщин, жительниц Бостона, собрала 5880 долл., чтобы спасти исторический памятник. И если теперь «змею» можно увидеть реставрированной, то только благодаря помощи этих дам.

Археологи наших дней не любят слова «строители маундов» (Mound Builders) и по очень простой причине. Когда в 1900 г. начались научные исследования маундов под руководством Уильяма Миллса из Музея штата Огайо, Фея-Купера Ноула в Иллинойсе, Уоррена Мурихеда из Джорджии, У. С. Уэбба в Кентукки и многих других, становилось все ясней, что «народа — строителя маундов» никогда не было. Более того, эти сооружения создавали в разное время многие племена и с совершенно различными целями.

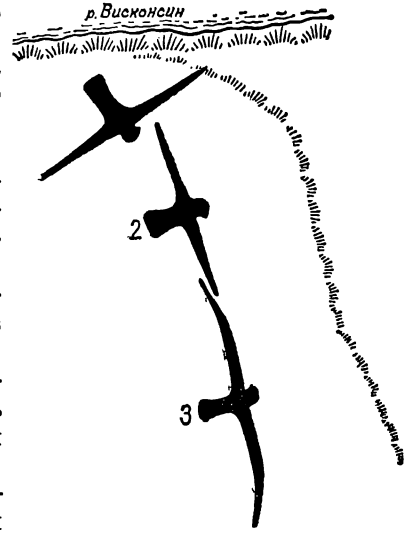
К примеру, в северной части течения Миссисипи стоят маунды с горбами и редко выше 10 м. Это все маунды захоронения (Burial Mounds), полные скелетов. Южнее, на территории от Сент-Луиса до Мексиканского залива, находятся маунды, которые чем-то напоминают пирамиды; это насыпи с плоской вершиной, которые имеют в основании квадрат или прямоугольник. Еще и сегодня мы можем различить, что наверх вела лестница с высокими ступенями или наклонный въезд. Для чего? Куда? Вероятней всего, к храму, стоявшему на вершине. Так для этих маундов появилось название «храмовый маунд» (Tempel-Mound).

Особенно трудно было классифицировать маунды, имеющие очертания животных. Большой «змеиный маунд» мы уже описали. Многие из них находятся и сейчас в штатах Висконсин и Огайо. Они имеют форму распластанных на земле орлов, черепах, медведей, лис, лосей, бизонов и даже людей; насколько мне известно, подобных земляных сооружений в мире больше нет.

Эти земляные сооружения археологи называют Effigy Mounds. Слово effigy многозначно в английском языке. Оно означает полное или частичное изображение человеческого тела, к примеру барельеф, высеченный на саркофаге, но также и королевский портрет на монете или куклу, которую сжигают или вешают за отсутствием данного человека. Североамериканский маунд — это всегда сооружение из земли, в большинстве случаев изображение зверя, но такого колоссального размера, что с высоты человека его невозможно окинуть взглядом.

Самой же большой трудностью для археологов было датирование. Примечательно, что датирование с помощью колец деревьев на этот раз не дало результатов. В 1937 г. одна ученица доктора Дугласа приехала в долину среднего течения Миссисипи и провела там четыре года в поисках объектов, пригодных для ее метода датирования. Через несколько лет этой же проблемой занялся Роберт Е. Белл в Кинкайде, в штате Иллинойс. Хотя он и собрал 500 проб дерева, только 20 из них оказались пригодны для анализа. Результаты были довольно скромны [3].

В лесных районах и речных долинах на Востоке США был иной климат, чем на засушливом Юго-Западе. Во-первых, огонь или влажность почвы разрушили почти все элементы деревянных конструкций, а во-вторых, колебания климата в этом районе на протяжении столетий были столь незначительны, что кольца деревьев не показывали четких различий.



Типичная группа «фигурных» холмов, группа Лавер Деллс в Саук Каунти, штат Висконсин. Размах крыльев нижней из трех птиц — 73 м. Удивительно воображение создателей этих земляных сооружений, ибо их можно окинуть взглядом только с высоты птичьего полета.

Мы даем здесь общий обзор хронологических выводов археологов, сделанный Гордоном Р. Уилли [4].

1000—300 гг. до н. э.	— I период погребальных маундов
300 г. до н. э.—700 г. н. э.	— II период погребальных маундов
700—1200 гг. н. э.	— I период храмовых маундов
1200—1700 гг. н. э.	— II период храмовых маундов

Конечно, на этих колоссальных просторах была жизнь и до строителей маундов. Сначала были палеоиндейцы, настоящие кочевники, 10 000 лет назад охотившиеся на крупных животных, после них были индейцы так называемых архаических периодов до 1000 г. до н. э., ставшие уже частично оседлыми; но этих ранних периодов мы коснемся позже.

Уилли провел разделение между теми «периодами», которые представляли собой лишь простые отрезки времени, «традициями», которые относились к общему укладу жизни, и «культурами», которые обозначали более или менее прочные социальные группы, создававшие независимые модели культуры.

Фактически возможны и распространены и другие виды периодизации, не вносящие ясность, а только мешающие составить себе представление по данному вопросу. (Мы еще раз сошлемся на Сильверберга, не забывшего описать ни одной научной точки зрения.)

После бесконечной и кропотливой работы выделились две «культуры»: адена и хоупвелл. Особенно удивительна во многих отношениях последняя из них. При раскопках погребального маунда культуры хоупвелл случилось так, что один археолог чуть было не похоронил себя...

Сначала мы ответим на неизменный вопрос, который задает каждый, впервые услышавший о североамериканских «пирамидах»— маундах. Какой же из них самый большой?

На это нельзя ответить одним названием, поскольку не ясно, идет ли речь о высоте или о площади основания, а может быть, о длине всего сооружения (часто) с земляными валами и побочными маундами.

Чаще всего «величайшим» считают маунд Кахокья, находящийся в штате Иллинойс. Иногда его называют «Монаший холм», потому что когда-то на одной из его террас монахи выращивали овощи. Эта усеченная пирамида имеет выше 30 м высоты, 330 м длины и 216 м ширины. Самая большая египетская пирамида, фараона Хеопса в Гизе, имеет высоту 146 м, стороны основания по 230 м. Это значит, что площадь основания североамериканской пирамиды приблизительно на 18 000 м² больше, чем у величайшей египетской. Та и другая стоят в группах. Но группа вокруг американской пирамиды несравненно больше. Маунд Кахокья был когда-то центром более чем 100 меньших, также усеченных маундов, а на 11 км вокруг него находятся еще 300 маундов!

Маунд у Майамисбурга имеет высоту 23 м. А Грейв-Крик-маунд в Маундсвилле, в штате Огайо,— 15 м высотой и шириной основания 97 м.

Если же принять во внимание величину сооружений, длинные проспекты (avenues), нередко соединявшие группы маундов или защитные земляные валы, с когда-то длинными рядами палисадов, то сравнение с египетскими пирамидами вряд ли возможно.

Одним из самых интересных маундов-захоронений был Сайп-маунд в округе Росс, в штате Огайо, названный по фамилии братьев Сайп, его «владельцев»; это слово невольно ставишь в кавычки, ибо оно режет слух, поскольку едва ли можно представить, что какой-то Мухаммед мог владеть пирамидой Хеопса или Кёльнский собор принадлежать некоему господину Краузе. Этот маунд имеет следующие размеры: 6 м высоты, 76 м длины и почти 46 м ширины. Считают, что его масса земли составляет не менее 20 000 м³. В этом месте один археолог обнаружил удивительное сокровище и чуть было не похоронил сам себя.

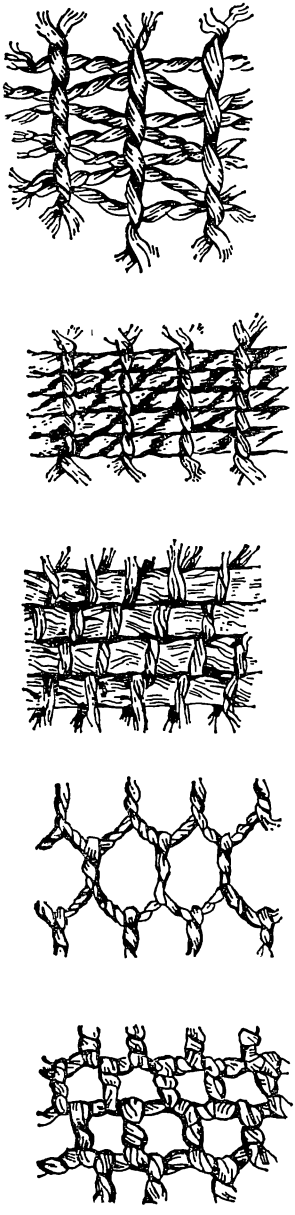
Генри Клайд Шетрон работал на маунде Сайп три лета, с 1926 по 1928 г. О своем несчастном случае он сообщает с научной скромностью, как бы мимоходом: «Может быть, читателю будет интересно узнать, что при раскопках этого маунда произошел серьезный несчастный случай» [5]. Археолог подкопал маунд, и возник вал высотой 9 м. Когда он собирался его обмерить и сфотографировать, верхняя часть осыпалась и завалила археолога. Помощники на мгновение застыли от ужаса, а затем с кирками и лопатами бросились на помощь. Когда Шетрона откопали, он казался мертвым — был без сознания. Вскоре он пришел в себя и его доставили в ближайшую больницу, где обнаружили у него множество переломов костей! Но жизнь его удалось спасти, и он «полностью выздоровел».

Этот маунд оказался не только могилой, где лежало 99 скелетов, но и гробницей-сокровищницей! Шетрон сообщает: «При ближайшем рассмотрении самой впечатляющей оказалась находка комнаты-гробницы, построенной из стволов деревьев и балок, под сводами которой были останки четверых взрослых, лежавших на спинах, а около их голов лежали поперек скелеты двух грудных детей. Может быть, это была могила родственников или родовой склеп, принадлежавший вождям; во всяком случае, нет сомнения, что умершие относились к элите. Похороненных здесь людей сопровождало большое количество предметов, причем некоторые из них были единственными в своем роде. Обнаружили также тысячи жемчужин; поэтому газеты того времени назвали эту усыпальницу «Большой жемчужной могилой». В большом количестве были найдены орудия и украшения из меди, слюды, панциря черепах и серебра» [6].

Громадное количество жемчужин (речной жемчуг различной величины) постоянно побуждает туристов или посетителей музея спрашивать об их стоимости.

На этот вопрос трудно ответить. Как можно измерить стоимость медного топора, весящего не меньше 28 фунтов, найденного там же, по-видимому, предмета культа, принадлежавшего вождю или знахарю? Такие вещи по праву принадлежат музеям и не подлежат продаже, а следовательно, и оценке. Что же касается жемчуга, то профессор Френк К. Хиббен из Университета в Нью-Мексико отважился на его оценку. В современном масштабе цен жемчужины оцениваются в два миллиона долларов или дороже! [7]

Но вернемся к обеим культурам, считающимся в наши дни важнейшими: к культуре адена и культуре хоупвелл. С самого начала ученые заспорили о датировке. Сравнительно быстро они пришли к единому мнению, что культура адена была раньше хотя бы потому, что некоторые произведения искусства хоупвелла были более совершенными, а адена была для них, так сказать, подготовительным этапом. Сначала думали, что носители этих культур



Образцы тканей из маундов периода хоупвелл, около 500 г. н. э.

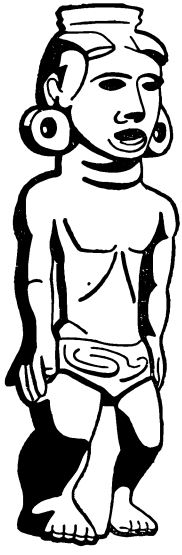
были современниками строителей пуэбло, но некоторые ученые преждевременно высказали мнение, что они были значительно раньше, не говоря уже об отдельных дилетантах, считавших их мифическим пранародом или прямыми потомками уэллсского принца Мэдока, якобы приплывшего в Америку в XII столетии н. э., о всех поэтических воплощениях строителей курганов. Даже научная дискуссия в конце 30-х годов «закончилась разочаровывающими оценками и ожесточенными спорами», как писал Фредерик Джонсон [8].

Все сразу изменилось, когда на помощь пришел Либби со своим методом радиоуглеродной датировки. Сначала он еще больше все запутал. Первые немногие слишком поспешно интерпретированные измерения вроде бы доказывали, что мнения всех археологов ошибочны и хоупвелл существовал раньше, чем адена. Но мы не будем углубляться в подробности и из осторожности, ибо и сами ученые должны быть осторожны, предоставим еще раз слово Фредерику Джонсону из Фонда Пибоди, писавшему в 1967 г., что «...общее количество дат, имеющихся в распоряжении, недостаточно, чтобы определить хронологические рамки этих культур, распространенных на огромной площади Востока Северной Америки и отражавших в течение более 1000 или 1500 лет их подъем и упадок. Распределение дат относительно той или иной культуры меняется и зависит соответственно от специальной классификации различных авторов, которые не всегда придерживаются единого мнения, приписывая обнаруженные признаки той или иной культуре. Но в общем следует сказать, что адена существовала между 500 и 900 годами н. э., а культура хоупвелл, в особенности на севере,— между 900 и 1150 годами н. э.» [9].

Сегодня нет сомнения, что адена предшествовала культуре хоупвелл. Но мы до сих пор не можем точно определить, когда

Карта расположения важнейших маундов культур адена и хоупвелл, сооруженных между 800 г. до н. э. и 500 г. н. э. К 1957 г. было зафиксировано 222 маунда культуры адены, сейчас маундов обоих типов насчитываются тысячи.

был воздвигнут каждый маунд, чего нельзя сказать о юго-западных индейцах пуэбло, сооружения которых мы часто определяем с точностью до года. И это еще не все. У нас масса теорий, но мы не знаем, откуда пришли круглоголовые люди адены, почему они покинули свой район — прежде всего долину р. Огайо — и куда они ушли. Все это касается и пришедших туда длинноголовых людей хоупвелла, а вопросы «откуда» и «куда» подлежат, как и раньше, научной дискуссии. И тем не менее обе культуры мы можем довольно хорошо характеризовать благодаря огромному количеству находок, обнаруженных в маундах. Маунды адены назвали по аналогии с находившимся недалеко от Чилликота одноименным поместьем бывшего губернатора штата Огайо Томаса Уортингтона. Уильям Майлс проводил там в 1901 г. раскопки и нашел среди прочих предметов знаменитую «курительную трубку адены» в форме человеческой фигуры, дав культуре ее сегодняшнее название. Еще в 1930 г. Шетрон в своем большом труде мог посвятить



Курительная трубка, вырезанная из камня и обнаруженная в маунде адена. Чубук трубки находится под ногами фигурки, а мундштук в черепе. Длина около 20 см.

Мать и дитя — скульптура из маунда хоупвелл в штате Иллинойс (до 500 г. н. э).

этой культуре всего-навсего три страницы: 167—169, и еще пять коротких замечаний; так мало о ней было известно. Но уже через два года Эмерсон Ф. Гринман определил, что 70 маундов относятся к культуре адена, а еще через 13 лет, в 1945 г., появилось содержательное сообщение Уильяма С. Уэбба (одного из руководителей Археологической службы по спасению памятников, ставшей необходимой, когда строительство больших дамб стало угрожать затоплением руин) и Чарлза Сноу «Население Адены» [10]. Они добавили к списку Гринмана еще 103 сооружения адены; в 1957 г. их стало уже 222!

Люди адены были первыми в восточной Америке, кто объединил в одно целое три важных фактора, содействовавших созданию культуры: выращивание маиса, изготовление керамических изделий и организованный коллективный труд. Может быть, идея строительства маундов пришла из Мексики? Такая вероятность существует, но она не доказана. Маунды адены были погребальными по назначению, тогда как мексиканские народы сооружали преимущественно храмовые холмы. Очевидно, что у людей адены существовала общественная иерархия; можно точно отличить могилы знати от могил простых людей, трупы которых большей частью сжигали. На отдельных скелетах было обнаружено нечто любопытное. Мы цитируем Уилли:

«Тела были положены на спину вытянутыми, и, по-видимому, мышцы еще были на костях... Многие кости перед захоронением были окрашены красноватой охрой. Или скелет очистили от мышц, прежде чем сверху насыпали красноватый порошок, или тело покойника некоторое время оставляли на воздухе, чтобы оно разложилось, и только потом кости красили охрой. Во втором случае это означало, что между моментом, когда тело клали в могилу, и ее закрытием проходило некоторое время» [11].

Все это можно истолковать как начало культа мертвых, ради которого народ должен был брать на себя необычный труд. Очень странно, что эти люди жили маленькими деревенскими общинами, едва ли более пяти домов. Если согласиться с мнением, что для строительства большого маунда тысяча индейцев должна была работать по меньшей мере в течение пяти лет, то возникает проблема, как этих людей собирали вместе и как кормили? При этом у них было достаточно времени для занятия различными ремеслами, особенно для изготовления различных украшений.

Странной загадкой были каменные или глиняные плитки с вырезанными на них замысловатыми рисунками — к примеру, стилизованными птицами или просто орнаментом — толщиной чуть более сантиметра, которые удобно было держать в руке. Единственное убедительное объяснение, разделяемое и сегодня,— это были доски для печати на «текстиле»!

Все это, но в более совершенном виде встречается и в культуре хоупвелл. Это название поместья капитана Хоупвелла, на землях которого возвышалось более тридцати маундов. Когда на Всемирной выставке 1893 г. в Чикаго американцы захотели показать свою старину, Уоррен К. Мурихед провел раскопки на территории фермы Хоупвелла и обнаружил прекраснейшие, искусно созданные предметы старины, послужившие экспонатами.

Длинноголовые люди культуры хоупвелл проникали на территорию людей адены. Победили ли они их? Изгнали? Может быть, смешались с ними? Переняли они ритуалы погребения или принесли свои? Так много вопросов и так мало ответов.

Сильверберг в четырех абзацах описывает их ритуал погребения, все, что мы сегодня знаем об этом:

«Маунды хоупвелл — очевидное свидетельство сложного культа мертвых этого народа. На них совершались священные ритуалы и церемонии; здесь самые видные члены племени с помпой и роскошью отправлялись в последний путь. Около трех четвертей умерших сжигали; надо полагать, что захоронение целого тела в усыпальнице было исключительно привилегией высокой касты.

Кульминацией ритуала погребения людей хоупвелла были дома мертвых, сооруженные на специально подготовленных местах. Сначала удаляли все деревья и кустарники с места, где собирались возвести маунд, затем вынимали верхний рыхлый слой земли, а лежавший под ним слой обычно покрывали прочной глиной. На глиняный пол насыпали на дюйм или немного больше слой песка или гравия и на этом основании сооружали большое деревянное здание. Стены усыпальницы строили из одного ряда стоявших стволов деревьев. Отдельные сооружения были столь велики, что, вероятно, и не покрывались крышей, представляя собой огороженные участки под открытым небом; часто вдоль внутренней стороны главной стены устраивали узкие помещения с потолками.

В одном и том же доме мертвых могли проходить различные похороны. Мертвых сжигали в прямоугольных ямах, выкопанных в земле и облицованных глиной, предварительно освободив скелеты от мышц или оставив трупы разлагаться на воздухе. После сожжения собирали пепел с остатками костей и относили в погребальные склепы из стволов деревьев, стоявшие на платформе вблизи от ям для сожжения, или же оставляли в ямах.

В одном из примыкавших помещений подготавливали погребение целого трупа. На полу дома мертвых, на низкой глиняной платформе сооружали прямоугольный деревянный склеп; в него клали вытянутый труп среди предметов, подлежавших церемонии «умерщвления» или уничтожения, возможно, чтобы освободить их души, сопровождавшие умершего в потусторонний мир. Эти усыпальницы из стволов деревьев были похожи на склепы народа адены; основное же различие между могильниками адены и хоупвелл не в сооружении склепов, а в большем богатстве и лучшем качестве предметов хоупвелла» [12].

Это деловое описание. Чтобы представить себе удивительно красочные церемонии, сопровождавшие эти похороны, мы должны прибегнуть к помощи фантазии. Но что может представить наша фантазия? Краски выцвели, а звуки стихли; ничто не расскажет нам о ритуалах, совершавшихся знахарями на курганах полтора тысячелетия назад.

Кажется, что своеобразие их культуры возникло сначала в Иллинойсе и оттуда распространилось в Огайо и Индиану, в Мичиган, Висконсин, Айову и Миссури; все это произошло в первом столетии н. э.

Что отличает людей хоупвелла, так это их любовь к украшениям. Они украшали себя с головы до пят, даже скелетам они часто приделывали медные носы. Чтобы получить редкие материалы, они создали широко разветвленную сеть обеспечения (мы не можем судить, можно ли в данном случае говорить о торговле) по всей восточной Америке, а на западе до Скалистых гор. Медь поступала к ним с озера Верхнее, лежащего на теперешней канадской границе, раковины, зубы аллигаторов и акул — с берегов Мексиканского залива. Из районов Дальнего Запада им привозили обсидиан — черное вулканическое стекло, из которого делали культовые ножи. Из Скалистых гор получали они зубы и когти медведей гризли, некоторые раковины — с побережья Атлантики, а серебристые сверкающие кружки слюды — из Каролины.

Самым же ценным украшением были мягко мерцавшие речные жемчужины. Их обнаружили не только в кургане Сайп. Несмотря на то что в природе они встречаются сравнительно редко, их находили галлонами * и в других могилах знатных людей. Неко-

* Галлон — мера объема жидких и сыпучих тел в Англии, США и др. В США галлон для сыпучих тел равен 4,405 л.

торые жемчужные бусы оценивают сегодня во много тысяч долларов — истинно королевские драгоценности, а в некоторых случаях скелеты были увешаны многочисленными нитками бус.

Золотом и серебром они почти не пользовались, их металлом была медь, из которой они выковывали инструменты, украшения и пластины для доспехов. Следует заметить, что они не знали процесса выплавки металла, а стало быть, и литья, зато им была знакома техника отжига. Вопреки этому археологическому факту в 1951 г. инженер Арлингтон Х. Маллери отважился выдвинуть фантастическую теорию, о чем свидетельствует подзаголовок его книги «История доколумбовой цивилизации железного века» [13]. На 238 страницах книги с помощью многочисленных фотографий, данных радиоуглеродной датировки, металлургического и микроскопического анализа он, как ему казалось, неопровержимо доказал, что в Америке был железный век. Совокупность его «доказательств» в первые дни так ошеломила некоторых археологов, что предисловие к его книге написал не кто иной, как Мэтью В. Стирлинг, директор Бюро американской этнологии Смитсоновского института:

Воин хоупвелл, вооруженный дротиком и копьеметалкой с ожерельем из плоских раковин и подвесок из половинок нижней челюсти человека. Другие предметы реконструированы или основаны на гипотезах, таких, как расположение на набедренной повязке соколиных когтей и колец из раковин. Реконструкция важнейшего скелета (№ 4), Лог-Тамб 2, Уитни-маунд 54.

«Американских археологов трудно будет убедить, что в стране был доколумбов железный век. Но этот удивительный факт не долго будет подвергаться сомнению, тщательные исследования металлургов и новый метод радиоуглеродной датировки достаточны, чтобы дать ответ на этот вопрос». Просто непостижимо, как он отважился на такое высказывание. Хаури сказал по его поводу: «Я уверен, что Стирлинг, когда он писал предисловие к книге, не собирался подтвердить ее выводы; вероятней всего, это было признанием факта, что умы ученых, подобных Маллери, в состоянии «высидеть» новые, вызывающие теории». И далее лаконично заметил: «Безусловно, книга Маллера — чистейшая бессмыслица, вы можете в этом убедиться сами» [14].

Как выглядел человек хоупвелла? Благодаря работам дирек-

тора Иллинойсского государственного музея Торни Дьюэла, считавшего своим долгом дать наглядный ответ на массу вопросов посетителей, в экспозиции есть много реконструкций, в значительной степени базирующихся на раскопках в Иллинойсе. Среди экспонатов есть не воображаемый человек, а мужчина и женщина, занимающиеся различными делами; ученые сумели реконструировать даже прическу [15]. Мы приводим несколько рисунков, убеждающих лучше, чем слова. Но самый великолепный экспонат — это реконструкция воина времени хоупвелла из штата Огайо. Воин хоупвелла носил, как латы, выкованные из меди нагрудные пластины, на гордой голове шлем, увенчанный рогами или другими украшениями; кусочки слюды отражали солнечный свет; он носил серьги, браслеты и ожерелья. Само собой разумеется, что при нем постоянно была курительная трубка, часто очень искусно вырезанная — в виде зайца, белки или утки; одна особенно красивая трубка изображает утку, сидящую на спине рыбы. Изготовление курительных трубок было не только на высоком художественном уровне, их делали много. Только в Траппер-маунде, штат Огайо, нашли 136 трубок, вырезанных из камня.

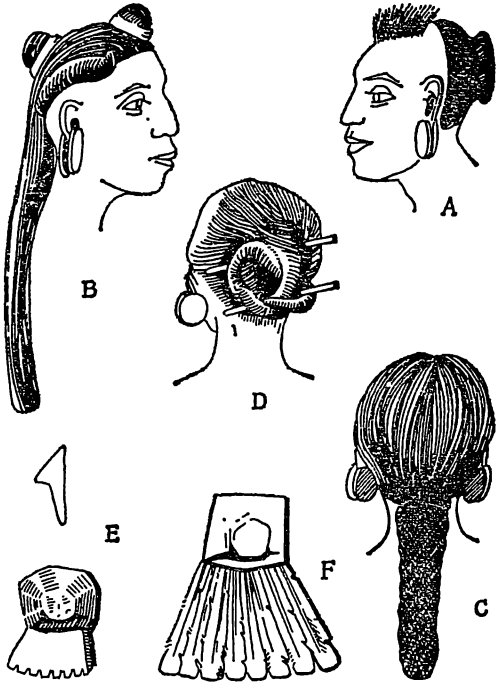
И этот народ, возможно, стоявший еще ближе, чем народы пуэбло, у порога высокой культуры, исчез в сравнительно короткий период времени. Надо полагать, у него была крепкая иерархическая структура, с господствовавшим слоем духовных и светских руководителей, какой никогда не было у народов пуэбло (мы, как всегда, отмечаем их очень демократическую и прежде всего миролюбивую общественную структуру). Есть даже смелая теория, предполагающая на основе антропологических данных наследственную монархию у хоупвеллцев. Сильверберг описывает такой факт: «Недавно было замечено, что многие черепа людей культуры хоупвелл из Огайо, найденные в самых богатых захоронениях, имеют вдоль внутренних ушных каналов костяной выступ, называемый экзостоз. Это очень редкая особенность, передающаяся генетически, поэтому можно предполагать, что вожди хоупвелла, о могилах которых идет речь, были членами одной семьи — по сути дела наследственная аристократия» [16].

Но в V в. н. э. эта культура вступает в полосу упадка.

Во всяком случае, на историческую сцену вступил новый народ. И вновь это были строители маундов. Но они стали сооружать маунды не рядом и между памятниками своих предшественников, как это сделали люди хоупвелла, придя в долину Огайо, принадлежавшую людям адены, а много южней, вдоль могучего течения Миссисипи, начиная от дельты и затем все дальше, завоевывая более северные провинции.

Этот народ мы называем строителями храмовых маундов (Temple Mound Builders). Ибо их сооружения не были внушительными холмами-погребениями, а только огромными фундаментами хра-

мов. Это усеченные пирамиды, которые служили тронами для воображаемого божества и были видны издалека; их можно больше сравнить с месопотамскими «зиккуратами *, чем с египетскими могилами фараонов, ибо египетские пирамиды — только могилы фараонов, о чем часто забывают, воспринимая их монументальность. У них много общего с мексиканскими и центральноамериканскими храмовыми пирамидами майя и ацтеков, хотя они не сложены из камня, а насыпаны из земли. И если центральноамерик а н ское влияние на культуры адены и хоупвелла очень спорно и, в общем, ограниченно, то в данном случае оно очевидно. Их функции одинаковы. Как в Мексике, они стоят не поодиночке, а всегда по нескольку, объединенные в группы до сорока маундов; это были центры для отправления культа с большими площадями для парадов или собраний в середине. И еще одно сходство. Их форму и высоту с самого начала проектировал не один «архитектор», их создавали слоями, и можно насчитать до дюжины таких слоев. Как долго это длилось? Может быть, они, как майя, придерживались пятидесятидвухлетнего календаря? Был ли у них календарь? Что служило поводом и кто отдавал приказ рабским трудом в течение долгих лет строить новый слой?



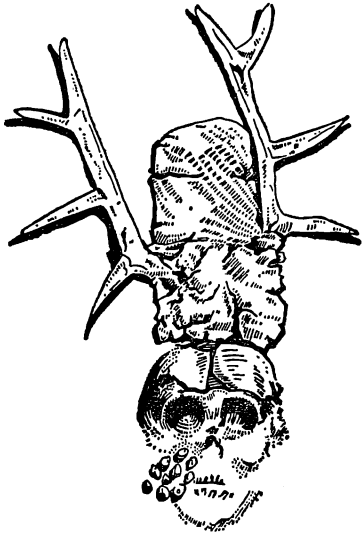
Мужская (A) и женская (B и D) прическа индейцев хоупвелл. C — прическа кормящей матери, E и F турнюры, индейские предшественники парижских украшений из хвостовых перьев индюка.

На вершину к храму вели лестницы или скаты, иногда очень крутые, и, как заметил в 1790 г. один путешественник, даже коровы не могли забраться по ним наверх. К сожалению, не осталось ни од-

* Зиккурат — ступенчатая пирамидальная башня в храмовых комплексах древней Месопотамии.

ного храма, где жрецы поддерживали когда-то священный огонь (это доказано), которому поклонялся народ, и где, возможно, приносились человеческие жертвы, как и в Мексике. Храмы были из дерева, поэтому они давно разрушились и исчезли.

В этих маундах погребения совершали редко; как правило, захоронения производили на кладбищах вокруг культовых центров. Там нашли предметы, свидетельствующие о высоком художественном уровне и уровне развития ремесел; в этом отношении они вряд ли уступают культуре хоупвелл и свидетельствуют о том, как сильно религиозные чувства определяли жизнь и мышление. Они гравировали свои рисунки на меди, раковинах, камне или прессовали на керамике; эти изображения — нечто большее, чем стремление создать украшения, они почти все исполнены на религиозные мотивы и напоминают о жутких церемониях. Можно увидеть не только жреца в фантастическом наряде из перьев, но и человеческие черепа, сердца и отрубленные руки с торчащими костями. Все это, а также бесчисленные и, очевидно, служившие только культовым целям сосуды, инструменты и ножи дали археологам повод говорить о ярко выраженном культе мертвых, оказывавшем большое влияние на жизнь этих людей. Мы благодарны А. Уорингу-младшему и Престону Холдеру, а также Джеймсу А. Форду и Гордону Р. Уилли за то, что они впервые внесли ясность в этот вопрос [17].



Череп человека хоупвелл, украшенный медным шлемом, имитирующим оленьи рога. Там же обнаружили дорогие бусы из речного жемчуга и медные нагрудные пластинки.

Хотя первые сведения о строителях маундов дошли до нас от испанцев, хотя кое-что уже было известно в конце XVII столетия из сообщений путешественников, прибывших с севера, научные исследования начались намного позже, чем на севере страны, — если быть точными, то с 1933 г., с раскопок группы Окмалги, на восток от теперешнего Мейкона в штате Джорджия. Эти раскопки продолжались восемь лет. В 1938 г. их первый руководитель А. Р. Келли опубликовал предварительное описание [18]. Ему удалось выявить не менее шести этапов в жизни памятника, следовавших один за другим. Первая примитивная, недекорированная керамика появляется здесь только между 2000 и 1500 гг. до н. э., а первый хра-

мовый комплекс датировали приблизительно 900 г. н. э., его образовывали три больших и четыре маленьких маунда.

Другую историю имеют раскопки группы маундов Этова вблизи от Картерсвилля в Северной Джорджии. Испанцы увидели их уже разрушенными и заросшими. Любопытное сообщение сделал об этих маундах в 1819 г. священник Элиас Корнелиус. В 1871 г. здесь начались археологические исследования (но их нельзя сравнивать с систематической работой, проводившейся в Окмалги позже — через 50 лет), там трудился Сайрус Томас, после него в 1890 г.— У. Х. Холмс из Бюро этнологии. С 1925 г. там провел три зимы уже постаревший заслуженный ветеран исследований маундов Уоррен К. Мурихед (34 года назад он раскопал интересный хоупвеллский маунд). Это он после многочисленных находок настойчивей, чем другие, стал защищать теорию, утверждавшую, что строители храмовых маундов не только находились под влиянием культуры Мексики, но и сами пришли оттуда (что до сих пор не доказано).

Но в один прекрасный день этой культуре пришел конец. Около 1500 г. н. э. культ мертвых, возможно, принял крайне варварские формы. Возможно, надменность и высокомерие жрецов привели к восстанию угнетенных масс; возможно, имели место военные удары извне; а может быть, на людей обрушились эпидемии? Может быть, но мы и на этот раз не знаем, почему угасла эта культура. Во всяком случае, когда пришли первые белые люди, великое время строителей маундов прошло. Но кое-где, судя по письменным источникам, еще оставались старые ритуалы: у племен чоктавов, чичасавов, криков и натчезов. По поводу последнего племени и его социальной структуры мы хотим сделать некоторые замечания, ибо эта структура, во-первых, была уникальной среди всех североамериканских индейцев между двумя океанами, а во-вторых, в данном случае очевидна прямая связь с традициями последних строителей храмовых маундов.

Изображение на раковине из маунда в штате Миссури, 11,5 см в диаметре. Воин или жрец повергает другого человека наземь. Назначение предметов, которые стоящий человек держит во рту и руке, неизвестно.

О натчезах у нас есть превосходные сообщения французов, проживших среди них с 1698 по 1713 г.— в семи маленьких селениях вдоль р. Сент-Катерина, недалеко от теперешнего города

Натчез в штате Миссисипи. Центром был так называемый «Изумрудный маунд» более десяти метров высотой; кроме него, у каждой деревни был собственный маленький маунд и, что уж совсем необычно, особый жилой маунд вождя.

Народ натчезов был разделен на четыре «класса» и жил при абсолютной монархии *. Властителя звали «Великое Солнце», и ему оказывали божественные почести. Он был слишком знатен, чтобы прикасаться к кому-либо из своего народа (если он хотел обратиться к подданному, то толкал его ногой), и слишком благороден, чтобы пройти пешком даже самое небольшое расстояние; его, украшенного королевской короной из лебединых перьев, всегда носили в паланкине, а если он хотел вылезти, то землю под его ногами устилали циновками. Он был неограниченным властителем, распоряжавшимся жизнью и смертью своих подданных, и деспотически пользовался этим правом.

Индейцев, принадлежавших к высшему «классу», также звали «солнцами», и они в качестве доверенных лиц правителя пользовались аристократическими привилегиями. Следующим «классом» были «знатные люди». Ниже их находилась большая группа «уважаемых мужей». И только потом шел простой народ.

И пожалуй, нигде в мире (за исключением касты «неприкасаемых» в Индии) господствовавший только благодаря своему положению класс так не проявлял своего глубочайшего презрения к рабочему люду, как «солнца» натчезов. Они называли людей очень просто — «вонючками» (Stinker или Stinkards); на языке зоологов эти слова означают «животное-вонючка». Они были вне закона и подвергались любому произволу.

Мы должны заметить, что классовое общество было характерно для любой высокой культуры в истории человечества. Ничего нет удивительного в том, что в первом подводящем итоги раскопок издании «Археология Соединенных Штатов», вышедшем в 1856 г., с обезоруживающей простотой написано, что натчезы были «самыми цивилизованными коренными обитателями Северной Америки» [19].

Странным в общественном порядке натчезов, отличавшем их от всех феодальных порядков Европы, было предусмотренное систематическое кровосмешение между «классами». Подчиняясь традиции, каждое «Великое Солнце» должно было жениться на «вонючке». Наследственного правления не было, сын «Великого Солнца» никогда не мог стать «Великим Солнцем», он получал только ранг «благородного». Дети же этих «благородных» людей также

* Автор допускает явное преувеличение. Даже если принять на веру все сведения французских авторов XVII—XVIII вв., вряд ли общество натчезов выходило за рамки последнего этапа разложения родо-племенного строя и начальных стадий формирования раннеклассового государства.

были вынуждены жениться или выходить замуж за «вонючек»! Если «благородная» женщина выходила замуж за «вонючку», то дети оставались «благородными» людьми, но если «благородный» женился на «вонючке», то дети переводились в «класс» «уважаемых мужей», если женщина-«солнце» выходила замуж за «вонючку», что было вполне возможно, то у мужчины было меньше прав, чем у европейского принца-консорта, он не смел есть за одним столом с женой и в ее присутствии обязательно стоял, как и полагалось «вонючке», которой он остался. Если же он больше не устраивал свою жену, то она могла приказать его умертвить, а себе выбрать другого «вонючку».

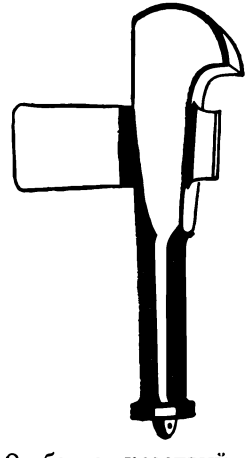
Все это, конечно, составляло крайне сложную социальную структуру, но индейцы вполне овладели ее тонкостями.

Основная характерная черта этой социальной структуры заключалась в том, что мужчины управляли обществом, но этот высокий статус определялся только происхождением по женской линии. Женщина-«солнце» выбирала и новое Великое Солнце.

Трудно сказать, в какой степени этот общественный строй отражал традиции строителей храмовых маундов. Я считаю его экстремальным отклонением позднего времени, ибо существование такого порядка в течение добрых тысячи лет невероятно, хотя и не исключает, что общества ранних строителей курганов были монархиями *.

Уже первые точные наблюдатели-французы были очевидцами «естественного» упадка племени натчезов; они пытались объяснить этот процесс проявлением божьей воли, но не оставили без внимания и опустошающее действие оспы и кори — смертельных для индейцев болезней, завезенных белыми. Как и всегда, в случае с натчезами трудно определить причину их вымирания; один из наблюдателей даже заметил, что женщины индейцев употребляли противозачаточные средства. А некий де Ла Венте, живший среди натчезов в 1704 г., написал:

«Я не могу не сообщить Вам, что, по всей видимости, бог хочет, чтобы они уступили свое место новым народам», — и далее уточняет: «Совершенно ясно, что в течение шести лет, когда наш народ шел вниз по реке, он уменьшился на одну треть; и это знают; все складывается так, будто бог сам хочет, чтобы они уступили место другим»[20].



Особенно красивый образец каменного полированного топора (после 1200 г. н. э.) из Маундсвилла в штате Алабама.

* См. примечание ред. на стр. 244.

Французам казалось, что божьи жернова мелют слишком медленно. В 1729 г. натчезы подняли восстание против эксплуататоров-французов. Последние потопили восстание в крови. Только немногие индейские семьи спаслись в других племенах, где их приняли с глубоким уважением и страхом.

Так после двухтысячесемисотлетней истории (если вспомнить о первых создателях погребальных маундов) исчезли последние строители маундов — творцы пирамид Северной Америки, те племена, которые со времен Джефферсона окрыляют фантазию и вдохновляют на умозаключения, бросают вызов науке.

17. АМЕРИКАНСКИЙ ГОЛИАФ

Этой главой мы заканчиваем часть нашей книги, где речь шла о североамериканских культурах, и вступаем в совершенно иной, более древний мир, в существование которого большинство американских антропологов и археологов до 1926 г. не верили.

Какой бы смысл ни вкладывался в слово «культура» по отношению к доисторическим индейцам, нет никакого сомнения, что вполне правомерно говорить о культуре племен «корзинщиков» (баскет-мейкеров), пуэбло, хохокам и разных групп строителей маундов, ибо эти культуры следует рассматривать как развитые и уже дифференцированные общественные формы, основывавшиеся на доместикации маиса; они были противоположностью миру бродячих охотников, живших маленькими группами за тысячи лет до них и убивавших в борьбе за существование животных, вымерших 10 000 лет назад, таких, как огромный «лохматый» мамонт, бизон и гигантский ленивец.

Долгое время исключалось положение, что остатки вымерших животных (их существование было подтверждено находками) в Новом Свете можно будет увязать со следами человеческой деятельности; казалось, что в этом плане у Старого Света был приоритет.

В этой книге автор часто рассказывал об ошибочных путях ученых, ибо они поучительны и доказывают, что наука — это постоянная борьба за познание. Мы собираемся этой главой закончить период североамериканской древней истории и перейти к новым находкам и достижениям науки, познакомив читателя с «правдивой, нравственной и забавной историей» так называемого Кардиффского гиганта, называвшегося также Американским Голиафом. Она не лишена юмора (это история гигантской подделки — величайшей в мире подделки ископаемого в Америке). Этот эпизод доказывает также, как мало знала наука об ископаемом человеке еще сто лет назад [1].

Эта история началась в 1866 г. в маленьком городке штата Айова во время теологического спора между владельцем табачной плантации и пастором. Пастор Тюрк категорически утверждал, что в стародавние времена жили великаны, ибо про них сказано в Библии (о великанах упомянуто в четырех местах), а все, о чем там написано, было в действительности. Это утверждение и его обоснование плантатор и владелец сигарной фабрики Джордж Халл назвал чистейшей чепухой. Говоря современным языком, пастора Тюрка можно назвать фундаменталистом *, а Дж. Халла — агностиком — понятия, абсолютно неведомые спорящим; точку зрения Халла только в 1870 г. Т. Х. Хаксли назвал «агностицизмом», а фундаментализм как мировоззрение вновь приобрел значительное количество сторонников в США только после первой мировой войны.

Как и следовало ожидать, агностик Халл так рассердился на «неисправимого» пастора, что решился на нечто невероятное; если уж преподобный отец так верит в существование великанов, то пусть получит одного из них.

И Халл терпеливо ждал своего часа. В июне 1868 г. его с другом видели в каменоломнях, где добывали гипс, у Форт-Доджа, в штате Айова, они откололи там огромный блок и увезли его, соблюдая величайшую осторожность и конспирацию. При перевозке блока весом 5 т (по дороге его выдавали то за заготовку для памятника Линкольну, то за образец «лучшего строительного камня в мире» для Вашингтонской выставки) Халлу пришлось многое претерпеть. На плохой сорокакилометровой дороге к ближайшей железнодорожной станции гипсовый колосс раздавил много телег, и под ним рухнул мост. На железной дороге тоже возникли трудности, но Халл доставил блок в Чикаго в целости и сохранности, где каменотес Эдвард Буркхардт немедленно принялся за работу. В результате на свет появился лежащий великан длиной 3,17 м и весом 2990 фунтов (1,19 т).

Халл соответствующим образом «обработал» его. Специальным молотком, утыканным гвоздями, он сделал гиганту «поры», затем, чтобы придать «достойный возраст», смочил кислотами и повез его в обитом железном ящике сначала по железной дороге, а потом в повозке через Детройт и Сиракузы в городок Кардифф, южнее Сиракуз, в штате Нью-Йорк, на ферму своего родственника и сообщника Уильяма С. Невелла. Там гиганта закопали в землю. Вся эта авантюра, начавшая со спора с упорным пастором Тюрком, обошлась Халлу до этого момента в 2200 долл.

Потом началось: утром 16 октября 1869 г., через год после «погребения», мистер Невелл как бы мимоходом приказал двум своим

* Фундаментализм — вера в то, что Библию следует рассматривать как непогрешимый и абсолютно надежный исторический источник.

работникам выкопать колодец за амбаром. На глубине одного метра копавшие наткнулись на «человеческую» ногу и в ужасе прибежали домой. Через несколько часов о находке знали соседи, а уже на следующий день тысячи (буквально тысячи) людей прибыли, чтобы лицезреть гиганта, открывшегося во всем своем величии и бледной красоте.

Сразу же мнения разделились. Но с самого начала доминировала несколько смелая точка зрения одного уважаемого коммерсанта: «Это создал не смертный, это настоящий портрет сына божьего тех времен, когда он жил на земле». Кто-то сказал, что это забытый памятник Джорджу Вашингтону, а еще один из присутствовавших поведал, что это статуя, созданная переселенцами-иезуитами, чтобы устрашить индейцев. Но постепенно росло число голосов, утверждавших, что в данном случае, без сомнения, речь шла об огромном первобытном человеке, окаменевшем тысячелетия назад; этого и добивался Халл. Спор ученых начался, когда Джеймс Халл, уважаемый директор Нью-Йоркского государственного музея заявил, что это «... самый замечательный объект, обнаруженный до сих пор», и был прав. Но два профессора Йельского университета решительно сказали: «Мистификация!» Газетам все «за» и «против» давали сенсационный материал, а для Джорджа Халла и Невелла гигант буквально за несколько часов превратился в доходное предприятие. Мистификаторы стали брать входную плату за осмотр «Американского Голиафа», вокруг фермы выросли временные жилые строения, а от Сиракуз для перевозки любопытных пришлось пустить добавочный омнибус на конной тяге. В один из дней побывало три тысячи человек! Какой-то мужчина из Нью-Йорка предложил 100 долл. «за совсем маленький кусочек гиганта». Через несколько недель поблизости открыли два новых ресторана «Салун гигант» и «Дом Голиафа», где продавали минимум три различных листовки (буклета) с «единственно аутентичными и точными» описаниями гиганта.

Итак, чтобы покончить с этой историей, нельзя сказать, что молодая американская наука опозорилась в случае с гигантом. С самого начала была масса критических мнений, и вскоре среди серьезных ученых уже не было сомнения, что гигант был колоссальной подделкой. Удивительно другое. Когда Халл под давлением критики был вынужден рассказать всю правду и поведал о предыстории этой авантюры, люди, во что бы то ни стало хотевшие видеть в гиганте окаменевшего человека, не умолкли. Не кто иной, как великий врач и эссеист Оливер Вендел Холмс, просверлил гипсовой статуе за ухом отверстие и заявил, что у тела удивительное анатомическое строение. А критик и философ Ральф Вальдо Эмерсон сообщил: «Это выше понимания, но он удивителен и, без сомнения, стар». Возможно, что оба ничего не слышали о публичном саморазоблачении Джорджа Халла, как и студент Йельского университета,

написавший в своем реферате объемом 17 страниц, что гигант — это древнее изваяние финикийского бога Ваала и якобы между локтем и плечом колосса он обнаружил даже иероглифы, «правда, их, кроме него, никто не видел».

У этой истории конец, вполне подходящий для комедии нравов. Крупный цирковой делец Ф. Т. Барнум предложил за гипсового гиганта 60 000 долл. Но после оживленных торгов его приобрел другой делец. Он привез гиганта в Нью-Йорк и выставил его на Бродвее, но вскоре узнал, что расторопный Барнум через несколько кварталов в Музее Вуда поставил точную копию гиганта — подделку подделки с бесстыдной надписью: «Оригинал всех кардиффских гигантов». Естественно, владелец первой подделки подал в суд. Возмущение публики, вызванное обоими гигантами, было настолько велико, что идея держать колосса в Нью-Йорке себя изжила и «настоящего» гиганта отправили путешествовать. Его показывали, пока к нему не угас интерес, потом на несколько десятилетий про него забыли, еще раз его «откопали» для съемок фильма «Могучий Барнум» в 1934 г., а затем отвезли на заслуженный покой в Музей Фермера в Куперстауне, штат Нью-Йорк. Несколько лет назад его с помощью трактора и десятка грузчиков отправили в другое помещение, и посетители, взирающие на эту импозантную, почти трогательную статую, конечно, смеются. Но, когда его откопали, научное изучение окаменелостей даже в Европе имело за своими плечами всего около тридцати лет, а в Америке еще не было его компетентных представителей.

И нет ничего удивительного, что произошли и другие подобные случаи, правда не столь драматичные, но достаточно интересные, чтобы рассказать еще об одном. Речь идет о так называемом «калаверасском черепе», о котором в 1866 г. одна газета писала: «В Калифорнии в плиоценовом слое нашли человеческий череп. Этот череп является не только частью останков самого старого жителя этой страны, но также и старейшего известного человекообразного существа...» Череп нашел горняк Джеймс Уотсон в шахте на глубине 46 м, в двух милях от Эйнджелса в округе Калаверас, и вручил его коммерсанту Скрайбнеру. Тот подарил находку доктору Джонсу, передавшему ее в геологическую службу штата. В отчете, опубликованном этим учреждением, было написано, что «череп принадлежал современнику мастодонта и что находка доказывает существование человека на Земле до того, как появился мастодонт».

И действительно, профессор Дж. Д. Уитни, сотрудник того института, подтвердил это мнение в 1880 г. Он исследовал место находки не как археолог, а как геолог. По его мнению, череп, безусловно, находился в геологических слоях самого начала третичного периода — плиоцена, следовательно, его владелец жил до ледникового периода и возраст находки — несколько миллионов лет. Если все это верно, то человек в Америке появился раньше,

чем в Азии, Африке и Европе! Примечательно, что первым по этому поводу высказывался в шутливом тоне не ученый, а писатель Брет Гарт, уже тогда известный мастер короткого рассказа:

Брет Гарт (1839—1902)

К ЧЕРЕПУ ИЗ ПЛИОЦЕНА

(Геологическое обращение)

Отвечай нам, (плио) ценный череп,
Мы хотим услышать древний глас.
Говори, а мы тебя проверим,
Почему ты прятался от нас.

Мио — плио — очень старый череп,
В прошлом бывший умной головой,
Мир ученых, право, не уверен,
Может, возраст выдумали твой.

(Перевод с немецкого)

Мы цитируем стихотворение по изданию 1899 г.; оно напечатано в томе «Поэмы и два человека из Санди-Бара» в отделе «Пародии» и содержит еще восемь строф.

Через много лет после него, в 1907 г., антрополог Алеш Грдличка, знавший намного больше, чем его предшественники, опубликовал правду о калаверасском человеке. Это могло быть только мистификацией, шуткой, в действительности же приятели пошутили над горняком и перенесли череп в слои геологической эпохи, в которой его владелец никогда в жизни не жил [2].

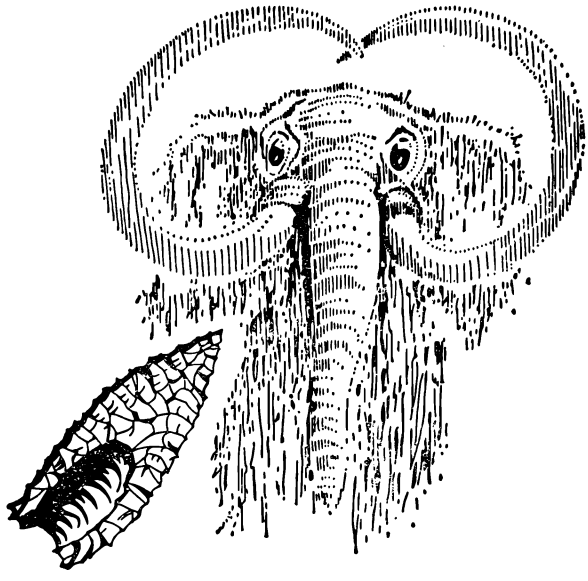
У европейского ученого мира нет оснований иронизировать по поводу отставания американской науки. Ему не следует забывать о скандале с пильтдаунским черепом, происшедшем много позже, в нашем столетии, когда ученые-антропологи достигли высочайшей квалификации, и закончившемся только в 1953 г. Адвокат Чарлз Даусон в Гастингсе, Англия, нашел в 1908 г. куски черепа и сложил их; в этом виде они стали научной сенсацией и в течение почти пяти десятилетий вызывали у видных антропологов ожесточенные споры. Череп представлял вид, который противоречил эволюционной теории. Но это было невозможно. В 1953 г. с помощью химических анализов доказали, что череп очень искусно сложили из двух частей разных черепов — черепная коробка человека была стара, а челюсть принадлежала современному орангутангу! Пильтдаунским скандалом занималась даже палата общин. Так и осталось невыясненным, кто изготовил эту гениальную подделку!

Но вернемся к Америке. Незначительные свидетельства, неубедительные находки, которым нельзя было дать точное истолкование в течение десятилетий, поддерживали надежду немногих ученых, что и в Новом Свете обнаружат следы людей, которых можно назвать «предками» тех народов, которые в первом тысяче-

летии до н. э. вдруг появились как организованные общества на исторической сцене. По общему мнению, «первый американец» появился вряд ли раньше 3000—4000 лет назад. Барон де Кювье, великий французский ученый, зоолог и палеонтолог, в 1810 г. категорически заявил: «Ископаемого человека нет!» Аналогичные высказывания делали известные ученые в США до 20-х годов нашего столетия, а именно: «Американского человека ледникового периода не существовало!» Обе группировки заблуждались. Но если все было иначе, то где были следы этого человека?

На этот вопрос первым ответил один черный ковбой. И вместе с его открытием мы вступаем в действительно доисторический, чужой и дикий мир первобытных охотников *.

* Для обозначения времени господства в Северной Америке культур первобытных охотников и собирателей эпохи верхнего палеолита (30 000—10 000 лет до н. э.) в специальной археологической литературе используют множество самых разнообразных терминов: первобытные охотники (primitive hunters), ранние (или древние) люди (early men), палеоиндейские охотники (paleoindian hunters), традиция охоты на крупных животных (big-game hunting tradition) и др. Наиболее распространенными являются термины: «ранние охотники» и «палеоиндейские охотники».



КНИГА ПЯТАЯ

18. ФОЛСОМСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Весной 1925 г. после полудня чернокожий ковбой Джордж Мак-Джанкин ехал рысцой по берегу одного из бесчисленных арройос — высохшего ручья в северовосточном углу штата Нью-Мексико, неподалеку от местечка Фолсом.

И хотя он большую часть времени смотрел под ноги, отыскивая следы затерявшейся коровы, время от времени его взгляд скользил и по другому берегу. Вдруг он увидел там что-то белое, блеснувшее в лучах солнца, похожее на кости, торчавшие из обрыва. Это было в высшей степени странно, и ковбой остановился, чтобы разглядеть их. В этот момент, говорит Хиббен, «значительная часть нашей древней истории повисла в воздухе» [1]. Если бы этот простой ковбой не был любознательным и не слез с коня, чтобы рассмотреть эти кости вблизи, то, кто знает, сколько бы еще прошло времени, прежде чем в Северной Америке обнаружили следы охотника ледникового периода.

Но он был любознательным. Ковбой вскарабкался на обрыв, вытащил нож и стал откапывать кости. При этом ему сразу бросился в глаза кремневый наконечник, такой длинный и так тщательно обработанный, каких он до сих пор не видел, а с наконечниками индейских стрел он был знаком, ибо многие из них валялись на земле его фермы. Ковбой еще больше удивился, когда под ножом от твердой почвы отделилась целая кость, какой он еще не видел; казалось, она принадлежала быку, но это было невероятно, она была много толще. Подумал ли ковбой о взаимосвязи между наконечником и побелевшей костью? Конечно, он не догадался, что сделал самое значительное открытие в североамериканской древней истории. Он еще немного покопал, положил несколько осколков костей в сумку, поискал пропавшую корову и отправился домой, ибо становилось уже прохладно.

Нам не известно, как распространилось известие о его находке. Во всяком случае, еще тем же летом о ней услышал Дж. Д. Фиггинс, директор Колорадского музея естествознания в г. Денвере. Он и опознал кости, которые были ему высланы. Ковбой был прав — они были необычны. Кости принадлежали бизону, вымершему около 10 000 лет назад и имевшему в отличие от бизонов, на которых охотился индеец в «Буффало билл», длинные вытяну-

тые рога и значительно большие размеры; это был Bison taylori, или, как его называют в наши дни зоологи, Bison antiquus figginsi.

Вместе с этими костями нашли кремневый наконечник; но действительно ли с ними, в том же слое? Этот факт так взволновал археологов, что уже летом 1926 г. под руководством Фиггинса были предприняты первые систематические раскопки. Нашли два наконечника и неподалеку от них, прямо у самой кости бизона, еще один наконечник с обломанным острием.

Было доказательство убедительным? Для скептиков — нет.

Когда Фиггинс со своей находкой, преисполненный гордости, посетил многие музеи, чтобы показать ее специалистам, он столкнулся с недоверием. Ему противопоставили старые, но убедительные аргументы: в результате внешнего влияния оружие и кости случайно могли попасть в один слой. Ученый нашел поддержку только в Американском музее естественной истории, где ему посоветовали продолжать раскопки. Летом 1927 г. археологу повезло вновь и намного больше, чем в первый раз.

Фиггинс нашел доказательство, что оружие и скелет вымершего животного связаны друг с другом. Он оставил кремневый наконечник в том положении, в каком его обнаружил, не сдвинув ни на сантиметр, как говорят археологи «in situ» *, и созвал коллег, чтобы продемонстрировать эту улику. Ученые поспешили к нему, ибо каждый хотел стать очевидцем единственного в своем роде открытия. Среди них был и Френк Х. Х. Робертс-младший, известный антрополог. Он был с Киддером на ежегодной конференции в Пекосе, когда получил телеграмму. Находка сразу убедила ученого, и он попросил приехать Киддера, который позже сообщил:

«Прибыв на место раскопок, я увидел директора Фиггинса, много сотрудников Колорадского музея и доктора Барнума Брауна из Американского музея естественной истории в Нью-Йорке. Доктор Браун снял землю с кремневого наконечника, который теперь дал свое имя этому типу наконечников — фолсомский. Мы увидели убедительное доказательство взаимосвязи оружия и костей. Наконечник торчал между двумя ребрами скелета животного» [2].

По поводу типа оружия он заметил: «Мы установили, что наконечник отличался от уже известных типов наконечников, рассеянных в этой части Юго-Востока страны».

В следующем году под руководством доктора Барнума Брауна были сделаны и другие находки. На этот раз обнаружили девятнадцать фолсомских наконечников; так их стали называть, что-

---

* In situ *(лат.)* — предмет или вещь, найденные в земле в первоначальном положении, так, как их поместили еще в древности.

бы отличать ото всех других наконечников. О раскопках 1928 г. Робертс написал:

«Некоторые прошлогодние скептики-критики превратились в восторженных новообращенных. Фолсомская находка убедительно доказала, что человек жил на Юго-Западе задолго до того, как это предполагали».

Редко археологическое известие вызывало такой интерес в печати, как находка фолсомского наконечника. Оно давало возможность американцам гордиться своим прошлым. Газеты писали об открытии американского неандертальца (с антропологической точки зрения бессмысленное сравнение), но через некоторое время, когда улегся восторг первых дней, возник главный вопрос: где же останки человека, метнувшего это оружие? Метнувшего или бросившего, ибо при длине от 2,5 до 8 см речь могла идти только о наконечнике дротика, а не стрелы (к 1928 г. уже знали, что лук и стрела были изобретением индейцев, живших в период поздней культуры баскет-мейкеров).

В Фолсоме не нашли ни одной человеческой кости. И сразу следует добавить, что до сегодняшнего дня не нашли ни кости, ни черепа, не говоря уже о скелете, которые можно было бы поставить в прямую связь с фолсомским наконечником.

Но неопровержимый факт, что в данном случае действовали разумные люди, представители вида Homo sapiens, подтверждается и другими признаками, а не только искусно обработанными наконечниками. У скелета бизона полностью отсутствовали все без исключения позвонки хвоста!

Это можно объяснить только одним: с бизона содрали шкуру, а при этой процедуре хвост остается на коже. На вопрос, зачем сдирали шкуры, есть всего несколько ответов. Древние охотники на бизонов использовали их в качестве одежды, покрывала или мягкой подстилки, а возможно, и для всех этих целей. Рядом с наконечниками дротиков нашли несколько обтесанных зазубренных камней, без сомнения скребков; с их помощью фолсомский человек соскребал мясо и жир со шкуры животных.

На некоторых костях были зазубрины, сделанные ножом, конечно каменным ножом: ясно, что охотник срезал свою еду с костей. И очень странно, что большинство скелетов сохранилось целиком, только в отдельных случаях что-либо отсутствовало, к примеру нога. Возможно, древние люди ели на месте охоты, и не известно, почему они ничего не уносили от больших туш животных, может быть, у них не было определенного жилища? Постепенно выяснили и другие обстоятельства. Там, где убили бизона, когда-то было маленькое озеро или большой пруд. На этом высохшем теперь месте росла сочная трава, это доказывают темные полосы гумуса на обрыве, где ковбой увидел первые кости. Огромные жи-

вотные приходили на водопой, их окружали охотники, убивали и устраивали пиршество.

Задают и вопрос, почему же во время охоты не погиб ни один охотник? Нападение на бизона только с дротиком в руке довольно опасное занятие. Но, очевидно, фолсомский человек великолепно справлялся с этой задачей...

Когда это происходило? Мы уже сказали: приблизительно 10 000 лет назад. Это по определению 1928 г., основывавшемуся только на геологической стратиграфии. Но геологические данные приблизительны, с течением времени появились и другие оценки. Некоторые полагают, что скелету фолсомского бизона около 15 000 лет, иные же ученые считают, что его возраст максимум 7000 лет. Этому спору положила конец радиоуглеродная датировка, проведенная Либби. Его данные сразу не дают ответа на вопрос, как долго кочевал в Северной Америке фолсомский человек,— мы еще услышим, в скольких местах он оставил свое оружие,— но они могут зафиксировать время происхождения отдельных находок. К примеру, исследование одного места раскопок в штате Колорадо показало возраст 10 000±375 лет!

Кажется, первого американца нашли. Но другие находки оспаривают приоритет фолсомского человека. Одним из аргументов, с помощью которого некоторые ученые оспаривали предположение существования человека ледникового периода в Новом Свете, был тот, что в многочисленных пещерах Америки не обнаружили следов древних людей, а, как известно, обитание в пещерах, о котором свидетельствуют открытия в Старом Свете, характерно для образа жизни человека ледникового периода.

Ну а следующая находка оружия, как ни одна другая до наших дней оспаривающая приоритет фолсомского человека, была действительно сделана в пещере.

19. ЧЕЛОВЕК САНДИА

В то же время, когда были найдены следы фолсомского человека, группа бойскаутов, носившая название «команда номер 13», отправилась из Альбукерка, штат Нью-Мексико, на романтические поиски сокровищ в близлежащие горы Сандиа. Юноши шли над долиной полноводной Рио-Гранде, дыша разреженным воздухом на высоте 2210 м над уровнем моря.

Им особенно понравилась одна пещера, привлекшая их тем, что к ней было трудно подступиться. Но при попытке проникнуть в нее, пробиваясь сквозь облака пыли, они наткнулись на упавшие камни, загораживавшие проход, и, разочарованные, повернули назад. Если бы они выдержали это испытание, они обнаружили

бы клад, но особого рода. Бойскауты упустили возможность сделать значительное открытие американской древней истории.

Через десять лет, весной 1936 г. (к этому времени фолсомский человек был давно уже признан в качестве первого американца и никто не надеялся отыскать более древнего), один студент Университета штата Нью-Мексико в городе Альбукерке, Кеннет Девис (в его честь названа другая пещера), обнаружил следы пребывания бойскаутов: спички и т. п., короче говоря, достиг места, откуда они возвратились, и упорно решил самостоятельно пробиваться вперед. Сначала он собрал все, что мог обнаружить в верхнем слое пыли. Среди находок не было ничего необычного для этой местности: наконечник стрелы, обработанная в виде инструмента часть оленьего рога, остатки древней корзины и пара осколков керамических изделий. Он все сложил в коробку из-под сигар и отнес в университет. Доктор антропологии (изучавший и зоологию, что оказалось очень кстати) Френк С. Хиббен, осмотрев находки, решил провести в пещере основательные раскопки.

Через пять лет, в 1941 г., он написал научный отчет. Еще через два года, будучи лейтенантом военно-морского флота, Хиббен по воспоминаниям сочинил интересную научно-популярную статью для «Сатердей ивнинг пост». Редакция сопроводила статью следующими словами:

«До сих пор мы полагали, что фолсомский человек, живший 10 000 лет назад, был нашим древнейшим гражданином. Теперь у нас есть доказательство о другом древнем человеке — могучем охотнике, с которым фолсомский парень не идет ни в какое сравнение» [1].

Если подходить с чисто научной точки зрения, то возраст человека Сандиа, об открытии которого тогда заявил Хиббен, до сих пор точно не выяснен. Следует вспомнить, что в конце 30-х годов еще не было метода радиоуглеродного датирования, который указал бы на возраст реликтов, обнаруженных в различных слоях. Когда Хиббен сделал свое удивительное открытие, он опирался на соотношение слоев друг к другу, потому что он сразу обнаружил много четких пластов, причем находка керамических осколков на поверхности дала единственную надежную дату. Он счел их типичными для культуры индейцев пуэбло и определил их возраст — приблизительно 500 лет. Уже этот возраст был интересен, но дальнейшие раскопки казались тем интересней и увлекательней, чем глубже их проводили.

Копать пришлось в сложной обстановке. Пещера, показавшаяся Хиббену чрезвычайно интересной из-за своего положения, больше походила на туннель, уходивший внутрь утеса на 138 м и опускавшийся затем на 22 м. Хотя ширина туннеля составляла около трех метров, он был почти полностью забит кучами земли, мусора и каменными завалами, которые в некоторых местах доходили до потолка пещеры. Археологи, работавшие под руководст-

вом Хиббена, большей частью студенты, пользовались только обычными мелкими инструментами: заступами, лопатами, кельмами, кирками, при этом они время от времени были вынуждены работать, лежа на животе. Самым ужасным была пыль. При малейшем соприкосновении лопаты с почвой она поднималась густым облаком, при ударе заступом возникала такая густая копоть, через которую едва были видны светившиеся точки карманных фонарей, а дышать было так трудно, что археологам приходилось меняться через короткие промежутки времени. Возможно, что в этих все более ухудшавшихся условиях они прекратили бы работу, если бы приблизительно в 135 м от входа не сделали удивительное открытие.

Все произошло благодаря случаю. Один из археологов вспугнул целую тучу летучих мышей и, пытаясь уклониться от их крыльев, споткнулся и упал, причем ему в руку попало нечто, сразу вызвавшее его интерес. Он положил находку в сумку и пополз к выходу. Далее рассказывает Хиббен:

«Группа археологов собралась, чтобы при свете послеполуденного солнца разглядеть находку. Это был кусок кости, принадлежавший необычному животному: он имел форму короткого изогнутого лезвия турецкого кинжала и показался им очень знакомым. Ученые поняли, что перед ними кусок когтя какого-то очень большого животного, но только одно животное имело когти такой величины. Этот коготь принадлежал гигантскому ленивцу (гигантский наземный ленивец), вымершему минимум 10 000 лет назад» [2].

Гигантский ископаемый ленивец хорошо известен из других раскопок и был во много раз больше своих сородичей, живущих в наше время; в наши дни во многих американских музеях можно увидеть реконструкции этих гигантских животных. Вероятно, грязно-желтый цвет его шкуры, медленные грозные движения и уродливая походка производили на современников жуткое впечатление. Из-за большой длины своих когтей он был вынужден передвигаться, опираясь на заднюю сторону лап. При всем этом он был травоядным и из-за своей неуклюжести сравнительно легкой добычей доисторических охотников — сразу около 15 центнеров съедобного мяса! Древние индейцы охотились на гигантских ленивцев, что доказано находками, где, как и в Фолсоме, находили вместе оружие и кости животных.

Поскольку эти животные вымерли около 10 000 лет назад, с окончанием последнего ледникового периода, можно было с уверенностью назвать возраст этой части когтя: «более чем 10 000 лет».

И хотя эта находка не была первой такого рода, она возбуждала особенный интерес. Она свидетельствовала, что эта пещера 10 000 лет назад могла служить гигантскому ленивцу временным убежищем. А может быть, в нее принесли отдельные куски ленив-

ца? Ибо не обнаружили скелета, как это было бы в случае, если бы одинокое больное животное скончалось в своем последнем укрытии. Не могли ли — и это был увлекательнейший вопрос — в связи с этой находкой обнаружить следы человека, ее современника? Подчеркиваем — современника, ибо в более позднее время в пещере тоже были люди; это уже доказали первые находки студента Девиса: наконечники стрел и керамика.

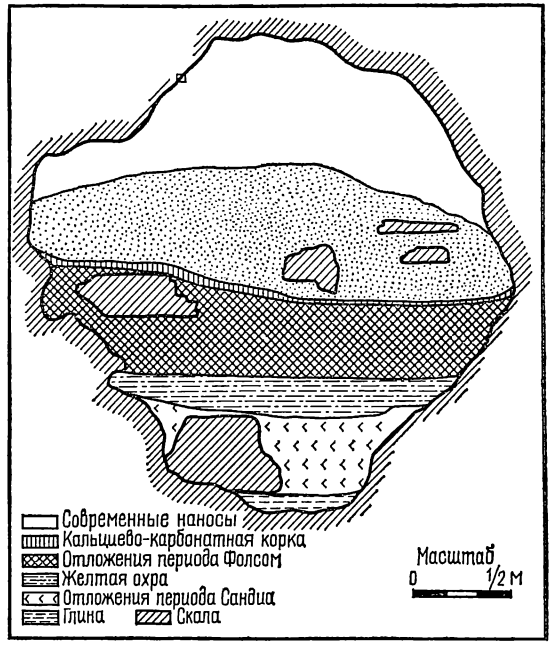


Схема 7. Разрез пещеры Сандиа в штате Нью-Мексико на глубине 10 м.

«Здесь появилась,— пишет Хиббен,— золотая возможность сделать открытие большого значения» [3].

После этого раскопки организовали по всем правилам. В долине каньона разбили лагерь, к имевшимся инструментам добавили маски от пыли. Но и маски в достаточной степени не защищали от облаков пыли, осаждавшейся в легких и вызвавшей у некоторых археологов серьезные заболевания дыхательных путей. Только через несколько месяцев нашли действенное средство защиты, установив подобие огромного пылесоса; длинные резиновые шланги глубоко опускались в пещеру и отводили клубившиеся массы пыли наружу.

Благодаря этому обстоятельству смогли прокопать первую шахту в полу пещеры через покрывавший его слой пыли. На этот раз археологи находились в более благоприятных условиях, чем при большинстве фолсомских раскопок вдоль русел рек, где слои трудно было различить из-за вымываний, обвалов и сдвигов почвы; в пещере же Сандиа очередность пластов не была нарушена. Как об этом далее пишет Хиббен:

«Образование пластов в пещере, несомненно, связано только с процессами, протекавшими внутри ее. В данном случае возможность внешних влияний, таких, как речная эрозия или случайное

занесение с водой, практически исключена. Весь пол пещеры состоит из изначально и естественно осевшей субстанции. Таким образом, чередование отложений является решающим фактором при их исследовании» [4].

Всего было шесть слоев (на рисунке они хорошо видны). Сверху лежал слой пыли, сильно смешанный с экскрементами летучих мышей, накопившимися за сотни лет. Затем следовала тонкая корка из карбоната кальция; ее твердость в свое время заставила бойскаутов из Альбукерка отказаться от поисков клада, а помощники Хиббена разбили ее кувалдами.

Затем следовал третий слой, названный в соответствии с находками «фолсомским отложением». После него шел слой желтой охры, а затем важнейший культурный пласт, в котором и сделали открытие, его назвали «отложением Сандиа». Под ним находилась глина, а за ней шел монолит скалы.

Это сухое описание результатов раскопок и упорного труда за четыре года ничего не рассказывает о волнении, вызванном открытием каждого нового слоя и обнаруженными реликтами, свидетельствовавшими, что американская история стала на несколько тысячелетий древней. Хиббен повествует:

«Первый раскоп из-за пыли, листьев и другого мусора мы были вынуждены заложить недалеко от входа в пещеру. На глубине нескольких футов от поверхности мы наткнулись на осколки костей, зубы и даже части копыт и рогов, принадлежавших вымершим животным. Мы с первого взгляда могли определить толстостенные кости мамонта и мастодонта. В одном месте увидели копыто верблюда, в другом — нижнюю челюсть большого бизона. Прошло много тысячелетий с того времени, когда мамонт и мастодонт бродили в предгорьях и каньонах гор Сандиа» [5].

Затем настал момент первого действительно значительного открытия. «Наконец, мы нашли! Мы увидели как бы вцементированный в массу верблюжьих и бизоньих костей кремневый наконечник, без сомнения изготовленный человеком. Наконечник означал, что здесь был человек, который видел этих животных, убил их и принес в пещеру. Это было убедительное доказательство.

Кремневый наконечник напоминал о человеческих руках, создавших его, и о самих людях. Было нетрудно представить себе этого человека, древнего пещерного жителя Америки. Вероятно, он сидел на этом самом камне у входа в пещеру и наблюдал за стадами бизонов и верблюдов, пасшихся внизу в каньоне. Как же он выглядел? У нас был кремневый наконечник, изготовленный им; теперь настало время поохотиться на самого охотника!» [6]

Наконечник дротика, обнаруженный в фолсомском слое, был известного фолсомского типа; это не вызывало сомнений. Возраст его тоже был известен. Но складывалось впечатление, что вместе с животными, на которых он охотился, вымер и человек. Сначала

у археологов была ложная, но вполне понятная надежда, что они выявят промежуточную культурную форму — следы людей, живших после фолсомского человека, то есть связь с появившимися гораздо позже так называемыми «корзинщиками» (баскет-мейкерами). Эта надежда была очень скромна, но, что удивительно, ученые нашли следы не позднего, а более раннего человека!

Под фолсомским слоем приблизительно вполовину его толщины находился пласт желтой охры. И когда его прошли, в пятом слое обнаружили девятнадцать наконечников дротиков вместе с сильно покрытыми известковой коркой, но благодаря сохранившимся зубам хорошо определимыми остатками костей: вымершей лошади (Equus excelsus), бизона, верблюда, мастодонта и мамонта.

Это были явно следы человека, жившего до фолсомского охотника (слой охры отчетливо отделял его оружие от фолсомского пласта, и в данном случае не могло возникнуть никакого сомнения, как это бывало в других местах), а это было уже сенсацией, почти такой же, как фолсомская находка в 1925 г. Ко всему сандийские наконечники явно отличались от фолсомских. В среднем они были длинней и не так хорошо и красиво обработаны, короче говоря, свидетельствовали о более примитивной ступени изготовления оружия.

«После того как мы вымели всю пыль из пещеры, мы долгие вечера, сидя у костра, философствовали о человеке Сандиа и делали смелые умозаключения. Обычно наши философствования заканчивались утверждением, что этот человек, вероятно, выглядел, как и мы. И если бы он прошел мимо нас по городской улице в шляпе и современном костюме, мы бы, наверное, не оглянулись» [7].

Эти умозаключения свидетельствовали о воображении, которое должен иметь археолог. Но в данном случае оно зашло слишком далеко. Да и раскопки кончились тем же, что и фолсомские. Ученые нашли оружие этого человека и кости животных, которых он убивал, чтобы прокормиться, обнаружили два кострища, у которых он сидел, следовательно, не было никаких сомнений в его существовании, правда, не нашли ни одного следа самого человека, ни кусочка его костей или зубов, откусывавших мясо мамонта!

И несмотря на это, открытие было сенсационным. Из него сделали вывод, что история культуры североамериканского человека началась на много лет раньше, чем это предполагали. За какой же период времени отложился слой охры, отделявший фолсомский пласт от лежавшего ниже сандийского слоя?

На этот важный вопрос, когда еще не было радиоуглеродного датирования, могла приблизительно ответить другая наука — геология. Точнее: геолог мог попытаться дать ответ. Им был профессор Кирк Брайан из Гарвардского университета.

Сообщение, сделанное Брайаном после подробного исследования пещеры Сандиа, содержит 19 страниц и носит название описанного метода: «Корреляция отложений пещеры Сандиа в Нью-Мексико с хронологией ледникового периода», оно появилось в качестве приложения к докладу Хиббена в 1941 г. «Хронология ледникового периода» — это наука о чередовании периодов оледенений. Уже давно известно, что в Северной Америке были оледенения, так же как в Европе и Азии. Они следовали волнами, накатываясь и отходя. После того как Кирк Брайан осмотрел в 1939 и 1940 гг. пещеру, где проходила последняя стадия раскопок, он обнаружил в слоях отложений соседствовавшие влажные и сухие полосы — отражения наступавших периодов оледенения, а следовательно, и менявшегося климата, сам же лед никогда не достигал высоты гор Сандиа и даже не был вблизи от них.

Ради точности мы приведем важную цитату из вывода Брайана: «Руководитель раскопок в пещере доктор Френк С. Хиббен уже изложил результаты обсуждения учеными остатков предметов культуры и костей животных в их археологической взаимосвязи. Поэтому мое сообщение в основном касается геологических явлений в пещере и является попыткой увязать отложения с хронологией этапов оледенения. Эта взаимосвязь приводит к выводу, что артифакты, содержавшиеся в напластованиях пещеры, появились во время большей влажности, соответствовавшей последнему продвижению ледника висконсинского периода. Апогей этого периода был обозначен стерильными желтыми отложениями охры, указывавшими в соответствии с принятой хронологией на возраст приблизительно 25 000 лет. Люди фолсомской культуры жили в пещере вскоре после этого времени, а люди культуры Сандиа обитали незадолго до них» [8].

Мы процитируем еще раз краткое сообщение Хиббена, чтобы пояснить этот метод датировки (неоднократно подвергавшийся критике):

«У нас есть безупречные доказательства того, что человек Сандиа жил до человека Фолсома. И не только это, у нас были дополнительные доказательства, что пещера сначала была сухой, затем сырой, потом опять сухой, снова сырой, а затем сухой; это было обнаружено во время раскопок. Профессор Брайан подробно рассказал, почему эти периоды чередовались.

Во время последнего большого оледенения континента лед, как известно, продвигался вперед в форме следовавших один за другим языков. В течение многих тысячелетий эти огромные массы континентального льда многократно продвигались вперед, а затем отступали. Когда континентальный лед надвигался, климат был дождлив и влажен, а также холоден. Когда же льды отступали, наступали сухие периоды и дождей было меньше. Из этого можно сделать вывод, что влажные и сухие периоды пещеры

Сандиа совпадали с наступлением и отходом континентальных глетчеров на севере» [9].

Итак, человек Сандиа жил, охотился и обитал в этой пещере 25 000 лет назад!

Это было датирование, опровергавшее все существовавшие до этого гипотезы о появлении первого человека в Америке, по меньшей мере гипотезы археологов. Но Брайан представлял другую науку, и по этой причине его высказывания критиковали осторожно, хотя сам Брайан, и это следует подчеркнуть, не считал свои выводы бесспорными и делал их со всей осмотрительностью специалиста, колеблющегося применить свои знания в другой науке. Вскоре после того, как он пришел к мысли о возрасте 25 000 лет, он написал:

«Такая аргументация не защищена от очевидных и неизбежных ошибок. Если последовательность событий в пещере, отражавшаяся на ее отложениях, неоспорима, то определение отложений исходя из колебаний климата неверно. Если это правильно, то всегда возможно, что принятое соотношение с общим климатическим ритмом не соответствует действительности. Из этого следует, что все наши знания о климатическом ритме, количестве, продолжительности и величине его колебаний еще несовершенны».

И он откладывает окончательное решение проблемы на будущее.

«Если в будущем новые находки дадут совершенную археологическую последовательность, то только тогда соотношения, опирающиеся на всеобщую хронологию климатических колебаний, будут определены в достоверной форме» [10].

Так оно и было; многие видные археологи вскоре выразили сомнения, не исчезнувшие и тогда, когда Хиббен сослался на радиоуглеродное датирование, указавшее на возраст 25 000 лет. Я имел возможность беседовать с ним осенью 1965 г., и он настаивал на достоверности результатов этого датирования. Некоторые археологи считали метод радиоуглеродного датирования вообще сомнительным. Гордон Р. Уилли из Гарвардского университета писал в 1966 г. [11]: «До сих пор нет надежных результатов радиоуглеродного датирования как для фолсомского, так и для сандийского слоя пещеры Сандиа...» Далее он сослался на новые исследования С. А. Агохино, ставившего под сомнение разделение общих пластов слоем охры и не исключавшего, что фолсомские и сандийские наконечники с самого начала находились в одном культурном слое.

К этому следует добавить, что в 30-е годы нашли так называемые наконечники кловис (получившие это название по имени места обнаружения), они были обработаны, как фолсомские, но большей величины, пожалуй самые большие из всех найденных — длиной до 12,3 см. Благодаря точному радиоуглеродному датиро-

ванию побочных находок наконечникам Кловис определили возраст 9200 лет до н. э., а фолсомские наконечники были датированы 9000—8000 лет до н. э.

Фредерик Джонсон с осторожностью обобщает проблему Сандиа [12]: «Мне кажется, что наконечники сандиа в Северной Америке имеют такой же возраст или старше наконечников кловис — фолсом, что они самые старые на континенте и что они были орудиями первого американца. Недавние открытия в Вашингтоне, Орегоне, Британской Колумбии и на северо-западных территориях с большой вероятностью свидетельствуют, что североамериканский человек старше, чем человек Сандиа или Фолсома».

Ни один археолог, кроме Хиббена, не сказал, что возраст наконечников Сандиа более чем 13 000—12 000 лет. Как же обстоят дела с другими наконечниками?

20. МИР ПЕРВОБЫТНЫХ ОХОТНИКОВ

Первобытный охотник Северной Америки — нечто призрачное. Его дух присутствует в лесах Востока, прериях и пустынях Запада, от севера Аляски до южного Техаса. Он повсюду оставил свои следы, в основном оружие, но также и обработанные кости огромных животных, на которых он охотился и которых убил, и угли костров, где он жарил их мясо.

Но где же он сам? Ни от фолсомских людей, ни от людей Сандиа не нашли рук, пользовавшихся смертоносным оружием. Каждый раз, когда предполагали, что обнаружили череп или скелет, не удавалось установить связь во времени с определенным типом оружия и возникало так много сомнений, что ученые не могли достичь единства. И тем не менее в следующей главе кое-что прояснится.

Нам следует еще раз напомнить читателю, что до фолсомской находки в 1925 г. (в специальной литературе упоминаются также и 1926—1927 гг.; в зависимости от того, пишет ли автор об открытии негра-ковбоя, первом посещении пещеры или же первых раскопках), точнее же, до 1927 г. среди археологов господствовало мнение, что возраст первого американца не больше 4000 лет, короче говоря, о человеке ледникового периода не могло быть и речи.

Целому поколению ученых в значительной степени помешал изучать древнее прошлое страны Алеш Грдличка из Этнологического бюро в Вашингтоне. Этот человек с заслугами во многих областях в данном случае проявил удивительное упрямство. Он был чудаковатым ученым; так, он потребовал, чтобы все его сотрудники завещали свои черепа для научных исследований; но сам же он велел себя сжечь, пепел смешать с пеплом своей первой

жены и урну с прахом установить в Смитсоновском институте. Не считаясь ни с чем, он использовал свое влияние на молодых ученых. Геолог Кирк Брайан говорил своим студентам в «период правления Грдлички»: «Если вы когда-либо найдете доказательства существования человека, связанные с очень старыми предметами, то заботливо их спрячьте, но не забывайте о них» [1].

О практическом значении влияния Грдлички писал еще в 1940 г. Х. Х. Робертс; он сказал, что каждый молодой антрополог или археолог, проявивший малейшее недовольство этим «папой», рисковал своей карьерой [2]. Еще в 1928 г., когда всем ученым было ясно значение фолсомской находки, Грдличка на одном из заседаний Нью-йоркской Академии медицинских наук упорно отрицал существование палеоиндейцев (так мы называем теперь людей, современников вымерших животных).

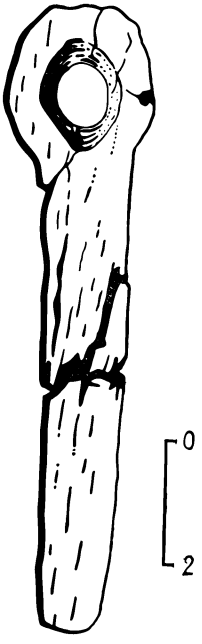
«Невзирая ни на что, Грдличка отрицал все, чтобы защитить свою точку зрения, и утверждал, что человек в Америке мог быть кем угодно, только не мог быть слишком древним»,— писал Уилмсен [3].

Но в конце концов находок накопилось столько, что все сомневавшиеся были вынуждены замолчать.

В 1939 г. Х. Мери Уормингтон из Денверского музея естествознания опубликовала свою первую работу, в которой суммировала все знания того времени о первобытных охотниках; ее труд уместился на 80 страницах и содержал 92 литературные ссылки. Когда же через восемнадцать лет она вновь издала свой прославившийся справочник «Древний человек в Северной Америке» и попыталась обобщить весь новый материал, ей пришлось себя ограничить, и тем не менее понадобились 322 страницы и 586 литературных ссылок!

К настоящему времени издано необозримое количество литературы, основанной на бесчисленных раскопках, затрагивавшей проблему палеоиндейцев. Научный труд, учитывающий весь накопившийся материал, уже невозможен. Время обобщений, время широких обзоров прошло, и знаменательно, что вновь первым отважился на универсальное, притом великолепно читающееся обобщение по данному вопросу не специалист — это был Кеннет Макговен, работник театра на Бродвее, продюсер фильмов Голливуда, автор отличной истории кино и страстный любитель-археолог. Его первая, очень осторожно встреченная учеными книга «Первобытный человек в Новом Свете» получила одобрение специалистов только в 1962 г., незадолго до его смерти, когда вышло в свет новое, переработанное издание с предисловием, написанным одним из сотрудников Американского музея естественной истории, а ее содержание популярно изложил для всех антрополог Джордж А. Хестер.

Находки, сделанные под Фолсомом, отличает от других прежде всего то, что за короткое время их подтвердили многочисленные



Странный костяной инструмент, найденный вместе с костями мамонта в 1967 г. в Мюррей-Спрингс, в Аризоне, относящийся ко времени охотников кловис. Вероятно, служил для полировки древков дротиков.

аналогичные реликты. Величайшей удачей для археологов было открытие Линденмайерской стоянки на севере штата Колорадо, названной по фамилии владельца усадьбы, где ее обнаружили. В 1934 г. два брата сообщили Смитсоновскому институту о своем открытии стоянки доисторического человека. Френк Х. Х. Робертс-младший, специалист, известный как участник фолсомских раскопок, спешно отправился на место находки и увидел здесь намного больше, чем в Фолсоме.

Действительно, здесь жили люди фолсомской эпохи и, очевидно, годами. Они опять оставили след своей непосредственной деятельности — наконечник дротика, еще торчавший в позвоночнике бизона. Находок было огромное количество. За пять лет работы Робертс откопал не менее 6000 каменных орудий труда и остатки других предметов.

Когда сегодня смотришь на этот унылый пейзаж, кажется маловероятным, что именно здесь люди разбили свой лагерь. Но, во-первых, они постоянно и не жили на одном месте, они были кочующими охотниками и, вероятно, собирались здесь вместе только в определенное время года; во-вторых, геологи доказывают, что эта земля 10 000 лет назад была достаточно влажной и плодородной. Археологи обнаружили кремневые ножи с острыми, как стекло, лезвиями, сечки для мяса, тонкие, отшлифованные до остроты иглы кости и тяжелые каменные молоты. Кроме того, шилья из костей, без сомнения, для прокалывания шкур животных и аккуратно срезанные костяные шайбы. Поскольку у них не было отверстий для нанизывания, как у бус, можно предположить, что это были первые игральные фишки в Америке! [4]

Первое радиоуглеродное датирование, предпринятое через долгое время после этого открытия, показало возраст 8820 лет до н. э.; это было блестящим подтверждением геолого-стратиграфических данных ученых, проводивших первые фолсомские раскопки.

Вскоре была сделана находка, пролившая свет и на другого человека, точнее говоря, на его оружие: это был опять наконечник, правда сильно отличавшийся от фолсомских наконечников. О пер-

вых экземплярах стало известно еще в 1931 г., но основную массу предметов обнаружили в 1932 г. в Кловисе, в штате Нью-Мексико, неподалеку от техасской границы.

Становится несколько утомительным снова и снова сообщать о том, что и на этот раз первые следы обнаружили не профессионалы-ученые, а любители. Их, как и предшественников, следует похвалить за то, что они сразу сообщили о своей находке специалисту археологу Эдгару Б. Говарду из Музея Пенсильванского университета. Четыре года Говард, а затем Джон Л. Каттер исследовали берега высохших озер. Здесь когда-то бродили стада огромных животных, а также и давно вымерших американских древних верблюдов и лошадей. Здесь было рассеяно на территории в несколько миль оружие доисторических охотников. Также и в данном случае некоторые наконечники торчали между ребер животных, что не допускало сомнений в том, что человек и животные жили в одно время. Наконечники были длинней, чем фолсомские,— от 5 до 12,5 см [5].

Э. Х. Селлардс продолжил раскопки в течение трех сезонов: 1949—1951 гг. На этот раз точно выяснили самое главное — наконечник кловис старше фолсомского наконечника. В стратиграфически четко разграниченных пластах обнаружили в обоих верхних слоях явно фолсомские следы, а глубочайший слой, без сомнения, относился к эпохе кловис. Не менее четырех мамонтов убили на этом месте охотники кловис, скелеты животных полностью сохранились.

Геологи определили возраст этого слоя кловис: максимум около 13 000 лет. Таким образом, культура кловис заняла место между Сандиа и Фолсомом. Но здесь следует сказать о мнении некоторых археологов, считающих, что эти три культуры по времени находили одна на другую. Этим и начинается спор о датах, не законченный до наших дней.

В начале 50-х годов сотрудники Аризонского университета в Тусоне, работавшие под руководством Эмиля В. Хаури, укладывали на грузовик необычный груз. Это был гипсовый блок объемом кубический метр. В блоке находились ребра, позвоночник и лопатка мамонта, а между ними — пять наконечников дротиков, убивших огромное животное. Блок возник в результате того,

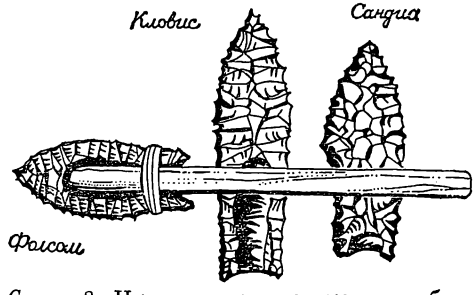


Схема 8. Наконечники дротиков первобытных охотников. Изящно обработанный «желобчатый» наконечник, найденный в 1925 г., впервые сообщил о существовании этих людей. Затем последовали открытия наконечников кловис и сандиа.

что на месте находки останки скелетов и оружия обвертывали пропитанным гипсом холстом до тех пор, пока они не превратились в единую массу и стали транспортабельными.

Родина находки — Нако-Сайт (название места в Аризоне, неподалеку от мексиканской границы). Обнаружили ее в 1951 г. (также любители, как и следующую находку, которую мы еще опишем). С 1952 г. ее систематически исследовал Хаури.

На этот раз мнение геологов и физиков было единым. Геолог Эрнст Антевс пришел к выводу, что возраст костей по их положению в слое на месте находки от 10 000 до 11 000 лет и больше, по другим оценкам, возраст костей до 13 000 лет. Сотрудники радиоуглеродной лаборатории определили его в 9250 лет!

Но Хаури этого было недостаточно, и он предсказал в 1953 г., что в этом районе будут найдены кости и других мамонтов, и был прав [6].

Уже в 1955 г. Эдвард Ф. Ленер, в 18 км северо-западней Нако-Сайт, на реке Сан-Педро, осматривая участок земли, который собирался купить, обнаружил огромные кости. Он сообщил об этом Хаури, который позже очень хвалил гостеприимство и готовность помочь отзывчивой супружеской пары Ленер, к тому времени купившей ферму. При раскопках 1955—1956 гг. на Ленер-Сайт нашли 13 наконечников эпохи кловис (некоторые из них определить было невозможно), 8 каменных инструментов, очевидно служивших для забоя животных, два кострища с остатками древесных углей (лучшим материалом для радиоуглеродного датирования) и скелеты девяти детенышей мамонтов; кроме того, кости бизона, лошади и тапира. Хаури повезло: затяжные проливные дожди в 1955 г. сильно обнажили местность, но этого оказалось недостаточно, и археологам пришлось с помощью будьдозера переместить тысячи тонн земли, чтобы изучить весь ареал.

А как здесь обстоял вопрос с датированием? Первым дали слово опять геологам. И вновь Антевс определил очень ранний возраст: от 10 000 до 15 000 лет. В его окончательном заключении говорилось: «На мамонтов охотились в местности Нако-Ленер 13 000 лет назад или раньше» [7]. А что сказали физики? Радиоуглеродное датирование остатков кострищ, обнаруженных рядом в одном пласте, провели в лабораториях трех университетов: Аризонского, Мичиганского и Копенгагенского. Результаты были поразительны.

Хаури кратко сообщил: «Минимум три даты из аризонской лаборатории: 7205±450 лет для первого кострища, а также 7022±450 лет и 8330±450 лет для второго кострища неприемлемы... Здесь, очевидно, что-то неверно» [8]. Но что?

На самом деле все было просто. Обе первые даты указывали на относительную одновременность кострищ; второе же кострище дало две даты с разницей в 1308 лет! Не может быть, чтобы на

одном месте жгли костер в течение такого долгого времени! Но это еще не все. Вскоре поступили даты из Копенгагена и Мичигана. Копенгаген сообщил о возрасте 11 180 лет, а Мичиган — о 11 290 годах!

Это можно было объяснить только тем, что ученые аризонской лаборатории минимум в одном случае обрабатывали материал, загрязненный какими-либо посторонними влияниями. Они разработали методику удаления этого загрязнения и предприняли новые тесты. В одном случае они определили возраст 10 900 лет, в другом — 12 000 лет!

Перед нами характерный случай, указывающий на трудности радиоуглеродного датирования, описанного нами в разделе «Бег времени». В таком случае все решают опыт и знания, накопленные за время археологической работы.

Хаури подвел итог, но очень осторожно:

«Даты 12 000—11 000 лет со времени убийства мамонтов, вероятно, недалеки от истины, хотя и не совпадают с данными Антевса». [9]

Все эти данные о доисторических охотниках колеблются в пределах от 9000 до 13 000 лет. Возникают вопросы: а был ли еще более древний охотник? И как обстоит дело со временем, прошедшим между этими древними охотниками и более поздними, близкими нам оседлыми культурами, занимавшимися земледелием, строившими долговечные дома, пуэбло и маунды? Речь идет о периоде в несколько тысячелетий.

Имеется несколько ответов.

Уже в конце раздела о человеке Сандиа мы дали слово Фредерику Джонсону, указывавшему на возможно более позднее время обитания человека каменного века в Америке. В 1933 г. Финлей Хантер, проводивший исследования по заданию Американского музея естественной истории, нашел в южной Неваде в месте Тьюл-Спрингс многообещающие кости. «Вместе с костями нашли изготовленный человеком обсидиановый топор с зазубринами, которые выглядели так, как если бы топор использовался в качестве инструмента» [10]. В 1933—1955 гг. Марк Харрингтон многократно исследовал это место. Либби, изобретатель метода радиоуглеродного датирования, в 1955 г. определил возраст остатков древнего угля: свыше 23 000 лет; на сколько больше, установить не удалось. Обнаружили остатки костра с признаками, что на нем жарили куски разделанного верблюда. Через год радиоуглеродное датирование указало на еще более древний возраст его углей: 26 000—28 000 лет!

Конечно, эти данные были сенсационны и соответственно обошли всю американскую прессу. Заметим, что за последнее время подобные сообщения появляются в прессе почти каждый год, и следует сказать, что публикуются они слишком поспешно. Было

бы хорошо, если бы о результатах датирования не сообщали до подтверждения результатами новых исследований. Правда, они тоже не всегда дают надежные результаты, как это было в случае с находкой в Тьюл-Спрингс, когда в результат определения возраста поверила даже очень осторожная Уормингтон. В 1962—1963 гг. Ричард Шатлер с группой различных специалистов провел новые раскопки и перепроверил результаты старых. И Уормингтон внесла поправку в результаты своих исследований.

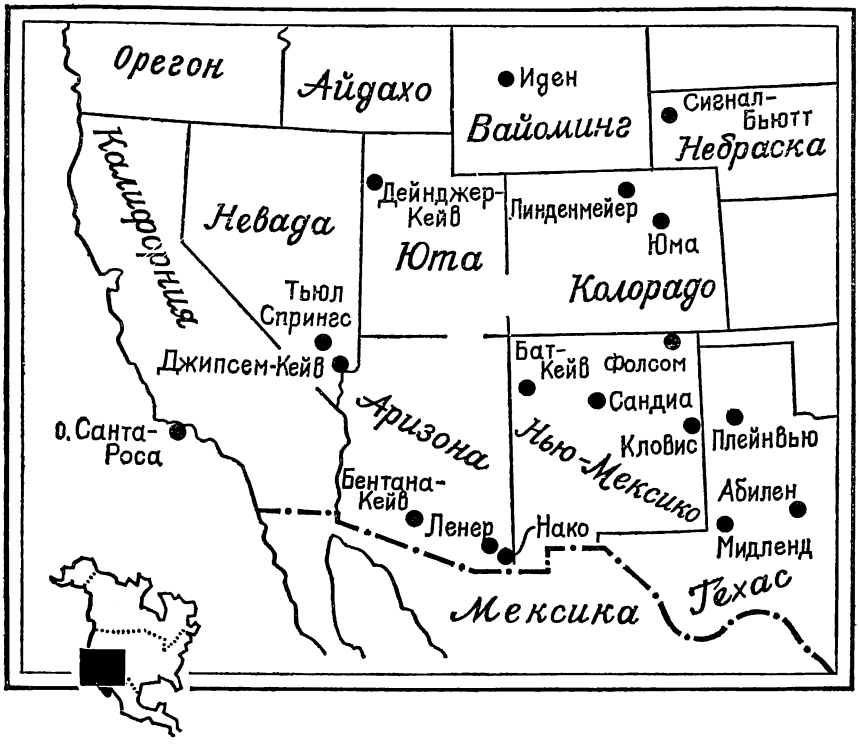
«Оказалось, что пробы, взятые ранее для анализа радиоуглеродным методом, состояли из смеси отложений различного возраста, хотя на основании первых неудовлетворительных раскопок полагали, что они из одного культурного пласта. Даты, полученные на основании таких смесей, не имеют смысла». Ну, а каков новый результат? В одном месте, датированном между 9200 и 8000 гг. до н. э., нашли «единственное неопровержимое доказательство человеческого присутствия. Там обнаружили скребок и несколько топоров» [11].

Итак, угасла одна надежда, но еще до этого появилась другая.

Как ни странно, но новое научное открытие было сделано на острове Санта-Роса, в 72 км от берега Южной Калифорнии. Сначала было трудно объяснить, как древний человек сумел преодолеть этот широкий пролив. Но геологи доказали, что во время последнего ледникового периода уровень моря был намного ниже. Хотя и не было перешейка, расстояние до материка тогда составляло, вероятно, меньше трех километров, и человек мог переправиться на остров с помощью ствола дерева (в этом случае мы должны предположить, что древние люди обладали необузданным любопытством). Археологи нашли остатки сотен маленьких мамонтов, вероятно, разновидность карликовых мамонтов, на которых было легко охотиться; и вновь многочисленные признаки свидетельствовали о том, что человек забивал их, как на скотобойне. Головы животных были размозжены, очевидно, для того, чтобы охотники могли полакомиться мозгом. Об этом сообщил в 1956 и 1960 гг. Фил Орр [12]. Радиоуглерод показал 29 650 лет, правда, с очень большим допуском ± 2500 лет. А исследование гнилого куска кипариса, лежавшего под скелетами двух мамонтов, дало возраст только 15 820 лет!

Эта неразбериха с датами продолжается. Многие археологи очень скептически относятся к данным, превосходящим 20 000 лет. Но чаша весов с доказательствами существования такого древнего американца становится все более тяжелой; об этом мы узнаем в следующей главе.

Вероятно, будущее поколение археологов оставит за собой право установить беспрерывную последовательность, от индейца эпохи палеолита, охотника ледникового периода до индейцев пуэбло и строителей маундов. Но кое-что уже сделано.



Карта стоянок первобытных людей, охотившихся на бизонов и мамонтов более чем 10 000 лет назад.

Когда массы льда на североамериканском континенте стали все больше отступать, когда изменился климат и крупные животные стали вымирать, возможно, тогда нахлынули новые волны иммигрантов из Азии, что не исключало приспособления первых групп пришельцев к изменившимся условиям. Нет сомнения, что дикие охотники жили не только охотой, они питались фруктами, ягодами, орехами и корнями растений. «В человеке объединились обе крайние наклонности млекопитающего, поэтому ему всю жизнь не ясно: овечка он или тигр»,— иронически заметил Ортега-и-Гассет [13]. Совершенно очевидно, что в последовавшие тысячелетия собирательство приобретало все большее значение. Эти кланы и племена становились более оседлыми, и многие пещеры превращались в постоянные жилища, как минимум в одни и те же удобные убежища в плохие времена года. Г. К. Балдуин в 1962 г. перечислил следующие обжитые пещеры: «Дэйнджер Кейв («Кейв» означает «пещера»), Джипсэм Кейв, Форт Рок Кейв, Роаринг Спрингс Кейв, Вентана Кейв, Бат Кейв, Катлоу Кейв, Дедман

Кейв, Промонтори Кейв, Блек Рок Кейв, Пейсли Кейв, Фишбоун Кейв, Лавлок Кейв, Рейвен Кейв, Джуки Бокс Кейв», кроме них, мы знаем еще многие другие [14]. В этих пещерах и перед входами в них слой за слоем скапливались отбросы — настоящие сокровищницы для стратиграфов, а рядом с ними остатки древесного угля в кострищах — накопители информации для ученых, занимающихся радиоуглеродным датированием.

Такие благоприятные условия сложились, к примеру, в Дэйнджер Кейв («Пещере опасностей»), в западной части штата Юта, названной так потому, что в 1941 г. упавший в ней огромный камень чуть не убил первых археологов. Ученые установили, что пещеру использовали 11 000 лет, вплоть до нашей эры. Таким образом, древний человек приблизился к нашей эпохе. Очень давно у жителей пещер появились первые плетеные изделия: гибкие корзины и кожаные мокасины. В Форте Рок Кейв археолог Л. С. Крессман нашел такое количество плетенных из кожи сандалий (около 100 штук, изготовленных 9000 лет назад), что ученые заговорили о «древнейшей обувной фабрике на земле». Л. С. Крессман и прежде всего Джесси Д. Дженнингс из Университета Юта обнаружили в конце концов последовательные наслоения, восходившие к 1400 г. до н. э.; в них был шнуры, веревки, сети и корзины, изготовленные уже из растительных волокон. Эмиль В. Хаури пришел к выводу , что в Вентана Кейв, в южной Аризоне, обитали беспрерывно в течение 10 000 лет люди, материальная культура которых была унаследована культурой кочисе, а та в свою очередь вела к культуре индейцев могольон и, возможно, индейцев хохокам. 7000—6000 лет назад там повсюду появилось первое одомашненное животное, известное в Старом Свете на 3000 лет раньше; это была собака — лучший друг, постоянно сопровождающий человека.

Все связанное с людьми, чьи следы мы находим в пещерах, назвали неудачными словами: «культуры пустынь».

Пришло время, и исследованием этих пещер занялся незаурядный человек. Марк Р. Харрингтон родился в 1882 г. и интересовался своими индейцами-современниками не меньше, чем древними; он жил в 23 индейских племенах и вел раскопки почти по всей Америке. Некоторые его исследования остались не закончены. Только в 1970 г. наконец классифицировали и датировали наконечник, найденный им в Боракс-Лейк [15]. Одну из своих самых интересных научных раскопок он предпринял в Джипсэм Кейв, как говорит название, в «Гипсовой пещере»,— в штате Невада — в 26 км от Лас-Вегаса, всемирно известного города игорных домов.

«История этого открытия наглядно поясняет детективные методы, применяемые археологами»,— заметила Х. М. Уормингтон [16].

Харрингтон еще в 1924 г. впервые посетил Джипсэм Кейв, но только с 1929 г. стал вести систематические раскопки. Мы уже

говорили, что для археолога любые остатки древности имеют значение; на этот раз первое, на что Харрингтон обратил внимание, была какая-то странная масса. Это были фекалии — куча испражнений, величина которых свидетельствовала о принадлежности колоссальному вымершему животному. Анализ показал, что это были фекалии травоядного. Данные пещеры — длина составляла 91 м, и она состояла из 5 входивших одна в другую низких камер — указывали на то, что животное могло в нее только вползать. Детективная интуиция подсказала: там мог обитать только гигантский ленивец! Интуиция не обманула. Харрингтон обнаружил останки ленивца. И не только его череп, а хорошо сохранившиеся когти и остатки прядей его рыжеватых волос, для палеонтолога эта находка была настоящим сокровищем.

Рядом лежало оружие человека, убившего животное. «Следующий шаг напрашивался сам собой, необходимо было доказать, что животное убили в пещере; если же мы сможем засвидетельствовать, что мистер человек сразил мистера ленивца, то другие доказательства и не нужны, ибо у человека испокон веков дурная репутация, в соответствии с которой он охотно отправляет своих соседей в потусторонний мир, независимо от того, люди это или животные»,— писал Харрингтон [17]. Наконечники копий, лежавшие в пещере, были совершенно не похожи на все остальные, найденные до этого времени; они имели форму ромба и заканчивались рукояткой. Как принято, их назвали по месту находки: наконечниками Джипсэм.

Но самым важным в этой пещере было то, что в ней жили или, как минимум, ее посещали и во времена нашей эры. Радиоуглеродное датирование старейших фекалий ленивца указало на возраст 10 445±250 лет, а самые поздние экскременты, находившиеся в верхнем слое, имели возраст 8528±250 лет. В пещере лежало оружие индейцев палеолита, а над ним — древности «корзинщиков» (баскет-мейкеров) и индейцев пуэбло, позже шли предметы, указывавшие на наших современников — индейцев паюти. А над всеми наслоениями красовалась консервная банка! Жестяная банка, содержавшая когда-то бобы! Действительно, удивительная последовательность — от пещерных охотников до отдыхавшего ковбоя.

21. ВЫМИРАНИЕ БОЛЬШИХ ЖИВОТНЫХ

«Чтобы найти ответ, надо иметь достаточно знаний для формулировки вопроса»,— говорит Х. М. Уормингтон в последних строках своей книги «Древний человек в Северной Америке».

Знания у Хальвора Л. Скавлема были. Уже много лет он бродил по полям своего имения Кау-Рей-Кау-Соу-Кау (известного

также под названием Уайт-Кроу, на берегу озера Кошкононг в штате Висконсин), искал наконечники стрел, каменные инструменты и другие индейские реликты, чтобы приобщить их к своей коллекции. Но только в 1912 г., когда ему было уже 67 лет, найдя сломанный каменный инструмент, он задал себе решающий вопрос: «Как бы я на месте индейца заточил этот камень?»

Из этого вопроса возникла работа, которой он занимался семнадцать лет. При этом он расширил вопрос. Как индейцы изготавливали свое оружие? Как они делали свои инструменты и как употребляли их?

У Скавлема жил один интеллигентный юноша, помогавший ему и впоследствии занявшийся изучением археологии. Его звали Алонсо В. Понд, и в 1930 г. он вместе с 85-летним Скавлемом опубликовал книгу, впервые описывавшую все фазы обработки камня, от сырья до искусного наконечника стрелы [1]. Впервые же о Скавлеме написали еще в 1923 г., назвав его «очаровательным старым изготовителем стрел с озера Кошкононг», где многочисленные посетители могли наблюдать за его работой.

Люди смотрели на него, и большинство из них не понимали, что с каждым ударом по кремню он разрушал ошибочное мнение, со временем превратившееся в легенду о том, что старые индейцы знали «секрет камня»,— тайну его обработки, которую белый человек утратил тысячелетия назад. Иначе, полагали некоторые археологи, невозможно объяснить огромное количество наконечников дротиков и стрел, а также каменных инструментов, попадавшихся на глаза все чаще и чаще. Многие со всей серьезностью утверждали, что для изготовления пары каменных наконечников требовались месяцы или недели, а красивый каменный топор шлифовали многие поколения. Правда, и до Скавлема существовали более разумные мнения по этому поводу.

Но этот американец норвежского происхождения был первым, кто исследовал все аспекты изготовления оружия и орудий, не пропустив ни одной возможности. Он пришел к выводу, что не обязательно твердым камнем обрабатывать мягкий, можно с помощью круглых костей или деревянных плашек прессовать и откалывать от твердого как сталь кремня осколки, напоминающие чешую. Скавлем подробно изучил, как держать камень, где нужно нанести удар, а где следовало применить давление. Самое же главное: он показал, как за удивительно короткий период времени умелый индеец каменного века мог изготовить наконечник стрелы — не за несколько дней и даже недель, а за считанные минуты! Для изготовления хорошо отшлифованного каменного топора ему требовалось не больше двух часов. Скавлем доказал и добротность таких инструментов: за десять минут он срубил каменным топором дерево толщиной 7,5 см.

Его эксперименты ответили и на вопрос, почему доисторические

охотники так беззаботно обращались со своим оружием и после убийства животного не вытаскивали наконечники дротиков для повторного употребления (или не вырезали, если было сломано древко). Они не испытывали такой необходимости, ибо им не составляло труда с нужной быстротой изготовить новое оружие.

Когда мы в музеях осматриваем эти древние наконечники (а в Соединенных Штатах нет музея, который не обладал бы ими в больших количествах), то часто сталкиваемся с названием projectile points, что следует перевести не «наконечники дротиков» или «стрел», а «метательные снаряды».

На это есть своя причина. Древнейшие наконечники принято считать наконечниками дротиков не только за их величину, но также и потому, что стрела и лук появились в первом тысячелетии до н. э. В переходный же период, от древних охотников к собирателям и оседлым людям, изготавливали наконечники самой различной величины и формы, поэтому зачастую просто невозможно точно определить их назначение.

Что же касается разнообразия форм, то со времени фолсомской находки обнаружили такое количество разнообразных наконечников, что для их классификации пришлось созвать несколько археологических конференций. При этом пришли к выводу, что следует считать нецелесообразными или неправильными уже принятые категории, исходившие из типа только одного наконечника. К примеру, название «культура Юма», которому в старой литературе посвящали целые книги, согласно решению от 1948 г., археологами больше не употребляется.

Нет смысла перечислять все названия, начиная от Идена и кончая Плейнвью, возникшие от названий мест находок и определявшие различные формы наконечников. Но одну форму следует выделить. Поскольку все формы наконечников, изготовленных людьми каменного века, во всем мире приблизительно одинаковы, в данном случае речь идет, очевидно, о чисто североамериканском изобретении. Это желобчатый наконечник, наилучшей и самой красивой разновидностью которого является фолсомский наконечник.

Этот наконечник дротика имеет форму длинного узкого листа, перерезанного по диагонали и снабженного двумя желобками (fluted). Если вы проведете пальцами с обеих сторон по желобкам, нередко идущим от основания до острия, то испытаете чисто эстетическое удовольствие. Эти наконечники — первые маленькие шедевры доисторического человека. Вероятно, при их изготовлении он имел в виду не только целесообразность изделий. И совершенно очевидно, что на расщепленном конце древка дротика наконечник с желобками крепился лучше, чем без них. Без желобков, вероятно, тоже хорошо обходились, о чем свидетельствует бесконечное количество вариантов более ранних и поздних вре-

мен. Но что побудило фолсомского человека взяться за эту дополнительную работу?

До того как Скавлем доказал, что можно сравнительно легко изготовить и красивое оружие, вызывало удивление уменье и, как полагали, бесконечные труд, усилия, необходимые для изготовления фолсомских наконечников.

С трудом или без него — изобретение наконечника с двумя желобками, этого самого красивого изо всех каменных орудий труда доисторического человека, принадлежит североамериканскому индейцу. Некоторые из них так совершенны по форме, что не знаешь, чем восхищаться — целесообразностью или красотой, но эстетическое восхищение техническим совершенством, в особенности архитектурой, является привилегией двадцатого века.

Я уже указывал в этой книге на значение самостоятельных изобретений. Известный испанский философ Ортега-и-Гассет дал поэтическое объяснение изобретению стрелы и лука (мы напомним еще раз, что они появились в Северной Америке только в первом тысячелетии до н. э.). Он написал: «Вполне вероятно и очень соответствовало бы духовному миру доисторического человека, если бы его изобретение стрелы было своего рода материализацией метафоры. Когда охотник увидел убегавшего зверя, у него мелькнула мысль, что легкокрылая птица сумела бы его настигнуть. Но, поскольку он не птица, да таковой и не было под рукой — просто удивительно, как мало заботился о птицах совсем примитивный человек,— он приделал к одному концу маленькой палочки клюв, а к другому — перья, то есть изготовил искусственную птицу — стрелу, которая могла, молнией пролетев по воздуху, пронзить бок большого убегавшего оленя» [2].

Первое «чудесное оружие» североамериканцев. Задолго до изобретения стрелы и лука первобытный охотник использовал в борьбе с огромными животными этот атлатль-копьеметалку.

Не менее удивительным было изобретение атлатля, появившегося задолго до лука и стрел. Атлатль был весьма эффективным оружием против крупных зверей и представлял собой первое значительное достижение человека в производстве вооружения.

Атлатль — это копьеметалка.

Ацтекское слово «ат-лат-ль» пришло к нам от испанцев, которые видели это оружие в действии. Атлатль состоит из короткого, максимум в 60 см, куска твердого дерева, имеющего на конце петлю, в которую проходят пальцы охотника, а на другом конце находится глубокая зарубка. В нее закладывается конец древка короткого копья. Затем человек размахивается атлатлем, служащим продолжением руки, и бросает его по дуге — снизу и вперед, причем в кульминационный момент движения копье вылетает из зарубки со значительно большей поступательной силой, чем при обычном броске рукой. В этом оружии используется центробежная сила, и если его не считать значительным изобретением каменного века, то что же тогда назвать изобретением?

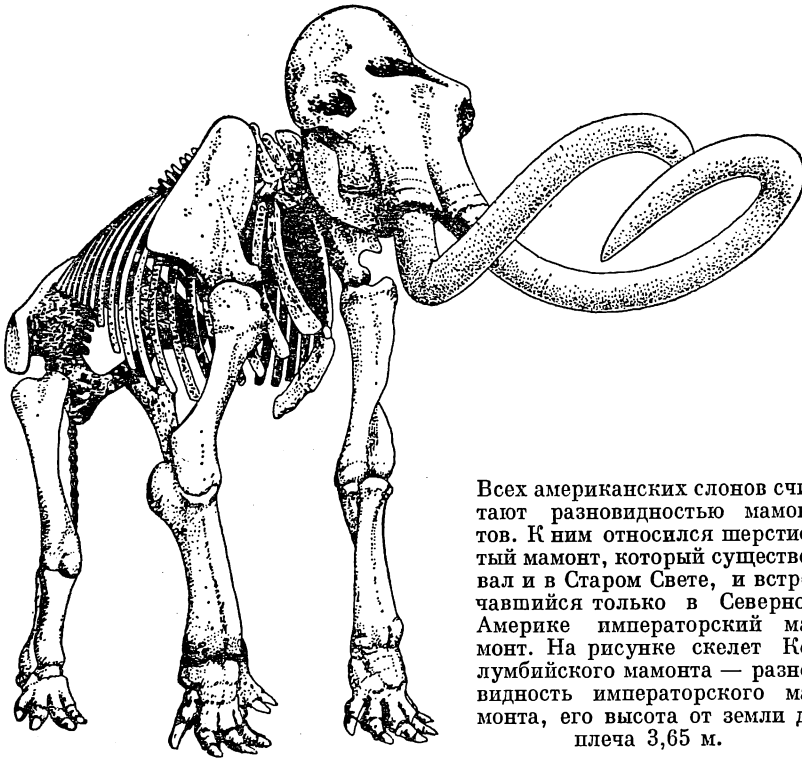
Конечно, мы не знаем имени этого Эдисона каменного века. Мы даже не знаем, где изобрели атлатль. Возможно, как стрелу и лук, его изобрели во многих местах земли приблизительно в одно время; впрочем, и Эдисон должен был оспаривать приоритет различных изобретений.

И все же, когда держишь в руках эти узкие наконечники, трудно себе представить, что древний охотник с их помощью успешно охотился на мамонта и бизона. Это неправда, что наконечник может так много рассказать нам о доисторических людях, как керамика о более поздних. Но если мы чисто статистически можем констатировать, что фолсомские наконечники находили главным образом в ребрах бизонов, а более древние наконечники типа Кловис в основном в ребрах мамонтов, то и это говорит уже о многом. Чтобы представить себе жизнь древних охотников и повседневную борьбу за существование, необходимо воображение.

Ряд археологов образно описали сцены доисторической охоты. Им пришлось прибегнуть к помощи фантазии. Наконечник копья в музее ничего нам не расскажет, если мы не представим себе, как он вонзился между позвонками мамонта или бизона, сразив его насмерть. Поэтому мы процитируем описание охоты на бизонов, как ее себе представлял Джон М. Корбет:

«Десять тысяч лет назад усталые и голодные охотники осторожно приблизились к группе бизонов, не без труда отогнанных от основного стада. Десять бизонов наконец остановились у маленького источника в изгибе каньона, чтобы напиться и насладиться густой высокой травой. Полтора дня охотники следовали за стадом в надежде, что животные перестанут бояться и их можно будет окружить и подкрасться для нанесения смертельного удара.

Наконец это мгновение настало. Двое охотников с противоположных сторон осторожно взобрались на откосы каньона в поисках места, откуда они смогли бы сбросить на животных большие куски скал или метнуть свои смертоносные копья. Глубоко внизу их терпеливо ожидали пять соплеменников, спрятавшихся



Всех американских слонов считают разновидностью мамонтов. К ним относился шерстистый мамонт, который существовал и в Старом Свете, и встречавшийся только в Северной Америке императорский мамонт. На рисунке скелет Колумбийского мамонта — разновидность императорского мамонта, его высота от земли до плеча 3,65 м.

в высокой траве или за утесами. Когда первые двое заняли удобную позицию, предводитель дал сигнал. В то же мгновение вниз на вспугнутых бизонов полетели камни, засвистели в воздухе копья и вонзились в животных; один или два пролетели мимо, остальные достигли цели. Окрестности огласились торжествующими возгласами. Перепуганные животные, описав несколько кругов вдоль берегов водоема, устремились на открытое и безопасное место. Один бизон был ранен, и копье, раскачиваясь, торчало в его ребрах. Охотники сконцентрировали внимание на этом животном, и еще три копья достигли цели, и животное рухнуло, катаясь в предсмертных судорогах. Два других бизона лежали без движения у водоема, маленький теленок, прихрамывая, пытался вырваться на открытое место, но его быстро добили. Остальные шесть бизонов сквозь кусты и высокую траву скрылись в западном направлении» [3].

Можно продолжить описание этой доисторической сцены: представить, как охотники разделывали туши, вырезали мягкие части, такие, как сердце, почки, печень, и сразу же их пожирали, а затем сочные куски взвалили на плечи и потащили к стоянке, в то время

как остальные соплеменники сдирали драгоценные шкуры; можно себе вообразить радость женщин и детей, встречавших охотников у костров.

Приблизительно так же проходила охота на мамонта. У человека — почти безволосого, сравнительно слабого и самого уязвимого из всех млекопитающих — была хорошо развита рука, а в ней — копье.

Вряд ли небольшая группа охотников могла напасть на мамонтов в открытом поле; это было бы самоубийством. Без сомнения, они использовали условия местности, чтобы устраивать западни, ямы, покрытые кустарником, проваливавшимся под грузными животными. Часто они окружали животных в расселинах у источников в глубоких сырых оврагах, где выходы можно было загородить стволами деревьев или камнями, а затем нападали на них с безопасного расстояния, и наступала кровавая развязка. Мы знаем много примеров, когда бизонов или мамонтов загоняли на край крутого обрыва, откуда они падали с переломанными ребрами на дно, беззащитные против копий и камней. Но как их загоняли?

Наконец мы подошли к тому оружию древних охотников, о котором до сих пор не упоминали. Самому страшному оружию человека с древнейших времен, перед которым трепетал любой зверь,— к огню.

Это подвело нас к вопросу, который давно собирается задать читатель, наслушавшийся о вымерших животных. Почему, собственно говоря, эти животные вымерли? И почему человек не вымер вместе с ними?

Скажем сразу: по этому поводу есть много теорий и еще нет ответа. В 1965 г. конгресс специалистов посвятил этому вопросу свою работу, а ее результаты были опубликованы в 1967 г. [4]. Они показали, что различия во мнениях очень велики.

Время, когда гигантские животные и человек жили вместе, геологи называют плейстоценом. Это было время наступавших и откатывавшихся масс льда, время климатических изменений. Самая старая теория, в пользу которой высказывались многие ученые, утверждала, что климатические условия исключали выживание крупных животных, употреблявших много растительной пищи. Но вымерли не только крупные животные, а также и верблюд, величиной с современную ламу, лошадь и с ними некоторые маленькие животные: одна разновидность зайца и три вида антилоп. Затем пытались объяснить феномен с помощью теории, считавшей причиной землетрясения и извержения вулканов; тут следует упомянуть, что еще прошлое поколение рассматривало гибель зверей драматически. Считалось, что она произошла за короткое время — «100 000 лет назад». Но эта точка зрения была опровергнута в 1968 г., когда Джесси Д. Дженнингс собрал все имевшиеся радиоуглеродные даты возраста находок скелетов животных. Оказа-

лось, что звери вымерли не в одно время. Некоторые, к примеру мамонт, жили, вероятно, до 4000 лет до н. э., следовательно, позже, чем лошадь. Ископаемый бизон (Bison antiquus) бродил еще по прериям, когда современный бизон уже становился их владельцем — 6000—5000 лет до н. э. [5].

Возможно, что появились неизвестные болезни, эпидемии и стада поредели, но спрашивается, почему же вымирала определенная, сравнительно небольшая группа животных? Предполагали даже гигантскую волну самоубийств животных, ссылаясь на леммингов, взявших, так сказать, в собственные лапы сохранение таинственного «природного равновесия» и через определенные промежутки времени бросающихся тысячами в море. Перед нами нерешенная проблема (наука экология еще находится в пеленках); напомним о беспомощности и ужасе, охватившем в январе 1970 г. жителей побережья Флориды, когда они увидели, как 150 китов выбросились на пляж; милосердные люди оттаскивали их с помощью канатов в океан, но киты вновь выбрасывались на берег, на верную смерть [6].

Все эти теории еще обсуждаются, а каждый ученый, занимающийся доисторическим периодом, поддерживает одну точку зрения больше, другую — меньше. И только одна группа во главе с П. С. Мартином утверждает, что причиной вымирания крупных животных были люди!

В этом плане я хотел бы указать на моменты, которые, по моему мнению, следует рассмотреть заново. Уже дважды упомянутый испанский философ Ортега-и-Гассет, занимающийся вопросами культуры, затрагивал эту проблему в своем, пожалуй, лучшем эссе «Пролог к трактату об охоте». Он пишет:

«Историки, занимающиеся доисторическим периодом, обычно уверяют нас, что ледниковые периоды и следовавшие за ними оттаивания были раем для охотников. Они создают у нас впечатление, что лакомая дичь бродила повсюду сказочными стадами и при чтении этих строк хищник, дремлющий в душе каждого хорошего охотника, чувствует, как его клыки становятся острей и начинают течь слюнки. Но такие высказывания не имеют под собой основания и отнюдь не конкретны» [7].

На примерах, взятых из различных периодов человеческой истории, Ортега-и-Гассет доказывает, что диких животных, на которых охотился человек, всегда было мало. Если это верно, то повышается вероятность того, что человек истребил определенные виды животных; это совершенно необычное предположение. И когда один американский автор пишет о 40 млн. крупных животных, обитавших в Северной Америке 10 000 лет назад, то следует заметить, что эта цифра ничем не доказана.

Другие причины «оверкиля ледниковых периодов» — так Мартин называет истребление крупных животных — явно следует

искать в способах охоты ледникового периода. «Чтобы добыть одно животное из стада бизонов или слонов, убивали их всех... загнав на край обрыва» [8]. (Слово «слон» равнозначно в данном случае мамонту и не такому большому, как он, мастодонту, тот и другой обитали в Америке.) И во время охоты человек, без сомнения, использовал свое самое страшное оружие — огонь! Мы не знаем, в какой степени он мог его контролировать. Но можно себе представить горевшие леса и прерии, где погибли тысячи животных, хотя группа охотников могла использовать только двух или трех. И надо полагать, что эти массовые убийства подействовали, ибо прирост был невелик. Очень вероятно, что древние охотники предпочитали убивать молодняк (это было легче и безопасней, а его мясо, конечно, было вкусней, чем у взрослых животных), и это сокращало шансы на выживание целых видов; ко всему следует добавить, что период беременности у слоних длится от восемнадцати до двадцати двух месяцев и они рожают только одного слоненка.

Проблема вымирания крупных животных еще не решена. Почему же выжили люди, бывшие не только охотниками, но и добычей. У источников, где они окружали стадо бизонов, их, возможно, подкарауливал саблезубый тигр, на водопой приходил и гигантский медведь, а рядом крался кровожадный волк. Человек выжил благодаря массе головного мозга, потому что был всеядным и мог приспособиться к колебаниям климата. Он не только выжил, но и развивался. Он оставлял кровавый след до тех пор, пока не стал оседлым земледельцем, пока не создал цивилизацию и культуру, до тех дней, когда он как человек не стал величайшим врагом людей.

Я думаю, что этой книгой опроверг мнение, особенно распространенное в Европе, что североамериканская археология является «наукой кремневых наконечников». Но чтобы отдохнуть от великого множества наконечников последней главы и прежде чем мы перейдем от оружия к человеку, то есть к скелетам первых американцев, я опишу один эпизод из романтического периода американской археологии.

22. БАШНИ МОЛЧАНИЯ

Эта научная статья была написана много лет назад и появилась в специальном археологическом журнале «Американ антиквити». Ее автор Френк К. Хиббен, сотрудник Университета в Нью-Мексико, лейтенант военно-морского флота во второй мировой войне, вспоминая о своем самом интересном археологическом открытии, писал: «Только после того, как я начал служить на флоте и прово-

жу долгие одинокие часы на вахте, у меня появилось время подумать об интересной для всех стороне моей прежней работы».

Удивительно, что это не пришло ему в голову раньше, но в конце концов он в 1944 г. опубликовал «интересную для всех» статью под названием «Тайна каменных башен» [1] в газете «Сатердей ивнинг пост», издававшейся тогда тиражом 3 500 000 экземпляров.

Открытиям Хиббена и его статьям постоянно сопутствовали споры археологов. За год до этой публикации, как мы уже говорили, он в той же газете напечатал научно-популярную статью о находках в пещере Сандиа. Его точка зрения по этому поводу оспаривается коллегами до настоящего времени, а что касается открытия в долине реки Гальина, то сейчас по этой проблеме существует известное единство мнений: большинство археологов не принимают данное открытие всерьез. Но оно столь интересно, что мы не смеем его утаивать от читателя, ибо это «история о насилии и кровопролитии, у которой отсутствуют начало и конец».

И вновь открытие совершил неспециалист. В 1933 г. Джо Ареано, владелец маленького ранчо, ехал верхом вдоль русла реки Гальина, разыскивая золото в дальнем углу на севере штата Нью-Мексико. Неожиданно он, к своему величайшему удивлению, увидел высокую прямоугольную башню, а затем еще несколько других.

Этот район штата Нью-Мексико тогда был мало известен и, конечно, не измерен, там иногда бродили только индейцы навахо, и возможно, что до Ареано не ступала нога белого человека. Этот забытый богом край очень труднодоступен, но потрясает своим великолепием. Это горная страна, покрытая плоскими, поросшими лесом горами, разорванная глубокими неизведанными каньонами, страна ослепительного света и чернейших теней, где раскаленные утесы сияют ярчайшими красками от светло-желтой до ярко-синей и пурпурной.

Ничто не могло быть невероятнее: в этой забытой всеммиромглуши вдруг увидеть массивные каменные башни, высота которых, по мнению Ареано, доходила до 7,5—9 м. Ареано назвал их torreónes (крепостными башнями). Поблизости он обнаружил несколько куч шлака и подумал, что когда-то здесь плавили золото. Но ему не повезло, и пришлось довольствоваться восемью, очевидно, очень старыми, но хорошо сохранившимися раскрашенными глиняными чашками, валявшимися у подножия башни и показавшимися ему красивыми и годными для продажи. Чтобы выгодно сбыть свою скромную добычу, он отправился в Санта-Фе. И там узнал, что нарушил закон, запрещавший вывозить с земли, принадлежащей государству, предметы старины и продавать их. У него отобрали красивые чашки и передали их в музей. Господа из музея выслушали его историю о крепостных башнях и сразу не поверили, она

звучала слишком неправдоподобно. Снова и снова его спрашивали, не было ли его открытие поселением индейцев пуэбло, но он настаивал, что собственными глазами видел не одну башню, а много и все они выглядели, как средневековые крепостные руины, совсем не походившие на строения индейцев пуэбло.

Ученые решили заняться расследованием этой истории. В 1933 г. экспедиция студентов-археологов под руководством Френка К. Хиббена отправилась в трудный путь. На тяжело нагруженном автомобиле они доехали приблизительно до входа в каньон Гальина. Затем пришлось издалека привезти повозку, чтобы проникнуть в эту дикую местность, абсолютно недоступную зимой. Но в то время стояла середина июня и исследователи смогли пройти по совершенно высохшему руслу реки Гальина.

Они увидели первую башню, когда проезжали через очень узкое место в каньоне, где ступицы колес повозки с обеих сторон задевали за утесы. Перед глазами археологов открылся лог (долина, выемка) около полутора километров длиной и до трехсот метров шириной. Хиббен описал окружавшую обстановку убедительно и красочно:

«Стены каньона представляют собой ряд зубчатых остроконечных утесов, поднимавшихся по обеим сторонам, как стойки огромного, широкого, открытого стального капкана. Повозка, раскачиваясь, выкатилась из узкого места на низкую террасу, расположенную в верхнем конце лога, и там на фоне голубого неба мы увидели первую башню. Она стояла на вершине одного из утесов, имевших форму иглы, вплотную у стены скалы. Башня была высоко над нами, но мы сразу распознали в ней искусственное сооружение, хотя она и казалась частью горы. Мы смотрели на нее со дна каньона, и башня, отчетливо выделяясь на ослепительном небе, походила на средневековое укрепление».

Археологи остановили повозку, взяли бинокли и осмотрели края каньона. Они увидели вторую башню, третью, а затем много других, стоявших поодиночке или группами на возвышенных точках местности. Все было так, как рассказал Ареано; они выглядели, как замки на вершинах цепи утесов.

«От удивления мы не знали, что и думать»,— писал Хиббен.

Было ясно, что их построили не индейцы пуэбло. Но что же это были за постройки? Кто их соорудил? Археологи начали всесторонние исследования: фотографировали, наносили на карты, осматривали каньон милю за милей в южном и северном направлениях и пришли к выводу, что на площади шириной 56 км и длиной 80 км стояло не меньше 500 башен!

Их не могло создать одно небольшое племя. В башнях жил, вероятно, целый народ (не зная его настоящего названия, члены экспедиции нарекли его «народом Гальина»); и 500 башен не могло построить одно поколение.

Исследования продолжались много летних сезонов подряд. Дикая красота гор, как и прежде, очаровывала археологов, но были и обстоятельства, сильно мешавшие работе, например нехватка питьевой воды. Имелся всего-навсего единственный источник, в воде которого было много гипса, щелочи и горьких солей. От ее употребления у многих участников экспедиции начались желудочно-кишечные заболевания. Один шутник из числа студентов около источника установил транспарант со стихами:

До пива и джина
За многие годы
Индеец Гальина
Пил здешнюю воду.
И долго потом
Он работать не мог.
Страдал животом.
Да простит его бог!

Ко всему там обитал вид черных мух, мириадами нападавших на людей. После их укусов появлялись волдыри и нарывы, а кожа выглядела так, будто в нее занес инфекцию ядовитый плющ, распространенный в Америке.

Но ничто не могло остановить работу исследователей башен. Настало время узнать, что же находилось в этих сооружениях. И ученые выбрали для работы группу из восьми башен, которые они увидели с самого начала. Первая же из них казалась наиболее типичной (большинство сооружений были четырехугольными, и только некоторые имели закругленные углы и казались почти круглыми). Башня имела высоту около девяти метров. Стены были сложены из грубо обтесанных параллелепипедов из песчаника, скрепленных подобием раствора из смеси соломы с глиной, обычно употребляемого индейцами пуэбло для изготовления кирпичей. У основания башни толщина стены составляла 1,8 м.

Верхняя часть сооружения походила на башню, ее опоясывал парапет для защиты оборонявшихся. У башни не было входной двери; единственный путь в нее вел по лестнице на крышу, а затем через люк по другой лестнице внутрь сооружения. Остатки таких лестниц археологи нашли, когда проникли внутрь башни через обвалившиеся балки крыши, камни и мусор, накопившийся за столетия.

В ней их ожидал сюрприз. Башни, гордо и неприступно выглядевшие снаружи, построенные будто бы только для обороны, внутри оказались богато украшенными. Стены были оштукатурены и разрисованы изображениями растений, птиц, цветов и подобием вымпелов, возможно, символами побед.

Пол башни, покрытый тщательно подогнанными массивными плитами из песчаника, был 6 на 6 м. Вокруг стояло несколько полых внутри каменных и саманных скамеек, служивших в ка-

честве ящиков и ларей. Ученые нашли аккуратно сложенный очаг и пропущенный через стену дымоход, выходивший наверх. В ящиках обнаружили первые следы этого загадочного народа. Их открыли, и «повеяло столетиями, как будто это был воздух египетской гробницы». Археологи увидели целые коллекции предметов обихода и украшений, лежавших так, будто их только вчера уложила человеческая рука.

Там были замшевые мешочки с цветными пудрами, предназначенными для церемоний, покрытые орнаментами емкости из раковин, пестрые деревянные молитвенные палочки, амулеты или символы счастья, одежда из замши, изделия из перьев, стрелы из тростника и кремневые наконечники, маски для танцев и рога. Короче говоря, вещи, используемые индейцами и теперь, а следовательно, вряд ли древнего происхождения.

Но самым удивительным, что «заставило нас затаить дыхание, были аккуратно освобожденные нами от обломков сами жители башен. Они остались дома, и вместе с ними их история. Всего в башне в разных позах лежали шестнадцать человек».

Археологи, которые по долгу службы должны глубоко дышать воздухом прошлого, часто пытаются под напускной шутливостью скрыть волнующие их чувства; так поступают студенты-медики на занятиях в анатомическом театре. Молодые ученые быстро установили дружеские отношения со своими находками. Они дали им имена. Одного назвали Почесывающий Палец, другого Детина, а одну из женщин Отважной Титанией.

Но самым важным открытием была разгадка драмы. Эти люди не умерли естественной смертью, их перебили враги. Тщательные исследования установили, что крышу башни подожгли зажигательными стрелами, затем огонь перебросился на лестницы и остальные воспламеняющиеся предметы, от этого обрушились балки потолка, увлекая за собой части каменного бруствера и сражавшихся за ним защитников. Очень сухой климат юго-западного плоскогорья вместе с иссушающей жарой и напáдавшим мусором так хорошо законсервировали трупы, что они сохранились лучше, чем некоторые египетские мумии.

«Здесь на спине лежало тело молодой женщины, накрывшее ларь. Ее раздавили камни, обрушившиеся с верха стены, но тело удивительно хорошо сохранилось, а на приплюснутом лице еще видны были следы агонии. Ее грудь и живот пронзили шестнадцать стрел с кремневыми наконечниками и обуглившимися концами. В левой руке она еще держала лук, с одного конца которого свисала часть тетивы. Это был короткий и крепкий лук из дуба, и, без сомнения, его когда-то натягивала женщина.

В середине пола башни, куда они упали, сорвавшись с крыши, лежали один поперек другого двое мужчин. Один держал в руке три лука, два из дуба и один из можжевельника, в его другой руке

была связка из 27 стрел. Надо полагать, что этот мужчина собирался передать оружие и боеприпасы незадолго до того, как был убит.

Также и другого воина постигла ужасная судьба. Каменный топор с зазубренным лезвием наполовину вонзился над левым глазом в его череп и продолжал в нем торчать.

Очевидно, и другая женщина сражалась вместе с мужчинами. Они были удивительными людьми, эти воины Гальина, как мужчины, так и женщины. У нее в плече торчала стрела, а может быть, в нее попали и другие стрелы. Это трудно было установить, ибо ее раздавила рухнувшая крыша. Но ее прическа осталась нетронутой и выглядела очень современно. Она аккуратно разделила волосы посередине и с каждой стороны заплела три косы. Затем подняла их вверх и на затылке завязала маленьким узлом. В спускавшиеся до плеч концы кос были вплетены раскрашенные на современный манер узенькие полоски оленьей кожи. Голова на затылке была выкрашена в красный цвет».

Даже ее одежда частично сохранилась.

«Несколько воинов, вероятно, упали через люк, или их сбросили вниз там, где лестница вела с крыши внутрь дома. Их ноги были обуты в красивые сандалии, вытканные из волокон юкки, ремешки были завязаны вокруг подъема и щиколотки. Они очень походили на современную пляжную обувь, а на подошвах был выпуклый орнамент, чтобы при ходьбе они не скользили. На одном мужчине было подобие фартука из оленьей кожи, свисавшего с плетеного пояса на бедра. Другой был одет в закрывавшие всю нижнюю часть тела брюки из огрубевшей оленьей кожи, еще носившей следы обуглившейся вышивки, когда-то их украшавшей».

Но самая драматическая сцена открылась глазам археологов, когда они стали осматривать дымоход. В нем был труп мальчика пятнадцати-шестнадцати лет, волосы которого были заплетены в длинные тонкие косички. Вероятно, он был еще жив, когда упал с обрушившейся крыши. Из последних сил пытался он спрятаться в узком дымоходе и застрял. От горевших бревен нижняя часть его тела обуглилась. В его бедре еще торчала стрела, пущенная снизу. «Через столетия после того, как мальчик заполз в дымоход, пытаясь спастись от жара, на его высохшем, мумифицированном лице еще можно было прочесть выражение ужаса и боли».

Хиббен и его помощники вели исследования до начала второй мировой войны. В конце концов они осмотрели семнадцать башен, и все семнадцать рассказали ту же самую историю. В одной из башен были убиты пять защитников, в другой одиннадцать, и среди них одна вооруженная женщина. Все башни были разрушены огнем, и всюду оборонявшиеся с оружием в руках сражались до последнего. В ходе исследований все более настоятельными становились следующие вопросы: кто же построил эти башни? Кто их защищал? Кто на них напал и разрушил?

На четвертый вопрос, самый важный, а именно: каков возраст башен — можно было ответить с уверенностью. В этом случае помогла дендрохронология — датирование по кольцам деревьев. В распоряжении ученых было достаточно балок от перекрытий, чтобы сделать анализы. Согласно их результатам (по Хиббену), деревья для балок срубили между 1143 и 1248 гг. Следовательно, почти 700 лет назад, приблизительно в течение одного столетия; все эти башни народа, населявшего долину реки Гальина, построили за 250 лет до прихода испанцев.

Но кто был этот народ, остается загадкой, все найденные предметы обихода, оружие, строение скелетов сильно отличаются от культуры индейцев пуэбло. Обнаруженная керамика имела особенности, не свойственные Юго-Западу, но встречавшиеся в штате Небраска и в долине Миссисипи. Далее Хиббен констатировал, что народ, населявший башни, выращивал одну из разновидностей кукурузы и специальный сорт тыквы, известный до сих пор только в Айове в долине Миссури. Это очень загадочные взаимосвязи. И Хиббен обобщает:

«На основании многих деталей мы сделали вывод, что народ Гальина пришел на юго-восток очень давно, вероятно, за много столетий до того, как был уничтожен. Он пришел из прерий, возможно, из долины Миссисипи... Что побудило этих людей прийти на юго-восток, мы не знаем, но надо полагать, он был уже заселен другими; это объясняет, почему они выбрали для поселения негостеприимную, хотя и очень красивую долину реки Гальина. Откуда у них появилась идея строить башни, нам неизвестно. Может быть, от других людей, строивших башни, а может быть, эту архитектуру они изобрели сами, когда возникла необходимость защищаться».

Но это не ответ на вопрос, что за люди напали на этот воинственный и так хорошо подготовленный к обороне народ и истребили его, чтобы двинуться дальше или вернуться в свои места, ибо руины до наших дней остались незаселенными. Все свидетельствует об очень воинственном кочевом народе, но племена, которые могли бы это совершить — навахи или апачи,— пришли на плоскогорье только через двести лет после завершения кровавой драмы. Кое о чем свидетельствуют и стрелы, обнаруженные в телах убитых. Они указывают на индейцев пуэбло, употреблявших точно такой же тип стрел с узкими треугольными наконечниками. Все очень противоречиво и загадочно.

Авторы некоторых работ по североамериканской археологии вообще не упоминают о проблеме народа Гальина. Джон К. Мак-Грегор в своем труде «Археология Юго-Запада», изданном в 1965 г., просто хвалит разнообразную керамику «этапа Гальина» и признает своеобразие башен. Но и он не отвечает на вопросы «кто» и «откуда».

23. ПЕРВЫЙ АМЕРИКАНЕЦ, ИЛИ ДЕВУШКИ ИЗ МИДЛЕНДА И ЛАГУНЫ

Читатель, вероятно, часто задает вопрос, который, впрочем, задают и ученые: почему мы находим бесчисленное множество остатков оружия, но на протяжении длительного периода времени не обнаруживаем костей человека. Впрочем, кое-что уже найдено. Правда, многие не «вызывающие сомнения», сенсационные находки, о которых каждый год скоропалительно сообщали в прессе, при проверке специалистами оказывались очень сомнительными.

Так произошло и с так называемым «человеком из Небраски», о котором однажды напечатали в газетах статьи под броскими заголовками. Только на основании одного зуба ему приписали весьма «древний» возраст, а потом оказалось, что зуб принадлежал одной из вымершей разновидности пекари.

До сегодняшнего дня не выяснен до конца вопрос о Мамочке из Миннесоты, так журналисты назвали останки девочки приблизительно пятнадцати лет, череп которой в 1931 г. обнаружили в отвалах во время работы бульдозера. Разумеется, почти трехметровые напластования земли были здесь разрушены в процессе работы. Вполне возможно, что эта девочка 10 000—8000 лет назад упала в ледниковое озеро Пеликан или была сброшена и утонула. Возможно и другое: эта девочка из племени сиу родилась в прошлом столетии, а после смерти ее труп по каким-то причинам попал в очень глубокие слои земли.

В настоящее время все больше остатков скелетов становятся темой дискуссий ученых. Нет никакого сомнения, что первые американцы были иммигрантами, и совершенно ясно, что они были из нашего племени, как конечный результат долгого развития к человеку, так называемому Homo sapiens, то есть к группе, к которой принадлежим мы сами (по-латыни «Homo» означает человек, а «sapiens» — разумный, умный, в правильной взаимосвязи «sapiens» может означать мудрый, но в этой ипостаси и в наши дни — после почти сорока тысяч лет развития — он встречается очень редко).

Несколько лет назад две находки частей скелетов оспаривали честь принадлежать первому американцу; одни останки принадлежали человеку, жившему в Мидленде, другие — человеку в Тепешпане, первый из Техаса, а второй из окрестностей Мехико. Обе находки и их оценка представляли собой полную противоположность. Раскопки в Мидленде еще и сегодня являются образцом самой аккуратной совместной работы. В ней участвовали: Фред Уендорф из Антропологической лаборатории в Санта-Фе, Алекс Д. Кригер из Техасского университета в Остине, Клод К. Элбриттон из Южного методистского университета в Далласе

и Т. Д. Стюарт из Национального музея Соединенных Штатов, Смитсоновского института [1].

Отчет же о человеке из Тепешпана, составленный Хельмутом де Террой, археолог Джесси Д. Дженнингс из Университета Юта называет «образцом неточного сообщения» [2].

Человек из Мидленда — женщина приблизительно тридцати лет; ее нашел Кейт Гласскок, археолог-любитель (сразу же пригласивший специалистов. По его поводу Дженнингс сказал: «Так пусть же множится племя Гласскоков!»). Эту находку, несмотря на всю тщательность обработки, датировали очень приблизительно: старше 10 000 лет, возможно, до 20 000 лет.

Таким образом, мидлендскую девушку, если принять во внимание более древнюю дату, можно считать старейшей американкой, но эта дата очень сомнительна.

По поводу тепешпанского человека (старого мужчины, с зубами, стертыми до челюстей) можно с уверенностью сказать, что ему «только» 10 000 лет или немного больше.

Во всяком случае, на вопрос о древнейшем, о первом американце еще нет точного ответа. Мы же пока дадим «последнее слово» еще раз Гордону Р. Уилли, заявившему в докладе, сделанном в 1956 г. в Американском философском обществе в Филадельфии:

«Сегодня нет сомнения, что первые люди прибыли в Новый Свет из Азии через Берингов пролив на Аляску во время ледникового периода. Также ясно и то, что они принадлежали к роду Homo sapiens, и очень вероятно, что их следует причислить к монголоидному расовому типу. Но, кроме этих основополагающих вопросов, относительно которых высказывают свое согласие все, есть и в высшей степени спорные: точное время появления человека в Новом Свете и характер того культурного багажа, который он принес с собой.

Неопровержимым фактом является то, что к 10 000 г. до н. э. человек уже определенно был в Новом Свете. Он охотился на крупных, теперь вымерших млекопитающих, включая мамонта, и он преследовал этих зверей, поражая их дротиками или копьями, снабженными изящно обработанными каменными наконечниками, имевшими характерные желобки.

По мнению некоторых современных археологов, человек впервые ступил на землю Аляски лишь незадолго до 10 000 лет до н. э. и принес с собой из Азии верхнепалеолитическую технику изготовления ножевидных пластин и наконечников копий, из которых он позже создал типично американские формы с желобками.

Ученые, выражающие противоположное мнение, полагают, что человек пришел в Новый Свет много раньше, возможно 30 000—40 000 лет назад или же еще раньше. Если он появился в этот период времени, то его оружие было намного примитивней. У него

не было ни ножевидных пластин, ни наконечников копий и дротиков, он пользовался оружием, сделанным скорее в традициях нижнего или среднего палеолита; это были грубо обработанные каменные рубила, употреблявшиеся в Юго-Восточной Азии.

Прошли тысячелетия, и человек в Новом Свете независимо от дополнительного влияния из Азии научился за 10 000 лет до н. э. пользоваться дротиками, снабженными копьеобразными наконечниками с желобками.

На современном уровне знаний ни одна из этих гипотез не может нас удовлетворить» [3].

В основном эти слова не утратили значения и в наше время, но к старым открытиям добавились несколько новых, а самое главное, удалось датировать возраст одной старой находки. Если оно действительно верно, то по праву послужило пищей для сенсационных статей, появившихся в американской прессе в 1969 г. от Лос-Анджелеса до Нью-Йорка. Одна из статей называлась: «Датирование так называемой „девушки из Лагуны“».

Прежде чем мы коснемся этой находки, следует заметить, что история человека, включая его предшественников, предков Homo sapiens, много древней, чем все американские данные, полученные в результате датирования.

Самый популярный предок, о котором мы знаем, пожалуй, неандерталец, чей скелет нашли в 1856 г. в одной пещере под Дюссельдорфом; позже его исследовал, описал и впервые признал доисторическим человеком И. К. Фулротт (после того, как некоторые авторитетные ученые сочли эту находку скелетом какого-то уродливого идиота, нашего современника, кто-то даже предположил, что это останки казака, отбившегося от русской армии, преследовавшей Наполеона). В наши дни полагают, что возраст неандертальца около 50 000 лет. Но эти и все последующие определения возраста еще спорны и подлежат обсуждению ученых. Также следует учесть, что при классификации типа этих древних людей принимают во внимание большие периоды времени и зачастую число обозначает не что иное, как приблизительный возраст находки, причем абсолютно неизвестно, как долго этот тип человека жил до и после этой даты. По поводу неандертальца мнения ученых довольно едины; они считают, что он принадлежал, так сказать, к тупиковой ветви в эволюции человечества и вымер, а наш действительный предок произошел совсем от другой ветви.

В еще более древнее прошлое ведет нас открытие яванского человека, ему приписывают возраст от 500 000 до 1 000 000 лет. Так же обстоит дело и с гейдельбергским человеком и с синантропом; считают, что последний жил от 200 000 до 500 000 лет назад. В 1959 г. привлекли к себе внимание африканские находки Льюиса С. Б. Лики, хранителя Кориндонского музея в столице

Кении — Найроби. В ущелье Олдовей, на юго-восточной границе заповедника Серенгети, он нашел останки человека, возраст которых предположительно 600 000 лет. Позже он обнаружил и другие кости, имевшие фантастический возраст — 1 750 000 лет.

Однако для нашей книги интересно только открытие так называемого кроманьонца, сделанное в 1868 г. в пещере во французской провинции Дордонь. Рядом с остатками костей мамонта и дикой лошади лежали скелеты трех мужчин, женщины и младенца. Кроманьонский человек, без сомнения, наш ближайший предок (полагают, что он жил 30 000—40 000 лет назад); у него был вытянутый череп, узкий нос, высокий лоб и все еще довольно плоское лицо. И если нет единого мнения по поводу принадлежности неандертальца и его предков к Homo sapiens, то относительно кроманьонца в этом плане никаких сомнений нет.

Какая разница между ними? Рассказывая о своих раскопках стоянки человека двухсоттысячелетней давности вблизи Ниццы, французский археолог Анри де Люмлей шутливо ответил на этот вопрос одному репортеру:

«Если в метро в вагон войдет кроманьонец, то Вы, вероятно, не обратите на него внимания. Если же рядом с Вами за поручень держится неандерталец, то Вы, наверное, пару раз на него оглянетесь!» «И непременно на следующей же остановке выйду»,— добавил репортер» [4].

Человек, переселившийся в доисторические времена в Америку, был в полном смысле этих слов Homo sapiens — «человек разумный», с огнем, оружием и различными инструментами, гонимый любопытством и жаждой найти богатые дичью земли.

Но вернемся к находке из Лагуны, девушке, которая спустя тысячелетия путешествовала дальше и больше, чем при жизни.

В 1933 г. семнадцатилетний Говард Вильсон и его друг отправились на поиски сокровищ. У Вильсона уже была хорошая коллекция наконечников копий, стрел и других предметов. Они начали копать неподалеку от своего дома, в районе теперешнего Сент-Энн'с-Драйв, что лежит в Лагуне Бич, штат Калифорния. Там, где земля была песчаной и мягкой, они, копая отверткой, обнаружили кость и сразу решили, что она принадлежала человеку. Это их очень взволновало. Но следующий слой земли был тверд, а пласт, находящийся под ним, еще тверже. Один из них сбегал домой за мотыгой, и они стали копать ею. Вскоре они увидели человеческий череп и с усердием начали бить мотыгой, не соблюдая осторожности, причем один из ударов пришелся по черепу. К счастью, он не раскололся, но с того момента на нем появилась отчетливая метка, оставленная археологами-любителями (что позже оказалось очень важным).

Вильсон отнес череп домой и показал матери. Она посоветовала ему, не раздумывая, швырнуть находку в мусорный ящик.

Но, хвала непослушанию, сын положил череп в коробку из-под обуви, где она пролежала некоторое время.

Прошло еще два года, и Вильсон, продолжая интересоваться индейскими предметами древности, как-то взглянул на череп еще раз и подумал, что он совсем не похож на черепа, находящиеся в музеях. Он написал о своей находке письмо в Юго-западный музей в Хайленд-Парк (Калифорния), приложив старательно выполненный рисунок. Вскоре ему ответили, что этот череп, без сомнения, принадлежит доисторическому человеку, «но не обязательно примитивного типа» [5].

Вильсон на этом не успокоился, и начались путешествия черепа. Он попал в руки доктора Д. Б. Роджерса из Музея естественной истории в Санта-Барбара (Калифорния), ученый признал его «довольно» старым и предположил, что череп принадлежал представительнице так называемого «народа Оак-Гроув» («Дубовой Рощи»), наиболее древнего из известных среди индейцев, населявших Калифорнию.

Но ни один из ученых не был прав.

После исследований, продолжавшихся несколько месяцев в Университете Южной Калифорнии, Вильсон в 1937 г. получил письмо от Ивана Лопатина, который изложил в нем свои выводы: «После подробного внешнего изучения и сравнения с другими черепами в нашей лаборатории я могу сказать, что исследованный череп не отличается от черепа обычного калифорнийского индейца» [6].

И череп возвратился в коробку из-под ботинок. Но это не помешало археологу-любителю, как и прежде, верить в необычайность своей находки. Через 16 лет он отдал его скульптору Джорджу Стромеру, который изготовлял скульптуры доисторических людей для одного музея.

Это звучит очень неправдоподобно, но последовавшие затем оценки ученых были диаметрально противоположны предыдущим. Стромер показал череп доктору Дж. Марки, а тот отвез его в европейскую цитадель антропологии — знаменитый парижский Музей человека. Там сказали, что ископаемые ракушки, оказавшиеся внутри черепа, вымерли сто тысяч лет назад! Неужели черепу было 100 000 лет? Это казалось совершенно невероятным.

Доктор Марки, заинтригованный загадкой черепа, повез его в Рим, Мадрид, Брюссель и в Лондон — в Британский музей. Нельзя сказать, что череп не привлек внимание, но именитые антропологи не высказали по его поводу определенного мнения (а радиоуглеродное датирование появилось только в 1947 г.). После восьми лет странствий череп возвратился к своему владельцу.

Прошли еще годы, прежде чем одно счастливое обстоятельство круто изменило ситуацию. В начале 1967 г. всемирно известный

Льюис С. Б. Лики, открывший древнейшие останки человека в ущелье Олдовей (о котором мы уже говорили ранее), делал в Калифорнии доклад. Через третье лицо упорному Вильсону, ставшему к тому времени в Саут-Лагуне процветающим архитектором, но оставшемуся честолюбивым археологом, продолжавшим верить в особые качества своей находки, удалось встретиться с Лики. Знаменитый ученый отвел для разговора с любителем десять минут. Но когда череп оказался в руках Лики и он услышал об обстоятельствах находки, беседа затянулась на сорок пять минут. Лики решил, что череп следует немедленно отправить к доктору Бергеру в Калифорнийский университет, чтобы подвергнуть тщательному радиоуглеродному датированию!

Таким образом, Райнер Бергер, бывший ассистент Либби и изобретатель радиоуглеродного датирования, а ныне сотрудник Института геофизики и астрофизики, занялся этой нерешенной проблемой.

Удивительные результаты точнейших исследований, послужившие материалом для сенсационных сообщений в прессе, Бергер описал скупыми словами: «Радиоуглеродное датирование черепа». Теменная и височная кости черепа были датированы коллагенным методом: 78,5 грамма костей несколько дней выщелачивали эфиром, чтобы удалить любую органическую субстанцию, занесенную в результате соприкосновений. Затем минеральную массу костей разрушили путем обработки холодной соляной кислотой. Потом разведенной холодной гидроокисью натрия выщелачили гумусовые кислоты различного специфического действия. Оставшуюся органическую часть датировали и получили данные, что она соответствовала возрасту 17 150±1470 лет» [7].

Этот плюс — минус необычно велик и свидетельствует об осторожности. Если измерения верны, то недооцениваемому долгое время черепу от 15 680 до 18 620 лет.

Удивительный возраст!

Бергер не довольствовался первыми результатами. Сначала он еще раз выяснил подлинность черепа. Был ли череп, исследованный в лаборатории и путешествовавший по многим музеям, действительно тем, который нашел Вильсон? К счастью, нашлось одно доказательство. Местная газета опубликовала рисунок находки, когда ее только что обнаружили. И на этом изображении был отчетливо виден шрам, нанесенный тогда ударом мотыги старательного Вильсона, эта же отметина была видна и на черепе, который находился в лаборатории.

Провели и другие анализы: в частности, исследовали кость, найденную Вильсоном еще до черепа. Эксперт Смитсоновского института, доктор Т. Д. Стюарт с чисто антропологической точки зрения сделал заключение, что череп, по всей вероятности, принадлежал женщине (об этом мы уже говорили).

На этом дело не кончилось: устроили экзамен Вильсону, сможет ли он указать место находки. Он указал его, и очень точно. В 1968 г. в Сент-Энн'с-Драйв предприняли интенсивные раскопки в надежде, что удастся найти еще что-нибудь.

Однако результаты разочаровали археологов, и появились сомнения. Во время раскопок обнаружили пару костей животных и раковины, но никаких останков человека. Больше всего ученых повергло в смятение то, что на глубине около 60 см нашли раковины, радиоуглеродное датирование которых показало возраст 8950±70 лет. А на глубине приблизительно 180 см обнаружили другие раковины, и их анализ показал 8300±80 лет.

В высшей степени запутанная история. Удивительно было не только то, что молодые раковины вопреки всем правилам стратиграфии лежали глубже, чем более древние, всех озадачило указание Вильсона, что череп находился между ними!

Каким же образом семнадцатитысячелетний череп оказался между слоями 8000 и 9000 лет?

По этому поводу доктор Бергер и археолог Дж. Р. Сакетт пояснили, что эти запутанные обстоятельства не так уж непонятны, если принять во внимание особые геологические условия данной местности. Мы не будем вдаваться в детали, но оползни, которые могли привести к самым странным стратиграфическим особенностям, в этом районе отнюдь не редкость, об этом прекрасно знают жители каньона в окрестностях Лос-Анджелеса, многим из них в 1968 г. пришлось выпрыгивать из окон, когда колоссальные массы земли вдруг пришли в движение и дома угрожали сдвинуться с места.

Сомнения сверхосторожных археологов не развеялись (опыт научил их осторожности); они считают, что данных одного датирования недостаточно, и требуют многократных доказательств, подкрепленных старейшим методом исследования — стратиграфическим.

И тем не менее «Льюис С. Б. Лики доволен внешним видом черепа и его радиоуглеродным возрастом, — написал Бергер и добавил: — Череп — древнейшее прямое доказательство пребывания человека в Америке» [8].

Можно было бы упомянуть и другие места находок, но оставим это специалисту. Кроме того, не следует отрицать, что за последние годы североамериканская археология добилась колоссального прогресса не только в методах исследования, но и в количестве находок, которые прежде были так редки (Лики вел исследования в Африке 30 лет и обнаружил только три важных для науки места).

Опыт истории всех наук свидетельствует, что каждое новое открытие вызывает цепную реакцию. Неожиданно обостряется зрение, и мы видим то, на что прежде не обращали внимания.

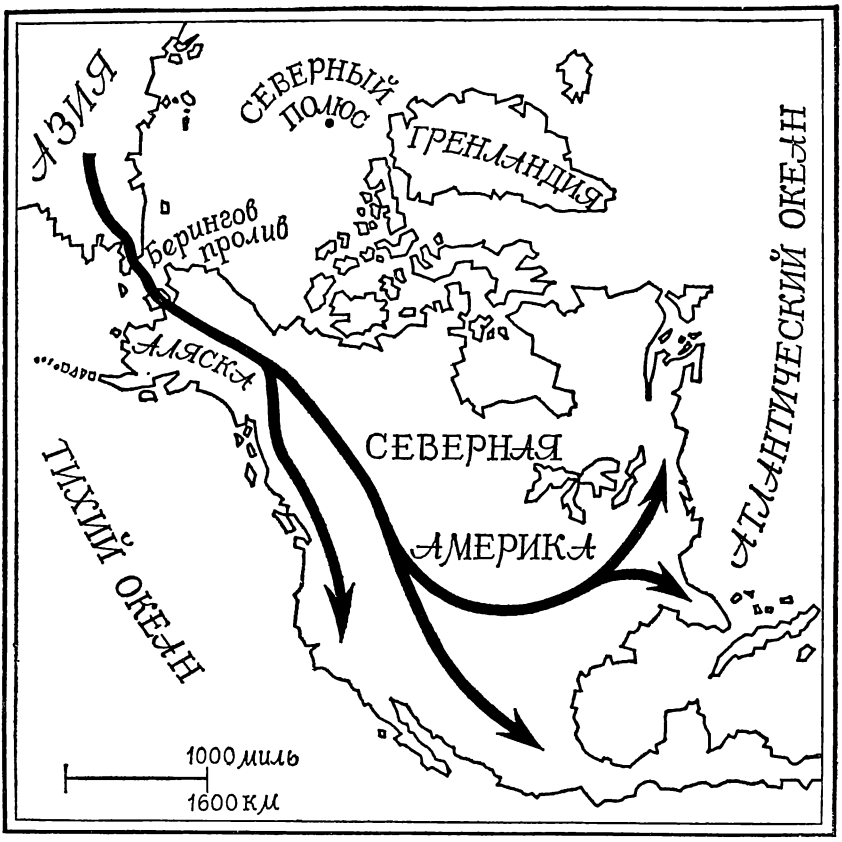
Поэтому я думаю, что мы можем ожидать дальнейших открытий. И возможно, Лики (а может быть, и кто-нибудь другой) со временем докажет то, что не удается ему сделать теперь из-за недостатка доказательств: американский человек старше, намного старше, чем полагали до сих пор [9]. (В 1968 г. Лики обнаружил во время своих раскопок в Калифорнии чрезвычайно примитивные каменные орудия — так называемые рубила из крупной гальки, о которых он сказал в одном интервью, что их возраст 40 000—50 000 лет, а может быть, и больше — 80 000—100 000 лет, однако большинство археологов сомневаются, что его находки являются орудиями, их считают случайной игрой природы.) В 1965 г. Эмиль Хаури поспорил с Лики на 100 долл., что тот в течение ближайших 15 лет не сможет доказать, что североамериканскому человеку 50 000—100 000 лет. Пока выигрывает Хаури.

24. ПУТЬ ЧЕРЕЗ БЕРИНГОВ ПРОЛИВ

Мгла, туман, плавающие льдины — это все, что в один из августовских дней 1728 г. видел человек с капитанского мостика маленького корабля, с трудом пробивавшегося на север через пролив, позже названный в его честь — Беринговым. Офицер русского флота, выходец из Дании Витус Беринг отправился исследовать северные границы огромной Российской империи. Когда его корабль шел через «Берингов» пролив, капитан не знал наверняка, что проходил между двумя континентами, берега которых при хорошей погоде были бы отчетливо видны, ибо ширина пролива в самом узком месте всего 85 км. Но тем не менее он предполагал, он был уверен, что пролив разделял Сибирь и Аляску, и он был прав, но... так было не всегда!

В наше время глубина Берингова полива составляет 45 м. Для моряков, китобоев и охотников на тюленей он так же негостеприимен, как и тысячелетия назад. Температура воздуха большую часть года не поднимается выше нуля, температура воды не бывает выше 9°. Высота прилива незначительна; полному блокированию полярным льдом препятствует течение в северном направлении из Тихого океана. В середине этого безотрадного пролива лежат два таких же безотрадных и крошечных кусочка суши — острова Диомида. Поскольку же ширина пролива в самом узком месте, как уже сказано, только 85 км, эскимосы могут пересекать его в своих каяках, что они и делали еще с давних времен.

Люди, переселившиеся свыше 10 000 лет назад из Сибири на Аляску, следовали за крупными животными и вместе с ними совершили это путешествие посуху!



Пути проникновения первобытных охотников в Новый Свет через Берингов пролив.

Уильям Хауэллс из Гарвардского университета выразил эту мысль так: «Они не знали, что перешеек будет затоплен, когда много позже растают глетчеры и уровень моря поднимется. Не ведали, что пришли в Новый Свет, богатый такими дикими животными, как мастодонты, мамонты, лошади, верблюды, длинношерстные бизоны, мускусные быки, а также такими редкостными, как гигантский ленивец, не говоря уже о лосях, северных и благородных оленях. Пришельцы не знали и о том, что были первыми американцами» [1].

Они вторглись на новый континент немногочисленными ордами; это не было огромным переселением народов, какие неоднократно происходили в Азии и Европе. «Народов», иммигрировавших из Сибири на Аляску, не было. Пришли древние сибирские

охотники, принадлежавшие к монголоидной расе. Они обитали маленькими группами, постоянно преследуя крупных животных, служивших им пищей. Они просочились в Северную Америку, и теперь, в конце нашей книги, нам следует еще раз коснуться вопроса: когда же это произошло?

Мы уже несколько раз говорили, что в Америке, так же как в Европе и Азии, было несколько ледниковых периодов. Больше половины Американского континента покрывали колоссальные толщи льда, четыре раза лед продвигался вперед и вновь отступал, причем это явление каждый раз сопровождалось значительными изменениями климата. В этом процессе оледенения не было ничего драматического. Землетрясения сами по себе драматичны, а ледниковые периоды проходят «эпически», долго, простираясь во времени, измерение которого недоступно человеческим масштабам. Очень важна высказанная с определенной уверенностью точка зрения геологов, что глетчеры связывали огромные массы воды, отчего уровень Ледовитого океана сильно понизился и Берингов пролив превратился в перешеек. Даже они очень осторожно высказываются о том, что для сибирских охотников особенно благоприятные условия дважды давали возможность завоевать Американский континент — от 40 000 до 20 000 лет назад и второй раз от 13 000 до 12 000 лет до н. э.

В 1967 г. Дэвид М. Хопкинс, посвятивший много лет исследованию Берингова пролива, написал:

«Когда восемнадцать лет назад меня задержала непогода в поселке Уэйлс, я внимательно разглядывал легкий туман, как дым, нависший над бурным Беринговым проливом, и думал, что кто-то в этот неспокойный день прокладывает сквозь ветер свой путь на азиатском берегу, чтобы принять участие в моих поисках следов прошлого. Недалеко от меня возвышался торфяной холм, куча отбросов, оставленная многими поколениями эскимосов, живших на западной оконечности Северной Америки, сзади меня возвышался мыс Принца Уэльского, изборожденный старыми глетчерами, изрезанный вечными ударами волн. Может быть, кто-нибудь в эти мгновения прячет от сырого тумана свои записи, сделанные буквами русского алфавита, сидя на крутом берегу мыса Дежнева — восточной оконечности Сибири, или на эскимосском кладбище в Уэлене — самом восточном поселке Сибири» [2].

Хопкинс написал эти строки, будучи издателем многочисленных докладов, прочитанных в 1965 г. 27 авторами, представителями шести наций (среди них были впервые и ученые из Советского Союза) на VII конгрессе Международной ассоциации по изучению четвертичного периода. У этих докладов была одна и та же тема: «Берингов перешеек».

Примечательно, что ученые больше не обсуждают вопроса, действительно ли первые американцы пришли из Сибири, теперь

это не вызывает сомнения. Но эта уверенность, появившаяся в 30-х годах нашего столетия (старейшее указание на переселение из Азии восходит к 1590 г. и принадлежит монаху Хосе де Акосте), возникла, так сказать, в результате косвенных доказательств. Благодаря тому, что все другие теории признали неверными или, как, например, теории о «десяти исчезнувших племенах израилевых», об Атлантиде и стране Му, исключили как просто бессмысленность.

Но если даже допустить — а в наше время ученые разделяют это мнение,— что было несколько миграционных волн, и полностью не исключить, что до Колумба и, вероятно, до викингов случайные путешественники приплывали в Америку на кораблях или плотах через Тихий океан и с Севера Атлантики (чем объясняют многообразие индейских языков и расовые различия), то почему так долго не могли ответить на вопрос: действительно ли возможно, чтобы несколько племен за сравнительно немногие тысячелетия превратились в миллионы жителей, которые прошли путь от Берингова пролива до южной оконечности Южной Америки?

Действительно, стремление на юг, якобы воодушевлявшее их, несколько загадочно. Долгое время удовлетворялись простейшим объяснением — естественным стремлением к солнцу, чем-то вроде доисторического «Вперед на Юг!», аналогичного девизу североамериканских пионеров «Вперед на Запад!».

Но почему же тогда азиатские племена шли на север Сибири в холодную тьму? И почему эскимосы — древнейшие доисторические иммигранты в Америке — не только не последовали за этим стремлением к солнцу, но и акклиматизировались в труднейших для человека условиях среди снегов и льда?

Что же касается увеличения числа потомков первых иммигрантов, то ученые сделали по этому поводу остроумные вычисления, обобщенные в 1966 г. Вэнсом Хейнесом-младшим [3]. Он считает, что за 500 лет племя только из 30 охотников на мамонтов могло увеличиться минимум до 800 и максимум до 12 500 человек, что соответствует минимум 26 и максимум 425 таким охотничьим племенам. В данном случае Хейнес сделал расчеты для охотников Кловис, живших 12 000—13 000 лет назад, чьи характерные наконечники копий широко рассеяны по континенту, и вычислил, что вышеназванные племена могли за этот период времени изготовить от 2 до 14 млн. таких наконечников.

Что же касается скорости распространения этих охотников, то Хейнес пришел к выводу, что если бы они продвигались на юг только по четыре мили в год, то за 50 лет смогли бы добраться от Берингова перешейка до своих самых южных охотничьих угодий в штате Нью-Мексико. Это вполне реально. А нереальные расчеты показывают: «Если бы одно кочевое племя, пришедшее с берегов Берингова пролива, еженедельно переносило свою стоянку в южном направлении только на три мили, и так неделю

за неделей, месяц за месяцем, то оно за 70 лет могло бы достигнуть самой южной точки Южной Америки» [4]. Но это неубедительно потому, что такое последовательное продвижение на юг полностью исключено для охотников, вынужденных преследовать крупных животных во всех направлениях. Как бы то ни было, но эти первые охотники постепенно завладели и Северной и Южной Америкой.

В этом факте ничего не меняет теория диффузии, сторонники которой, опираясь на сходство языков, строительство пирамид, определенные мифологические представления и другие признаки, пытаются доказать, что были многократные культурные вторжения, возможно, из Египта, Месопотамии и даже из Китая. О сходстве индейских языков с языками Старого Света Уилли в 1966 г. сказал коротко и ясно: «В настоящее время никто не доказал таких случаев родства сколько-нибудь убедительно» [5]. Однако он, как и другие современные археологи, считает возможными культурные влияния Старого Света, особенно на Центральную и Южную Америку, но только в историческую эпоху, когда первобытные охотники уже тысячелетиями бродили по плоскогорьям североамериканского Юго-Запада, преследуя вымерших позже животных.

Первобытные охотники — настоящие первые американцы — пришли через Берингов перешеек; они были мужественными, любопытными и до известной степени изобретательными. Но почему они не достигли такой высокой культуры, какая была на юге у майя, ацтеков и инков, навсегда останется загадкой.

ЭПИЛОГ

ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК КАМЕННОГО ВЕКА В США

Это произошло в Калифорнии у забора одной из боен на рассвете 29 августа 1911 г.

Собаки залаяли так громко, что несколько заспанных мясников выбежали на улицу, чтобы узнать, что случилось. Они нашли у изгороди скорчившегося человека и сначала приняли его за напившегося бродягу. Затем они увидели, что он был почти гол, только на плечах висели лохмотья ткани, что-то вроде пончо. Лицом он был похож на индейца, но такого рода, какого они еще не встречали. В черных глазах этого существа отражались страх и ужас. Растерявшиеся мясники не нашли ничего лучшего, как позвонить шерифу ближайшего городка Оровилла, находящегося приблизительно в 113 км северней Сакраменто. Шериф прибыл, подошел с оружием на изготовку к существу и приказал следовать за ним. В ответ он услышал непонятные звуки. На всякий случай представитель власти надел на незнакомца наручники — тот без всякого сопротивления и в неописуемом ужасе выполнил все, что от него требовали,— затем доставил его в Оровилл и запер в камере, предназначавшейся для сумасшедших.

Теперь он увидел, что его арестант смертельно истощен. Без сомнения, он был индеец, но его кожа была светлей, чем у индейцев всех других племен, знакомых шерифу. Несмотря на приход мексиканца, говорившего по-испански, и нескольких индейцев, говоривших на многих диалектах, установить взаимопонимание не удалось.

Шериф чувствовал себя не в своей тарелке, ибо весть о поимке «дикаря» быстро распространилась. С каждым часом увеличивалось число любопытных, желавших его увидеть. Вскоре прибыл и репортер местной газеты. На следующий день в газете появилась статья и фотография «дикаря», а еще через день о нем под сенсационными заголовками сообщили газеты Сан-Франциско. В городе находится Антропологический музей Калифорнийского университета, где два антрополога, Альфред Л. Кребер и Томас Т. Уотерман, сразу заинтересовались незнакомцем.

Это было счастьем для Иши, так будем мы называть пришельца, и счастливым случаем для науки, что Кребер и Уотерман не только приняли во внимание газетные статьи, но и предугадали, что

перед ними единственный в своем роде случай. Если это редкостное существо действительно говорило на неизвестном языке, то оно могло быть одним из последних представителей исчезнувшего племени.

Это было совершенно фантастическим предположением двух антропологов, но Кребер 31 августа, через два дня после появления Иши, послал в Оровилл телеграмму следующего содержания:

«Шерифу округа Батти. Газеты сообщают о поимке дикого индейца, говорящего на языке, непонятном другим племенам. Пожалуйста, подтвердите или опровергните оплаченным ответом; если сообщения верны, задержите индейца до приезда профессора Калифорнийского университета, который его возьмет с собой и будет нести за него ответственность. Это дело очень важно для составления истории коренного населения» [1]. Ответ не заставил себя ждать, и в тот же день Уотерман отправился к Иши.

Надежды антропологов плохо подкреплялись фактическим материалом. Было известно, что земля вокруг Оровилла раньше принадлежала индейцам яна, говорившим на различных диалектах. В руках ученых были записи диалектов обоих северных племен; оставшиеся в живых мужчина по имени Батви, позже названный Сэмом, и женщина Чидаймийя, при крещении получившая имя Бетти Браун, помогли составить солидный словарь. О диалекте южного племени яхи никто ничего не знал, племя считалось вымершим. Если Иши был из племени яхи, то вряд ли удалось бы быстро установить контакт, тем не менее для науки это была сенсация.

Можно себе представить, с каким волнением Уотерман со словарем языка яна сел в камере напротив Иши. Он открыл словарь и стал указывать на вещи, произнося слова, затем выговаривал их, делая ударение на другом слоге, поскольку не доверял правильности своего произношения. Все старания были безуспешны. Иши лежал без движения и с непонятным выражением лица глядел на посетителя. (Как выяснилось позже, он боялся, что его отравят, и поэтому ничего не ел). Уотерман отчаивался все больше, он исчерпал почти весь запас слов и уже не знал, что делать, когда, указав на доски койки, сказал: «Сивини», что означало пихта. И Иши поднялся. «Сивини»,— повторил он. Затем оба как одержимые закричали: «Сивини, сивини!» Они были рады, что стали понимать друг друга.

Прошло несколько часов, прежде чем Уотерман отыскал другие понятные обоим слова и стало ясно, что Иши был из племени яхи, а язык этого южного племени в какой-то степени был родствен частично знакомым языкам северных племен. Вскоре ученый констатировал сходство в произношении; постепенно стали формироваться предложения, и наконец наступило мгновение, когда Иши задал первый вопрос. От ответа на него зависело,

сможет ли Уотерман завоевать доверие индейца. Вопрос звучал так: «Ай не ма яхи?» («Ты принадлежишь к нашему народу?») Уотерман посмотрел в черные глаза и ответил: «Да!»

С этого момента Иши вышел из каменного века и вступил в мир современных людей. Но до этого возникли некоторые технические проблемы. Шериф не знал, что ему делать. Иши был умственно нормален и не опасен, следовательно, не было оснований держать его в заключении. С другой же стороны, что стало бы с индейцем, если бы его выпустили в пугавший и казавшийся враждебным мир?

Шериф возложил всю ответственность на Уотермана, и тот с этим согласился. В Сан-Франциско, Креберу, а от него в Оровилл полетели телеграммы; прецедент был единственным в своем роде, и к решению вопроса пришлось подключить Индейское бюро в Вашингтоне. Через 48 часов выход нашли. Шериф подписал уникальный документ: арестант передавался прямо в музей. Так началась вторая жизнь Иши.

Мы должны заглянуть в историю, чтобы ясно представить себе, из какого мира пришел Иши и почему он был счастливой находкой для науки. Его жизнь шла по законам античной трагедии — трагедии гибельного финала.

Судя по археологическим находкам, можно считать (очень приблизительно), что до прихода белых в Калифорнии жили около 150 000 индейцев. Их можно было разделить на 21 группу, подразделявшуюся в свою очередь на 250 подгрупп, племен и семей, в которых говорили на 110 различных диалектах, иные из них были так похожи друг на друга, как бостонский говор на нью-орлеанский, многие же отличались, как французский язык от английского.

Значительную группу составляли племена яна, селившиеся на территории восточней реки Сакраменто до Маунт-Лассена. Возможно, их было 2000—3000 человек, и они, около тысячи лет назад уйдя в горы, стали воинственным народом. Собственно говоря, это были четыре племени, из которых яхи было самым южным; они обитали в районе Милл-Крик и Дир-Крик. Их язык относился к группе хокан. Удивительным было то, что женщины и мужчины говорили на разных диалектах. Мальчики, воспитывавшиеся женщинами, учились говорить по-мужски только в десятилетнем возрасте; братья и сестры обращались друг к другу почтительно, во втором лице множественного числа, как французы, делая различие между «ты» и «вы».

Они охотились и рыбачили, собирали фрукты и коренья (основным их питанием была желудевая мука), не знали изделий из глины, но зато для всяких целей плели корзины.

Их трагедия началась в 1849 г. вместе с калифорнийской «золотой лихорадкой».

Страна кое-как жила при мексиканском правительстве, а в 1848 г. ее аннексировали Соединенные Штаты, и «золотая лихорадка» стала для нее периодом беззакония. Только в 1849 г. в долины рек и горы устремились 80 000 золотоискателей, среди них было много всяческого сброда. Моряки покидали в портах корабли, приходили в запустение фермы, в деревнях не оставалось ни одного человека, зато как грибы росли бесчисленные и недолговечные поселки золотоискателей. Только 8% жителей были женщины, а в районах приисков их было всего 2%. За десять лет, к 1860 г., белое население выросло на 390 000. Среди этих людей находился и человек, позже вошедший в историю как знаменитый археолог, раскопавший Трою,— немец Генрих Шлиман; но он долго не выдержал, нравы этих людей были слишком жестоки. Подвиги и злодеяния этих лет окутаны романтикой и стали легендами. Как говорили позже, они показали американский характер с лучшей и худшей сторон. От такого развития событий больше чем кто-либо другой пострадали индейцы.

Их теснили шаг за шагом. Когда же они пытались обороняться своим плохим оружием, когда, гонимые голодом, нападали на караваны с провиантом или грабили ранчо, против них организовывали карательные экспедиции. В начале 60-х годов район восточнее реки Сакраменто охватили ужас и волнение, когда индейцы — возможно, это были яхи — убили пятерых белых детей; но с 1852 по 1867 г. белые убили от 3000 до 4000 индейцев. О том, с какой бессмысленной жестокостью велась борьба, свидетельствует факт введения белыми в Калифорнии скальпирования, незнакомого местным племенам. Уотерман писал: «Я получил сведения из авторитетного источника об одном старом пионере — золотоискателе и охотнике, проживавшем в этой местности, кровать которого еще в его юные годы покрывало одеяло, отороченное скальпами индейцев. Он никогда не был государственным служащим, солдатом или полицейским и убивал индейцев только по собственной прихоти. За это его так и не привлекли к ответственности».

Иши вырос именно в это время. Судя по тому, что можно было от него узнать, он родился приблизительно в 1862 г. Возможно, он никогда не видел вблизи белого человека, поскольку его племя все время спасалось бегством. Страх перед белолицыми запал в его душу с раннего детства, когда он услышал о бойне, в результате которой погибли остатки его племени. Однажды яхи нанесли ответный удар. Утратив землю, кормившую их, и гонимые из диких мест голодом, они в августе 1865 г. напали на одно ранчо и убили трех белых. 17 человек под предводительством двух «прославленных» охотников на индейцев Андерсена и Гуда — обладателей многочисленных скальпов, окружили безлунной ночью маленький поселок племени яхи на Милл-Крик и перебили

мужчин, женщин и детей — «много трупов несло вниз стремительным течением». Такие истребительные походы продолжались в 1867 г., а в 1868 г. они «увенчались» бойней северней Милл-Крик, где в пещеру под Кампо-Секо загнали 33 индейца, всех перебили и оскальпировали. Эту бойню устроили только четверо вооруженных до зубов белых, сменивших свои крупнокалиберные винтовки на револьверы, ибо винтовочные пули, как позже сообщил участник бойни Норман Кингсли, «разрывали их на куски», в особенности грудных детей.

После этого побоища белые стали полагать, что яхи истреблены все до одного. Но произошло нечто загадочное. Когда через пару дней несколько ковбоев посетили пещеру, они обнаружили, что 33 трупа исчезли. Стало ясно, что кто-то спасся и оказал своим соплеменникам последнюю почесть — совершил сожжение трупов. Эти последние, оставшиеся в живых, больше не появлялись, точнее говоря, их на 12 лет, с 1872 по 1884 г., поглотили заросли.

Теодора Кребер, жена великого антрополога, с сочувствием описала это время скрытого существования под угрозой смерти, и мы считаем своим долгом ее процитировать. «За эти 12 лет не произошло ничего особенного. 12 лет индейцы хорошо прятались. Не охотились на лошадей и рогатый скот, не грабили хижин, не крали зерна; не было видно отпечатков ног, предательской золы или дыма от костра; белые не обнаружили ни одной поломанной стрелы, потерянного наконечника копья или остатков петли, сделанной из волокон молочая, никаких признаков пребывания индейцев в лесах и на лугах...

Большую часть своей жизни Иши был полностью изолирован от истории. Это было долгое затишье. Напрасно мы пытались бы представить, как проходили его дни и ночи, и, хотя Иши не мог поведать о всех своих душевных травмах и трагедиях, он все же описал кое-что из своей повседневной жизни.

Затаившиеся индейцы били рыбу гарпунами или ловили сетями, охотились с луками и стрелами, ставили ловушки, используя все это бесшумное оружие. Осенью они собирали желуди, чтобы прокормиться зимой. В апреле ели зеленый клевер, ранним летом — лук. В разгар лета они совершали путешествие в Вагапупа, продолжавшееся четыре ночи, чтобы там в глубокой тени наслаждаться прохладным воздухом и поохотиться на многочисленную дичь. Остальное время они жили на верхнем Милл-Крик в маленьких хижинах, замаскированных так, что сверху, в единственном направлении, откуда их могли обнаружить, согнутые ветви, прикрывавшие их, выглядели нетронутыми. Рядом с жилищем находились места для хранения запасов, укрытые таким же образом; в них были рамы для сушки провианта, корзинки, наполненные вяленым мясом, рыбой и желудями, кроме этого, корзины для переноски грузов, инструменты и шкуры.

Иногда они совершали большие переходы, прыгая с утеса на утес, при этом их босые ноги не оставляли следов. Они передвигались, используя в качестве дороги дно ручья. Следы ног на земле индейцы маскировали сухими листьями. Их тропинки проходили в зарослях густого чапарраля *, и они передвигались по ним на четвереньках. Рогатый скот не смог бы набрести на такие дорожки, даже олени выбирали более удобные пути. Если проходу мешала ветвь, то ее медленно и тихо отгибали в сторону, а если это было невозможно, то перетирали с помощью каменного инструмента, это был медленный, но бесшумный процесс. Они никогда не рубили деревьев, ибо удары топора выдали бы присутствие человека. Костер разжигали маленький, чтобы дым незаметно рассеивался в кустарнике, не поднимаясь сигналом над балдахином из лавровых крон, и сразу после тушения огня место костра прикрывали обломками утесов. Индейцы поднимались и спускались по отвесным стенам каньона Милл-Крик с помощью канатов, сплетенных из волокон молочая. Это был быстрый и надежный путь, поскольку каньон был хорошо укрыт деревьями, свисавшими над его краями. Они могли легко и быстро вытянуть пойманную рыбу, корзину с водой или спуститься вниз, чтобы плыть по реке. Опасней было пользоваться разветвленными тропами, подходившими к воде. По ним индейцы передвигались редко, чтобы они не бросались в глаза, а казались протоптанными ласками и кроликами. Они мололи желуди на гладких камнях и из муки в корзинах варили свою повседневную кашу. Индейцы носили передники из оленьей кожи и меха дикой кошки, а иногда из медвежьей шкуры. Спали под одеялами из кроличьего меха. Этнографы сходятся во мнении, что они вели древнейший и простейший образ жизни на континенте с момента прибытия белого человека в Америку».

В этих условиях Иши стал мужчиной. Не известно, откуда в 1884 г. вдруг вновь появились слухи о последних яхи. Сведения были скудны, но слухи росли. Кто-то видел проскользнувшего как тень индейца, где-то разграбили ковбойский склад провианта, об этом свидетельствовали следы босых ног. Появились сообщения в газетах, содержавшие журналистские домыслы. Сегодня мы знаем, что к этому времени Иши остался только с четырьмя соплеменниками. Их последним пристанищем было «Вовунупо му тетна» — «Логово гризли».

«„Вовунупо“ — узкий выступ утеса на высоте около 150 м над ручьем; только там, на отвесной стене каньона, можно было устроить простейшую крышу, защищавшую от непогоды. Вдоль этого карниза росли деревья, прикрывавшие его от постороннего взгляда снизу и с противоположной стороны. Над карнизом

* Чапарраль *(исп.)* — дубовая поросль.

до верхнего края каньона нависал отвесный и недоступный утес высотой 60 м, скрывавший убежище от любопытных глаз сверху».

Но безопасность была иллюзорна. Белые все чаще и чаще стали появляться в окрестностях. Сначала двое из них, а затем и третий увидели индейца, но он скрылся, отпугнув пришельца выпущенной стрелой. В 1908 г. обнаружили и Вовунупо. Белые нашли там очень старую больную индианку, укрытую циновками так, как будто родственники пытались ее спрятать при приближении белолицых. Там же лежали продукты и одеяла. Когда белые на следующий день пришли вновь, старухи уже не было. Позже узнали, что там жил Иши со своей матерью, сестрой, одним молодым индейцем и одним стариком. Когда белые обнаружили их убежище, молодой уже умер, а остальные в страхе разбежались и погибли в глуши. Выжил только Иши. Последний из своего племени, он в одиночку еще три года охотился в лесах до тех пор, пока уже не мог найти никакой пищи и полуживой от голода впервые в своей жизни дополз к жилищам белых, где его однажды утром нашли у забора бойни.

4 сентября 1911 г. Иши прибыл в музей Сан-Франциско и на следующее утро предстал перед Кребером. Его статус был не ясен. Был ли он американским гражданином и имел ли право голоса? В Вашингтоне в официальном порядке занялись решением этого вопроса, а затем положили его под сукно. Кто же должен был оплачивать содержание Иши? Кребер нашел выход, занеся «дикаря» в ведомость на заработную плату в качестве дворника, и, ко всеобщему изумлению, оказалось, что Иши великолепно справляется со своими обязанностями. Он увлеченно и тщательно подметал и наводил лоск.

Количество любопытных посетителей превысило все ожидания. Пришли репортеры и фотографы, директора цирков и театральные менеджеры, собиравшиеся заключить с Иши договор, у одного из них хватило наглости предложить Креберу выступать со своим подопечным в цирке. Представители студий звукозаписи хотели, чтобы он спел, а киностудии (в 1911 г. возник киногород Голливуд) хотели снять его в документальных и художественных фильмах; какая-то женщина предложила ему руку и сердце.

Антропологов интересовали два момента. Во-первых, как ведет себя человек каменного века в условиях XX столетия, во-вторых, что он может рассказать о своем прошлом?

Приобщение Иши к «цивилизации» шло семимильными шагами и дало удивительные результаты. Ему сразу понравилась одежда вплоть до ботинок, которые он надевал при чрезвычайных обстоятельствах; человек, проходивший всю жизнь обнаженным, категорически отказывался фотографироваться без одежды (только позже, во время одной экскурсии на природу, он согласился на это). Индеец был удивительно чистоплотен, любил порядок и

ежедневно принимал ванну; впрочем, и до «цивилизации» он тоже купался, и, вероятно, чаще, чем белые жители городов американского Запада. Его брали с собой в ресторан и в театр. Он был застенчив, но быстро научился владеть ножом и вилкой и не выглядел «белой вороной». В театре его внимание привлекали зрители, а не сцена, актеры и даже акробаты. Это сбивало его опекунов с толка до тех пор, пока они не привезли его на берег океана, к удивлению антропологов, масса воды также не произвела на Иши особого впечатления в отличие от «аудитории», то есть от бесчисленного множества людей на пляже. Иши в течение своей жизни знал не более дюжины людей; о существовании бледнолицых он узнал в более поздние годы — во время набегов, но не имел представления об их количестве, чрезвычайно удивившем его позже. Считать Иши умел от 1 до 10, а когда его жалованье выплачивали в монетах по полдоллара, он хорошо понимал разницу между 40 и 20. Чтобы получать деньги по чеку, ему пришлось научиться расписываться; он научился и этому.

Во время первых прогулок ему нравились не столько автомобили (хотя само колесо было ему совершенно незнакомо), сколько железная дорога, которую он наконец-то увидел, ибо во время своих охотничьих походов он слышал ее издали и принимал за злого демона. Позже он не боялся пользоваться ею, если его сопровождали, а на трамвае вскоре стал ездить даже один. Высокие дома не производили на него впечатления — утесы в каньоне были выше, заметил он как-то. Да, «заметил», ибо со временем его словарный запас английского языка расширился до 500—600 слов и стал не скудней языка белых переселенцев первого поколения; только один раз окружающий мир привел его в ужас, когда в соседней больнице, где он завел дружбу с регулярно осматривающим и лечившим его частые простуды доктором Сакстоном Поупом, он случайно заглянул в морг; при виде мертвецов им овладело смятение, он испугался духов и злых демонов.

Для посетителей установили постоянное время: по воскресеньям с 14 часов до 16.30. В один из первых дней явилось около тысячи человек. Иши встретил посетителей с достоинством и солидной осанкой, дружелюбно улыбаясь, каждому пожал руку. Он очень старался запомнить лица посетителей. Одного китайца он назвал «яна» — именем своего народа, а все белые оставались для него «салту», что означало «другие»; это можно трактовать, как доказательство азиатского происхождения всех индейцев, но могло быть вызвано и чисто внешним сходством; следует также заметить, что Иши, как китайцы, не выговаривал американское «р» и вместо него произносил «л».

У всех его друзей — Кребера, Уотермана и Поупа — сложилось впечатление, что Иши чувствовал себя в музее «как дома».

Но никто даже отдаленно не предполагал, насколько верно это было в действительности. Когда возник план отправиться вместе с Иши в долгую исследовательскую экспедицию по стране яна — на его родину, он сильно расстроился. Индеец донимал своих друзей красочными картинами затруднений, которые их ожидали, говорил, что им будет сопутствовать непогода, смертельно опасные змеи и рыси, что их ожидают голод, жажда, по вечерам отсутствие мягкой постели — и все это они собираются вкусить только для того, чтобы познакомиться с дикой природой? Он указывал на ванну, отопление, стулья и комоды — ему казалось безрассудным оставлять все это даже на несколько недель!

Пожалуй, настало время перечислить все, чему Иши научил, а не чему научился. Он научил своих друзей всему, что умел и знал.

Ученье началось с его языка, причем он постепенно продиктовал весь свой словарный запас, он спел свои песни, продемонстрировал бесчисленное множество криков диких зверей и птиц и показал, как голосом приманивают животных на охоте. Индеец продемонстрировал всю сноровку и уменье, позволявшие человеку каменного века выжить в борьбе с природой. Он рассказал доктору Поупу около сорока историй и сказаний из жизни леса, связанных с духами и грезами, страхом и любовью. В саду музея он построил хижину, какая была у него в стране яна. Корзин он не плел, он или не умел, или не хотел этого делать, это была все-таки женская работа. Мужчине подобало мастерить оружие и снасти для охоты. Здесь он проявил уменье, имевшее величайшее значение для ученых. Они смогли увидеть, как человек 1000 или 10 000 лет назад отбивал себе наконечник копья из обсидиана. Иши в течение тридцати минут мог изготовить острый как бритва смертельный наконечник совершенной формы. На их глазах он мастерил гарпуны, рыболовные снасти, петли и плел канаты из волокон молочая или сухожилий оленей. И наконец, вершина его уменья — изготовление лука и стрел. Это была кропотливая работа, так как дерево нужно было несколько раз сушить на различных стадиях обработки, кроме этого, надо было соблюсти некий мистический ритуал. Доктор Поуп был его старательным учеником и позже опубликовал несколько научных статей об искусстве стрельбы из лука. Меньше повезло Уотерману, внимательно наблюдавшему, как Иши с помощью деревянной дрели и мягкого куска дерева высекал искры и зажигал огонь. После этого Уотерман поспешил потребовать от всех своих студентов, изучавших антропологию, чтобы они до экзаменов научились получать огонь с помощью трения. Он сказал им, что покажет, как это следует делать, а затем вращал и вращал деревянную палочку, но не высек ни одной искры!

В мае 1914 г. Кребер, несмотря на упорное сопротивление Иши, снарядил экспедицию в страну яна. Наконец, ученые по-

знакомились с индейцем в привычной для него обстановке. Они отыскали все места, запомнившиеся ему в связи с какими-либо важными событиями — нападение бледнолицых в дни детства, сожжение мертвых соплеменников, удачный выстрел или поединок с бурым медведем. В Вовунупо — «Логове гризли» — они вместе пережили конец последних людей из его племени.

Они увидели, как он обращался со своим великолепным луком; он подстрелил птицу на лету, кролика на расстоянии 5, а оленя — 35 м. Ученые наблюдали, как он бесшумно скользил в чаще, они бы так никогда не сумели; удивлялись его акробатической ловкости, когда он раскачивался над утесами каньона на самодельной веревке. Им было интересно услышать названия более двухсот растений и трав и узнать об их питательных и лекарственных свойствах. Они приходили в отчаяние от стоического терпения, когда он, не двигаясь, много часов караулил появление дичи, в наличии которой он не сомневался.

Ученые все время ждали, что их друг Иши к ним охладеет и захочет остаться там, где вырос. Но он этого не хотел и настаивал на возвращении «домой», а его «домом» была комната в музее. Когда в Бюро по делам индейцев еще раз возник вопрос, не следует ли Иши отправить в резервацию к другим краснокожим, и Кребер был вынужден ему об этом сообщить, он ответил: «Я хотел бы до конца своих дней жить, как белый человек. Я хотел бы остаться, где нахожусь. Я хотел бы состариться в этом доме и умереть».

Так и произошло. В 1916 г. Иши заболел, ему становилось все хуже. Вскоре стало ясно, что у него туберкулез. Долгое время он провел в госпитале, где индейца лечил его друг — доктор Поуп. Затем он попросил, чтобы ему дали возможность умереть «дома», то есть в музее. Там Иши, последний из «диких» индейцев Северной Америки, умер 15 марта 1916 г.

Индейца похоронили с почестями, свидетельствовавшими о душевной привязанности, которая возникла с годами между ним и его друзьями, бывшими в начале знакомства только заинтересованными учеными. Когда кто-то высказал мнение, что его тело следует вскрыть для научных целей, Кребер, находившийся в это время в Нью-Йорке, телеграфировал:

«Пусть наука катится ко всем чертям»,— и добавил: «У нас сотни скелетов индейцев, которыми никто не занимается. В данном же случае проявляется ненужный и нездоровый интерес!» Но Кребера не было на месте, поэтому наука и чувства пришли к компромиссу. Тело Иши кремировали, как его предков, пепел же в индейской урне захоронили вместе с его луком, пятью стрелами, корзиной с желудевой мукой, несколькими кусками обсидиана и другой мелочью.

Когда Кребера позже спросили, как бы он характеризовал

Иши, он ответил: «Это был самый терпеливый человек, которого я когда-либо знал. Я хочу сказать этим, что он исповедовал философию терпения и ни капля жалости к себе, ни горечи жизни не омрачали чистоту его существования».

Доктор Поуп написал в некрологе: «Последний первобытный индеец Америки скончался стоически и без страха. Его смерть завершила целую главу истории. Он видел в нас цивилизованных детей — хитрых, но не мудрых. Мы знаем очень много, и многое, что мы знаем, фальшиво. Он же знал природу, которая всегда правдива. У него были черты характера, которые никогда не утратят ценности. Он был добр, мужествен, сдержан, и, хотя у него отняли все, в его сердце не было горечи. У него была душа ребенка и дух философа».

Мир в отличие от его друзей вскоре забыл об Иши. Правда, в свое время писали о нем много, и это сохранилось.

Когда же с запоздалым интересом в 1957 г. открыли ящики, где хранились восковые валики с записями голоса Иши, его пением и словарным запасом, то оказалось, что большинство из них поломано; более того, ни один из старых проигрывающих аппаратов нельзя было запустить. И тем не менее одному находчивому студенту все же удалось из нескольких фонографов смастерить один годный и прослушать часть валиков. Гораздо хуже обстояло дело со старыми коробками, где хранилась пленка; они как нарочно в течение четырех десятилетий хранились в комнате, за стеной которой проходили отопительные трубы. Кинокомпания «Калифорниа моушн пикчер» только для музейных целей сняла тогда 1500 м пленки. В коробках, открытых с большим трудом, оказалась спекшаяся масса.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

До открытий Колумба жители Старого Света вряд ли подозревали о том, что за просторами океанов в западном полушарии обитает еще значительная часть рода человеческого.

Племена и народы индейской Америки, отдаленные громадными водными преградами от остального мира, шли через века и эпохи подобно далекой планете, двигающейся по своему особому пути в звездных сферах Вселенной. Античная и средневековая Европа и гордящийся своей тысячелетней мудростью Восток не оставили в своем богатом литературном наследии ни одного слова упоминания о таинственных землях на западе и их краснокожих обитателях. Сами же аборигены Нового Света зачастую не имели соответствующих летописей и хроник, по которым можно было бы восстановить их прошлое. А наивысшие достижения индейских цивилизаций ацтеков, майя и инков были насильственно уничтожены в XVI в. европейскими завоевателями. Таким образом, немые руины и черепки — едва ли не единственный полноценный источник, по которому мы теперь можем судить об истории доколумбовой Америки. Отсюда необычайно важная роль археологии в изучении древностей индейцев. По словам одного исследователя из США, «история Нового Света до испанского завоевания должна быть написана главным образом с помощью лопаты». Американская археология в отличие от своей сестры в Старом Свете с самого начала была только археологией, а не придатком к исследованиям античной культуры или вспомогательным методом к историографическим и филологическим изысканиям. У местных археологов, особенно в Северной Америке, не было никаких письменных источников, летописей или документов, касающихся доколумбовой истории индейцев. Поэтому их единственным, но неисчерпаемым «источником» стал весь Американский континент, до предела насыщенный разнообразными археологическими памятниками. Медленно, шаг за шагом, углублялись ученые в этот гигантский музей древностей.

Они раскапывали безымянные поселки и города. Искали среди пустынь и гор следы давно забытых культур и цивилизаций. С помощью других наук — от геологии и атомной физики до этно-

графии и лингвистики — научились по крупицам собирать разнообразную и объективную информацию о древностях.

Теперь только благодаря упорному труду нескольких поколений археологов мы начинаем наконец понимать, какой богатой и яркой была история доколумбовой Америки. Только теперь удалось осознать, какую важную роль играет американский археологический материал во всех общетеоретических построениях о далеком прошлом человечества.

Новый Свет представляет собой уникальную историческую лабораторию, поскольку процесс развития местной культуры происходил здесь почти в полной изоляции, начиная от эпохи позднего палеолита (30 000—20 000 лет назад) и до тех пор, пока ему не положило конец нашествие европейских завоевателей.

Таким образом, в Новом Свете представлены почти все основные стадии древней истории человечества: от первобытных охотников на мамонтов и до строителей первых городов — центров раннеклассовых государств и цивилизаций. Уже простое сопоставление пути, пройденного коренным населением Америки в доколумбову эпоху, с основными вехами истории Старого Света дает для выявления общеисторических закономерностей необычайно много.

Но и это еще не все. В отличие от своих коллег в Старом Свете исследователь древней Америки имеет одно важное преимущество: для интерпретации своих «бессловесных» археологических находок он может широко использовать этнографические данные об американских индейцах. Из многочисленных свидетельств первооткрывателей континента, официальных донесений, отчетов миссионеров, живописных описаний путешественников и этнографических наблюдений (напомню, что на территории США окончательное вытеснение индейцев и гибель их традиционного уклада жизни произошли лишь во второй половине XIX в., то есть буквально «на глазах» у зарождавшейся уже в то время этнографической науки) археолог может выбрать сходную этнографическую «модель» для любой из имеющихся на континенте древних культур. Это и предопределило тот большой интерес, который всегда вызывали достижения американской археологии среди ученых всего мира.

Гораздо меньше известны они широкой публике. Это объясняется прежде всего тем, что американская археология — наука сравнительно молодая. Собственно говоря, настоящие раскопки начались в Новом Свете в начале XX в., то есть каких-нибудь несколько десятилетий назад. Как и всякая молодая наука, американская археология почти не имеет еще своих историков и летописцев. Тем отраднее появление на свет новой книги известного писателя и журналиста К. В. Керама «Первый американец», которая в какой-то мере заполняет этот серьезный пробел.

Здесь уместно напомнить, что это вообще одна из немногих изданных у нас в стране книг по общим проблемам археологии североамериканского континента. В последние годы издательство «Прогресс» выступило с полезной инициативой, выпустив в свет сразу две работы по данной тематике: М. Стингл «Индейцы без томагавков», М., 1971, и «Североамериканские индейцы», М., 1978. Не умаляя достоинств упомянутых выше трудов, можно с полной уверенностью сказать, что и книга К. В. Керама «Первый американец» будет с интересом встречена советскими читателями.

Имя Курта Вальтера Керама (Марека) хорошо известно в нашей стране. Он — автор «романа археологии» «Боги, гробницы, ученые», быстро получившего мировое признание и вышедшего в СССР уже двумя изданиями.

Советский читатель знает и другое произведение этого талантливого писателя, о загадках древней цивилизации хеттов: К. Керам, «Узкое ущелье и черная гора», М., «Восточная литература», 1962.

Новая крупная работа К. В. Керама «Первый американец», к сожалению, ставшая для него последней (Керам умер в 1973 г.), посвящена истории важнейших археологических открытий на территории США. «Это история североамериканской археологии,— пишет сам автор в предисловии к своей книге,— точнее, археологии сегодняшних Соединенных Штатов. В то же время это и история древних индейских культур Северной Америки».

К. В. Керам сумел здесь, как и в своем знаменитом «романе археологии», совместить тщательно подобранные и достоверные научные данные с увлекательной формой изложения. «Моя книга,— пишет он,— это не научно-популярная работа в общепринятом смысле. Напротив, это труд глубоко увлеченного писателя, который... видит... науку через призму характера».

Читатель не встретит здесь сухого перечня событий и фактов, свойственных специальным археологическим изданиям. Основные вехи становления и развития североамериканской археологии даны автором через яркие портреты людей — современников эпохи. Географические рамки книги — это вся территория современных США, а хронологические — от первого появления человека в Новом Свете (30 000—20 000 лет назад) до начала европейской колонизации в XVI—XVII вв. н. э.

Американская археология — это не только экспедиции и раскопки, напряженный и тяжелый труд в жару и холод, грязь и пыль; это не только земляные пирамиды, курганы и черепки. Это прежде всего борьба и развитие различных представлений, концепций, идей. И за каждой из них стояли живые люди. Конкистадоры и путешественники, миссионеры и солдаты, колонисты и государственные служащие, коллекционеры древностей и профессиональные ученые — все они начиная с первых лет после

официального «открытия» Нового Света в 1492 г. и по сей день вносили и вносят свою посильную лепту в развитие науки, изучающей настоящее и прошлое индейцев — коренных обитателей североамериканского материка.

История американских индейцев интересовала многие европейские умы уже с момента эпохальных плаваний Колумба. Новый Свет и его обитатели — как древние, так и современные — с самого начала были предметом ожесточенных споров.

И вопрос вопросов, который требовал скорейшего решения,— кто такие индейцы и откуда они пришли? Его пытались решить еще в XVI в. Настоящей науки тогда, естественно, не было, и поэтому все необычные явления и факты объясняли, исходя из религиозных догматов христианства. В те времена для многих Библия была и жизненной философией, и историческим справочником. Согласно библейским преданиям, человечество произошло от Адама и Евы. Но после всемирного потопа уцелели лишь Ной и его семейство. Они-то и стали истинными родоначальниками современных людей. В таком случае получалось, что либо обитатели Нового Света тоже были потомками Ноя, либо они вообще не были людьми. Некоторые из ранних испанских завоевателей и переселенцев предпочитали называть индейцев «слугами дьявола». Подобная точка зрения сулила колонизаторам и немалые материальные выгоды, оправдывая порабощение и чудовищную эксплуатацию коренного населения Америки и смягчая угрызения совести ревностных блюстителей христианской морали.

Однако в дальнейшем испанский король и официальная католическая церковь, обеспокоенные быстрым сокращением числа своих новых подданных-индейцев, отвергли эту точку зрения. Одновременно францисканский монах Бартоломео де Лас Касас возвысил свой негодующий голос гуманиста против зверств и насилий европейских завоевателей, призвав уважать человеческое достоинство американских аборигенов. В конце концов индейцев тоже стали считать частью рода человеческого, но это еще больше обострило вопрос об их происхождении.

Каких только фантастических измышлений и небылиц не появилось на эту тему за истекшие столетия! В качестве родоначальников индейских племен называли «десять исчезнувших племен израилевых», финикийцев, греков, римлян, норманнов, ирландцев, индийцев, египтян, японцев и др.— словом, почти все народы Старого Света, оставившие сколько-нибудь заметный след в истории. Стоит ли говорить, что, за исключением единичных и сравнительно поздних по времени плаваний норманнов к берегам Северной Америки, наука пока не располагает какими-либо надежными данными в пользу существования таких регулярных трансокеанских контактов в доколумбову эпоху.

Вернемся, однако, к североамериканскому континенту. Евро-

пейская колонизация осуществлялась здесь сразу с двух сторон. Первыми в глубинные районы страны проникли с юга из своих владений в Мексике испанцы. Конкистадоры пришли сюда в XVI в., привлеченные слухами о сказочных сокровищах «семи городов Сиболы». Но, не открыв здесь особых богатств и не найдя высоких культур, они решили, что в Северной Америке вообще нет ничего примечательного.

В 1524 г. итальянец Джованни Верроццано внезапно обнаружил узкую полоску земли, которая носит теперь название мыса Хаттераса (Северная Каролина, США). Увидев за ней синюю гладь залива Памлико, он вообразил, что открыл перешеек, отделяющий Атлантический океан от Тихого.

Позади этого неизвестного Верроццано залива лежал огромный континент с населением свыше миллиона человек. Здесь жили индейские племена, стоящие на различных стадиях культурного развития и говорящие на 400 различных языках. Какое широкое поле деятельности открывалось здесь для любого путешественника и исследователя!

Но вопреки всякой логике, итальянец так и не сумел разглядеть в этом «индейском раю» что-либо интересное и вернулся назад в Европу почти с пустыми руками.

В 1541 г. испанский конкистадор Франсиско Васкес де Коронадо в поисках золотоносных земель дошел во главе небольшого отряда всадников и пехотинцев от северо-западной Мексики до территории современного штата Канзас (США). Однако он не обнаружил там и следа тех несметных сокровищ, о которых мечтал. Слухи о сказочных царствах и городах оказались далекими от реальности. У местных индейцев не было ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней, которые так часто доставались на долю первых конкистадоров в более южных областях Нового Света. Успех «Кортеса в Мексике и Писарро в Перу больше не повторялся». И испанские экспедиции в глубь материка вскоре прекратились.

Но почти в то же самое время (XVII—XVIII вв.) началась широкая колонизация восточного побережья Северной Америки выходцами из Англии, Ирландии, Голландии и других европейских стран. Белые поселенцы жили там в течение сравнительно долгого периода бок о бок с различными индейскими племенами. Они имели уникальную возможность своими глазами наблюдать быт и нравы коренного населения континента, стоявшего на разных ступенях первобытнообщинного строя. По всей стране были рассеяны бесчисленные памятники древности — земляные холмы-маунды: курганы, пирамиды, остатки больших и малых селений. Но никто не знал, когда они были построены и кому принадлежали. Самое удивительное, что происхождение маундов связывали с кем угодно, только не с индейцами. Обычно эти холмы приписы-

вали некоему высокоразвитому древнему народу — «строителям маундов», бесследно и при таинственных обстоятельствах исчезнувшему с исторической арены за много столетий до появления европейцев.

«Легенда об исчезнувшем древнем народе в глубинных районах Америки,— писал американский историк Р. Сильверберг,— приносила людям [имеются в виду европейские колонисты.— *В. Г.*] глубочайшее удовлетворение. И если родоначальником этого исчезнувшего народа называли расу гигантов, викингов, тольтеков, «племена израилевы» и т. д., то легенда в таком случае только выигрывала».

Известную питательную среду для таких воззрений создавало и глубокое убеждение европейских поселенцев, что все аборигены — дикари, неспособные самостоятельно создать столь внушительные сооружения, как земляные пирамиды в бассейнах рек Огайо и Миссисипи. Англичане, поселившиеся в Северной Америке, после ряда войн с французами и их местными индейскими союзниками, видели в индейцах только воинственных и кровожадных «дикарей», которые без пользы занимают обширные земли, столь необходимые для нужд белых колонистов.

Несмотря на то что еще в XVI в. испанец де Сото, побывав на реке Миссисипи, собственными глазами увидел, а затем и описал, как индейцы возводят огромные земляные холмы, многие колонисты продолжали изобретать по поводу «строителей маундов» самые нелепые слухи.

И первым, кто бросил вызов этим абсурдным взглядам, был Томас Джефферсон — один из блестящих умов своего времени, автор известной Декларации независимости и третий президент США. Именно его, и не без основания, часто называют «отцом североамериканской археологии».

В 1780 г. он раскопал один из искусственных земляных холмов в Виргинии, на правом берегу реки Риванна. В своей обширной работе «Заметки о штате Виргиния», написанной в 1781 г. и впервые опубликованной в 1784 г., Т. Джефферсон подробно и четко описал всю процедуру своих исследований и их конечные результаты.

Он далеко опередил свое время и в методике раскопок, и в интерпретации полученных материалов. Прежде всего, с помощью специальной пробной траншеи будущий президент установил стратиграфию, то есть последовательность напластований земли внутри холма. Ему удалось убедительно доказать, что этот маунд имел погребальное назначение и рос постепенно, по мере добавления новых захоронений. Почувствовав под ногами твердую почву, Т. Джефферсон вмешался в спор о происхождении всех маундов восточного побережья США. Он утверждал, что раскопанный им холм и другие ему подобные были сооружены предками тех самых

индейцев, которых встретили здесь европейские колонисты. Ему же принадлежит и весьма передовая по тем временам теория о заселении Нового Света. Подчеркивая расовое сходство между жителями Азии и американскими индейцами, Т. Джефферсон высказал предположение об азиатском происхождении аборигенов Америки.

И хотя работы Т. Джефферсона не оказали заметного влияния на современников и не решили до конца загадок древних маундов, именно с этого момента и можно говорить о зарождении научного интереса к доколумбовым древностям Нового Света, о зарождении североамериканской археологии. Последняя прошла в своем развитии три больших этапа.

Первый этап — «описательный» — длился со времени первых раскопок Т. Джефферсона (1784 г.) и до начала XX в. (1914 г.). Для него характерны чисто описательные работы и исследования. Это — время многочисленных путешествий и экспедиций археологов-любителей из местных антикварных обществ в различные, преимущественно восточные и юго-западные районы США, время открытия все новых археологических памятников, время быстрого, но беспорядочного накопления фактического материала. Каких-либо обобщающих или теоретических работ по археологии еще не существовало. Очень слабо были разработаны и вопросы хронологии древних культур Северной Америки. Поверхностное обследование и описание могильных курганов и остатков заброшенных индейских поселений сопровождались иногда незначительными по масштабам и низкими по качеству раскопками. О настоящей полевой археологии в это время говорить практически еще не приходится. Среди пионеров североамериканской археологии, внесших заметный вклад в становление и развитие этой науки, можно назвать таких исследователей, как У. Бартрам, Х. Бракенридж, К. Этуотер, Э. Сквайр, Э. Девис, С. Томас, Дж. Стивенсон, У. Холмс, Дж. Пауэлл, А. Банделье, Ф. Кашинг, У. Фьюкс, Б. Каммингс, Э. Хьюетт и др.

Происходит в этот период и организационное укрепление молодой науки. В конце XVIII в. в г. Филадельфии — интеллектуальном центре США того времени — создается Американское философское общество, ставшее на долгие годы основным учреждением по исследованию доколумбовых памятников страны. Огромное влияние на формирование профессиональной археологии в США в XIX в. оказали такие научные учреждения, как Смитсоновский институт (основан в 1846 г. в г. Вашингтоне) и Музей Пибоди при Гарвардском университете (основан в 1866 г., г. Кембридж, Массачусетс). Роль первого учреждения особенно важна. Именно при нем было создано Бюро этнологии (1879 г.), переименованное позднее в Бюро американской этнологии (1894 г.), которое превратилось, во-первых, в главную школу по подготовке

профессиональных ученых в области этнографии и археологии Нового Света, а во-вторых, в крупный исследовательский центр.

Заметно оживило публикацию археологических материалов основание ряда новых печатных органов в стране, особенно таких, как «Американ антикварианн» (1878) и «Американ антрополоджист» (1888).

Заметное место в становлении археологии США занимали также и быстрорастущие университеты страны, как старые, так и новые. Эти важные процессы не могли не сказаться самым решительным образом на развитии науки. Американская археология медленно, но упорно пробивалась сквозь густую паутину беспочвенных фантазий и романтических легенд к познанию реального прошлого страны. Но это был трудный и длительный процесс.

На протяжении почти всего XIX в. главное внимание археологов США привлекали наиболее внушительные памятники в восточных лесных областях страны — искусственные земляные холмы в долинах рек Огайо и Миссисипи.

В 1847 г. появилась работа Э. Сквайра и Э. Девиса «Древние памятники долины р. Миссисипи», содержавшая исчерпывающие описания и топографические планы большинства археологических объектов Среднего Запада. Только сейчас наконец стали отчетливо видны различия в типах маундов, что в свою очередь опровергало тезис о создании их одним народом в одну весьма отдаленную историческую эпоху. Кроме того, авторы книги совершенно справедливо связали обследованные ими памятники с деятельностью местных индейских племен.

В 80-х годах XIX в. ученые из Смитсоновского института — С. Томас, Дж. Пауэлл, Дж. Стивенсон, У. Холмс, Ч. Рау, а также работники музеев, такие, например, как Ф. Путнам из Музея Пибоди, начали систематическое исследование важнейших проблем североамериканской археологии, и прежде всего проблемы происхождения маундов. Итогом этой напряженной работы явился обобщающий труд С. Томаса «Сообщение об исследованиях маундов Бюро американской этнологии» (1894). Опубликованные в книге археологические материалы со всей убедительностью свидетельствовали, что между строителями древних холмов и современными индейцами существует прямая связь. Более того, именно С. Томас впервые выдвинул и обосновал предположение, что разные племенные группы индейцев строили и разные по форме и величине маунды. Его книга, вобравшая в себя все богатство накопленного к тому времени археологического материала, фактически положила конец долгому периоду спекуляций и измышлений о доколумбовой истории Северной Америки.

Одновременно глава Бюро американской этнологии Джон Пауэлл детально проанализировал все легенды и мифы об «исчезнувших» народах и цивилизациях на территории США, доказав

их полную несостоятельность с точки зрения современной науки.

Но вплоть до первой мировой войны значительная часть археологических коллекций в США находилась в весьма хаотическом состоянии. Публикуемые работы были сугубо описательными. Метод сопоставления находок из разных памятников не получил еще широкого распространения. Стратиграфия, о которой так много говорилось и на которой в конечном счете основана вся относительная хронология, в практической работе использовалась не часто, особенно при общей оценке памятника. Географически эти исследования также носили узколокальный характер, будучи ограничены восточными лесными районами США, а среди последних — знаменитыми маундами Огайо, Иллинойса и Миссисипи.

Лишь в конце XIX — начале XX в. центр тяжести в археологических исследованиях переместился на Юго-Запад страны. Первыми начали здесь свои работы А. Бандельe — друг и соратник выдающегося американского этнографа Л. Г. Моргана, Ф. Кашинг, У. Фьюкс, У. Холмс, Б. Каммингс, Э. Хьюетт и Г. Норденскёльд. Они энергично, но бессистемно колесили по пустыням и горам этого края, открывая там все новые и новые археологические памятники. Этих людей нельзя судить слишком строго, даже если они не всегда проявляли способности к тщательному наблюдению, строгой отчетности и научному синтезу. Ведь именно их усилиями археология в США получила новый могучий стимул в своем развитии.

Второй этап хронологически охватывает период между двумя мировыми войнами (1914—1940 гг.) и знаменует собой важные изменения в североамериканской археологии. В это время ученые не только приступают к довольно значительным по масштабам раскопкам, но и начинают широко применять в своей практике стратиграфический метод при определении относительной хронологии и периодизации изучаемых древностей.

Засушливые равнины и плоскогорья Юго-Запада США, до предела насыщенные древними руинами, становятся основным объектом внимания исследователей. Именно здесь, в ходе изучения материальных остатков исчезнувших индейских культур баскетмейкеров («корзинщиков») и пуэбло, и родилась практически современная североамериканская археология со всеми ее специфическими методами и задачами.

В 1914 г. Н. Нельсон (в бассейне р. Галлистео, Нью-Мексико), а десятилетие спустя А. В. Киддер (в Пекосе, Нью-Мексико) впервые в ходе раскопок с успехом применили стратиграфический метод исследования для определения возраста и классификации древней керамики индейцев пуэбло.

Это резко повысило интерес к вопросам археологической периодизации доколумбовых памятников страны.

От Пекоса А. В. Киддер вскоре перешел к более широкому применению стратиграфического метода при региональных культурно-хронологических исследованиях. Дальнейшее развитие в его практической деятельности получили и другие важнейшие археологические методы — типология и классификация древних предметов. Итоги этих многообещающих исследований были подведены в 1927 г. на конференции в Пекосе, Нью-Мексико. После длительных обсуждений там впервые удалось создать схему 8 основных стадий развития культуры пуэбло, начиная со стадии баскет-мейкер и кончая стадией пуэбло V. Эта периодизация стала настоящей путеводной нитью для многих археологов при определении культурной принадлежности и возраста всех последующих находок на Юго-Западе. Конференция установила, что 8 стадий охватывают около 4000 лет и начинаются где-то около 2000 г. до н. э.

Примерно в те же годы приступил к своим исследованиям по дендрохронологии астроном Эндрю Дуглас. Он внимательно изучал годовые кольца на срезах древесных стволов, выявляя основные закономерности и аномалии в их развитии. В конце концов это позволило ему «привязать» некоторые деревянные балки из руин поселений индейцев пуэбло к современному летосчислению с точностью до одного года.

Выяснилось, что возникновение культуры пуэбло приходится примерно на рубеж н. э., а не на 2000 г. до н. э., как думали раньше. Так, впервые в практике американской археологии были с успехом использованы потенциальные возможности другой, естественной науки для создания прочной хронологической основы в исторических выводах.

Из собственно археологических достижений этого этапа следует прежде всего отметить открытие памятников палеоиндейских культур на территории южных районов США, после чего начало местной истории ушло в глубины далеких тысячелетий. Если прежде самые ранние стадии в развитии индейских культур относили ко времени не более 4000—2000 лет до н. э., то теперь эта цифра увеличилась почти втрое (12 000—10 000 лет назад).

Начало было положено открытием Дж. Д. Фиггинсом в 1926 г. в Фолсоме (штат Нью-Мексико) кремневых наконечников копий вместе с костями ископаемого бизона в геологических отложениях бесспорно позднеплейстоценового возраста (не позже 10 000 лет назад). Затем в том же районе последовали находки еще более ранних памятников Сандиа и Кловис.

Появляются в тот период и первые обобщающие труды по археологии отдельных больших регионов: У. Д. Стронга «Введение в археологию Небраски» (1935), А. В. Киддера «Введение в исследование археологии Юго-Запада» (1924), Дж. Макгрегори «Археология Юго-Запада» (1941) и др.

Вторая мировая война частично прервала и сильно сократила археологические исследования в США. Третий этап в развитии североамериканской археологии приходится на 40—70-е годы. По значимости полевых и теоретических исследований, осуществленных за эти годы, по важности качественных изменений в характере самой науки данный этап можно считать наиболее выдающимся. Прежде всего, сильно увеличился общий объем археологических работ по всей территории США, что вызывалось необходимостью спасать древние памятники от уничтожения в ходе современных строительных работ. Открытие радиоуглеродного метода датировки в послевоенный период и широкое применение данных ряда естественных наук значительно расширили возможности археологов в реконструкции древних культур и обществ. Наконец, весьма важным представляется и то, что ученые стали смелее ставить и решать, используя чисто археологический материал, крупные исторические проблемы. Для этого применялись прежде всего такие виды археологических источников, как поселения и могильники, которые по сравнению с другими видами материалов содержали наивысший процент социологической информации об оставивших их древних обществах.

Здесь прежде всего необходимо отметить исследования Г. Уилли (1946) и К. Чанга (1968) в области «поселенческой археологии» и работы Л. Р. Бинфорда по погребальному обряду (1971). Издаются труды по теоретическим и методическим проблемам американской археологии, например обобщающая работа Г. Уилли и Ф. Филлипса «Метод и теория в американской археологии» (1958). Появились публикации, обобщающие материалы не только по отдельным крупным регионам, но и в рамках всего североамериканского континента: «Введение в американскую археологию», т. I, Г. Уилли (1966), «Американские индейцы. Их археология и доистория» Д. Сноу (1976), «Доистория Северной Америки» Дж. Дженнингса (1968) и др.

Таким образом, в послевоенный период в археологии США наметились новые тенденции. Статичный и механический характер прежних описаний древних культур перестал удовлетворять многих ученых. И как следствие этого, возник интерес к важным историческим проблемам, к разработке социально-экономических вопросов истории общества.

Этот по необходимости краткий обзор основных этапов развития североамериканской археологии показывает, что времена младенческого состояния науки о древностях в западном полушарии уже давно прошли. Сейчас археология, поставив себе на службу достижения многих других дисциплин, успешно решает многие крупные проблемы истории доколумбовой Америки.

Но говорить о том, что североамериканская археология уже полностью выполнила свою задачу, явно преждевременно. Не ре-

шенных пока вопросов хватает с избытком. Археологи все еще далеки от решения вопроса, где был впервые доместицирован маис. Неясно также, происходила ли доместикация важнейших полезных растений в разных районах Нового Света независимо друг от друга или был один общий очаг? Попал ли человек впервые в Америку задолго до появления палеоиндейских культур с желобчатыми наконечниками копий и дротиков типа Кловис и Фолсом? Достигал ли берегов Нового Света неандерталец? Какой культурный багаж несли с собой разные «волны» переселенцев из Азии в Америку? Могло ли искусство изготовления керамики появиться самостоятельно у самих американских индейцев или его принесли из Старого Света неизвестные нам первопроходцы далеких эпох?

Да мало ли других не менее важных вопросов прошлого американских индейцев ждут своего решения? «Звездный час археологии» еще не пробил ни в Северной Америке, ни в других частях Нового Света. Сделано немало, но еще больше предстоит раскопать и изучить в будущем. И это хорошо показано в новой работе К. В. Керама «Первый американец».

Познавательная ценность ее несомненна, но в то же время она не свободна от ряда недостатков.

При описаниях некоторых важных археологических открытий в Северной Америке или при оценках уровня развития того или иного древнеиндейского общества Керам иногда высказывает мнения, которые нельзя признать научно обоснованными. Так, говоря о значении работы выдающегося американского ученого Льюиса Генри Моргана «Древнее общество» (1877), Керам пишет, что этот труд «не только обеспечил автору мировую известность, но и оказал глубокое влияние на материалистическую философию марксизма, в частности на работу Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Не подлежит сомнению, что основоположники марксизма — К. Маркс и особенно Ф. Энгельс высоко ценили значение книги Л. Г. Моргана и широко использовали опубликованные им материалы о североамериканских индейцах для своих выводов по древней истории человечества. Но вместе с тем говорить, что труд Г. Л. Моргана «оказал глубокое влияние на материалистическую философию марксизма», вряд ли будет правильным. Вот что писал по этому поводу сам Ф. Энгельс: «Ведь Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет назад, и, руководствуясь им, пришел, при сопоставлении варварства и цивилизации, в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс» *. Выводы Л. Г. Моргана о первобытнородовом этапе развития человеческого общества лишь подтверждали учение классиков марксизма о сущности доклассового общества.

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, с. 25.

Что касается книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», то она действительно была написана, по словам автора, «в связи с исследованиями Л. Г. Моргана». Но в этой работе фактические материалы и выводы Моргана были переосмыслены на основе марксистской философии истории и подкреплены новыми данными. «Было бы нелепо,— писал Ф. Энгельс,— лишь «объективно» излагать Моргана, а не истолковывать его критически, и, использовав вновь достигнутые результаты, не изложить их в связи с нашими воззрениями и уже полученными выводами» *.

Неточно формулирует Керам и задачи современной археологии. По его словам, главную цель археологии составляет «раскрытие, описание и истолкование истории всеобщей культуры». Однако советские археологи подходят к этому вопросу несколько иначе. «Научная задача археологии,— писал А. В. Монгайт,— состоит в том, чтобы на основании всех возможных источников — вещественных и письменных — как можно полнее восстановить картину исторического прошлого человечества, ответив на четыре основных вопроса, на которые призвана отвечать историческая наука: что произошло, где произошло, когда произошло и почему произошло». Это достаточно популярное по характеру определение предмета археологии. Если же подходить к вопросу с сугубо академических позиций, то большинство археологов нашей страны рассматривают археологию как «многогранную науку о древности человечества, изучающую все стороны жизни докапиталистических формаций на основании специфических археологических источников» **.

В ряде случаев нельзя согласиться с Керамом и в его оценках общего уровня развития некоторых индейских племен Северной Америки в доколониальный и в начале колониального периодов (например, индейцы пуэбло, натчезы и др.). Такие высказывания автора, как «деспотизм», «монархия», «иерархический строй, определяемый священнослужителями» и др., только вводят читателя в заблуждение. В действительности наукой давно доказано, что к северу от Рио-Гранде (то есть к северу от Мексики) до появления европейцев не было ни монархий, ни цивилизаций, ни городов. «Северная Америка,— подчеркивает известный советский этнограф Ю. П. Аверкиева,— ко времени открытия ее европейцами была заселена множеством индейских племен, стоявших на различных ступенях первобытнообщинной формации» ***.

---

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1948, с. 376.

** Ю. Н. Захарук. Историзм: проблемы археологии и этнографии (Конференция «Историзм археологии: методологические проблемы». Тезисы докладов. АН СССР). М., 1976, с. 8.

*** Ю. П. Аверкиева. Индейцы Северной Америки. М., «Наука», 1974, с. 3.

Не совсем правильным представляется высказывание автора об отсутствии войн у «нецивилизованных» племен североамериканских индейцев. Кровопролитные столкновения из-за охотничьих угодий, спорных земель, пастбищ, встречающиеся уже на достаточно ранних этапах родового строя, резко возрастают в период его разложения, во времена господства так называемой «военной демократии». Многочисленные примеры таких столкновений и войн читатель без труда найдет в уже упоминавшейся работе Ю. П. Аверкиевой (завоевательные войны Ирокезской Лиги, военные набеги конных кочевников в южных степных областях США на своих соседей-земледельцев и т. д.) *.

К сожалению, Керам полностью обошел молчанием археологические открытия памятников эпохи палеолита на северо-востоке азиатской части СССР, непосредственно связанные с решением проблемы происхождения американских индейцев и древнейших этапов развития их культур.

Согласно общепринятой теории, предки индейцев — различные монголоидные племена — пришли в западное полушарие из Северо-Восточной Азии не позднее чем 30 000—20 000 лет назад. Они воспользовались, вероятно, сухопутным мостом — «Берингией», который связывал тогда Азиатский и Американский континенты в районе Берингова пролива и Аляски.

О времени первоначального проникновения человека в западное полушарие и о темпах освоения просторов гигантского материка можно судить по археологическим находкам. В Мексике, в местности Тлапакойя (долина Мехико), были обнаружены грубые орудия из камня, лежавшие рядом с костями ископаемых животных. Радиоуглеродный анализ определил возраст этой находки 24 000±500 и 22 000±260 лет назад.

В Венесуэле и Перу древнейшие следы пребывания человека относятся к XII тысячелетию до н. э. Таким образом, если предки индейцев впервые ступили на американскую землю где-то около 30 000 лет назад, то им потребовалось несколько тысячелетий для того, чтобы добраться до Мексики, и еще больший период — для освоения Южной Америки.

О характере культуры, которую они принесли с собой, мы знаем очень немного. Бесспорно одно: первые жители Америки были охотниками и собирателями, постоянно кочевавшими в поисках непуганых стад животных и растительной пищи.

Однако в истории древнейшего прошлого Нового Света недоставало одного важного звена. Длинная, хотя и редкая цепочка палеоиндейских находок, протянувшаяся от Патагонии до Аляски, обрывалась у холодных вод Берингова пролива. Предки индейцев пришли с северо-востока Азии, через Чукотку и Камчатский по-

* Там же, с. 218—231, 309—331.

луостров, и с этим трудно не согласиться. Но вплоть до последнего времени на азиатской стороне пролива не удавалось найти следов палеолитического человека.

В 1964 г. упорные поиски ученых увенчались наконец полным успехом. Археологическая экспедиция Сибирского отделения АН СССР, возглавляемая Н. Н. Диковым, обнаружила на Камчатке, на Ушковском озере, первую верхнепалеолитическую стоянку. Судя по данным радиоуглеродного анализа, она существовала 14 000—15 000 лет назад. Здесь же были найдены и останки одного из тех, кто охотился и ловил рыбу на берегах Ушковского озера почти 150 веков назад. В неглубокой овальной яме, часто заливаемой водами озера, скелет, естественно, сохраниться не мог. Археологам удалось обнаружить лишь слабые его признаки — костный тлен, обильно посыпанный охрой. Исчезли изделия из дерева, кожи и кости, несомненно сопровождавшие умершего. Но очень хорошо сохранились каменные инструменты и масса плоских круглых бусин, привесок и амулетов, нашитых когда-то на одежду погребенного.

А несколько лет спустя советский археолог Ю. А. Мочанов открыл на востоке Якутии сразу несколько палеолитических стоянок, среди которых стоянка Ихине и Дюктайская пещера на Алдане — несомненно, памятники выдающегося значения. В ходе раскопок там было найдено много костей мамонтов, бизонов, шерстистых носорогов и других животных ледниковой эпохи, а вместе с ними — каменные скребки, ножи, наконечники копий и дротиков. Возраст этих стоянок, которые были вскоре объединены в верхнепалеолитическую дюктайскую культуру, по наблюдениям геологов и данным радиоуглеродного анализа,— от 11 000 до 35 000 лет. «Известные сейчас остатки дюктайской культуры,— пишет Ю. А. Мочанов, давая общую оценку своим находкам,— имеют очень близкое сходство с изделиями палеоиндейских культур... существовавших на юге Северной Америки около 10 000—20 000 лет назад... Не свидетельствует ли это о том, что часть дюктайских племен, заселивших Якутию около 35 000 лет назад, и оказалась тем населением, которое через Чукотку и Берингию, предположительно существовавшую 33 000—30 000 лет назад, проникло в Америку?» *

Итак, цепь доказательств сомкнулась. Открытие и исследование стоянок первобытных охотников на мамонтов в Якутии и на Камчатке — крупный вклад советских ученых в решение общей проблемы первоначального заселения Америки. Археологические раскопки по обеим сторонам Берингова пролива ведутся сейчас во все возрастающих масштабах. И нет сомнения, что окончатель-

---

* Ю. А. Мочанов. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977, с. 237.

ный ответ на множество сложных вопросов, касающихся первых страниц истории Нового Света, уже близок.

Некоторые фактические ошибки и неточности, содержащиеся в авторском тексте, были либо исправлены во время подготовки рукописи перевода к печати, либо снабжены соответствующими подстрочными примечаниями.

Тем не менее, даже принимая во внимание названные выше недостатки, следует признать, что новая книга К. В. Керама — значительное событие в истории американской археологии. Она позволяет глубже узнать те проблемы и вопросы, с которыми сталкиваются сейчас наши коллеги — археологи Нового Света, знакомит с выдающимися достижениями и открытиями в области древней истории этого континента, представляет читателю целую плеяду талантливых ученых, энтузиастов, путешественников и просто любителей старины, благодаря которым за какие-нибудь сто с небольшим лет удалось воссоздать в общих чертах сложную и грандиозную панораму аборигенных культур Северной Америки.

Доктор исторических наук
В. И. Гуляев

ПРИМЕЧАНИЯ

О чем рассказывает эта книга

ВСТУПЛЕНИЕ

Президент и необычные курганы

1. Sir Mortimer Wheeler. Archaeology from the Earth. London, 1954.
2. William E. Parker and Jonas Viles. Letters and Addresses of Thomas Jefferson. New York, 1905.
3. Все последующие цитаты из «Notes» взяты из издания: Saul K. Padover. The Complete Jefferson. New York, 1943.
4. Wheeler. Archaeology from the Earth.

КНИГА ПЕРВАЯ

1. Колумб, викинги и скрелинги

1. Цит. по: Margaret Mead and Ruth L. Bunzel. The Golden Age of American Antropology. New York, 1960.
2. R. A. Skelton, Thomas E. Marston and George D. Painter. The Vinland Map and the «Tartar Relation». New Haven and London, 1965, последующие цитаты также взяты из этого произведения.
3. Lawrence Steefel. Рецензия на книгу: Erik Wahlgren. The Kensington Stone: A Mystery Solved, в: «The Minnesota Archaeologist», Vol. XXVII, № 3, 1965. Эта рецензия выходит далеко за рамки рецензируемой книги и коротко отражает суть всей кенсингтонской проблемы.
4. Eric Graf Oxenstierna. Die wahren Entdecker Amerikas, в: «Die Welt der Literatur», Hamburg, 19. Januar 1967.
5. Helge Ingstad. Die erste Entdeckung Amerikas. Berlin, 1966.
6. Этот текст и следующие цитаты взяты из саг: «Thule — Altnordische Dichtung und Prosa», Band 13; «Grönländer und Färinger Geschichten», übertragen von Felix Niedner. Düsseldorf—Köln, 1965.
7. Oxenstierna. Die wahren Entdecker Amerikas.

2. Семь городов Сиболы

1. Все цитаты взяты из немецкого перевода книги Las Casas. Brevísima relación de la destrucción de las Indias occidentales, сделанного Andreä в 1970 г., перепзданного: Hans Magnus Enzensberger. Kurzgefaßter Bericht von der Verwüstung der Westindischen Länder. Sammlung Insel, 23, Frankfurt am Main, 1966.
2. Цит. по: A. Grove Day. Coronado's Quest. Los Angeles, 1964. См. также: Herbert Eugene Bolton. Coronado. Albuquerque, 1964.

3. Lewis Henry Morgan. The Seven Cities of Cibola. «North American Review», CVIII, 1869.
4. John Upton Terrell. Journey into Darkness. New York, 1962.
5. «The Journey of Alvar Nuñez Cabeza de Vaca..., translated by Fanny Bandelíer», New York, 1922.
6. Fanny Bandelier. Там же.
7. John Upton Terrell. Journey into Darkness.
8. Там же.
9. Fanny Bandelier. Там же.
10. Wilhelm Wundt. Völkerpsychologie. 1911—1920, vol. 1.
11. Adolph F. Bandelier. Fray Marcos of Nizza. Papers of the Archaeological Institute of America, American Series V. Cambridge, Mass. 1890.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. Paul Horgan. Conquistadors in North American History. Greenwich, Conn., 1965.
18. Там же.
19. Там же.
20. A. Grove Day. Coronado's Quest. Berkeley, 1964.
21. Там же.
22. Там же.

3. Гимн Юго-Западу — от Банделье до Киддера

1. Charles F. Lummis. In Memory, в: Adolph F. Bandelier. **The Delight Makers.** New York, 1918.
2. К столетнему юбилею этой экспедиции появилась многочисленная литература. Биография Пауэлла, созданная Джоном Уптом Терреллом, «The Man who Re-Discovered America», Нью-Йорк, 1969, достойна внимания читателя, потому что она особенно подчеркивает заслуги непоколебимого друга индейцев и защитника их немногих оставшихся прав.
3. E. DeGolyer (Herausgeber), в: Frank Hamilton Cushing. My Adventures in Zuñi, Santa Fé, 1941; опубликована впервые в 1882—1883 гг.
4. Joseph Wood Krutch. The Desert Year. New York, 1964; The Voice of the Desert. New York, 1955. Здесь есть раздел под названием «He was there before Coronado», если кто-либо, читая название, предположит взаимосвязь с нашей книгой, то он ошибется. Кратч говорит о скорпионе, населявшем Юго-Запад несколько раньше наших индейцев — около 2 млн. лет назад.
5. Charles F. Lummis. Death of Bandelier an irreparable loss. Santa Fé, 1914.
6. Leslie A. White. Pioneers in American Anthropology. The Bandelier-Morgan Letters 1873—1883, 2 Vol. Albuquerque, 1940.
7. Lummis. In Memory.
8. Alfred V. Kidder. Sylvanus Griswold Morley, 1883—1948. El Palacio. Vol. 55. Santa Fé, 1948.
9. Цитируется по некрологу: Robert E. Greengo. Alfred Vincent Kidder, 1885—1963. «American Antropologist», Vol. 70, № 2, 1968.
10. John Witthoft. Continuity and Change in American Archaeology, в: «Bulletin of the American Anthropological Association», Abstracts of Papers, Vol. 1, № 3. В своем резюме он приходит к выводу: Киддер и не-

которые другие «первыми поставили под сомнение этот предрассудок старой археологии. Методы основоположников привели к созданию периодизации культурного развития данного региона. Эта периодизация противоречила воззрениям белых переселенцев на историю коренного населения страны. Социальные взгляды, господствовавшие в американском обществе, определялись экономическими условиями того времени и требовали, чтобы антропология низвела индейца до уровня «дикаря», не имеющего самой примитивной культуры и своей истории. Таким образом, на раннем этапе развития археологии в США преобладали взгляды, разделявшие предрассудки о культурной миссии белого человека и защищавшие их. Лишь в последующие времена идеи Джефферсона нашли отклик у американцев, да и то только потому, что индейцы были забыты, а их земли захвачены. Из областей первичной колонизации археология медленно продвигалась в окраинные районы. Сопротивление реакционных сил развитию этой науки — составная часть американского мифа о «превосходстве белого человека». Теперь, когда коренные жители страны почти исчезли, легко высказывать соболезнование по их поводу и пытаться лучше понять их культуру и образ жизни. Раньше это мог понять только такой человек, как Джефферсон».

11. Greengo. Там же.
12. Из письма Ч. Линдберга автору от 13 июля 1970 г.
13. Эта цитата и пять последующих взяты из: Alfred Vincent Kidder. An Introduction to the Study of Southwestern Archaeology. New Haven—London, 1963.
14. Kidder. Там же.

    В конце концов оказалось, что в Пекосе один на другом было построено шесть «городов»; Киддер говорит «город» (town), но под этим подразумевается комплекс зданий.
15. I период баскет-мейкера («корзинщиков») из периодизации Робертса выпадает, потому что эта эпоха выделена чисто гипотетично. Робертс называет III период баскет-мейкер «Modified» — «измененный» не очень удачно, поскольку он не просто изменен, а находится значительно выше и в нем отчетливо виден переход к первой эпохе пуэбло. Он говорит о периодах I и II пуэбло, по Киддеру, как о «Developmental» — «развивающихся», потому что за ними следовал период «большого пуэбло», «Great Pueblo», его также называют «классическим», а иногда даже «золотым веком» пуэбло, который продлился до великого периода засухи, длившейся с 1276 по 1298 г. н. э. и поразившей Юго-Запад как бич божий. Называть период пуэбло IV «регрессивным» было бы не очень удачно; к примеру, Ирвинг Роуз, так великолепно прокомментировавший классическое произведение Киддера, считал этот период еще отблеском «золотой эпохи».

    Особенностью быстро прогрессирующих исследований является та, что ученые постоянно вынуждены изменять свои концепции. Это сложно понять читателю, который, будучи неспециалистом, пытается разобраться в данной теме. Поэтому мы постараемся следовать оправдавшей себя киддеровской классификации. Так поступил в 1965 г. и Мак-Грегор в своей знаменитой «Southwestern Archaeology», где он занимается этими вопросами подробно, хотя и дает свою собственную классификацию истории Юго-Запада.

4. Возвышение и упадок пуэбло Ацтек

1. Sherman S. Howe. The Story of the Aztec Ruins, в: «The Basin Spokesman», Farmington, New Mexico, 1955.
2. John M. Corbett. Aztec Ruins. National Park Service Historical Handbook Series № 36, Washington D.C., 1962.

3. Joe Ben Wheat. Introduction to the Earl Morris Papers. University of Colorado Studies, Series in Anthropology, № 8. Boulder, Colorado, 1963.
4. Florence C. Lister and Robert H. Lister. Earl Morris and Southwestern Archaeology. The University of New Mexico Press. Albuquerque, 1968.
5. Corbett. Там же.

5. Мумии, мумии...

1. Ann Axtell Morris. Digging in the Southwest. New York, 1933.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.

КНИГА ВТОРАЯ

6. Что представляет собой археология и ради чего ее изучают

1. Hortense Powdermaker. Hollywood, The Dream Factory. An Anthropologist looks at the Movie-Makers. Boston, 1951.
2. Robert Ascher. Teaching Archaeology in the University, в: «Archaeology», Vol. 21, № 4, 1968.
3. Douglas W. Schwartz. Conceptions of Kentucky Prehistory: A Case Study in the History of Archaeology, в: «Studies in Anthropology», Vol. 6. Lexington, 1967.
4. A. L. Kroeber and C. Kluckhohn. Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions, Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Vol. 47, № 1. Cambridge, 1951.
5. Mortimer Wheeler. Archaeology from the Earth...
6. Paul S. Martin. Digging into History, A Brief Account of Fifteen Years of Archaeological Work in New Mexico. Chicago Natural History Museum, Popular Series, Anthropology, № 38. Chicago, 1959.

7. Слои и черепки

1. Ann Morris. Digging in the Southwest...
2. Mortimer Wheeler. Archaeology from the Earth...
3. Э. Хаури. В предисловии к новому изданию первого отчета: H. S. Gladwin and others. Excavations at Snaketown. The University of Arizona Press. Tucson, 1965.
4. Waldo R. Wedel, Wildfred M. Husted and John H. Moss. Mummy Cave: Prehistoric Record from Rocky Mountains of Wyoming, в: «Science», Vol. 160, № 3824, 12 April, 1968.
5. Stuart Piggott. The Dawn of Civilization. London, 1961.
6. Gordon R. Willey. New World Prehistory, в: «New Roads to Yesterday», New York, 1966.
7. См.: Carl E. Guthe. Pueblo Pottery Making: A Study at the Village of San Ildefonso. Papers of the Phillips Academy, Southwestern Expedition, № 2, New Haven, 1925. Вышеупомянутые даты взяты из: Paul S. Martin, George I. Quimby and Donald Collier. Indians before Columbus. The University of Chicago Press. Chicago, 1947.
8. Johan Huizinga. Homo Ludens. Vom Ursprung der Kultur im Spiel. Rowohlts deutsche enzyklopädie № 21, Hamburg, 1956,

9. E. T. Hall. Dating Pottery by Thermoluminescense, в: «Science in Archaeology», London, 1970.
10. Ann Axtell Morris. Digging in the Southwest.
11. Anna O. Shepard. Ceramics for the Archaeologists. Carnegie Institution of Wahington. Washington D.C., 1956.

8. Бег времени

1. Froelich Rainey. New Techniques in Archaeology. Proceedings of the American Philosophical Society, Vol. 110, № 2, Philadelphia, 1966.
2. Frederik E. Zeuner. Dating the Past, An Introduction to Geochronology. London, 1952.
3. Don Brothwell, Eric Higgs. Science in Archeology. London, 1963.
4. Согласно устному сообщению доктора Райнера Бергера, бывшего ассистента Либби.

9. Нескончаемое древо

1. Frederick E. Zeuner. Dating the Past, An Itroduction to Geochronology.
2. Andrew Ellicott Douglass. The Secret of the Southwest solved by Talkative Tree Rings, в: «National Geographic», Vol. 35, № 12, December, 1929.
3. Ann Axtell Morris. Diggings in the Southwest.
4. Bryant Bannister. Tree-Ring Dating of the Archaeological sites in the Chaco Canyon Region, New Mexico. Southwestern Monument Association, Technical Series, Vol. 6, Part 2, 1965.
5. Hans E. Suess. Die Eichung der Radiokarbonuhr, в: «Bild der Wissenschaft», № 2, Februar, 1969.

КНИГА ТРЕТЬЯ

10. Вдоль по улице...

1. Цит. по: John McGregor. Southwestern Archeology. Urbana, 1965. Он дает наиболее насыщенное описание отдельных этапов, их великолепные обзоры. В сумме этот огромный материал, который он называет только «введением», содержит почти 500 страниц; но начиная с 1965 г. объем результатов исследований скачкообразно увеличился, и его анализ, сделанный отдельным лицом, вряд ли возможен. В отличие от него я объединяю не периоды пуэбло II и III, а I и II периоды.
2. McGregor. Southwestern Archeology.
3. Как правило, эти брошюры нельзя приобрести в книжных магазинах, но их можно заказать у «Superintendent of Documents, Washington, D.C.»; Mesa Verde имеет по этому поводу ряд своих публикаций, ибо там находится постоянная археологическая станция, на которой работают несколько ученых.
4. Harold S. Colton. Black Sand. University of New Mexico Press. Albuquerque, 1960.
5. Stanley A. Stubbs. Bird's-Eye View of the Pueblos, Ground plans of the Indian villages of New Mexico and Arizona, with aerial photographs and scale drawings. University of Oklahoma Press. Norman, 1950.
6. C. G. Jung. Erinnerungen, Träume, Gedanken. Zürich-Stuttgart, 1963.

7. D. H. Lawrence. Mexikanischer Morgen und Italienische Dämmerung. Hamburg, 1963.
8. Richard Erdoes. The Pueblo Indians. New York, 1967.
9. Kidder. Southwestern Archeology.
10. J. B. Priestley and Jacquetta Hawkes. Journey Down a Rainbow. New York, 1955.
11. Lawrence. Mexikanischer Morgen...
12. Ann Axtell Morris. Digging in the Southwest.

11. Любопытные братья из Меса-Верде

1. Priestley and Hawkes. Journey Down a Rainbow.
2. Don Watson. Indians ot the Mesa Verde. Mesa Verde Museum Association. Colorado, 1961.
3. T. Mitchel Prudden. An Elder Brother to the Cliff-Dweller, в: «Harper's Monthly», XCV, № 565, June, 1897.
4. Frank McNitt, **Richard Wetherill.** Anasazi. University of New Mexico Press. Albuquerque, 1966.
5. William Henry Jackson. Time Exposure. New York, 1940.
6. Carroll A. Burroughs. Searching for Cliff Dweller's Secrets, в: «The National Geographic Magazine», Vol. CXVI, № 5, Nov., 1959; Douglas Osborne. Solving the Riddles of Wetherill Mesa. в: «National Geographic Magazine», Vol. CXXV, № 2, Febr., 1964.
7. Robert H. Lister. Archaeology for Layman and Scientist at Mesa Verde, в: «Science», Vol. CXL, № 3827, 3 May, 1968.
8. Это произошло в «Каньоне Смерти», а также в других местах, в том числе и в Меса-Верде, «New York Times», 12. 1.1967.
9. McNitt.

12. Индейцы культур кочисе, могольон и хохокам — исчезнувшие бесследно

1. McGregor. Southwestern Archeology.
2. Emil W. Haury. A Possible Cochise-Mogollon-Hohokam Sequence, в: «Proceedings of the American Philosophical Society», Vol. 86, № 2, Philadelphia, 1943.
3. Paul S. Martin. Digging into History.
4. Kenneth P. Weaver. Magnetic Clues Help Date the Past, в: «The National Geographic Magazine», Vol. CXXXI, № 5, May, 1967.
5. Gordon R. Willey. New World Prehistory, в: «New Roads to Yesterday», New York, 1966.
6. Правда, Хаури говорит, что «исчезнувшие бесследно» является романтическим переводом слова, ибо «хохокам» означает что-либо «полностью использованное». Лопнувшая шина автомобиля означает «хохокам». Старая заброшенная деревня — также «хохокам», т. е. использованная (цитируется по письму Эмиля У. Хаури автору книги).
7. Harold S. Gladwin. Approach to the Problem, в: Gladwin — Haury — Sayles. Excavations at Snaketown. Reprint of University of Arizona Press, Tucson, 1965.
8. O. Paul S. Martin. Digging into History.
9. Gladwin — Haury — Sayles. Excavations at Snaketown.
10. Emil W. Haury. First Masters of the American Desert: The Hohokam, в: «The National Geographic Magazine», Vol. CXXXI, № 5, May, 1967.
11. Haury. Там же.
12. Текст из альбома Вейдитца, находящегося в Германском музее в Нюрнберге; см. Ceram. Götter, Gräber, und Gelehrte im Bild. Hamburg, 1957, S. 283.

13. B. H. McLeod точным анализом доказал, что эти колокольчики были отлиты; для этого была необходима температура плавления 1130° Цельсия. Может быть, хохокам и это умели делать? Смотри приложение III у Гладвина, Хаури, Сайлеса, там же.
14. Haury. Там же.
15. Haury. Там же.

13. История маиса

1. Jerome S. Meyer. World Book of Great Inventions. Cleveland and New York, 1956.
2. Jean W. Pinkley. The Pueblos and the Turkey: Who domesticated whom? В: «Memoirs of the Society for American Archaeology», № 19, «American Antiquity», Vol. 31, № 2. Part 2, Oct., 1965.
3. Pinkley. Там же.
4. Pinkley. Там же.
5. Pinkley. Там же.
6. Lyndon L. Hargrave. Turkey Bones from Wetherill Mesa, в: «Memoirs of the Society for American Archaeology», № 19, «American Antiquity», Vol. 31, № 2, Part 2, Oct., 1965.
7. Pinkley. Там же.
8. Victor R. Boswell. Our Vegetable Travellers, в: «The National Geographic Magazine», Vol. XCVI, № 2, August, 1949.
9. «Six Thousand Years of Bread». New York, 1944.
10. Frank C. Hibben. Digging up America. New York, 1965.
11. P. Mangelsdorf, R. MacNeish, W. Galinat, Domestication of Corn, в: «Science», перепечатано в: «New Roads to Yesterday». New York, 1966.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

14. Открытие маундов

1. James A. Ford and Charles H. Webb. Poverty Point; A Late Archaic Site in Louisiana, American Museum of Natural History, в: «Anthropological Papers», Vol. 46, № 1. 1956.
2. «Walt Whitmans Werk». Rowohlt 1956, S. 250.
3. Цит. по: Cyrus Thomas. The Problem of the Ohio Mounds. Smithsonian Institution, Bureau of Ethnology. Washington, 1889.
4. В 1845 г. появилось пятое издание: George Catlin. Illustrations of the Manners, Customs, and Conditions of the North American Indians: In a Series of Letters and Notes written during eight years of Travel and Adventure among the wildest and most remarkable Tribes now existing. With three hundred and sixty Engravings, from the Author's Original Paintings. London, 1841.
5. Caleb Atwater. Description of the Antiquities Discovered in the State of Ohio and Other Western States. American Antiquarian Society, Archaeologia Americana, Transactions and Collections, Vol. 1, 1819.
6. Frank C. Hibben. Digging up America. New York, 1965.
7. Maurice Robbins with Mary B. Irving. The Amateur Archaeologist's Handbook, A Complete Guide for Digging into America's Past. New York, 1965.

15. Бредовые теории: от Атлантиды до страны Му

1. В 1970 г. в прессе несколько раз сообщали о находке, которая якобы убедительно доказывала, что группы беженцев-иудеев после крупных поражений, нанесенных восставшей Иудее римлянами в 70 и 135 гг.

н. э., добрались до берегов Америки. Эта гипотеза, которую особенно активно защищает Сайрус Х. Гордон из Брандейского университета, основывается на табличке с письменами, найденной в 1885 г. под скелетом в погребальном мациде в штате Теннесси. Согласно Гордону, этот текст гласит: «Для страны Иудеи». История находки выглядела несколько странно. В 1884 г. табличку сфотографировали в Смитсоновском институте, но, к сожалению, надпись случайно опубликовали наоборот, так что никто не понял ее возможного значения. Только в 1970 г. Гордон обратил на нее внимание. Чтобы подкрепить правдоподобность своей гипотезы, Гордон указывает на странное племя мелунгеонов в восточном Теннесси, которые, «не являясь ни индейцами, ни неграми, относятся к кавказоидной антропологической группе, а не к англосаксам» (цит. по «Gredits Jews for Discovery of America, «Chicago Tribune», 19.X.1970). Будущее покажет, в какой степени утверждение Гордона получит научное признание. Однако нет никаких сомнений, что после завоевания Американского континента кочевниками монголоидами, пришедшими из Сибири, в Новом Свете имели место высадки европейских, африканских и ближневосточных, а возможно, и китайских или японских этнических групп. Самое младшее поколение американских археологов собирает все больше материала, делающего эти гипотезы убедительными. Недавно Александр фон Вутенау из Американского университета в Мехико-Сити, опираясь на историко-художественный материал, высказал сходное мнение в своей книге: «The Art of Terra-cotta-Pottery in Pre-Columbian Central and South America» (New York, 1970). Его исследование показало, что определенные культурные влияния, ослабленные веками, доходили до Северной Америки.

2. «Book of Mormon», первое английское издание в 1830 г. в Пальмире, Нью-Йорк.
3. James Adair. History of the American Indian. London, 1755. Важные для наших дней сведения собраны Этуотером и Эдейром и напечатаны в: «The Golden Age of American Anthropology», New York, 1960.
4. Thomas Jefferson. Notes on Virginia. 1782.
5. James Ussher. Annales Veteris et Novi Testamenti. 1650—1654.
6. L. Sprague de Camp. The End of the Monkey War, в: «Scientific American», Febr., 1969, Vol. 220, № 2.
7. Jürgen Spanuth. Atlantis. Tübingen, 1965.
8. James W. Mavor Jr. Voyage to Atlantis. New York, 1969.
9. James Churchward. The Lost Continent of MU. New York, 1931, кроме того, он опубликовал «The Children of MU and the Sacred Symbols of MU».
10. Robert Wauchope. Lost Tribes and Sunken Continents. University of Chicago Press. Chicago and London, 1962.
11. Там же.
12. Harold S. Gladwin. Men out of Asia. New York, 1947.
13. Leo Wiener. Mayan and Mexican Origins. Cambridge, Privatausgabe, 1926.

16. Загадка маундов решена

1. E. G. Squier und E. H. Davis. Ancient Monuments of the Mississippi Valley. City of Washington, 1848.
2. Там же.
3. Florence Hawley. Tree Ring Analysis and Dating in the Mississippi Drainage. University of Chicago Publications, в: «Anthropology», Occasional Paper, № 2, 1941, а также Robert E. Bell. Dendrochronology in the Mississippi Valley, в: James B. Griffin. Archae-

ology of Eastern United States. The University of Chicago Press. Chicago, 1964.
4. Gordon R. Willey. An Introduction to American Archaeology. Vol. I, New Jersey, 1966.
5. H. C. Shetrone. The Mound-Builders. Appleton, New York, 1930.
6. Там же.
7. Frank C. Hibben. Digging up America. New York, 1960.
8. Frederick Johnson. Radiocarbon Dating and Archaeology in North America, в: «Science», Vol. 155, 13, Jan., 1967.
9. Там же.
10. William S. Webb and Charles E. Snow. The Adena People. University of Kentucky Reports, в: «Anthropology in Archaeology», Vol. 6, Lexington, 1945.
11. Willey. An Introduction to American Archaeology.
12. Silverberg. Там же.
13. Arlington H. Mallery. Lost America. Columbus, Ohio, 1951.
14. Emil W. Haury в письме к автору от 10 ноября 1969 г.
15. Thorne Deuel. Hopewellian Dress in Illinois.
16. Silverberg. Там же.
17. James A. Ford and Gordon R. Willey. An Interpretation of the Prehistory of the Eastern United States, в: «American Anthropologist», Vol. 43, № 3, 1941.
18. A. R. Kelly. A Preliminary Report on Archaeological Explorations at Macon, Ga. Smithsonian Institution Bureau of American Ethnology, Bulletin 119, Washington D.C., 1938.
19. Samuel P. Haven. Archaeology of the United States. Smithsonian Contribution to Knowledge. Washington D.C., 1856.
20. John R. Swanton. Indian Tribes of the Lower Mississippi Valley. Smithsonian Institution Bureau of Ethnology, Bulletin 43. Washington D.C., 1911.

17. Американский Голиаф

1. Все цитаты к разделу «Голиаф» из: James Taylor Dunn. The True, Moral and Diverting Tale or the Cardiff Giant of The American Goliath. «New York History», July, 1948.
2. Aleš Hrdlička. Skeletal Remains Suggesting or Attributed to Early Man in North America, Bureau of American Ethnology, Bulletin, № 33, 1907.

КНИГА ПЯТАЯ

18. Фолсомский человек

1. Frank C. Hibben. The Lost Americans. New York, 1968.
2. Frank H. H. Roberts Jr. A Folsom Complex. Smithsonian Miscellaneous Collections, Vol. 94, № 4, Washington D.C., 1935.

19. Человек Сандиа

1. «Saturday Evening Post», 17.IV.1943.
2. Frank C. Hibben. We found the Home of the First American, в: «Saturday Evening Post», 17.IV.1943.
3. Там же.
4. Frank C. Hibben. Evidences of early occupation in Sandia cave, New Mexico, and other sites in the Sandia — Manzano region. Smithsonian Miscellaneous Collections, Vol. 99, № 23, Washington D.C., 1941.

5. Frank C. Hibben. We found the Home of the First American.
6. Там же.
7. Там же.
8. Kirk Bryan. Correlation of the Deposits of Sandia Cave. New Mexico, with the Glacial Chronology, Appendix to Hibben: Evidences of Early Occupation in Sandia Cave. Smithsonian Miscellaneous Collections, Vol. 99, № 23, Washington, D.C., 1941.
9. Hibben. We found the Home of the First American.
10. Bryan. Correlation of the Deposits of Sandia Cave...
11. Gordon R. Willey. An Introduction to American Archaeology. Vol. 1, New Jersey, 1966.
12. 5 ноября 1968 г. в письме к автору, которое он любезно разрешил опубликовать.

20. Мир первобытных охотников

1. Цит. по: Frederick Johnson. Radiocarbon Dating and Archaeology in North America. «Science», Vol. 155, 13 Jan. 1967.
2. Другие примеры дает Edwin N. Wilmsen. An Outline of Early Man Studies in the United States, в: «American Antiquity», Vol. 31, № 2, Part I, Okt., 1965.
3. Там же. Это замечание относится к спору между Грдличкой и Альбертом Дженксом в 1936 — 1938 гг. по поводу «Мамочки из Миннесоты».
4. Но к такому толкованию следует относиться с осторожностью. Имеется целый ряд находок, которые невозможно объяснить. К примеру, так называемые «зубчатые камни» («Cogged-stones»), настоящие зубчатые колеса, найденные в Ориндж Каунти в Калифорнии. Они имеют диаметр от 6 до 15 см до 22 зубцов, нарезанных с машинной точностью. Совершенно не известно, что могли с их помощью делать люди 8000 лет назад (так их датировали). Вряд ли они могли быть оружием или инструментом, ибо многие из них нарезаны из такого мягкого камня, что исключает любое их применсние в качестве твердых предметов. Может быть, это были игрушки? Может быть, предметы культа? Никто не смог этого выяснить.
5. Как уже сказано в тексте, лучший список всех наконечников («Points»), копий и дротиков, распределенных по местам обнаружения, составила Х. М. Уормингтон в: «Ancient Man in North America», The Denver Museum of Natural History, Denver, 1957. Она обращает внимание на новые исследования через девять лет в кратком обзоре: «When did Man come to North America?», в: James S. Copley: Ancient Hunters of the Far West. San Diego, 1966.
6. Emil W. Haury. Artifacts with Mammoth Remains, Naco, Arizona, в: «American Antiquity», Voly. 19, № 1, 1953.
7. Ernst Antevs. Geological Age of the Lehner Mammoth Site. «American Atiquity», Vol. 25, № 1, Juli, 1959.
8. Emil W. Haury. The Lehner Mammoth Site, в: «American Antiquity», Vol. 25, № 1, July, 1959.
9. Там же.
10. H. M. Wormington. Ancient Man in North America. Denver, 1957.
11. H. M. Wormington. A Summary of what we know today, в работе: James S. Copley. Ancient Hunters of the Far West.
12. Phil C. Orr. Radiocarbon Dates from Santa Rosa Island I. Santa Barbara Museum of Natural History, в: «Anthropological Bulletin», № 2, 1956, and «Radiocarbon Dates from Santa Rosa Island II», Santa Barbara Museum of Natural History, в: «Anthropological Bulletin», № 3, 1960.

13. José Ortega y Gasset. Über die Jagd. Rowohlts deutsche enzyklopädie № 42, Hamburg, 1957.
14. Gordon C. Baldwin. America's Buried Past. New York, 1962.
15. Clement W. Meighan and C. Vance Haynes. The Borax Lake Site Revisited, в: «Science», Vol. 167, № 3922, 27 Febr., 1970.
16. H. M. Wormington. Ancient Man in North America.
17. Mark R. Harrington. Gypsum Cave, Nevada, в: Leo Deuel. Conquistadors without Swords. New York, 1967.

21. Вымирание больших животных

1. Alonzo W. Pond. Primitive Methods of Working Stone Based on Experiments of Halvor L. Skavlem. The Logan Museum, Beloit, Wisconsin, 1930.
2. Ortega y Gasset. Über die Jagd.
3. John M. Corbett. Aztec Ruins. National Park Service Historical Handbook Series, № 36, Washington, D.C., 1962.
4. P. S. Martin and H. E. Wright Jr., Pleistocene Extinctions, The Search for a Cause. Proceedings of the 7th Congress of the International Association for Quaternary Research, Vol. 6. Yale University Press, New Haven, 1967.
5. Jesse D. Jennings. Prehistory of North America. New York, 1968.
6. «A Place to Die», в: «Time», Vol. 25, № 4, Jan. 26, 1970.
7. Ortega y Gasset. Über die Jagd.
8. Paul S. Martin. Pleistocene Overkill, в: «Natural History», December, 1967.

22. Башни молчания

1. Frank C. Hibben. The Mystery of the Stone Towers, в: «The Saturday Evening Post», 9.XII—1944. Остальные цитаты в этой главе также из этой статьи.

23. Первый американец, или Девушки из Мидленда и Лагуны

1. Fred Wendorf, Alex D. Krieger, Claude C. Albritton, T. D. Stewart. The Midland Discovery. University of Texas Press, Austin, 1953. Helmut de Terra. Urmensch und Mammut. Brockhaus, Wiesbaden, 1954.
2. Jesse D. Jennings. Prehistory of North America.
3. Gordon R. Willey. New World Archaeology in 1965. Proceedings of the American Philosophical Society, Vol. 110, № 2, Philadelphia, 1966.
4. Paul Evan Ress. Beach Boys on the Riviera, 200 000 B.C. «Life», 2. May, 1966.
5. Rainer Berger and James R. Sackett. Final Report on the Laguna Beach, Excavation of the Isotope Foundation. Publication University of California, Los Angeles, 10. Febr., 1969.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. L. S. B. Leakey и др. Archaeological Excavations in the Calico Mountains. California: Preliminary Report, в: «Science», 31 May, 1968, Vol. 160.

24. Путь через Берингов пролив

1. William Howells. Back of History. New York, 1954.
2. David M. Hopkins. The Bering Land Bridge. Stanford University Press, Stanford, California, 1967.
3. C. Vance Haynes Jr. Elephant-Hunting in North America, в: «Scientific American», Vol. 214, № 6, June, 1966.
4. Gordon C. Baldwin. America's Buried Past. New York, 1962.
5. Gordon R. Willey. An Introduction to American Archaeology. Vol. I, New Jersey, 1966.

ЭПИЛОГ

Последний человек каменного века в США

1. Эта и все другие цитаты этой главы из книги: Theodora Kroeber. Ishi in Two Worlds, Los Angeles, 1965.

К. В. Керам
ПЕРВЫЙ АМЕРИКАНЕЦ

ИБ № 4406

Художник *В. В. Еремин*
Художественный редактор *В. А. Пузанков*
Технический редактор *Н. С. Андрианова*
Корректор *Р. М. Прицкер*

Сдано в набор 19.12.1978 г. Подписано в печать 10.4.1979 г. Формат 60×90 1/16. Бумага типографская № 1, печать высокая, гарнитура нов. обыкновенная. Условн. печ. л. 21. Уч.-изд. л. 21,87. Тираж 75 000 экз. Заказ № 3518. Цена 95 коп. Изд. № 25090.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28